Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Омский государственный технический университет»

Министерство культуры Омской области
Бюджетное учреждение Омской области
«Исторический архив Омской области»

Министерство обороны РФ
Омский автобронетанковый инженерный институт

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПЕЦСЛУЖБ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ

Материалы
Международной научно-практической конференции

(Омск, 23 ноября 2017 г.)

Омск
Издательство ОмГТУ
2017

УДК 351.746:94(470)«20»
ББК 63.3(2)522-36
Д39

Редакционная коллегия:

Сушко Алексей Владимирович, д-р ист. наук, доцент
(ответственный редактор);

Машкарин Михаил Иванович, канд. ист. наук, доцент;

Петин Дмитрий Игоревич, канд. ист. наук;

Растягаева Галина Ивановна, канд. ист. наук;

Рычков Александр Васильевич, канд. ист. наук, доцент

Д39 **Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов** : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 23 нояб. 2017 г.) / М-во образования и науки Рос. Федерации, ОмГТУ; М-во культуры Ом. обл., БУ ИсА; М-во обороны Рос. Федерации, ОАБИИ ; [редкол.: А. В. Сушко (отв. ред.) и др.]. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2017. – 256 с. : ил.

ISBN 978-5-8149-2570-1

В сборник вошли материалы, освещающие различные аспекты деятельности отечественных спецслужб в контексте военно-политической и общественной жизни нашей страны XX в.

Издание адресовано историкам, архивистам, преподавателям, докторантам, аспирантам, магистрантам и студентам учебных заведений высшего и среднеспециального образования, музейным сотрудникам и краеведам.

УДК 351.746:94(470)«20»
ББК 63.3(2)522-36

ISBN 978-5-8149-2570-1 © ОмГТУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений.....6

Аннаоразов Д.С. Участие войск ОГПУ в подавлении антисоветского повстанческого движения в Туркменистане (март – октябрь 1931 г.).....10

Буяков А.М. Органы государственной безопасности Временного правительства Дальнего Востока – Приморской областной земской управы (31 января 1920 г. – 26 мая 1921 г.).....20

Василевский В.П. Информационная политика советского государства по формированию положительного имиджа деятельности органов ГПУ–ОГПУ (на примере публикаций из омской газеты «Рабочий путь»).....30

Веригин С.Г. Зафронтовая работа советской контрразведки против финских разведывательных школ в годы Великой Отечественной войны 35

Верижников А.Н. Особенности комплектования личным составом в отечественных спецслужбах на примере частей особого назначения.....44

Гашенко В.А. Борьба с фальсификацией истории органов безопасности России в современных условиях.....52

Гребенкин А.Н. Материальное обеспечение деятельности частей особого назначения на территории Орловской губернии в 1922 г.....60

Гуларян А.Б. Экономическое положение Омского региона в 1920-е гг. По материалам ОГПУ 66

Гущина Н.В. Деятельность Калужской губернской ЧК по борьбе с контрреволюцией и саботажем в 1918 г. 75

Журавлев Е.Н. Петр Петрович Зутис. Факты биографии.....83

Кирмель Н.С. Проблемы комплектования кадрами органов колчаковской контрразведки.....88

Кононов А.Б. Кто он – сотрудник контрразведки «СМЕРШ»? Свидетельства от первого лица 97

Кубасов А.Л. Практика заложничества в период иностранной военной интервенции на Севере России.....104

Куваев Д.В. Деятельность контрразведки
Тихоокеанского флота по созданию на Дальнем Востоке
диверсионных резидентур в 1941-1943 гг. 109

Куваев Д.В. Тайна диверсии на подводной лодке Щ-138 115

Мартынов А.С. Мероприятия органов НКВД–НКГБ
Сталинской (Донецкой) области по борьбе с украинскими
националистами в регионе Донбасса (1941–1945) 122

Мелешин К. Ю. Филерская служба КРО штаба Петроградского
военного округа на сломе эпох (1917-1918 гг.) 132

Озерова О.А. Совместная деятельность ОГПУ–НКВД
по созданию информационной и агентурной работы
среди тюркского населения с партийными и советскими органами
в Западной Сибири (конец 1920-х – 1930-е гг.) 137

Олихов Д.В. Проповеднически-осведомительная деятельность
сибирского православного духовенства в период Гражданской войны 141

Петин Д.И. К вопросу об информационном потенциале документов
органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ по особому учёту бывших белых 145

Петренко А.А. Диверсионная деятельность советских
спецслужб на белорусском отрезке советско-польского пограничья
в 1921-1925 гг. Основные исследовательские вопросы 156

Пилипенко Ю.В. Исторический опыт восстановления и развития
системы подготовки личного состава для морских частей
погранвойск (1944–1960 гг.) 163

Пинаева Н.И. Взгляд в прошлое: 1918 год в воспоминаниях
архангельского чекиста 168

Плеханов А.А. Подготовка чекистских кадров
Омского Прииртышья (1921–1928 гг.) 177

Плеханов А.М. Участие омских чекистов в ликвидации
партии правых эсеров в годы новой экономической политики 186

Рычков А.В. Ф. Э. Дзержинский во главе ВСНХ СССР:
к истории одной кампании 195

Сизов С.Г. Уголовное дело константина Бежицкого
как пример борьбы НКВД с инакомыслием в годы войны 200

Соколов А.С. Финансово–хозяйственное обеспечение органов ВЧК 205

Сушко А.В. К вопросу об использовании цивилизационного
подхода для изучения истории отечественных спецслужб 215

Тихонов Д.Н. Участие морских частей пограничных войск
Советского Союза в Великой Отечественной войне.....223

Труханович Е.В. Истоки формирования личности
советского военного разведчика А.М. Гуревича (Кента) 229

Хлобустов О.В. Общественное мнение населения об органах
государственной безопасности (конец 1980-х – 1990-е гг.) 233

Холмов Д.В. Действия партизан и органов госбезопасности
накануне и во время Могилевской наступательной операции.....242

Шевырин С.А. Из истории Пермской ЧК.....247

Шинкевич П.П. Деятельность ОГПУ по организации
принудительных крестьянских переселений
в Западной Сибири (1930–1934 гг.).....251

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВМУ – Высшее военно-морское училище

ВВЦУ – Временное высшее церковное управление

ВГК – Верховное главнокомандование

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия большевиков

ВМФ – Военно-морской флот

ВНПУ – Военно-морское пограничное училище

ВНУС – войска внутренней службы

ВОХР – войска внутренней охраны

ВПДВ – Временное правительство Дальнего Востока

ВРК – военно-революционный комитет

ВС – Вооруженные силы

ВСНХ – Высший Совет народного хозяйства

ВСЮР – Вооруженные силы Юга России

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем

ГА ДНР – Государственный архив Донецкой Народной Республики

ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края

ГАКО – Государственный архив Калужской области

ГАОО – Государственный архив Орловской области

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области

ГАПК – Государственный архив Приморского края

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАХК – Государственный архив Хабаровского края

ГЖУ – губернское жандармское управление

ГПО – Государственная политическая охрана

ГРУ – Главное разведывательное управление

ГУПВ – Главное управление погранвойск

ДВР – Дальневосточная республика

ДНР – Донецкая Народная Республика

ДТО – дорожно-транспортный отдел

КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога

КПЗБ – Коммунистическая партия Западной Белоруссии

КГБ – Комитет государственной безопасности

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза

КРО – контрразведывательное отделение

КРЧ – контрразведывательная часть

КФССР – Карело-Финская Советская Социалистическая Республика

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

МВД – Министерство внутренних дел

МГБ – Министерство государственной безопасности

МОПР – Международная организация помощи революционерам

МПШ – Морская пограничная школа

НАРБ – Национальный архив Республики Беларусь

НАТО – Организация Североатлантического договора

НВО – нелегальная военная организация

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности

НКО – Народный комиссариат обороны

НЭП – новая экономическая политика

ОГПУ – Объединенное главное политическое управление

ОДВФ – Общество друзей воздушного флота

ОКДВА – Особая Краснознамённая Дальневосточная армия

ОКЖ – Отдельный корпус жандармов

ОО – особый отдел

ОСАВШ – Отдельная Среднеазиатская военная школа

ОУН – Организация украинских националистов

ПГАСПИ – Пермский государственный архив социально-политической истории

ПОЗУ – Приморская областная земская управа

ПП – полномочное представительство

ПСР – партия социалистов-революционеров

РАН – Российская Академия Наук

РВСР – Революционный военный совет Республики

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РГВА – Российский государственный военный архив

РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

РИА – Русская императорская армия

РИК – районный исполнительный комитет

РКИ – рабоче-крестьянская инспекция

РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия

РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)

РКСМ – Российский коммунистический союз молодежи

РОА – Русская освободительная армия

РПЦ – Русская православная церковь

РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия

РСФСР – Российская советская федеративная социалистическая республика

РУФСБ – региональное управление ФСБ

РФ – Российская Федерация

СВУ – Северо-Восточный участок

СМ – Совет министров

СМЕРШ (от «Смерть шпионам!») – название ряда независимых друг от друга контрразведывательных организаций в Советском Союзе во время Второй мировой войны

СНК – Совет народных комиссаров

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

США – Соединенные Штаты Америки

ТОФ – Тихоокеанский флот

ТССР – Туркменская Советская Социалистическая Республика

УК – Уголовный кодекс

УКР – управление контрразведки

УО – учебный отряд

ФБР – Федеральное бюро расследований

ФСБ РФ – Федеральная служба безопасности РФ

ЦА ВМФ МО РФ – Центральный архив ВМФ Министерства обороны РФ

ЦА ФСБ России – Центральный архив ФСБ России

ЦБ – Центральное бюро

ЦВМА – Центральный военно-морской архив

ЦГАТ – Центральный государственный архив Туркменистана

ЦГАПДТ – Центральный государственный архив политической документации Туркменистана

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ЦК – Центральный комитет

ЦОВК – Центральное отделение военного контроля

ЦОВКР – Центральное отделение военной контрразведки

ЦОВКРиВК – Центральное отделение военной контрразведки и военного контроля

ЦПА ФСБ России – Центральный пограничный архив ФСБ России

ЦРБ – Центральное регистрационное бюро

ЦРУ – Центральное разведывательное управление

ЦШПД – Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования

ЧОН – части особого назначения

ЯВМ – Японская военная миссия

УДК 947.1.084

АННАОРАЗОВ Д. С. (Ашхабад, Туркменистан)
Туркменский государственный университет им. Махтумкули

УЧАСТИЕ ВОЙСК ОГПУ В ПОДАВЛЕНИИ АНТИСОВЕТСКОГО ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ТУРКМЕНИСТАНЕ (МАРТ – ОКТЯБРЬ 1931 Г.)

Аннотация: В начале 1930-х гг. в степной части Туркменистана произошло восстание кочевников, главными причинами которого, были насильственная модернизация скотоводческого хозяйства и советизация степных районов Туркменистана. В результате чего, в различных местах Каракумской степи вспыхнуло восстание, которое охватило практически все слои кочевого населения. В процессе подавления повстанческого движения в Туркменистане были задействованы все силовые структуры Советского государства. Совместно с отрядами советской милиции и местными отрядами самоохраны, а также частями РККА, активное участие в ней приняли и войска ОГПУ СССР. В данной статье, на основе архивных источников и других материалов делается попытка показать степень участия войск ОГПУ в боевых действиях и их вклад в разгроме повстанческого движения в Туркменистане.

Ключевые слова: повстанческое движение, ОГПУ, советская власть, кочевник, джигит, курсант.

ANNAORAZOV D. S. (Ashgabat, Turkmenistan)
Mahtumkuli Turkmen State University

THE ROLE OF OGPU ARMIES IN SUPPRESSION OF THE ANTI-SOVIET INSURGENT MOVEMENT IN TURKMENISTAN (MARCH – OCTOBER 1931)

Annotation: In the early thirties, in a steppe part of Turkmenistan, there was a revolt of nomads. Violent modernization of cattle breeding economy and Sovietization of the steppe regions of Turkmenistan were the main reasons of their action. Therefore the revolt has broken out in various places of the Kara-Kum steppe which has captured practically all layers of the nomadic population. In the course of suppression of the insurgent movement all law enforcement agencies of the Soviet state have been activated in Turkmenistan. Armies of OGPU USSR had taken active part in this suppression in line with Soviet militia detachments and local units of self-protection and also detachments of Red Army. The Article, on the basis of archival sources and other materials, attempts to reflect participation level of OGPU armies in fighting and their contribution to the defeat of the insurgent movement in Turkmenistan.

Keywords: insurgent movement, Joint State Political Directorate, Soviet power, nomad, Dzhigit, cadet.

В советское время Туркменистан был одной из союзных республик бывшего СССР, входивших в ее состав. На начальном этапе советской истории, туркменская земля оставалась экономически отсталым регионом Советского Союза, и была самой малочисленной по количеству жителей республикой. Тем не менее, говоря языком советских историков, за 30-40 лет народы Средней Азии, в том числе и туркмены, совершили «переход от феодальной раздробленности к социализму, минуя капиталистическую стадию развития». Но в отличие от соседей по среднеазиатскому региону, туркменский народ «прозевал» не только капиталистическую, но и так называемую феодальную стадию развития, и накануне Октябрьской революции находился, чуть ли ни на стадии родового строя. Несмотря на это, более чем за 70 лет пребывания в составе СССР, туркменский народ достиг колоссальных успехов в своем развитии. Но чтобы, добиться этих успехов туркменскому народу, как и другим народам бывшего СССР, пришлось пережить драматические события в 1920-1930-е гг.

Так называемое «басмаческое» движение, именуемое ныне многими историками как повстанческое, является одним из трагических страниц истории народов Средней Азии. При этом история движения остается одним из актуальных проблем отечественной исторической науки.

В процессе подавления повстанческого движения в Средней Азии, наряду с регулярными частями Красной Армии были использованы войсковые соединения ОГПУ, военной деятельности которых в Туркменистане, посвящена данная работа.

Как известно, после победы Октябрьской революции была образована ВЧК, на нее была возложены борьба с контрреволюцией, саботажем, бандитизмом и против иностранных разведок, охрана внешних границ государства и т.д. 6 февраля 1922 г. ЦИК РСФСР принял постановление об упразднении ВЧК и образовании ГПУ при НКВД РСФСР, а 15 ноября 1923 г. с образованием СССР, Президиум ЦИК СССР создал Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР [5].

Начиная с первых лет существования советской власти, против повстанческих группировок Закаспийской области (с 1921 г. – Туркменская область) Туркестанской АССР наряду с отрядами советской милиции и регулярных частей Туркестанского фронта начали использовтся воинские части ГПУ. Например, активную роль в разгроме группировки бывшего белогвардейского сотника Ходжакули Ниязкулиева (Ходжакули хан), которая действовала в 1920-1923 гг. в Тедженском и Мервском уездах, сыграла активная деятельность ГПУ Туркменской области [2, с. 150].

После образования ТССР, при СНК Туркменистана было образовано республиканская организация ГПУ, первым председателем которого стал опытный чекист В.А. Каруцкий (1900-1938). По состоянию на 1 июля 1925 г. на территории Туркменистана размещались 46-й Ашхабадский, 45-й Мервский и 47-й Керкинский отряды пограничной охраны ОГПУ, которые активно включились в борьбу против повстанцев [13]. Охрана туркменской границы по

данным Центрального государственного архива Туркменистана (ЦГАТ) началась с апреля 1925 г. [15. ЦГАТ(1), л. 241].

В 1920-е – 1930-е гг. в Туркменистане произошел ряд антисоветских восстаний. Самым крупным выступлением было восстание туркменских кочевников 1931 г., в его подавлении войска ОГПУ принимали самое активное участие. Это восстание было вызвано коллективизацией скотоводческих хозяйств, насильственной экспроприацией и конфискацией скота богатых скотоводов, национализацией пастбищ и колодцев, советизацией кочевых районов и широкомасштабным террором. В восстании туркменских кочевников участвовали также часть казахских скотоводов, бежавших от советизации, коллективизации и большевистского террора в Западном Казахстане.

В карательные экспедиции против кочевников были привлечены и войсковые соединения ОГПУ. Среди них особо отличались 62-й, 63-й, 65-й, 82-й и 85-й кавалерийские дивизионы и 10-й кавалерийский полк войск ОГПУ, а также дивизион 24-го Бакинского полка ГПУ, который в 1931 г. был прикомандирован из Азербайджана в прикаспийские районы Туркмении.

Восстание началось в марте 1931 г. в районе Северо-Западных Каракумов. Восставшие ликвидировали органы власти на местах, нападали на населенные пункты в культурной зоне, угрожали городам и железнодорожным узлам, грабили склады и кооперативы, убивали советских работников. После начала восстания, с целью ареста активных руководителей, 29 марта из Казанджика на Коймат выступили бойцы 85-го дивизиона ОГПУ в составе 52 сабель под командованием Э. Цейтлина. 2 апреля 1931 г. отряд прибыв в Коймат, объединился с отрядом добровольной милиции под командой Сережникова. Совместными действиями этих отрядов начались аресты активных руководителей восстания. По приказу Э. Цейтлина в Авламыше арестовали 15 баев [8, с. 143-144], а 15 апреля 1931 г. за связи с восставшими – еще 50 баев-казахов [16. ЦГАТ(2), л. 182]. Узнав об аресте видных скотоводов, глава туркменских повстанцев Илли ахун созвал собрание, с участием туркменских и казахских старшин, на котором было решено уничтожить 85-й дивизион [8, с. 144].

19 апреля 1931 г. неподалеку от колодца Коймат дивизион был окружен и полностью уничтожен, погибли 52 бойцов. Отряд добровольной милиции, убив командира, полностью перешел на сторону повстанцев [8, с. 145]. Для выяснения обстоятельств гибели дивизиона и наказания повстанцев из Казанджика в Коймат срочно были направлены 35 всадников отряда ГПУ под командованием Полякова, из Джебела – 20 всадников из 46-го пограничного отряда ГПУ. Но этого было мало для наказания повстанцев, и 23 апреля из Казанджика в Коймат дополнительно был отправлен 2-й Туркменский кавалерийский полк Я.А. Мелькумова, который потеряв в боях несколько бойцов и командиров, безрезультатно возвратился в Кизыл-Арват.

29 апреля 1931 г. распоряжением ГПУ ТССР был образован боевой участок, охвативший территорию между Красноводском и Казанджиком. Все части войск ОГПУ, находящиеся в этом месте были отданы в распоряжение начальника участка. Эти части были расположены в следующем порядке:

1. Железнодорожный разъезд №28 – 15 всадников;

2. Ст. Искандер – 25 всадников железнодорожных войск ОГПУ;

3. Ст. Казанджик – 12 всадников 85 дивизона ОГПУ, усиленный пулеметом. Там же находился бронпоезд;

4. Ст. Джебель – 25 всадников милиции;

5. На кол. Джойрук – маневренный отряд войск ОГПУ из 20 всадников, усиленный 2-я пулеметами и 10 всадников милиции;

6. На кол. Коймат – 35 всадников 85-го дивизиона ОГПУ, усиленный пулеметом;

7. В Красноводске – 25 коммунаров и 2 парусных шхуны [3, с. 184-185].

11 мая 1931 г. повстанческий отряд туркмен и казахов общим числом 100 всадников напал на промысел Сойли, который охранял отряд ОГПУ под командованием Гонта. В помощь Гонту из Красноводска был отправлен отряд ОГПУ численностью 70 всадников Кабисского. В результате боя со стороны восставших погибли 9 джигитов, из отряда Гонты погиб чекист Макаревич [17. ЦГАТ(3), л. 41-42].

Оценив обстановку, складывавшаяся в степных районах Северо-Западной Туркмении, руководством СредазОГПУ был сформирован специальная оперативная группировка войск ОГПУ во главе с И.И. Ламановым, состоявшая из трех частей. Одновременно началась отправка отрядов ОГПУ в пустыню. 21 мая из города Красноводска в сторону Ходжа-Сопи был отправлен 63-й дивизион ОГПУ, 2 мая со ст. Белек в сторону кол. Туэр – отряд Кабисского вместе с маневренной группой 46-го пограничного отряда ОГПУ, а также из Красноводска на кол. Сойли – дивизион 24-го Бакинского полка ОГПУ. Мелкие отряды ОГПУ были отправлены на станции Джебел, Белек и Айдын [18. ЦГАТ(4), с. 41-42].

В конце мая начались бои отрядов ОГПУ с повстанцами. 27 мая объединенный отряд Т. Бердиева и Х. Атаджанова на кол. Терсакан вступил в бой с отрядом Кабисского [18. ЦГАТ(4), л. 66]. Бой закончился 29 мая из-за сильной песчаной бури. В бою советский отряд потерял 6 бойцов, а повстанцы 49 джигитов [18. ЦГАТ(4), л. 62, 69].

Узнав о том, что в степной части Туркменистана вспыхнуло восстание, известный туркменский повстанческий лидер Джунаид-хан, отправил из Афганистана своего сына Эщи-хана с 50 всадниками в Северо-Западные Каракумы. Чтобы не допустить Эщи-хана на территорию республики в начале мая 1931 г. на различные участки государственной границы и железнодорожные станции, были отправлены маневренные отряды войск ОГПУ. Несмотря на то, что все подступы к территории республики в районе Кушки и Серахс были закрыты частями ОГПУ, Эщи-хан все же сумел прорваться на территорию СССР [3, с. 188].

В конце мая для закрепления тыла воюющих отрядов ОГПУ советское командование образовало специальную маневренную группу во главе с комбригом Я. А. Мелькумовым. Таким образом, в операциях против повстанцев стали участвовать и армейские части Среднеазиатского военного округа (САВО). Но советским войскам не удалось подавить восстание в этом районе. Несмотря на это, штаб округа 23 июня 1931 г. приостановил боевые операции

против повстанцев [19. ЦГАТ(5), л. 17]. Охрана железной дороги и борьба с повстанцами вновь возложили на войска ОГПУ [20. ЦГАТ(6), л. 6].

24 мая 1931 г. восстание вспыхнуло в одной из культурных зон республики – Куня-Ургенчском районе Ташаузского округа. К середине мая здесь насчитывалось уже более 10 повстанческих групп общей численностью 400 всадников [10, л. 19]. Главной причиной выступления было грубое администрирование советских работников, заставлявших крестьян в короткий срок перепахать зерновые поля и засевать их хлопчатником. При этом людей, выражавших недовольство, арестовывали. В восстании участвовало население почти всех аульных советов района. К восставшим примкнули председатели многих аульных советов и колхозов, секретари партийных ячеек. Среди них был даже член ЦИК ТССР и СССР. Число напавших на Куня-Ургенч вооруженных повстанцев доходило до 450 чел. [19. ЦГАТ(5), л. 22]. Восставшее население ограбило колхозы вокруг Куня-Ургенча, кооперативы, советские учреждения в селах, где были перебиты советские работники. Населению было роздано захваченное продовольствие. При нападении на здание ГПУ восставшие пытались освободить 22 человек, которых до восстания были арестованы органами ГПУ. Но оказалось, что все они были уже расстреляны [19. ЦГАТ(5), л. 4].

Поздно вечером 24 мая из Ташауза в помощь осажденным выступил отряд 84-го кавалерийского полка, к нему присоединился отряд 62-го дивизиона ОГПУ. Однако еще до прихода советских войск, восставшие, произведя грабежи и поджоги, ушли из города. 29 мая в местности Кумчаглы советские отряды почти без потерь разгромили основные силы повстанцев.

В июле 1931 г. боевые действия между противоборствующими сторонами резко активизировались. Поэтому в пунктах возможного наступления повстанцев были размещены части ОГПУ. Повстанцам противостояли отряды, которые к 30 июлю были размещены на следующих пунктах:

1. В Кошоба стояли 60 штыков и 60 всадников, при четырех пулеметах дивизион 24-го Бакинского полка (отряд Расторгуева);

2. Аккую – 81 штыков, с 2 пулеметами (отряд Егорова);

3. Сойли – 40 штыков, с 2 пулеметами взвод 24-го Бакинского полка (отряд Василевского);

4. Нефте-Даге – 29 штыков при 1 пулемете;

5. В Джебеле – 60 сабель 65-го дивизиона, 19 штыков 24-го Бакинского полка 22 штыка с пулеметом охраны, 26 штыков охраны порта Красноводска под командой командира 63-го дивизиона;

6. Сартасе – 85 штыков, 4 пулеметы;

7. Кызыл-Куме – 50 штыков, 2 пулемета;

8. Кара-Богазе – 25 штыков [20. ЦГАТ(6), л. 82].

Несмотря на эти меры в ночь с 29-го на 30-е июля отряд повстанцев во главе Таганом Бердыевым напал на районный центр Казанджик. В налете участвовало примерно 200-300 повстанцев. Часть населения города оказала повстанцам помощь. При нападении была освобождена семья Т. Бердыева, находившаяся до этого в качестве заложников [20. ЦГАТ(6), л. 76].

Первым сведения о нападении на Казанджик получил оперативный работник ГПУ Захаренко, который 30 июля был оставлен с 16 саблями 63-го дивизиона ОГПУ на разъезде № 16. Сам дивизион под руководством Полякова в срочном порядке выступил в направлении станции Акча-Куйма, куда, по агентурным данным двигался со стороны Джойрука повстанческий отряд в 150 чел. В распоряжении Захаренко имелись паровоз и два вагона для удобства маневрирования. Однако из-за повреждения железнодорожного полотна отряд Захаренко высадился и тут же вступил в бой с «группой бандитов, следующих с караваном на север» [1, с. 98].

Как только стало известно о нападении на Казанджик, из Кизыл-Арвата срочно был отправлен отряд ОГПУ в 70 сабель, 6 пулеметами, 3 мортирками и с приданым отрядом милиции из 14 всадников. Кроме того, с утра того же дня из Ашхабада вспомогательным поездом было направлено до 25 всадников 85-го дивизиона ОГПУ, 30 стрелков железнодорожной охраны ОГПУ с 2-я пулеметами [20. ЦГАТ(6), л. 98-99]. Но, до прихода этого отряда к городу на ст. Узун-Су, повстанцы организовали крушение товарно-почтового поезда. Поэтому советские отряды, расстояние от Узун-Су до Казанджика, вынуждены были пройти на конях [14].

После прихода помощи горожанам Казанджика повстанцы начали отходить из города, оказав при этом упорное сопротивление. При нападении на Казанджик горожане потеряли 15 человек убитыми и ранеными [6]. По данным Центрального государственного архива политической документации Туркменистана (ЦГАПДТ), из-за больших потерь в повстанческом отряде Т. Бердыева господствовало пораженческие настроения [21. ЦГАПДТ(1), л. 9].

28 августа 1931 г. РВС САВО издаёт приказ о проведении крупной войсковой операции по ликвидацию повстанческого движения в ТССР. Для выполнения этой задачи привлекли части САВО и войск ОГПУ общей численностью: бойцов – 4173; танкеток – 5; пулеметных станков – 101; бронемашин – 8; пулеметов ручных – 80; бронепоездов – 2; гранатометов – 76; бронелетучек – 1; орудий – 15; самолетов – 33 [6]. В их числе были и бойцы войск ОГПУ: Отдельная Среднеазиатская военная школа (ОСАВШ) им. Ленина, Мотомеханизированный отряд (мотоотряд), 10-й полк, 62-й, 63-й, 65-й, 82-й и 85-й кавалерийские дивизионы. Они вели боевые действия в Северном и Северо-Западном Туркменистане. Карательная операция против повстанцев началась 8 сентября 1931 г. Общее руководство операцией поручено командующему войсками САВО П.Е. Дыбенко, а также представителям ОГПУ СССР Евдокимову и Соболеву. Штаб карательных войск находился в Кизыл-Арвате.

После хорошей подготовки курсанты ОСАВШ из Красноводска на барже были перевезены на Кара-Богаз-гол и оттуда по маршруту колодцев Сойли–Туэр были направлены на кол. Чагыл, где находился центр повстанцев Северо-Западных Каракумов. В тот же день мотоотряд Ламанова, был посажен на 44 автомашины различных иностранных марок («Мареланды», «Зауреры», «Форды», «Фиаты») и отправлен из Красноводска по тому же маршруту, что и отряд ОСАВШ [22. ЦГАПДТ(2), л. 4].

11 сентября Мотоотряд на кол. Туэр имел бой с частью повстанческой группировки. При подходе основных сил Мотоотряда, усиленных огневой мощью танкеток, повстанцы оказывали ожесточенное сопротивление. Но неоднократные бомбежки и обстрелы с самолетов предрешили исход боя, который закончился разгромом Туэрского очага сопротивления.

13 сентября советские войска подошли кол. Чагыл, где был крупный повстанческий отряд более 1000 чел., из них 600 вооруженных всадников и пеших [22. ЦГАПДТ(2), л. 4]. Повстанцы заранее подготовились к обороне: имелась двойная полоса обороны, где были убежища и окопы, обложенные камнем. Далее вглубь песков шла вторая полоса окопов, обложенных верблюжьей колючкой и саксаулом. Все это было тщательно замаскировано от внешнего наблюдения [22. ЦГАПДТ(2), л. 4].

Чагылское сражение началось рано утром. Первым в бой вступил 2-й Туркменский кавалерийский полк, а затем чекисты Ламанова и курсанты ОСАВШ. Позиции повстанцев трижды подвергались пулеметным обстрелам и бомбежкам с воздуха. Причем если в первый день боя в налете участвовало 4 самолета Р-3, то во второй день – 22 самолета. Несмотря на мощную бомбардировку с воздуха, паники в рядах повстанцев не наблюдалось. Более того по самолетам велся организованный винтовочный огонь. Четыре самолета получили пробоины, один летчик был легко ранен в ногу [1, с. 171].

В ходе боев повстанцы дрались упорно, до последнего, не желая сдаваться в плен, хотя им неоднократно предлагалось сложить оружие. Был случай, когда один джигит на лошади с клинком бросился на танкетку и успел разрубить фару, но был убит. Вторая танкетка в полном окружении повстанцев дралась около часа, с трудом выйдя из боя [22. ЦГАПДТ(2), л. 4]. В этом бою повстанцы захватили и сожгли танкетку, которая попала в траншею. Командир сгорел, не выходя из нее, а водитель выбросился с машины, но был убит. [22. ЦГАПДТ(2), л. 5].

Несмотря отчаянному сопротивлению повстанцев рано утром 14 сентября Чагыл был занят советскими войсками. Здесь повстанцы потеряли 198 чел. убитыми и ранеными [7, с. 178]. Советские части потеряли убитыми 18 и ранеными 14 чел. [1, с. 176]. В Чагыле был убит и командир мотоотряда ОГПУ Ламанов [22. ЦГАПДТ(2), л. 7].

Охватывая огромные пространства пустыни, части РККА и ОГПУ постепенно сходились к центру, отбирая от повстанческих группировок колодцы. Повстанцы метались, ища спасения, но повсюду натыкались на советские вооруженные отряды. Один из участников Чагылского сражения вспоминал: «На следующий день басмачи, которые убежали в другой колодец, вернулись обратно. Басмачи говорили, если умереть, то надо умирать у себя дома, в своем колодце. Интересно, когда они сдавались, начиная с мужчин и женщин их маленькие дети у всех в руках были маленькие флажки красного материала по обе руки у всех были подняты вверх с флажками, это означало, что они сдаются» [23. ЦГАПДТ(3), с. 10].

Как указывает жительница села Кырк йыллык Казанджикского района О. Кошджанова (1921 г.р.), после захвата кол. Чагыл, победители не давали воду

попавшим в плен жаждущим повстанцам. Они мужчин и женщин посадили раздельно, причем мужчинам старше 15 лет, связали руки за спину. В ночь с 15-го на 16 сентября многие из мужчин были расстреляны, причем ямы для покойников заставляли копать самим приговоренным [3, с. 356].

После Чагыльского боя опергруппа ОГПУ в Туэре приступила к «фильтрации всех захваченных и оставшихся кочевников. С целью воздействия на сдачу оружия находившихся в районе Туэра 2000 семей бандитов – произведен расстрел верхушки и авторитетов» [1, с. 178].

17 сентября 1931 г. на кол. Дяхли курсанты ОСАВШ и бойцы 85-го дивизиона ОГПУ под общим командованием Малышева были встречена огнем 270 повстанцев А. Назарова, Т. Бердыева и др. Повстанцы несколько раз контратаковали советские силы. Наблюдавшие за ходом боевых действий советские командиры стали свидетелями храбрости и тактической грамотности повстанцев: «Басмачи, – говорилось в одном из документов того времени, – дрались до последнего патрона. У кол. Дяхли даже женщины и дети принимали участие в бою, закидывая атакующих камнями и стреляя из винтовки. Все бандиты без исключения показали большую тактическую грамотность, умело ведя огневой бой, искусно отходили на новый рубеж под прикрытием огня. Умело использовали естественные прикрытия, хорошо маскировались и окапывались. Быстро научились вести борьбу с авиацией и танкетками…» [24. ЦГАПДТ(4), л. 124].

В Дяхлинском сражении бойцы ОСАВШ и 85-го дивизиона оказались в критической ситуации. Но в критический момент исход боя решил 1-й Туркменский конный полк, ударивший во фланг и тыл повстанцев. Потери повстанцев в Дяхлинском бою – 216 убитых и до 500 человек пленных мужчин и женщин [6]. В бою у кол. Дяхли только отряд ОСАВШ потерял 23 бойцов и командиров [3, с. 216]. Всего в сентябрьских боях с повстанцами Ленинская школа потеряла убитыми и ранеными более 50 курсантов [4].

Таким образом, в результате совместных действий частей РККА и войск ОГПУ в сентябре-октябре 1931 г., повстанческое движение в Каракумах было разгромлено. В этом большая заслуга войск ОГПУ. Только отряд ОСАВШ, высадившиеся 14 сентября в районе Ходжа-Софи боями прошел 1200 км по пескам по маршруту Ходжа-Софи – Орта-Темпе – Кум-Себшен – Чагыл – Дяхли – Геоклен-Куюсы – Кара-Ишан – Коймат – озеро Джамала – Кара-Бугаз – Дамлы – Наурлы – Сансыз – Кирпили – Черкезли – Даш-Берды – Гич-Гельды – Бейры – Арзан – Багаджа – Гангул – Севетли – Чунгул – Ходжа – Даш-Берды – Черкезли – Дарваза – Сансыз – Демир-Дон – Кизыл-Арват [22. ЦГАПДТ(2), **л. 31-32**] и далее по железной дороге в Ташкент. Походная газета ОСАВШ им. Ленина писала:

Не ушел враг озверелый,
От мести острого клинка –
В боях его достать сумела,
Героя-ленинца рука [9].

По данным советских органов погибли 74 руководителя восстания и 3217 активных джигитов. У восставших кочевников были конфискованы 9102 едини-

цы огнестрельного оружия, 13193 верблюда, 595 лошадей и 63857 баранов [12, с. 105]. Сколько погибло гражданского населения не подсчитано до сих пор.

Каракумские бои являлись беспрецедентной по своим масштабам и действенной по результатам военной операцией, проведенной войсками РККА и ОГПУ. В ходе проведения этой карательной операции были задействованы наиболее боеспособные части САВО и ОГПУ, осуществлена десантная операция через залив Кара-Богаз-гол, широко использовалась авиация, впервые применялись танкетки. Советские части, задействованные в боевых действиях, проходили тысячи километров по труднопроходимым пескам Каракумов и нанесли мощные удары по позициям восставших кочевников.

За боевые отличия в борьбе с восставшим населением войсковые части ОГПУ получили высокие государственные награды. Например, ОСАВШ ОГПУ им. В. И. Ленина, 10-й кавалерийский полк ОГПУ, мотомеханизированный отряд ОГПУ им. Ф. Э. Дзержинского, 45-й Мервский пограничный отряд войск ОГПУ, 46-й Ашхабадский пограничный отряд войск ОГПУ и десятки бойцов и командиров были награждены орденом Трудового Красного Знамени Туркменской ССР [11].

Список литературы:

1. Алланиязов Т.К. Красные Каракумы: Очерки истории борьбы с антисоветским повстанческим движением в Туркменистане (март-октябр 1931 года). – Алматы: ОО «OST XXI век», 2006.
2. Арипов Р., Мильштейн Н. Из истории органов госбезопасности Узбекистана. Ташкент, «Узбекистан», 1967.
3. Аширов Т., Аннаоразов Дж. Антисоветское вооруженное восстание в Туркменистане // Tarih Okulu Dergisi (TOD), Eylül 2016 Yıl 9, Sayı XXVII (Journal of History School (JOHS), September 2016, Year 9, Issue XXVII). 356 s. (Измир, Турция).
4. Борьба с басмачами в Средней Азии 1918–1938 гг. URL: http://www.hrono.ru/sobyt/1900war/1918basm.php (дата обращения 20.06.2016).
5. ГПУ (1922–1923), ОГПУ – Объединенное Государственное Политическое Управление при СНК СССР (1923-1934). URL:http://protivpytok.org/sssr/osnovnye-vexi-razvitiya-organov-gosudarstvennoj-bezopasnosti/ogpu (дата обращения: 27.06.2017).
6. Докладная записка ПП ОГПУ по Средней Азии о вооруженных действиях против банд в ТуркССР. 8 декабря 1931 г. URL: http://istmat.info/node/43786 (дата обращения 11.11.2016).
7. Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981.
8. Калинкович Н.Н. Имя мое – Свобода. – Ашгабат, 1984.
9. Ленинец в песках // Походная газета партбюро ОСАВШ им. В.И. Ленина. 1931. 9 октября.
10. Матгельдыева Дж. Концептуальный подход к басмачеству // Политический собеседник. 1996. № 1.

11. Орден Трудового Красного Знамени Туркменской ССР. URL: http://www.tvoku.ru/images/library/orden1.jpg (дата обращения: 28.06.2017).

12. Рахимов Н. Из истории животноводства Туркменистана. – Ашгабат, 1996.

13. Среднеазиатский пограничный округ – рожденный в борьбе с басмачеством. URL: http://pv-afghan.narod.ru/militant_action_table/KSAPO.htm (дата обращения: 28.06.2017).

14.Syýasy söhbetdeş (Политический собеседник). 1995. 14 января.

15.ЦГАТ(1). Ф. 141.Оп. 1. Д. 145.

16.ЦГАТ(2). Ф. 2. Оп. 2. Д. 255.

17.ЦГАТ(3). Ф.1. Оп.6. Д. 244.

18.ЦГАТ(4). Ф. Р-1. Оп. 6с. Д. 244.

19.ЦГАТ(5). Ф. 2. Оп. 2. Д. 250.

20.ЦГАТ(6). Ф. 2. Оп. 2. Д. 252.

21.ЦГАПДТ(1). Ф. 51. Оп. 16. Д. 279.

22.ЦГАПДТ(2). Ф. 51. Оп. 16. Д. 174.

23.ЦГАПДТ(3). Ф. 51. Оп. 16. Д. 22.

24.ЦГАПДТ(4). Ф. 1. Оп. 8. Д. 32.

УДК 351/354

БУЯКОВ А. М. (Владивосток)
Приморское краевое отделение Русского географическое общество –
Общество изучения Амурского края

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА – ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ (31 ЯНВАРЯ 1920 Г. – 26 МАЯ 1921 Г.)

Аннотация: Статья посвящена истории создания и функционирования органов государственной безопасности Временного правительства Дальнего Востока – Приморской областной земской управы в 1920–1921 гг.

Ключевые слова: Владивосток, Дальневосточная республика, военный контроль, государственная охрана, Гражданская война, Дальний Восток.

BUYAKOV A. M. (Vladivostok)
Primorsky regional branch of the Russian geographical society –
Society for the study of the amur region

BODIES OF STATE SECURITY TEMPORARY GOVERNMENT FAR EAST – PRIMORSKY REGIONAL ZEMSK MANAGEMENT (JANUARY 31, 1920 – MAY 26, 1921)

Annotation: The article is devoted to questions of history of creation and functioning of the state security agencies are considered Provisional government of the Far East – the Primorye's zemstvo in 1920–1921.

Keywords: Vladivostok, Far Eastern Republic, military control, state protection, Civil war, Far East.

31 декабря 1920 г. во Владивостоке пала власть командующего Приамурским военным округом и главного начальника Приамурского края генерал-лейтенанта С.Н. Розанова – ставленника Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. Было образовано Временное правительство Дальнего Востока – Приморской областной земской управы (далее – ВПДВ–ПОЗУ – А.Б.) во главе с эсером А.С. Медведевым [9, л. 11]. О признании власти этого правительства заявили в своих резолюциях и постановлениях партия коммунистов, трудовая народно-социалистическая партия, партия эсеров, Владивостокская организация РСДРП(м), Центральное бюро профессиональных союзов, органы земского и городского самоуправления.

Внешняя и внутриполитическая обстановка в Приморье была крайне сложной. В области, а особенно во Владивостоке скопилось большое количество бывших офицеров колчаковской армии и флота, не успевших эвакуиро-

ваться за границу, оставшихся не удел и враждебно настроенных к новой власти. К ним добавлялась масса безработных беженцев. Свою дестабилизирующую роль играли легионеры Чехословацкого корпуса, готовящиеся к эвакуации на родину. Кроме того, на территории земского правительства были расположены части японских оккупационных войск, противодействующие новой власти на местах. С легальных и нелегальных позиций осуществляли свою деятельность представители иностранных спецслужб. Новые органы власти были разнородны по политическому составу, поэтому по ряду ключевых вопросов между ними не было единства в принятии решений. В военном и морском ведомстве, а также в милиции основную часть лиц командного состава составляли все те же бывшие генералы и офицеры армии Колчака, благонадежность которых оставляла желать лучшего, и за ними был нужен постоянный контроль, несмотря на введение института политических уполномоченных (комиссаров) в частях.

Надо отметить, что если на территории Сибири и Забайкалья органы новой власти имели практически четко определенные задачи и функции, в том числе и органы государственной безопасности в лице губернских ЧК: выявление, розыск и арест активных участников белого движения, членов карательных отрядов, контрразведчиков, выявление подпольных белогвардейских организаций, борьба с иностранным шпионажем, спекуляцией, саботажем и т.д., то в Приморье эти задачи в условиях коалиционной работы учреждений государственной власти и в силу сложившейся политической обстановки четко сформулировать, а тем более реализовывать на деле было просто невозможно. Все это порождало неопределенность в деятельности и создаваемых органов государственной безопасности ВПДВ – ПОЗУ.

Органы военной контрразведки штаба крепости Владивосток, а также военный контроль и контрразведывательное отделение Владивостокского района первоначально не претерпели практически никаких структурных и кадровых изменений, в составе их по-прежнему работали сотрудники колчаковской контрразведки. Так, например, во главе военного контроля Владивостокского района в феврале 1920 г. стоял служивший до революции в Отдельном корпусе жандармов, капитан В.О. Жаврида. С 11 апреля 1919 г. он возглавлял контрразведывательное отделение штаба Владивостокской крепости, преобразованное потом во Владивостокский контрразведывательный пункт, а с мая 1919 г. по январь 1921 г. был начальником Владивостокского пункта контрразведки и военного контроля. На своих местах оставались и другие сотрудники военной контрразведки.

Временное правительство пыталось изменить сложившее положение и поставить под свой контроль армию и флот, а также органы военной контрразведки. 9 февраля 1920 г. во Владивостоке постановлением правительства был учрежден Военный совет по делам и учреждениям военного и морского ведомства. Он был создан для руководства и контроля за сухопутными и морскими силами ВПДВ. На него возлагались кадровые назначения высшего командного состава в войсках и руководство созданным институтом политических уполномоченных совета при войсковых частях армии и флота. Институт политупол-

номоченных был учрежден для непосредственной связи с частями, для получения точной информации и руководства политической жизнью войск [11, л. 2, 4, 5].

В состав Военного совета вошли на правах председателя председатель совета Приморской областной земской управы А.С. Медведев, его заместителя – М.Я. Линдберг, секретаря – А.Ф. Брагин (настоящие имя, отчество и фамилия Б.Н. Мельников. – А.Б.), членов – А.Т. Алексеев, А.С. Гервас и Н.П. Тафеев. В состав совета с правом совещательного голоса входил и командующий сухопутными и морскими силами [11, л.1, 2].

Положение о Военном совете было принято несколько ранее постановлением правительства от 2 февраля 1920 г. за № 1. Там же. 6 марта 1920 г. на основании приказа Военного совета при правительстве № 26 в его состав вошли А.С. Медведев, Б.Н. Мельников, В.М. Сибирцев, А.Н. Луцкий, М.Я. Линдберг. В параграфе втором этого приказа указывалось, что С.В. Лазо вступает в исполнение обязанностей товарища председателя в качестве председателя Военного совета [11, л. 33].

Руководство военной контрразведкой в войсках было возложено на Военный совет при ВПДВ–ПОЗУ приказом Военного совета ВПДВ от 25 февраля 1920 г. № 12: «Военный контроль переходит в ведение и непосредственное подчинение Военного совета. Впредь до реорганизации его дать право начальнику контрразведки числить арестованных за собой в течение двух недель» [10, л. 80].

Необходимо подчеркнуть, что правительство начало еще ранее предпринимать шаги в области назначения представителей политических партий, входящих в коалиционное правительство, на ключевые посты в органы военной контрразведки. Так, 2 февраля 1920 г. начальником контрразведывательного пункта при штабе Владивостокской крепости был назначен член РКП(б) И.И. Ангарский [5, Приказ по Владивостокской крепости № 6 от 2 февраля 1920 г.]. 9 февраля 1920 г. на этом посту его сменил эсер, прапорщик В.В. Попов, И.И. Ангарский остался у него помощником [5, Приказ по Владивостокской крепости № 20 от 9 февраля 1920 г.]. В том же месяце контрразведывательный пункт был преобразован в отделение военного контроля и контрразведки штаба крепости Владивосток. На 28 февраля 1920 г. В.В. Попов уже выступает в качестве начальника отделения военно-революционного контроля и контрразведки при Военном совете.

В составе отделения действовал секретный отдел с довольно многочисленным штатом, чины отдела имели наименования старших контролеров для поручений и контролеров. Ввиду скудной информации конкретно обозначить функции отдела не представляется возможным, установлено лишь то, что сотрудники его несли постовую службу и до 10 чел. состояли в резерве дежурного по отделу. Посты – штаб крепости, вокзал, гостиница «Русь», помещение Следственной комиссии, помещение бюро профсоюзов, собор, могила К. Суханова. Кроме того, сотрудники обеспечивали охрану при проведение манифестаций. По ряду признаков отдел осуществлял и наружное наблюдение [6, л. 210, 211, 231]. При отделении работал и Владивостокский пограничный про-

пускной паспортный пункт, руководителем которого одновременно был И.И. Ангарский. В военном контроле и на пункте работало 73 сотрудника [9, л. 9, 9об.]. На сотрудников пропускного пункта возлагалась проверка паспортов у въезжающих и отъезжающих пассажиров на пароходах, оформление заграничных судов. Необходимо обратить внимание на то, что в этот же период времени военная контрразведка ВПДВ–ПОЗУ действовала также в Хабаровске, в Шкотовском районе и в других населенных пунктах Приморья.

Штаб командующего сухопутных и морских сил Временного правительства, созданный в начале февраля 1920 г., своей контрразведки не имел, в его составе было создано только разведывательное отделение, которое было расформировано по приказу с 1 июля 1920 г. [5, л. 51].

11 июня 1920 г. после упразднения Военного совета военный контроль вновь перешел под непосредственное руководство управляющего военными и морскими делами правительства [5, Приказ по Владивостокской крепости № 238 от 6 июля 1920 г.]. Это привело к тому, что в контрразведку стали возвращать старые кадры. Так, на 28 июля 1920 г. в должности начальника Владивостокского отделения контрразведки снова значился, уже ранее упоминаемый, капитан В.О. Жаврида [5, л. 108].

30 марта 1920 г. постановлением Временного правительства была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия по борьбе с преступностью. Она носила еще иные названия – Следственная чрезвычайная внесудебных арестов комиссия или Следственная комиссия при Приморской областной земской управе. Размещалась она во Владивостоке по адресу ул. Полтавская, д. 3. Из анализа имеющихся материалов функции комиссии заключались в выявлении и уголовном преследовании колчаковских карателей и других лиц, совершивших преступления после Февральской революции 1917 г. Члены комиссии обладали правом производить обыски и аресты по ордерам, подписанным председателем или его заместителем. Председателем комиссии был назначен анархист Д.П. Чернобаев (он же Чернов), известный по работе в подполье под псевдоним «Вильям». Заместителем у него был эсер Я.А. Шишлянников [7, л. 9, 73]. Из-за громких скандалов, связанных с неправоверными арестами и длительным содержанием под стражей, правительством было принято решение о ее ликвидации с 30 апреля 1920 г. [12, л. 3, 50].

В ночь с 4 на 5 апреля 1920 г. без всякого повода с русской стороны и без всякого сношения с официальными местными властями, японское военное командование предприняло ряд провокационных и насильственных действий по отношению к русским военным силам и населению: были арестованы военнослужащие и гражданские лица, в том числе члены Военного совета Б.Н. Мельников, А.Н. Луцкий, В.М. Сибирцев и С.Н. Лазо, последние трое были позже убиты; обстрелу из артиллерийских орудий и пулеметов были подвергнуты здание правительства и другие присутственные места, разоружены военнослужащие Приморского дивизиона народной охраны; японцы выставили у официальных русских учреждений свои вооруженные посты и подняли над ними свои флаги. Подобные насильственные действия были и в других населенных пунктах Приморья. Эти события показали полную несостоятельность

правительственных органов военной контрразведки, чья агентура не смогла своевременно предупредить власти о готовящемся вооруженном выступлении японцев.

После событий 4-5 апреля 1920 г. стало понятно, что японцы полностью захватили контроль над всеми ключевыми сферами жизни Приморья, без их ведома нельзя было правительственным войскам проводить учения, было ограничено вооружение войсковых частей. Единственной организацией, которая официально осуществляла свою деятельность, имея на руках оружие, была милиция, а также Дивизион народной охраны, выступающий в качестве резерва милиции.

В этих условиях правительство по инициативе Приморского областного комитета РКП(б) приняло решение о создании органа, на который бы легла задача обеспечения государственной безопасности, своевременного предупреждения о готовящихся заговорах против существующего строя. Таким органом должен был стать отдел государственной охраны. Еще до создания отдела в штате управления внутренними делами правительства была введена должность агента для поручений по охране государственного порядка, который замыкался непосредственно на областного инспектора милиции и на управляющего внутренними делами [14, л. 29].

27 мая 1920 г. постановлением ВПДВ при управлении внутренними делами был образован «Отдел государственной охраны при управлении внутренними делами Временного правительства Дальнего Востока – Приморской областной земской управы», деятельность его, до разработки «Положения» о нем, определялась управляющим внутренними делами [14, л. 11]. 27 мая 1920 г. управляющий внутренними делами правительства П.П. Попов утвердил «Временную инструкцию отдела государственной охраны при управлении внутренних дел». Она регламентировала деятельность нового органа государственной безопасности и должна была действовать впредь до разработки и принятия «Положения об отделе государственной охраны». В «Инструкции» указывалось:

«1) На отдел государственной охраны возлагается исполнение всех обязанностей, относившихся к контрразведывательным отделения, военному контролю и Чрезвычайным комиссиям по борьбе с преступностью, за изъятием дел по военному шпионажу и контршпионажу.

2) В частности, на отдел возлагается обязанность предупреждения и пресечения действий, направленных к ниспровержению и подрыву компроментаций существующей власти.

3) Для осуществления целей означенных в ст. 2 настоящей Инструкции отдел государственной охраны имеет право производить аресты и выемки по ордерам, подписываемых начальником отдела или его помощником.

4) Отдел государственной охраны имеет право требовать от органов милиции содействия в исполнении возложенных на него задач.

5) Штаты отдела составляются начальником его и утверждаются управляющим внутренними делами.

6) На начальника отдела возлагается инструктирование подведомственных ему чинов и агентов о порядке их деятельности, причем особенное внимание должно быть обращено на недопустимость расправ с арестуемыми, под страхом ответственности по всей строгости законов.

7) Для рассмотрения и оценки оснований для содержания под стражей арестованных лиц при отделе создается комиссия, под названием «следственная комиссия» при отделе государственной охраны.

8) Лица, арестованные отделом государственной охраны, зачисляются содержанием за начальником отдела на срок не более трех дней, после чего перечисляются содержанием за следственной комиссией при отделе. Комиссия также в трехдневный срок обязана или предъявить арестуемому обвинение, основываясь на положениях закона, или объявить о содержании под стражей в порядке государственной охраны.

8) За точность исполнения ст. 8 настоящей Инструкции и вообще за законностью действий следственной комиссии наблюдают представители гражданской и военной прокуратуры, откомандированные для этой цели приказами подлежащих властей.

9) Содержание под стражей в порядке государственной охраны не может длиться более двух недель. По истечении этого срока в случае необходимости продления его, все дело должно быть представлено на рассмотрение Особого совещания при управлении внутренними делами, которое разрешает вопросы в окончательной форме» [13, л. 46-46об.].

Обращает на себя внимание то, что «Инструкцией» предусматривалось создание при отделе следственной комиссии. Комиссия, в связи с арестами, вызванными предполагающимся переворотом, должна была немедленно приступить к возложенным на нее обязанностям. Состав комиссии определялся назначениями не только кандидатов от управления внутренними делами, но и, в первую очередь, от лиц, рекомендованных от учреждений и, в частности, от городского самоуправления [13, л. 11].

Документы по структуре и штатам отдела государственной охраны нами пока не выявлены, но из ряда архивных источников следует, что первоначально отдел состоял из начальника, старшего помощника и двух помощников, распорядительного и арестно-следственного отделов, следственной комиссии, наружного наблюдения. Сотрудники делились на старших агентов и просто агентов отдела государственного охраны. На первых порах формально работой отдела руководил управляющий внутренними делами правительства, а фактически старший помощник начальника отдела.

1 августа 1920 г. приказом управляющего внутренними делами правительства от 30 июля 1920 г. № 11 эсер Андрей Владимирович Кампинский был назначен начальником отдела государственной охраны [15, л. 32]. Помощниками начальника отдела были Валентинов и К. Русский, заведующий арестно-следственным отделом В. Кудинский [13, л. 12]. Сотрудники отдела в целях конспирации, как правило, работали под чужими именами и фамилиями. В сентябре 1920 г. А.В. Кампинского сменил В.В. Долганов (псевдоним Данилов). Он был назначен решением Приморского областного комитета РКП(б). С авгу-

ста – сентября 1920 г. вплоть до 26 мая 1921 г. в составе отдела государственной охраны работали в качестве заместителя начальника М.А. Аникеев (псевдоним Анисимов), старшего помощника начальника (заведующего наружным наблюдением) Л.Я. Бурлаков (псевдоним Л.К. Егоров), следователя следственной комиссии Г.А. Давыдов (псевдоним Катючий). Чуть позже в отдел пришел уполномоченным по информации А.Э. Феттер (псевдоним Ларцев).

Структура и кадровый состав, вновь образованной службы государственной безопасности Приморья, носили временный, промежуточный характер. Отдел государственной охраны состоял из разнородных политических сил, еще недавно враждебных друг другу. Аппарат отдела только-только складывался и был мало дееспособен. И уже в силу этого его деятельность не могла быть целенаправленной и результативной. Решения об арестах и обысках принимались спонтанно, без всякой системы, отсутствовали какие-либо критерии для применения репрессий против лиц, признаваемых контрреволюционерами. Из-за этого в работе нового органа госбезопасности было много неразберихи. Так, например, на основании постановления следственной комиссии при отделе от 6 июля 1920 г. за № 1 прокурору окружного суда были переданы дела на ранее задержанных сотрудниками отдела граждан Гласко, Сотникова и Милютина, которые судебным решением были освобождены, а арестованный полковник Патиешвили передан на поруки Грузинскому обществу во Владивостоке, хотя в отношении последнего были все основания считать его деятельность враждебной существующей правительственной власти [13, л. 42].

По мере функционирования отдела возникали и другие не связанные только с арестами вопросы, которые требовали законодательного оформления. 23 августа 1920 г. управляющий делами юстиции правительства направил для заключения подготовленный им проект закона об учреждении «Особого отдела государственной охраны». Он был разработан по постановлению Совета управляющих отделами центрального государственного управления от 20 августа 1920 г. [13, л. 36]. Эта законодательная инициатива правительства в сфере дальнейшего правового регулирования деятельности местного органа государственной безопасности должна была быть одобрена постановлением Временного народного собрания Дальнего Востока. Планировалось в законодательном порядке оформить учреждение ранее созданного отдела при управлении внутренними делами.

По проекту закона «Об учреждении Особого отдела государственной охраны» на управляющего внутренними делами возлагалось звание главного начальника названного отдела. И это была не простая юридическая формальность. Управляющему внутренними делами предоставлялось право «в случаях, не терпящих отлагательства, принимать чрезвычайные меры к охране государственного порядка и общественного спокойствия с тем, однако, что о принятии таковой меры им в течение 24-х часов доведено до сведения Совета управляющих отделами центрального государственного управления, коим принятые меры могут быть отменены» и «производить в порядке охраны обыски и выемки

по особым ордерам, подписанным начальником отдела государственной охраны» или его помощником, а равно задержание лиц, явно угрожающих государственному порядку и общественному спокойствию» [13, л. 37].

Особое место в проекте занимал вопрос о задержании лиц, подозреваемых в угрозе государственному порядку и общественному спокойствию. Предусматривалось, что:

«1. Все лица, задержанные в порядке государственной охраны, зачисляются содержанием за главным начальником ОГО, о чем немедленно доводиться до сведения прокурора окружного суда. В течение 24-х часов с момента задержания особый отдел обязан приступить к производству дознания, опросить задержанного и объявить ему о причине задержания.

2. Наблюдения за точностью соблюдения правил задержания возлагается на прокурорский надзор соответствующего окружного суда.

3. Содержание под стражей в порядке государственной охраны не может продолжаться более двух недель. После истечения такого срока задержанный должен быть либо освобожден, либо передан судебным властям с одновременным возбуждением против него уголовного преследования.

4. Срок задержания может быть продлен в чрезвычайных случаях до одного месяца постановлением Особого совещания, состоящего из председателя Совета управляющих отделами центрального государственного управления, управляющих внутренними делами и делами юстиции» [13, л. 37об.].

Кроме того, признавалось, что все распоряжения управления внутренними делами, сделанные в порядке государственной охраны, являются обязательными для всех органов наружной милиции [13, л. 37об.].

После публикации в «Вестнике Временного правительства» данное постановление вступило в законную силу и стало руководящим документом для сотрудников государственной охраны. Штаты Отдела государственной охраны планировалось утвердить дополнительно.

Следует подчеркнуть, что становление и развитие органов государственной безопасности в Приморье, в рассматриваемый период, проходило в контексте тех событий, которые происходили в политической жизни и других территорий Дальнего Востока.

6 апреля 1920 г. в соответствии с директивами ЦК РКП(б) на съезде трудящихся Прибайкалья было провозглашено образование ДВР, так называемый «буфер», в состав которого в 1920–1922 гг. вошли Забайкальская, Амурская, Сахалинская, Камчатская области, и Приморская области. Главной задачей «буфера» была защита восточных рубежей РСФСР от японских интервентов и войск Белой армии, расположенных на Дальнем Востоке и планирующих военные действия против РСФСР. ДВР фактически была образована согласно декларации Конференции областных правительств Дальнего Востока от 29 октября 1920 г. в Чите [17, л. 8]. Это решение одобрили и делегаты Приморской области, принимавшие участие в работе конференции. Было избрано новое, центральное правительство ДВР.

11 декабря 1920 г. Народное собрание Дальнего Востока, проходившее во Владивостоке, приняло закон о распространении власти правительства ДВР

на территорию Приморской области. На следующий день ПОЗУ постановила: «считать свои полномочия в качестве верховной государственной власти Дальнего Востока оконченными и с сего числа обратиться к отправлению своих прямых обязанностей в качестве органа областного земского самоуправления, о чем и объявить во всеобщее сведение» [3, с. 21-23].

Государственная власть на территории области была передана учрежденному 19 декабря 1920 г. Приморскому областному управлению ДВР во главе с коммунистом В.Г. Антоновым [18, с. 174].

В связи с вхождением Приморской области в состав ДВР, руководство отделом государственной охраны стало осуществляться Главное управление Государственной политической охраны МВД ДВР. Все последующие его решения были обязательными для Отдела государственной охраны – отдела ГПО в Приморье. 8 февраля 1921 г. правительством ДВР утверждено «Временное положение о государственной политической охране Дальневосточной республики», статьи которого четко определяли задачи и функции и Приморского отдела ГПО [1, л. 9].

Следует отметить, что в официальной переписке между учреждениями правительства до февраля 1921 г. фигурирует название не отдел ГПО, а отдел государственный охраны. Только 3 февраля 1921 г. отдел официально переименован в отдел государственной политической охраны (ГПО) при административном отделе Приморского областного управления. Возможно, что в конце 1920 г. для центральных властей ДВР он проходил как отдел ГПО, а для местных органов как отдел государственной охраны.

Что касается контрразведки, борьбы с иностранным шпионажем, то в рассматриваемый период она еще находилась в зачаточном состоянии. Деятельность сотрудников государственной охраны в этом направлении сводилась к наблюдению за действиями иностранных консулов во Владивостоке и к наблюдению за лицами и организациями, нелояльными по отношению к власти ВПДВ, а затем и к ДВР, дознанию, следствию и розыску, скрывающихся преступников, профилактическим арестам наиболее активных представителей белой Дальневосточной армии. В марте 1921 г. перед ГПО была поставлена новая задача – информировать о планах и замыслах разведслужб белогвардейцев и японских интервентов, находившихся в Приморской области и в Китае. Одним из ярких примеров, показывающих возросший профессионализм сотрудников ГПО Приморья, стала ликвидация в конце марта 1921 г. во Владивостоке подпольной офицерской организации, готовившей свержение власти правительства В.Г. Антонова. В ходе проведенной операции были арестованы «в порядке охраны» генерал А.А. Немыский, полковник В.Н. Руссиянов и многие другие.

Сотрудники отдела ГПО Приморья готовили для руководства ГУ ГПО МВД ДВР и областного правительства двухнедельные совершенно секретные «Агентурные сводки» по разделам, в том числе по разделу «шпионаж». В «Сводках» давалась информация о работе контрразведки гродековской группы войск атамана Г.М. Семенова, японской жандармерии и Японской военной миссии, а также о положении дел в Приморском дивизионе народной охраны, в войсках области и Сибирской флотилии [16, л. 1, 4, 19об., 31].

Следует отметить, что наряду с официальными органами госбезопасности на территории Приморья в 1920-1921 гг. сначала действовал военный отдел Приморского областного революционного штаба РКП(б) (штаб преобразован в Приморский областной комитет РКП(б)), а затем технический отдел областного комитета партии (председатель К. Пшеницын), где заведующим осведомительным отделом («красная контрразведка и разведка») был Р.А. Шишлянников (псевдоним Андрей) [2, л. 1об.].

Необходимо подчеркнуть, что в Приморье к концу мая 1921 г. так и не было создано единого органа, координирующего работу военного контроля и отдела государственной политической охраны. Существовал параллелизм в работе военной контрразведки и территориальных органов госбезопасности. Координация и взаимодействие между ними практически полностью отсутствовали, что не способствовало совместному решению задач в области обеспечения государственной безопасности.

26 мая 1921 г. после переворота и прихода к власти Временного Приамурского правительства во главе с С.Д. Меркуловым руководители Приморского областного отдела ГПО ушли к партизанам, где отдел был реорганизован в военный отдел ГПО при Штабе партизанских отрядов Приморья, дислоцировался в селе Анучино, которое стал центром Приморской области ДВР. Отдел возглавил М.А. Аникеев (Анисимов) [4, С. 140].

Список литературы:

1. ГАЗК. Ф. Р-15. Оп. 1.
2. ГАПК. Ф. П-61. Оп. 2. Д. 1103.
3. Земская жизнь Приморья. 1921. № 1.
4. Кирмель Н.С., Шинин О.В. Красные против белых. Спецслужбы в гражданской войне 1917-1922. М.: Вече, 2016.
5. Приказы сухопутным и морским силам Временного правительства Дальнего Востока за 1920 г.
6. РГВА. Ф. 40319. Оп. 1. Д. 9.
7. РГВА. Ф. 40319. Оп. 1. Д. 10.
8. РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 936.
9. РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 938.
10. РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 2. Д. 245.
11. РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 2. Д. 249.
12. РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 2. Д. 285.
13. РГИА ДВ. Р-534. Оп. 2. Д. 341.
14. РГИА ДВ. Р-534. Оп. 2. Д. 344.
15. РГИА ДВ. Р-534. Оп. 2. Д. 393.
16. РГИА ДВ. Р-534. Оп. 2. Д. 442.
17. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1399.
18. Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики, 1920 – 1922. Владивосток, 1990.

УДК 357.746.1:94(571.1/5)“1922/1934”

ВАСИЛЕВСКИЙ В. П. (Омск)
Омский государственный университет

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИМИДЖА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГПУ–ОГПУ (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИЙ ИЗ ОМСКОЙ ГАЗЕТЫ «РАБОЧИЙ ПУТЬ»)

Аннотация: В статье охарактеризован информационный потенциал омской газеты «Рабочий путь» как источника по истории советских органов государственной безопасности. Автор приходит к выводу, что посредством публикаций о деятельности омских чекистов государство на региональном уровне проводило информационную политику, обеспечивавшую положительное отношение жителей региона к их деятельности, а значит и поддержку этой деятельности. Исторический опыт советской информационной политики в настоящее время актуален.

Ключевые слова: органы государственной безопасности, ГПУ–ОГПУ, Омское Прииртышье, газета «Рабочий путь».

VASILEVSKY V. P. (Omsk)
Omsk State University

INFORMATION POLICY OF THE SOVIET STATE FOR FORMING A POSITIVE IMAGE OF THE GUP–OGPU ORGANS (ON THE EXAMPLE OF PUBLICATIONS FROM THE OMSK NEWSPAPER «WORKING WAY»)

Annotation: The article describes the information potential of the Omsk newspaper «The Worker`s way» as a source on the history of the Soviet state security agencies. The author comes to the conclusion that, through publications on the activities of Omsk chekists, the state at the regional level carried out an information policy that provided a positive attitude of the region's inhabitants to their activities, and hence support of this activity. The historical experience of the Soviet information policy is currently relevant.

Keywords: state security bodies, GPU–OGPU, Omsk-Irtysh region, the newspaper « Worker`s way ».

Специфика работы спецслужб обуславливает их закрытый характер от общества и периодической печати. Большинство операций проведенных органами государственной безопасности десятилетиями не становятся известны общественности, по вполне очевидным причинам находясь под грифом секретности. Вместе с тем государство всегда заинтересовано в положительном ими-

дже своих органов безопасности и средства массовой информации являются основным средством его формирования.

В период распада СССР и 1990-е гг. отечественные СМИ вносили в информационное пространство и, соответственно в общественное сознание, значительный массив негативной информации о советских и российских спецслужбах, подрывая тем самым доверие населения к ним и государству в целом. С 2000-х гг. ситуация изменилась в лучшую сторону, но, к сожалению, негативное влияние информационного вброса двух предшествующих десятилетий до сих пор в полной мере не преодолено. В этой связи интересен советский региональный опыт 1920-х гг. В то время деятельность спецслужб широко освещалась не только в общегосударственном масштабе, но и на региональном уровне. Например, деятельность органов ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье на протяжении 1920-х гг. сопровождалась информационной поддержкой в местной газете «Рабочий» для региона являвшейся основным периодическим изданием, читаемым большинством жителей. Газета «Рабочий путь» являлась органом местного губкома, а затем и окружкома партии, изданием проводившим линию партийно-государственного руководства страны и региона. Подшивки газеты за 1920–1930-е гг. сохранились в полном объеме, в хорошем состоянии.

В начале 1920-х гг., после реформирования ВЧК в ГПУ–ОГПУ, органы государственной безопасности на территории Омского Прииртышья были относительно открытой для общества структурой. В 1922–1925 гг. на страницах омской газеты «Рабочий путь» достаточно часто появлялись материалы, отражавшие различные аспекты жизнедеятельности органов ГПУ–ОГПУ на территории Омской губернии: информация с подробными биографиями руководителей, статьи, актуализирующие деятельность сотрудников спецслужб, материалы о текущих делах и пр.

В отношении открытости работы чекистов особенно показательно обширное интервью, данное первым начальником Омского губотдела ГПУ В.Ф. Тиуновым. Виктор Фотьевич Тиунов с 1917 г. состоял в партии большевиков. Был активным участником Гражданской войны, работавшим в антиколчаковском подполье. С 1919 г. находился на чекистской работе, принимая активное участие в создании органов ЧК в Сибири. В 1922 г. был председателем Омской губЧК и, соответственно, начальником Омского губотдела ГПУ [1, С. 413]. Именно он отвечал за реформу органов ВЧК в Омском Прииртышье. 8 июля 1922 г. В.Ф. Тиунов дал объемное интервью газете «Рабочий путь» о реформировании советских органов безопасности в регионе и об их текущей работе. Отдельные аспекты этого интервью уже использовались нами в монографии [2]. Но его анализа, как исторического источника не предпринималось. Публикация в партийном печатном органе региона такого интервью имело политическую подоплеку. Органы безопасности РСФСР были тогда в стадии реформирования, и массам необходимо было разъяснить его суть. Кроме того, в это время партийно-государственное руководство страны проводило кампанию

против эсеров, в ней органы ГПУ играли ведущую роль. В Омске эта акция имела свою специфику, которая хорошо просматривается, если сравнить деятельность чекистов с работой их коллег в других регионах [3]. Интервью преследовало цель разъяснить населению Омского Прииртышья смысл борьбы власти с эсерами.

Интервью В.Ф. Тиунова было озаглавлено «Политическое положение Омской губернии и борьба с контрреволюцией». Оно было четко структурировано и имело следующие разделы: «Реорганизация аппарата», «Уездные органы ГПУ», «Местные эсеры», «Вооруженная борьба и стихийные восстания», «Кооператоры», «Настроения деревни», «Выводы». Уже по названию разделов интервью читатель мог судить о приоритетах в работе сотрудников органов ГПУ в середине 1922 г. Вначале В.Ф. Тиунов разъяснял суть реформы советских органов безопасности. По его словам, «функции ГПУ по сравнению с ВЧК значительно сужены. В задачи ГПУ входит борьба с врагами Советской власти, предупреждение и подавление выступлений, раскрытие контрреволюционных организаций, борьба со шпионажем и т.п. Функции судебной и карательной у ГПУ совершенно нет – все дела о раскрытых преступлениях передаются в судебные органы». Далее начальник губотдела ГПУ раскрыл основные направления текущей работы своих подчиненных в связи с особенностями региона. В.Ф. Тиунов подробно охарактеризовал деятельность ГПУ в Омске в отношении эсеров, кооператоров, настроения деревни. Было отмечено, что «по местным условиям и только временно приходится вести наиболее крупные уголовные дела по служебным преступлениям, как например, дело исилькульского отделения Сибвнешторга. Объясняется это слабостью следственного аппарата губъюста и губрозыска, в силу чего в феврале–марте приходилось также участвовать в работе по ликвидации чисто уголовных бандитских шаек, безобразные деяния которых приняли угрожающие размеры». В заключении статьи редакция газеты сообщала, что «т. Тиунов принял предложение редакции и согласился, что время от времени необходимо освещать деятельность органов охраны революционного порядка, тем более, что эти учреждения обывательской массой окутываются густым туманом нелепых сплетен, чудовищных вымыслов, всяких ужасов и т.п.». Но уже скоро органы ГПУ–ОГПУ стали закрыты от общества и больше ни один из начальников органов ГПУ–ОГПУ Омского Прииртышья не дал столь информативного интервью о деятельности своего подразделения местной газете.

Для 1920-х гг. правилом стало информационные кампании в печати направленные на формирование положительного общественного мнения в отношении крупных чекистских операций в отношении противников государственной власти и правящей партии. В начале 1920-х гг. органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье активно участвовали в кампаниях правящей партии, управленческий аппарат которой являлся и государственным аппаратом. Это были политические кампании против эсеров [4, 5 и др.] и РПЦ [6, 7 и др.]. Также органы ГПУ–ОГПУ активно участвовали в выводе экономики из состояния

разрухи. Они занимались наведением порядка на железнодорожном транспорте и борьбой с коррупцией [9, 10 и др.]. По всем этим направлениям деятельности омских чекистов газета «Рабочий путь» печатала пропагандистские материалы, направленные на организацию поддержки политики государства со стороны населения.

Со второй половины 1920-х гг. закрытость органов ОГПУ в Омском Прииртышье возросла. В газете «Рабочий путь» стало меньше конкретной информации об их деятельности. Но и в этот период на страницах газеты можно найти достаточно много сведений о работе советских органов безопасности в регионе. В обязательном порядке газета выделяла главную полосу для поздравления работников советских спецслужб ко дню чекиста (20 декабря). Помимо праздничных публикаций от имени редакции и партийных и советских руководителей региона, в праздничных номерах печатались статьи написанные местными чекистами об их деятельности. В статье «Органы ВЧК–ОГПУ на хозяйственном фронте», приуроченной к десятилетнему юбилею органов ВЧК–ОГПУ, начальник экономического отдела Омского окротдела ОГПУ Я.Я. Веверс выделил основные достижения органов государственной безопасности в Омском Прииртышье в сфере обеспечения экономической безопасности государства. Он подробно описал основные направления работы органов государственной безопасности на территории Омского Прииртышья в сфере экономики за 10 лет [11]. Во второй половине 1920-х гг. газета «Рабочий путь» продолжала оказывать информационное сопровождение политическим кампаниям правящей партии проводимым через органы ОГПУ. В первую очередь это была борьба с внутрипартийной оппозицией и коллективизацией, активно печать продолжала освещать экономическую деятельность чекистов.

Таким образом, в 1920-х гг. деятельность органов ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье довольно широко освещалась на страницах центральной газеты региона «Рабочий путь». В газете публиковались биографические сведения местных руководителей органов государственной безопасности, материалы о повседневной жизни и деятельности органов ГПУ–ОГПУ. Ежегодно на страницах газеты помещались материалы к годовщине создания советских спецслужб, отражавшие отношение к ним со стороны партийно-государственного аппарата, идеологические установки и актуальные задачи для деятельности сотрудников органов государственной безопасности.

Материалы газеты позволяют понять исторические условия деятельности чекистов, которая была тесно связана с политикой правящей партии и проводимыми ею общегосударственными кампаниями (кампания по борьбе с внутрипартийной оппозицией, коллективизация и т.п.). При анализе публикаций газеты «Рабочий путь» о деятельности органов ГПУ–ОГПУ, становится очевидным, что регулярно печатая материалы о деятельности омских чекистов государство на уровне региона проводило информационную политику обеспечивавшую положительное отношение жителей Омского Прииртышья к их деятельности, а значит и поддержку этой деятельности.

Список литературы:

1. ВЧК. 1917–1922. Энциклопедия / авт.-сост. А.М. Плеханов, А.А. Плеханов. М.: Вече, 2013. 512 с.
2. Василевский В.П., Сушко А.В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье : монография Омск : Изд-во ОмГТУ, 2017. 280 с.
3. Гуларян А.Б. Нейтрализация органами ГПУ–ОГПУ движения эсеров на территории Омской и Орловской губерний в 1920-х гг. Опыт сравнительного анализа // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. №6. С. 33–39.
4. Рабочий путь. 1922. 8 июля.
5. Рабочий путь. 1922. 31 мая.
6. Рабочий путь. 1922. 2 июля.
7. Рабочий путь. 1922. 26 апреля.
8. Рабочий путь. 1922. 22 июня.
9. Рабочий путь. 1923. 19 января.
10. Рабочий путь. 1923. 8 октября.
11. Рабочий путь. 1927. 17 декабря.

УДК 94(470) «1941–1944»

ВЕРИГИН С. Г. (Петрозаводск)
Петрозаводский государственный университет

ЗАФРОНТОВАЯ РАБОТА СОВЕТСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ ПРОТИВ ФИНСКИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье предпринята попытка на основе анализа большого комплекса архивных документов из фондов российских и финляндских архивов, многие из которых до последнего времени были секретными и только недавно стали доступны исследователям, раскрыть основные направления борьбы советской контрразведки по противодействию финским разведшколам на Карельском фронте в 1941 – 1944 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советская контрразведка, финские разведшколы, Карельский фронт, агентура.

VERIGIN S. G. (Petrozavodsk)
Petrozavodsk state university

BEHIND THE LINES WORK OF SOVIET COUNTERINTELLIGENCE AGEINST FINNISH INTELLIGENCE SCHOOLS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation: An attempt to show main directions of the struggle of Soviet counterintelligence against Finnish intelligence schools at the Karelian Front in 1941–1944 is made in the article based on the analysis of a wide range of archival documents from the funds of Russian and Finnish archives many of which were secret up to the present time and recently became available for researchers.

Keywords: the Great Patriotic War, Soviet counterintelligence, Finnish intelligence schools, the Karelian Front, secret service.

История борьбы советской контрразведки против деятельности разведывательных служб Финляндии в годы Великой Отечественной войны представляет значительный интерес для исследователей, так как дает возможность более объективно и всесторонне показать военное противоборство между СССР и союзницей Германии на северо-западном участке фронта – Финляндией. Финляндия, вступив летом 1941 г. в войну против СССР, также как и Германия, рассчитывала на быструю победу над РККА. Исходя их этих расчетов, перед началом военных действий финская военная разведка не создала разведывательных школ по подготовке агентуры для получения сведений о РККА и ее планах. Однако в условиях установившейся на Карельском фронте с декабря 1941 г. позиционной войны и столкнувшись с острой нехваткой информации о

противнике, руководство финской военной разведки принимает решение о развертывании разведывательно-диверсионных школ по подготовке разведчиков, радистов и диверсантов. На рубеже 1941–1942 гг. на приграничной территории Финляндии и оккупированной части Советской Карелии финская разведка создала 5 разведшкол: в Петрозаводске (2 школы), Рованиеми, Суомуссалми и Медвежьегорске. Кроме того, в районе г. Рованиеми была сформирована немецкая разведывательно-диверсионная школа [6, с.128-141].

Разведывательные задачи забрасываемой разведшколами агентуре ставил разведывательный отдел Главной Ставки. Они включали: выявление тактических и стратегических планов командования Красной Армии; сбор данных о политико-моральном состояний РККА и населения советского тыла; сбор сведений военного характера и данных о состоянии промышленных предприятий, работающих на оборону, а также о железнодорожном, шоссейном и водном транспорте и др. Кроме того, финская разведка готовили агентуру для внедрения в действующую РККА для сбора разведданных. Агентура направлялась в ближний и глубокий тыл Карельского и Ленинградского фронтов: города Беломорск, Сегежа, Пудож, Мурманск, Кандалакша, а также населенные пункты Ленинградской, Архангельской, Мурманской и Вологодской областей [2, с. 35; 8, с. 121; 9, с. 15; 10, с. 182].

Активность немецкой и финской разведок на Карельском фронте вызывали беспокойство у военно–политического руководства СССР и командования РККА. Поэтому, перед органами безопасности были поставлены задачи по локализации их деятельности. Эти мероприятия осуществлялись по двум направлениям: 1-е - внедрение своих разведчиков и агентов в разведывательные школы; 2-е - ликвидация или уничтожение разведывательных школ противника. При этом все действия проводились параллельно и одновременно территориальными органами НКВД Карело-Финской ССР (КФССР) и военной контрразведкой Карельского фронта, причем мероприятия по второму направлению возлагались на 4-й отдел НКВД (НКГБ) КФССР.

Первое направление было более успешным в работе советской контрразведки на Карельском фронте в 1941-1944 гг. В марте 1942 г. Особый отдел Карельского фронта внедрил в Косалмский разведывательный пункт финской разведки своего разведчика – Степана Дмитриевича Гуменюка. При отработке его биографии сотрудники Особого отдела пришли к выводу оставить ее без изменения, полагая, что противник может сам все узнать (родители Гуменюка находились на оккупированной территии – С.В.); обсудили объем информации о советской воинской части, которую передаст Гуменюк на допросах у противника, одновременно в задание ввели элементы дезинформации о наших войсках. На заключительном этапе отработали технику перехода разведчика на сторону противника, уточнили линию его поведения на допросах, при общении с военнопленными и, особенно, с администрацией и курсантами разведывательной школы, если он будет в нее зачислен, о методах сбора сведении и способах связи. К концу февраля 1942 г. подготовка агента была завершена, все вопросы по

заброске и заданию «Ленинградца» (такой псевдоним получил Гуменюк) утвердили у руководства Особого отдела Карельского фронта.

В одну из ночей начала марта 1942 г. Гуменюк через Повенецкую губу Онежского озера был переброшен в тыл финнов под видом изменника Родины. Заметив противника, он поднял руки, держа в одной из них белый платок, и зашагал им навстречу. После допросов его направили в лагерь для военнопленных, где Гуменюк работал на каменоломнях. В конце марта 1942 г. его вызвали в канцелярию лагеря, где финский майор снова стал допрашивать: его интересовали место рождения, работа, родственники, служба в РККА, судимость и пребывание в заключении, обстоятельства перехода на сторону противника. Особый интерес майор проявил к Беломорскому гарнизону, в одной из частей которого Гуменюк служил. Разведчик на все вопросы отвечал по отработанной легенде. Судя по всему, финская сторона осталась довольна ответами Гуменюка, и в начале апреля 1942 г. его поселили в небольшом домике на окраине Петрозаводска. Далее с ним беседовали капитан Мармо и майор Раски (начальник Петрозаводской школы финской разведки). Они завербовали его в качестве агента финской разведки под псевдонимом «Александр Морозов», зачислив в состав курсантов Петрозаводской разведшколы.

Трехмесячная подготовка пролетела быстро и начальник разведшколы майор Раски поставил Гуменюку задачу, состоящую из 2 частей: во-первых, проникнуть в Беломорск, установить местонахождение штаба Карельского фронта и воинских частей, собрать сведения об установленном в гарнизоне Беломорска режиме; во-вторых, войти в здание штаба Карельского фронта и подложить в удобном месте взрывчатое вещество с часовым механизмом. В июне 1942 г. Гуменюк был заброшен в советский тыл на самолете в район Беломорска. Благополучно приземлившись, Гуменюк забрал взрывное устройство и парашют и пришел в Особый отдел Карельского фронта, где рассказал о пребывании в финской разведывательной школе, о ее деятельности и о данном ему разведывательно-диверсионном задании, сообщил о том, что противнику известно, в каком здании располагается штаб фронта. С разведчиком встретились командующий Карельского фронта генерал В.А. Фролов и начальник Особого отдела фронта А.М. Сиднев.

На основании информации, полученной от разведчика Особого отдела, командование приняло ряд важных решений. Было признано в 2-недельный срок осуществить передислокацию штаба фронта. В связи с данными о передвижении вражеских войск в северном направлении предполагалось провести серию мероприятий по усилению наблюдения за противником на Ухтинском направлении. Для укрепления положения разведчика в стане противника решили имитировать совершение Гуменюком «по собственной инициативе» диверсии на военных складах, расположенных на окраине Беломорска. Идею этой инсценировки выдвинул командующий Карельским фронтом В.А. Фролов.

После «совершения диверсии» в Беломорске 29 июня 1942 г. Гуменюк был переправлен через линию фронта из района г. Сегежи под видом агента разведки противника, возвращающегося на свою сторону после успешного выполнения задания в тылу советских войск. Перед ним была поставлена задача –

еще глубже внедриться в разведку противника, продолжать сбор сведений о замыслах противника, об агентах, подготовленных к заброске в расположение и на коммуникации Карельского, Ленинградского и Волховского фронтов со шпионско-диверсионными заданиями. По возможности, после тщательного и всестороннего изучения, вести работу по склонению заслуживающих доверия агентов из числа советских военнопленных к явке с повинной. Однако не был решен очень важный вопрос: не были отработаны способы связи Гуменюка с Особым отделом Карельского фронта в случае новой заброски на советскую территорию.

После перехода нейтральной полосы Гуменюк вышел к переднему краю вражеской обороны. Был задержан противником и доставлен в финскую разведшколу. Майор Раски остался доволен докладом, после чего Гуменюк вместе с капитаном Мармо составил подробную схему того района Беломорска, где стоял «уничтоженный» Морозовым склад. И началась проверка достоверности успешно проведенной агентом диверсии, которая сначала вызывала у Раски сомнения. Повторная аэрофотосъемка подтвердила данные Гуменюка об уничтожении военного склада. Раски объявил Гуменюку, что он положительно оценивает работу, проделанную им в Беломорске. За проявленное мужество, инициативу и находчивость командование наградило Гуменюка медалью «За заслуги» 2-й степени [7, с. 180-203].

После возвращения из советского тыла и дальнейшей проверки Гуменюк был зачислен в штат Косалмского разведотряда на правах финского солдата. В сентябре 1943 г. в составе группы из 3 человек он был заброшен в район Сегежи, но связаться с Управлением контрразведки «Смерш» Карельского фронта не смог, так как группа отсиделась в лесу. Больше в советский тыл его не направляли. В конце июня 1944 г. в составе 12 выпускников разведшколы оказался Гуменюк в районе финского города Йоэнсуу [2, с. 8-9].

В декабре 1944 г. Косалмское разведотделение расформировывается. Гуменюку выдали финскую медаль, и он самостоятельно устроился (по финскому паспорту) на службу в пограничную охрану в районе Петсамо. В мае 1945 г. после учебы в погранШколе в Хельсинки Гуменюк нашел возможность посетить Союзную контрольную комиссию и 16 мая 1945 г. его тайно на самолете вывезли в Ленинград [2, с. 9-10].

Возвратившись в Ленинград, С.Д. Гуменюк представил в военную контрразведку ценные сведения о деятельности разведывательных органов противника, об известных ему официальных сотрудниках и, особенно, агентах вражеской разведки, заброшенных или подготовленных к заброске на территорию нашей страны с подрывными заданиями. Сообщил также сведения о возможных местах нахождения вывезенных в Финляндию агентов [2, с. 10]. В своем отчете указал около 100 чел., из которых: 21 кадровый сотрудник финской разведки, 22 человека из числа обслуживающего персонала, 27 агентов, 21 члена диверсионно-разведывательных групп [2, с.10]

В Рованиемскую разведшколу (2-ую по опыту и размаху деятельности после Петрозаводской) были внедрены агенты военной контрразведки Карель-

ского фронта О.В. Сожинский и А.М. Крутиков. Советские разведчики успешно работали и в других финских разведшколах. Всего к 1944 г. за линией Карельского фронта на оккупированной территории Карелии и Финляндии работало 82 зафронтовых агента УКР «Смерш» Карельского фронта [1, с. 5-6].

Внедрение в разведшколу, аресты финских агентов позволили карельской контрразведке уже к июлю 1943 г. получить информацию на 64 агента Петрозаводской разведшколы: биографические данные, псевдонимы, даты их заброски, характер задании. Была также получена информация о руководителях, преподавателях и курсантах других разведшкол противника, формах и методах.

Наряду с заброской своих агентов за линию фронта с целью внедрения их в разведорганы финской и немецкой разведок УКР «Смерш» Карельского фронта и 4-й отдел НКВД КФССР вели активную работу по перевербовке агентов противника. Так, сотрудниками военной контрразведки в 1943 г. был арестован агент немецкой разведывательной школы в г. Рованиеми «Гудок» (Николай Андреевич Колесов). Он был перевербован и снова заброшен за линию фронта с целью еще более глубокого внедрения в немецкую разведшколу вместе с другим агентом «Зориным» (Михаил Васильевич Рожков), причем «Гудок» и «Зорин» не были расшифрованы друг перед другом.

«Зорин» вернулся на советскую территорию в июле 1943 г. вместе с 5 военнопленными, бежавшими из немецкого плена. У военных контрразведчиков возникли сомнения в правдивости показаний «Зорина». Он был помещен на конспиративную квартиру для проверки. К нему подселили советского агента «Цветкова», который вошел в доверие к «Зорину» и раскрыл его как немецкого агента, завербованного немецкой разведшколой в Рованиеми. «Зорин» действовал не по легенде, а передал противнику всю информацию о своей подготовке в советской разведшколе, в том числе сдал и агента «Гудок».

На войне учились обе стороны. С 1943 г. финская разведка стала организовывать «групповые побеги из плена советских военнопленных», внедряя в эти группы своих агентов. Иногда включали в «группы побега» нескольких агентов без их расшифровки друг перед другом. В июле 1943 г. из немецкого плена бежали 5 военнопленных. Но в этой группе был зафронтовой агент УКР «Смерш» Карельского фронта «Ершов», который на допросе показал, что побег был инсценирован немецкой разведкой, создавшей условия для побега. В группу были включены немецкие агенты с целью внедрения в советские разведшколы.

Более сложным для советской контрразведки в период Великой Отечественной войны на Карельском фронте был вопрос о ликвидации разведшкол финской разведки. Впервые вопрос об уничтожении Петрозаводской школы финской разведки официально обсуждался в конце сентября 1942 г. Именно тогда 4-й отдел НКВД КФССР совместно с ЦК КП(б) КФССР разработал «План проведения специальных мероприятий по “Т” (террор) и “Д” (диверсии) на временно оккупированной противником территории на период октябрь и ноябрь 1942 г.». Вторым пунктом плана был предусмотрен «Разгром школы разведчиков в г. Петрозаводске в районе лесного техникума». Для этого 4-й отдел НКВД КФССР к 15 октября 1942 г. планировал подготовить разведывательно-

диверсионную группу численностью 25 бойцов для заброски в тыл противника средствами Онежской флотилии. 27 сентября 1942 г. план был согласован с наркомом внутренних дел КФССР майором ГБ М. И. Баскаковым и 2 октября 1942 г. утвержден членом Военного совета Карельского фронта бригадным комиссаром Г. Н. Куприяновым [5, с. 298].

Однако по каким-то причинам план НКВД КФССР не был осуществлен. Можно предположить, что в дело вмешалось 4-е управление НКВД-НКГБ СССР, которым руководил П.А.Судоплатов. Видимо, Управление посчитало, что данный вопрос надо решать на более высоком уровне и само захотело принять участие в разгроме Петрозаводской школы финской разведки. Это подтверждается следующими событиями.

25 октября 1942 года по указанию П.А.Судоплатова заместитель начальника 4-го управления НКВД СССР старший майор госбезопасности Н. И. Эйтингон запросил руководство НКВД КФССР в кратчайший срок выслать все материалы о финской разведывательной школе в г. Петрозаводске: численность и расположение охраны, план занятых школой зданий и план прилегающей местности, внутренний распорядок и режим постоянного и переменного состава [2, с.157]. После изучения полученных из КФССР документов с целью проведения операции по разгрому Петрозаводской разведшколы в конце 1942 г. в составе отдельного мотострелкового батальона особого назначения 4-го управления НКВД СССР был сформирован спецотряд под названием «Суоми» (командир — капитан П.Б. Борисов). 5 февраля 1943 г. П.А.Судоплатов отправил шифрограмму наркому НКВД КФССР М.И.Баскакова, в ней говорилось: «Направляем Вам отряд капитана т. Борисова в составе 9 чел., которому поручено произвести отбор 60 бойцов из личного состава, находящегося в Вашем распоряжении спецотряда, для последующего зачисления в состав бригады особого назначения. Считаем целесообразным использовать его для проведения операции по разгрому финской школы разведчиков, находящейся в г.Петрозаводске. Прошу оказать необходимое содействие капитану Борисову в выполнении возложенных на него задач» [2, с. 77].

Через несколько дней – 9 февраля 1943 г. начальник 4 отдела НКВД КФССР старший лейтенант госбезопасности Изотов докладывал Судоплатову: «Направляю Вам список бойцов, сформированного спецотряда в количестве 46 чел. для зачисления в штат бригады. Прошу зачислить бойцов на все виды довольствия и выслать аттестат на указанное количество бойцов» [2, с.77]. В конце марта 1943 г. отряд был окончательно сформирован и передан в оперативное подчинение 4-му отделу НКВД КФССР и пополнен бойцами местного спецотряда.

Но следует отметить, что окончательное формирование отряда затянулось на полгода, что было связано с доукомплектованием спецотряда бойцами местной спецшколы из числа советских финнов и карел, хорошо владеющих финским языком. С этой целью весной 1943 г. оперработники 4-го отдела НКВД КФССР выезжали в Челябинск для подбора кадров из молодых финнов, эвакуированных (по факту насильственно депортированных) из Карелии

в 1941 г. (трудоармейцы). Их предполагали использовать в составе спецотряда отдельной мотострелковой бригады особого назначения 4-го УНКВД СССР.

О боевых действиях отряда «Суоми», направленного Судоплатовым в Карелию для ликвидации Петрозаводской школы финской разведки, у карельских исследователей нет единого мнения. Так, С.С. Авдеев весьма невысоко оценивает результаты деятельности отряда «Суоми». Он пишет: «Целью создания отряда было проведение специальных операций по финским разведорганам. Однако формирование отряда затянулось на полгода, его бойцы вместо боевой подготовки занимались строительством жилого дома НКВД в Беломорске и лишь в сентябре 1943 г. приняли участие в боевой операции, заминировав 5 км участка железной дороги в районе станции Илемсельга. В результате непродуманных вариантов отхода (рация не работала), при постоянном преследовании противником, преодолев пешим порядком в течение двух недель 360 км, отряд вышел в Беломорск» [4, с. 11].

Несколько иную позицию занимает Э. П. Лайдинен. Он отмечает: «После формирования отряд Борисова дважды направлялся в тыл противника для проведения диверсий среди финских войск и оба раза успешно выполнил задания. Так, в сентябре 1943 г. бойцы спецотряда “Суоми” приняли участие в боевой операции, заминировав 5 км участка железной дороги в районе ст. Илемсельга (Кондопожский район)» [5, с. 299].

Однако подчеркнем, что отряд «Суоми» так и не был использован для своего прямого назначения, определенного начальником 4-го управления НКВД СССР П.А.Судоплатовым – уничтожения Петрозаводской разведшколы и в ноябре 1943 г. был отозван в Москву. Время для проведения операции было упущено. Более того, по мнению финляндских исследователей, к концу 1942 г. финская разведка получила данные о намерениях НКВД КФССР по уничтожению разведывательной школы и в марте 1943 г. Петрозаводская разведшкола из Петрозаводска была переведена в пригород – в район озера Шотозеро (Пряжинский район Карелии). Здесь она функционировала несколько месяцев, а осенью 1943 г. была передислоцирована на территорию Финляндии в район Руоколахти [10, с.182; 11, с. 128].

Задачу по проникновению в Петрозаводскую школу финской разведки, а затем и ее уничтожению НКВД Карелии пытался решить и собственными силами. Его 4-й отдел в течение 1942-1944 гг. направил в тыл финских войск несколько подготовленных разведывательно-диверсионных групп. Однако эта деятельность также и не увенчалась успехом. Так, 26 октября 1943 г. в оккупированный Прионежский район катерами Онежской флотилии была заброшена агентурная группа 4-го отдела НКВД КФССР «Виктория» в составе Владимира Львовича Попова, Киприяна Матвеевича Поташева и Анны Ивановны Макушевой с задачей устроиться на нелегальное проживание на период зимы 1943–1944 гг. у своих родственников и, используя связи, проникнуть в Петрозаводск, проводя разведку деятельности Петрозаводской разведшколы. Группа не выполнила задание: Попов сдался в плен, позднее были задержаны и

другие члены группы. 25 октября 1943 г. в Шелтозерский район с аналогичной задачей забросили агентурную группу «Соратники» в составе агента «Кампайлу» и радиста «Зайцева». Однако группа «Соратники» вернулась обратно уже через 3 дня – 28 октября 1943 г., не выполнив задание [3, с. 22].

В связи с переводом Петрозаводской разведшколы на территорию оккупированного Пряжинского района 2 ноября 1943 г. в указанный район с задачей организации нелегальной резидентуры, выявления практической деятельности и кадров Петрозаводской разведшколы, а также вербовки агентуры из ее окружения была заброшена агентурная группа «Кама» в составе Константина Васильевича Манзырева, Семена Андреевича Вавулова и Евдокии Михайловны Сергеевой. Из-за предательства С.В. Вавулова группа не выполнила задание. Манзырев и Сергеева были убиты в перестрелке с финнами, а Вавулов после войны был осужден советским судом. 10 марта 1944 г. в этот же район с аналогичной задачей забросили агентурную группу «Приятели». Как стало известно после освобождения Петрозаводска, группа провалилась, разведчиков арестовали. С 30 марта по 21 июня 1944 г. радист группы «Кедровский» работал под диктовку противника, сообщая в НКГБ КФССР дезинформацию о деятельности Петрозаводской разведшколы. Таким образом, ликвидировать Петрозаводскую разведшколу не удалось. Более того, финны, зная о планах советских спецслужб, перевели ее еще осенью 1943 г. в Финляндию [3, с. 21].

Несмотря на отдельные провалы и неудачи, которые в первую очередь были связаны с тем, что не удались попытки ликвидации разведшкол финской и немецкой разведки, органы военной контрразведки Карельского фронта вместе с территориальными органами безопасности – 4-м отделом НКВД КФССР и пограничниками успешно противодействовали разведкам противника на северо-западном участке советско-германского фронта в 1941–1944 гг. Финские и германские разведшколы на Севере забрасывали агентуру в тыл РККА в течение всей войны. НКГБ КФССР в своем отчете о результатах контрразведывательной и следственной работы за 1941–1945 гг., направленном во 2-е (контрразведывательное) Управление НКГБ СССР 29 августа 1945 г., отмечал, что за период Великой Отечественной войны в тылу частей РККА на Карельском фронте было задержано 129 агентов финской разведки, окончивших разведшколы [2, с. 78-133].

Но надо отметить, что в финские и германские разведшколы подготовили и забросили в советский тыл значительно больше агентуры, чем было задержано советскими разведорганами. Так, по данным финского журналиста Ю. Рислакки в 1941–1944 гг. финская разведка забросила в тыл РККА до 500 агентов, из них половина – советские граждане [11, с. 249]. Их розыск шел и после Великой Отечественной войны, как в СССР, так и за рубежом, в ходе розыскных мероприятии практически всех агентов арестовали. В целом, можно сделать вывод, что, благодаря активности советской контрразведки, большинство мероприятий финской и германской разведок на северо-западе СССР были сорваны: разведкам противника не удалось осуществить ни одной серьезной диверсии в тылу РККА. Заброшенная в советский тыл агентура ограничивалась сбором информации визуальным путем и «в темную».

Список литературы:

1. Архив ФСБ России. Ф. 40. Оп. 12. Д. 106.
2. Архив УФСБ России по Республике Карелия. Фонд литерных дел. Оп. 1. Д. 25.
3. Архив УФСБ России по Республике Карелия. Фонд секретного делопроизводства. Оп. 1. Д. 302.
4. Авдеев С.С. Деятельность советских спецгрупп на Карельском фронте в тылу противника (1941—1944 гг.). // Карелия в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.: Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.). Петрозаводск, 2001.
5. Веригин С.Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939 – 1945 гг. Петрозаводск, 2009.
6. Веригин С.Г. Финские разведывательные школы на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Четырнадцатой ежегодной международной научной конференции. СПб., 2013.
7. Леонов И.Я., Смирнов Н.Т. В стане врага // Документы свидетельствуют. Армейская контрразведка в годы войны. М., 1994.
8. Чижевский Т.А. На Мурманском направлении // Документы свидетельствуют. Армейская разведка в годы войны. М., 1994.
9. Хлобустов О.М. Финские коммандос в советском тылу // Новости разведки и контрразведки. 2000. № 13–14.
10. Heiskanen R. Saadun tiedon mukaan... Päämajan johtama tiedustelu 1939-1945. Helsinki, 1989.
11. Rislakki J. Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. Helsinki, 1982.

УДК 94(470)

ВЕРИЖНИКОВ А. Н. (Брянск)
Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского

ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПЕЦСЛУЖБАХ НА ПРИМЕРЕ ЧАСТЕЙ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ (1918-1924 гг.)

Аннотация: В статье освещается специфика подбора, расстановки и учета кадрового и милиционного состава в частях особого назначения, действовавших в годы Гражданской войны и в первые послевоенные годы.

Ключевые слова: военно-партийные отряды, части особого назначения (ЧОН), спецслужбы, Гражданская война, коммунар.

VERIZHNIKOV A. N. (Bryansk)
Bryansk state university named after academician I. G. Petrovsky

FEATURES OF RECRUITMENT IN THE NATIONAL ARMED FORCES AND SECURITY SERVICES FOR EXAMPLE, THE SPECIAL FORCES (1918–1924)

Annotation: The article highlights the specificity of selection, placement and accounting personnel and militia members in the special forces, which operated during the Civil war and the early postwar years.

Keywords: military party units, special forces (CHON), special services, Civil War, the Communards.

Всестороннее изучение событий Гражданской войны и комплексный анализ становления советской государственности как в целом в масштабах страны, так и в регионах неразрывно связан с историей деятельности советских спецслужб. При этом, для решения указанных задач в полном объеме исследование создания и развития только органов государственной безопасности явно недостаточно. Деятельности частей особого назначения, в отличие от ВЧК, достаточного внимания со стороны исследователей не уделялось. Между тем, они сыграли важную роль в установлении и укреплении советской власти и нуждаются в тщательном изучении.

Части особого назначения – воинские формирования, именовавшиеся также военно-партийными отрядами, коммунистическими отрядами, отрядами особого назначения, создававшиеся комитетами коммунистической партии в самый разгар Гражданской войны и в первые послевоенные годы. ЧОНы активно участвовали в боевых действиях с белыми армиями, в тылу обеспечивали деятельность советских органов, боролись с бандитскими и антисоветскими выступлениями, принимали участие в продовольственных кампаниях и в изъя-

тии церковных ценностей. Подобных формирований в отечественных спецслужбах, как советских, так и дореволюционных, не существовало. Важнейшей особенностью, отличавшей их от многих других воинских подразделений, являлось комплектование и дальнейшее служебное предназначение личного состава.

ЦК РКП (б) постановлением от 18 мая 1918 г. обязал всех коммунистов немедленно приступить к обучению военному делу. На партийные организации была возложена вся ответственность за претворение в жизнь данного решения. ЦК РКП (б) рекомендовал привлекать в отряды особого назначения не только коммунистов, но и «сочувствующих» по рекомендации заводских партийных организаций и райкомов партии. Формирование и организация отрядов особого назначения проводилась на принципах милиционно-территориальной системы комплектования войск [7, с. 106].

Главной задачей военного обучения коммунистов являлось индивидуальное овладение применением винтовки, пулемета и ручных гранат. В связи с недостатком коммунистов на инструкторские и штабные должности назначались беспартийные сотрудники. Отряды особого назначения создавались из оставшихся на местах коммунистов, которые не попали под мобилизацию, они не имели отчетливой структуры и управления, действовали они, как правило, только в местах дислокации.

Приказом Реввоенсовета республики № 1010/183 от 20 июня 1919 г. объявлялась утвержденная ЦК РКП (б) 14 мая 1919 г. инструкция о создании в крупных городах отрядов коммунистов, комсомольцев, им сочувствующих и рабочих в составе отделений, взводов, рот и батальонов.

Отряды особого назначения вместе с регулярной армией участвовали в боевых операциях, их активно использовали для охраны важных объектов, а также для сохранения общественного порядка, подавления антиправительственного сопротивления. К осени 1919 г. отряды особого назначения были созданы во многих губерниях РСФСР, а также на Украине, в Белоруссии, Казахстане.

Следует отметить, что отряды особого назначения действовали отнюдь не изолированно. Они являлись составной частью военной организации Советской республики, в которую входили РККА, войска ВЧК (которые, как и отряды особого назначения, боролись с повстанцами и бандитами), продовольственно-реквизиционная армия, войска по охране железных дорог, водных путей сообщения, конвойная стража, пограничная охрана [12]. Однако на начальном этапе своего существования военно-партийные отряды занимали в обеспечении безопасности Советского государства скромное место, что было обусловлено как организационными трудностями, так и незначительным числом командиров и бойцов. Численность РККА к концу 1919 г. выросла до 3 млн. чел. [1, с. 347], войска ВЧК к середине 1919 г. включали почти 18 тыс. чел., в охране путей сообщения было задействовано в общей сложности более 100 тыс. чел. [12]. В то же время формирование и организация отрядов особого назначения во многих губерниях проводилось зачастую без каких-либо указаний из центра, методами

«кустарничества», списочная их численность была невелика (например, в Нижегородской губернии – 400 человек) [6, с. 53]. Лишь осенью 1919 г., после того, как стало активно проводиться в жизнь решение ЦК РКП(б) о массовой военно-партийной мобилизации, количество коммунаров стало неуклонно расти. К концу 1919 г. общая численность отрядов особого назначения была доведена до 30,5 тыс. чел. [13, с. 87].

Для успешного решения задач, возлагаемых на части особого назначения, их необходимо было укомплектовать соответствующим личным составом. 8 мая 1919 г. ЦК РКП (б) разослал письмо партийным организациям об изменении порядка комплектования отрядов особого назначения. В письме указывалось, что военное обучение коммунистов должно проходить в нерабочее время и зачисление в части особого назначения не может служить причиной для освобождения тех или иных коммунистов от партийной мобилизации в Красную армию или от очередного призыва в войска. В отличие от апрельской директивы, в майском письме указывалось, что части особого назначения организуются лишь в столичных и губернских городах [7, с. 107].

ЦК РКП (б) в мае 1919 г. создал специальную комиссию для руководства организацией отрядов особого назначения, подобные комиссии также были образованы при губкомах и горкомах. Принятые меры по созданию отрядов особого назначения и несению ими службы позволили во второй половине 1919 г. усовершенствовать их формирования, лучше организовать их службу и военную подготовку [7, с. 107].

О действительном положении дел в коммунистических отрядах на начальном этапе их деятельности говорилось в заметке ответственного организатора отрядов особого назначения РСФСР Семенова, написанной зимой – весной 1920 г., в которой автор некоторые имевшиеся неизбежные трудности списывает даже на злой умысел врагов: «Не было никакого управления. ЦК и его секретарь не могут вдвоем руководить отрядами численностью в 30-40 тыс. чел. Определенных инструкций с точным указанием не было создано. Почти каждый отряд самостоятельно вырабатывал «свою» инструкцию и формировался и обучался… в результате при первых же мобилизациях получился полный хаос с массой недоразумений. Хотя приказом № 1010 и было установлено правило снабжения отрядов, но, к сожалению, настолько неудовлетворительно, что есть подозрение, что кто-то нарочно, как говорится, «подставил ногу» формированию отрядов особого назначения, в результате чего они оказались невооруженными, а если и вооружались разным старьем, так что были беспомощны во время пребывания на фронтах, где их, разумеется, не могли снабжать патронами всех существующих в мире систем. Не хватало инструкторов. Приходилось звать на помощь военспецов. И все-таки, несмотря на эти недочеты, отряды особого назначения во многих случаях сыграли видную роль, в особенности на фронтах (как «ударники»)» [10, л. 7-7об].

Отряды особого назначения, несмотря на наличие некоторых директивных документов, возникали стихийно в условиях, когда ни органы правопорядка, ни вооруженные силы еще не окрепли и нуждались в усилении. Они прини-

мали активное участие в военных действиях на фронтах Гражданской войны и внесли существенный вклад в победу над силами сопротивления большевиков.

Осенью 1919 г. для отрядов особого назначения начался послевоенный этап их деятельности. В ноябре 1919 г. отряды особого назначения были включены во Всевобуч (всеобщее военное обучение трудящихся). ЦК РКП(б) при этом преследовал цель улучшить военную подготовку бойцов отрядов особого назначения, повысить в целом их боеспособность и, кроме того, усилить партийное влияние в подразделениях Всевобуча. Партийное руководство искало наиболее рациональную организационно-штатную структуру отрядов особого назначения для повышения еще недостаточно эффективной их деятельности. Система Всевобуч была создана Декретом ВЦИК от 22 апреля 1918 г. с целью создания резервов для РККА и распространялось на рабочих и крестьян.

В Инструкции по слиянию отрядов особого назначения с территориальными кадрами Всевобуча отмечалось, что отряды особого назначения вводятся в систему Всевобуч с «расчетом обеспечить дух» формирования Всевобуча и сохранить их так, чтобы обеспечить самостоятельность и организацию в отряды по распоряжению местной партийной организации. С этой целью подразделения, созданные в соответствии с приказом РВСР от 20 июня 1919 г. № 1010/183, передавались в соответствующие территориальные кадры, а где их не было, создавались, после чего также передавались в территориальные кадры [9, л. 3].

К марту 1920 г. относится также попытка создать коммунистические части из комсомольцев на общих основаниях с коммунистическими частями. Зачислению в них подлежали комсомольцы старше 18 лет. Комсомольские коммунистические части должны были подчиняться старшему начальнику коммунистических частей из членов РКП (б) в месте пребывания части из РКСМ.

Предлагалось создать комиссии из представителей: одного от местной организации РКСМ, одного от ротного участка коммунистических частей и одного от здравотдела на предмет освидетельствования здоровья членов и кандидатов РКСМ при зачислении в коммунистические части на предмет отсрочки и освобождения от несения службы в коммунистических частях.

Кроме указанных комиссий, предусматривалось создание комиссии из представителей: одного от местной организации РКСМ и двух от органов Всевобуча для испытания и разделения зачисляемых в части на прошедших и не окончивших обучение по 96-часовой программе. С непроходившими и непрошедшими обучения полагалось производить занятия не менее одного раза в неделю, по 3 часа в день.

Отряды особого назначения были призваны «во всякий момент дать вооруженный отпор всякому контрреволюционному выступлению» [3, л. 67об]. В связи с этим их предполагалось формировать «исключительно из преданных делу коммунизма элементов». В первую очередь, в них зачислялись те, кто вступил в партию до Октябрьской революции 1917 г. Те же, кто стали членами коммунистической партии после указанного срока, зачислялись лишь по рекомендации двух старых партийцев и с разрешения губкома РКП (б).

Формирование коммунистических частей производилось по территориальному принципу в виде фабрично-заводских отрядов. Они могли составлять одно или несколько отделений, взводов, рот и батальонов, в зависимости от численности отряда, из расчета минимального численного состава: отделения – 15 человек, взвода – 43, роты – 144 и батальона – 430; основной строевой единицей являлась рота, основной административно-хозяйственной единицей – батальон или отдельная рота, не входящая в состав батальона [3, л. 59].

В основу программы обучения была положена 96-часовая программа Всевобуча [8] с соответствующими изменениями применительно к условиям уличного боя.

Положение об отрядах особого назначения РСФСР было принято 24 марта 1921 г. На подразделения отрядов особого назначения возлагались обязанности по учету личного состава, зачисленного и подлежащего зачислению в отряды и его военная подготовка.

Зачислению в отряды особого назначения подлежали коммунисты, кандидаты в РКП (б) и комсомольцы в возрасте от 17 до 60 лет мужского и женского пола. Женщины привлекались преимущественно к несению вспомогательной и нестроевой службы (связи, санитарной, канцелярской и по снабжению). К несению строевой службы женщины могли привлекаться лишь по собственному желанию.

Личный состав отрядов особого назначения, согласно приказу главного начальника Всевобуча РСФСР № 92/4 от 25 марта 1921 г., разделялся на состоящих в кадрах (кадровый) и списках (милиционный). Кадровый состав проходил действительную военную службу, как и военнослужащие регулярной армии. Милиционный состав, находясь в списках частей, продолжал свою обычную работу (на фабриках, заводах и в советских учреждениях) и освобождался от нее на время обучения, учебных сборов, сборов по тревоге и при мобилизации. Во главе отрядов особого назначения губернии находился начальник отрядов особого назначения губернии. Он руководил формированием кадрового и милиционного состава, учетом личного состава, военной подготовкой коммунистов и постоянным повышением ее уровня, несением повседневной службы, мобилизацией и материально-техническим снабжением. Начальник отрядов особого назначения губернии пользовался правами помощника губвоенкома [3, л. 2-3об].

Обучение коммунистов должно было вестись во взводах под руководством командиров рот непосредственно взводными и командирами отделений, являвшихся в то же время инструкторами и отвечавшими за успешность обучения своего взвода, за подготовку своих заместителей, а в отделениях, кроме того, и старших в звеньях.

Все состоявшие в отрядах особого назначения в отношении обучения разделялись на три группы: 1) имеющих военную специальную подготовку, т.е. окончивших школы командного и высшего командного состава (военные училища); 2) хорошо усвоивших 96-часовую программу; 3) слабо подготовленных и непрошедших военную подготовку.

С первой категорией проводились занятия по 2-месячной программе, со второй категорией – по программе повторительных учебных сборов Всевобуча и с третьей – по 96-часовой программе. С третьей категорией занятия проводились с таким расчетом, чтобы обучение закончить в 3-х месячный срок с момента зачисления на обучение в отряды особого назначения.

При подготовке отрядов особого назначения главное внимание обращалось на умение вести уличный бой согласно уставу полевой службы с действием применительно к условиям и обстановке «малой войны». Пулеметному и гранатному делу обучался весь состав отрядов особого назначения. Обучение лиц, зачисленных в специальные команды, проводилось начальниками соответствующих команд при содействии обученных людей из числа переменного состава команд, назначенных на командные должности по объявленным предметам и являвшихся не кадровым, а милиционным командным составом [4, л. 3].

Выделенный командный и административно-хозяйственный состав отрядов особого назначения в большинстве случаев выполнял обязанности по совместительству с основной работой. Опыт совместительства в коммунистических частях показал, что подобное весьма неблагоприятно отражается на правильной постановке дела коммунистических частей ввиду перегруженности работы командного состава в советских учреждениях.

Работа по зачислению членов и кандидатов РКП (б) и членов РКСМ в отряды особого назначения производилась путем объявления мобилизации последних для пропуска через медицинские и партийные комиссии для зачисления в отряды особого назначения, причем все члены и кандидаты в члены РКП (б) и члены РКСМ разбивались: на подлежащих призыву в ряды отрядов особого назначения по мобилизации и на подлежащих призыву в ряды отрядов особого назначения по боевому сбору.

Учетная работа велась без всякой системы, без указаний высших инстанций, по произвольным формам и, принимая во внимание текучесть партийных сотрудников, спустя какое-то время части зачастую не знали, кто у них состоит на учете, а брали сведения из парткомов; коммунары же не знали, в какой они части числятся [5, л. 15об-16].

Кадровый состав далеко не всегда был способен справиться со своими обязанностями. Как и в прежних коммунистических частях, командиры даже батальонов и рот зачастую назначались по совместительству и вынуждены были заниматься формированием и обучением вверенных им частей в свободное от основной работы время [11, л. 17]. Кроме того, нормальной деятельности мешали разного рода командировки и кампании. Многие командиры, особенно низшего звена, просто пренебрегали службой.

Были приняты соответствующие меры, как на местах, так и в центре. По указанию руководства отрядов особого назначения, не являвшиеся на занятия и отсутствующие в указанный срок приравнивались к дезертирам, и им грозил суд революционного военного трибунала [11, л. 24]. Вместе с тем, кадровый состав отрядов особого назначения 1 июля 1921 г. был приравнен

в отношении выдаваемых пайков к ответственным работникам. С помощью политики кнута и пряника ситуацию удалось несколько улучшить.

Переходу от отрядов особого назначения к частям особого назначения предшествовал ряд административных преобразований, инициированных из центра. По постановлению РВСР от 9 июля 1921 г. отряды особого назначения были выделены из системы Всевобуча, штаб приказом Главнокомандующего № 8765 от 29 июля 1921 г. расформирован, вместо него был создан самостоятельный Штаб ЧОН Республики. Приказом командующего отрядами особого назначения РСФСР № 2 от 27 июля 1921 г. были сформированы штабы при начальниках отрядов особого назначения округов и губерний. По приказу командующего отрядами РСФСР № 4 от 14 августа 1921 г. последние стали именоваться частями особого назначения. Приказом РВСР № 1926/329 от 3 сентября 1921 г. объявлялось утвержденное 21 августа 1921 г. Оргбюро ЦК РКП(б) новое положение о ЧОН. В составе ЧОН формировались пехотные, кавалерийские, артиллерийские, броневые части [15, с. 317].

Переформирование военно-партийных отрядов и увеличение их кадрового и милиционного состава являлись задачами, которые решались в 1921-1924 гг., когда осуществлялось сокращение численности РККА (с 5,5 млн. чел. в начале 1921 г. до 561 тыс. чел. в 1923 г.). Полноценное использование военно-учебного и военно-мобилизационного потенциала частей особого назначения могло быть осуществлено лишь при условии увеличения их численности. В декабре 1921 г. в частях особого назначения состояло: кадрового состава около 40 тыс. чел. и переменного – более 320 тыс. чел. [2, с. 194]. В то же время части особого назначения оказывали серьезную поддержку войскам ВЧК, хотя и увеличивавшимся численно, однако не так стремительно, как части особого назначения (до 70 тыс. чел. к концу 1921 г.) [14, с. 38]. Таким образом, части особого назначения стали по существу второй армией, действовавшей параллельно РККА и активно передававшей ей опыт деятельности милиционных территориальных частей.

Список литературы:

1. Вооруженные Силы СССР // Советская военная энциклопедия. М., 1976. Т. 2.

2. Городилов, А. С. Коммунистическая партия – организатор борьбы с подрывной деятельностью контрреволюции в начальный период Гражданской войны // Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 961. Т. 115. Вып. 8. С. 3–214.

3. ГАОО. Ф. Р-1152. Оп. 1. Д. 6.

4. ГАОО. Ф. Р-1152. Оп. 1. Д. 11.

5. ГАОО. Ф. Р-1152. Оп. 1. Д. 161.

6. Захаров, А. Части особого назначения // Очерки по истории Октябрьской революции в Нижегородской губернии. Нижний Новгород, 1927. С. 47–54.

7. Найда С.Ф. Части особого назначения (1917–1925 гг.): руководство партии созданием и деятельностью ЧОН // Военно-исторический журнал. 1969. № 4. С. 106–112.

8. Программа 96-часового военного обучения, принятая II Всероссийским съездом по Всеобщему Военному Обучению. Егорьевск: Тип. А. И. Солнцева, 1919. 13 с.

9. РГВА. Ф. 65. Оп. 10. Д. 2.

10. РГВА. Ф. 65. Оп. 10. Д. 3.

11. РГВА. Ф. 39168. Оп. 1. Д. 7.

12. Создание внутренних войск и их деятельность в 1917-1941 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа : URL: http://biofile.ru/his/33076.html. (дата обращения 14.09.2017).

13. Тельнов С.М. Из истории создания и боевой деятельности коммунистических частей особого назначения в период гражданской войны // Уч. зап. Колом. пед. ин-та. Коломна, 1961. Т. 6. С. 73–99.

14. Христофоров В.С. История советских органов госбезопасности. 1917-1991 гг. М : РГГУ, 2015. 437 с.

15. Центральный государственный архив Советской Армии: путеводитель. В 2 т. Т. 2. Minneapolis : East View Publications, 1993. 531 с.

УДК 130.2

ГАШЕНКО В. А. (Новосибирск)
войсковая часть 44261

БОРЬБА С ФАЛЬСИФИКАЦИЕЙ ИСТОРИИ ОРГАНОВ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: В настоящей работе рассматривается сущность и некоторые направления фальсификации отечественной истории, анализируются цели и мотивы фальсификаторов, раскрываются приоритеты государственной политики как в области противодействия попыткам фальсификации истории России в целом, так и ее органов безопасности в частности.

Ключевые слова: история России, органы государственной безопасности, фальсификация истории, Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

GASHENKO V. A. (Novosibirsk)
Military unit 44261

THE STRUGGLE AGAINST FALSIFICATION OF RUSSIAN STATE SECURITY AGENCIES'S HISTORY IN PRESENT TERMS

Annotation: In the following report the meaning and some directions of the Russian history falsification, the purposes and the falsifiers' motives are analyzed; the priorities of the state policy in the sphere of counteraction to the attempts of Russian history falsification are revealed as well as the history of Russian security agencies.

Keywords: Russian history, security agencies, falsification of history, the President Commission of the Russian Federation in the field of counteraction to the attempts to the detriment of Russia's interests in history.

В последние годы в нашей стране получило широкое распространение такое понятие, как «фальсификация истории». На первый взгляд, это словосочетание кажется непонятным. Каким образом можно исказить уже имевшие место факты? Но, тем не менее, переписывание истории – это явление, которое имеет место в современном обществе.

С учетом актуальности борьбы с фальсификацией истории России и ее органов безопасности в современных условиях, в настоящем докладе рассматривается сущность и некоторые направления фальсификации отечественной истории, анализируются цели и мотивы фальсификаторов, раскрываются приоритеты государственной политики в области противодействия попыткам фальсификации истории России, и, в частности, в области борьбы с фальсификацией истории ее органов безопасности.

Под фальсификацией истории обычно понимается сознательное искажение исторических событий в определенных, часто политических целях. Фальсификацию истории в узком прагматичном смысле можно рассматривать как сознательное искажение исторических фактов, их тенденциозную трактовку, выборочное цитирование и манипуляции с источниками информации с целью создания искаженного образа исторической реальности [1, с. 30].

Одним из популярных направлений фальсификаторов истории стало искажение событий истории России. Можно назвать следующие примеры проблем, которые особенно часто избираются в качестве объектов указанной фальсификации:

– история национальных отношений в нашей стране, искажение истории вхождения в состав России ряда народов и территорий (в частности, народов Кавказа);

– национально-государственное строительство в России в 1920-е гг.;

– «голодомор» в Украине в начале 1930-х гг.;

– роль СССР и западных стран в умиротворении германского фашизма;

– предыстория Второй мировой войны, очаг военной опасности на Дальнем Востоке (Халхин-Гол – май-август 1939 г.);

– малоизвестные страницы предыстории Второй мировой войны (поход Красной армии в Западную Украину, Западную Белоруссию, Бессарабию);

– «Неизвестная война» – история советско-финляндской войны;

– СССР и Прибалтика: дискуссионные вопросы предвоенной истории. Проблема «оккупации» Прибалтики;

– итоги Второй мировой войны (проблема передачи СССР Курильских островов, Калининграда);

– вопрос о потерях СССР во Второй мировой войне;

– проблема освещения деятельности террористического подполья в национальных районах СССР в годы Великой Отечественной войны («бандеровцы» в Западной Украине, «лесные братья» в Прибалтике, коллаборационизм в годы войны (генерал Власов и РОА), сотрудничество с оккупантами в национальных районах СССР (Западная Украина, Крым, Северный Кавказ);

– проблема взаимоотношений РККА с антифашистскими организациями в странах Восточной Европы, которые не ориентировались на сотрудничество с СССР (Армия Краёва в Польше);

– умаление роли СССР в достижении победы стран антигитлеровской коалиции над государствами фашистского блока;

– тенденциозное освещение итогов «холодной войны» и причин распада СССР;

– роль России на постсоветском пространстве на рубеже XX и XXI вв.;

– тенденциозное освещение военных событий лета 2008 г. на Кавказе (Россия – Грузия);

– новые вызовы и опасности для России в начале XXI в. [1, с. 39].

В вышеприведенном перечне особый приоритет принадлежит событиям Великой Отечественной войны. Объяснить это довольно просто. Чтобы прини-

зить Россию, фальсификаторы пытаются затушевать или перечеркнуть самый грандиозный и яркий подвиг советского народа, который, без всякого сомнения, спас весь цивилизованный мир. Период 1941–1945 гг. дает большое поле деятельности для подобных фальсификаций [3].

Составной частью фальсификации истории России является фальсификация истории ее органов безопасности (специальных служб). Искажение истории отечественных органов безопасности заключается, главным образом, в том, что многие историки, не разбираясь в сущности обеспечения безопасности государства, сводят историю зарождения и дальнейшее развитие спецслужб к осуществлению ими единственной функции – карательной, как будто в нашей стране долгое время не существовало ни органов разведки, ни органов контрразведки, а также защиты государственной тайны.

В частности, неразрывной частью образа «дикой и беззаконной» России времен Ивана Грозного некоторые историки считают опричное войско, рассматривая его за «собачью преданность» царю в качестве первого полноценного органа безопасности России.

Также некоторые историки неверно истолковывают причины создания царем Алексеем Михайловичем Приказа тайных дел и проводят неуместную аналогию с деятельностью Преображенского приказа и Тайной канцелярии. На самом деле, в отличие от органов государственной безопасности времен Петра I, Приказ тайных дел редко и только по поручениям главы государства занимался расследованием дел об особо важных преступлениях. В отличие от всех других приказов, у Приказа тайных дел даже не было собственного места для заключения задержанных [5, с. 11–14]. Сразу после смерти царя Алексея Михайловича Приказ тайных дел поспешили упразднить. Отсутствие органа контроля над внутриполитической ситуацией в стране явилось одной из причин заговора, спровоцировавшего стрелецкий бунт – фактически военный переворот, в результате чего Москва несколько месяцев находилась в руках мятежных стрельцов во главе с князьями Хованскими.

Недооценка системы обеспечения безопасности государства подвела и Петра III, и Павла I, да и Александр I чуть было не стал жертвой убийц из числа участников тайных обществ. Все три императора являлись сторонниками распространившихся в обществе идей о том, что сложившаяся система политического сыска приносит больше вреда, чем пользы, но вместо того, чтобы заняться ее модернизацией, они предпочитали игнорировать вопросы обеспечения государственной безопасности. По тому же пути позднее пошел Николай II, фактически запретивший «по моральным соображениям» придание в России военной контрразведке функции политического сыска. В результате армия в условиях боевых действий была наводнена агентами иностранных разведок и революционными агитаторами. Само вынужденное отречение от престола последнего российского императора стало итогом заговора с участием высокопоставленных военачальников.

В период революционного террора конца XIX – начала XX вв. многие представители российской интеллигенции рукоплескали «героям», убивавшим

царских чиновников, а заодно с ними и попавших под руку обывателей. Сами понятия добра и зла как будто поменялись местами. Российское общество конца XIX в. вместо того, чтобы объединиться перед лицом террористической угрозы, как будто начало жить по не писаным законам уголовного мира, оказывая поддержку не государству, а его врагам. В будущем многие заплатили за эту трагическую ошибку своими жизнями, пав жертвами революционного хаоса и беззакония [8].

После государственного переворота в России в феврале 1917 г. одним из первых шагов Временного правительства стало упразднение Департамента полиции МВД, центрального звена органов государственной безопасности, и Отдельного корпуса жандармов. Начав с разрушения системы обеспечения безопасности царской России, Временное правительство не смогло справиться со сложной внешне- и внутриполитической ситуацией и еще больше подтолкнуло страну к гибели. Неспособность пришедших к власти политиков управлять государством вскоре стала очевидна: бывшая Российская империя разваливалась на глазах. В конце августа 1917 года занимавший должность Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов поднял мятеж с целью «сохранения великой России», а в октябре того же года Временное правительство было свергнуто новыми политическими силами во главе с В.И. Ульяновым (Лениным), который прекрасно представлял себе, что «всякое государство лишь тогда чего-нибудь стоит, если оно может защищаться» [8].

Новое советское правительство, опираясь на органы государственной безопасности – ВЧК и ее органы на местах – смогло сделать невозможное: сохранить и защитить страну в условиях Первой мировой и Гражданской войн, а также международной интервенции.

Органы ФСБ не случайно ведут свою историю со дня образования ВЧК при СНК РСФСР. Здесь нет никакой идеологической подоплеки, а только значимые для истории Отечества факты. Так, в течение 1917–1920 гг. в России была создана первая полноценная специальная служба. К ее компетенции были отнесены разведка, контрразведка, защита государственной тайны, борьба с терроризмом, охрана руководителей государства, и ни в одной стране в мире в то время не было такой высокоэффективной и развитой системы обеспечения государственной безопасности.[5, с. 196–210].

Следует отметить, что в советское время были опорочены учреждения и государственные деятели, обеспечивавшие безопасность Российской империи. Резко отрицательный характер приобрели слова и словосочетания «охранка», «жандармы», «политический сыск», «политический розыск», которые ассоциировались с жестоким и несправедливым отношением государственных органов к гражданам России. На самом деле, ни охранные отделения, ни жандармские управления не обладали репрессивными полномочиями, их задачей был сбор информации об угрозах безопасности и при необходимости задержание преступников с последующей передачей их судебным органам.

Обычной практикой в советской историографии стало замалчивание преступлений разного рода революционеров, любые злодеяния которых неизменно

оправдывались «борьбой за великую идею». Одновременно вырывались из исторического контекста и извращались факты о деятельности учреждений и лиц, противодействовавших развалу российского государства. Умышленно очернялись имена и преуменьшались заслуги выдающихся руководителей и сотрудников органов государственной безопасности царской России, таких как: А.Х. Бенкендорф, М.Т. Лорис-Меликов, Г.П. Судейкин, С.В. Зубатов и другие [7].

На рубеже 1980-х – 1990-х гг., когда начался распад СССР, в средствах массовой информации, поддерживавших процесс развала СССР, была развязана массированная кампания по дискредитации советских органов государственной безопасности, сотрудников которых призывали к покаянию за преступления времен правления И.В. Сталина. Цель этой кампании была очевидна: подорвать доверие общества к КГБ СССР и тем самым парализовать его работу.

В период распада СССР, как и накануне краха Российской империи, политические деятели, нацеленные на уничтожение государства, занялись травлей отечественных органов безопасности, стали призывать к их упразднению, используя в качестве аргумента тему сталинского террора конца 1930-х гг. Никого не смущало, что главным исполнителем массовых репрессий были органы внутренних дел во главе с НКВД СССР. Самостоятельных органов государственной безопасности в то время не существовало. Главное управление государственной безопасности было лишь одним из подразделений названного наркомата (аналогичная структура, кстати, была в Российской империи, где Департамент полиции входил в состав МВД, но ему не ставили в вину деятельность всего министерства). КГБ не только был создан после смерти Сталина, но и, без преувеличения, был одной из самых законопослушных организаций в СССР [4].

Органы безопасности современной демократической России построены на принципах законности, гуманизма, уважения прав и свобод человека и гражданина. Никакая идеология не определяет их деятельность, их предназначение – надежно обеспечивать защиту Российского государства и общества от угроз, исходящих от кого бы то ни было. Таким образом, противодействие попыткам фальсифицировать отечественную историю актуально не только с научной точки зрения, но и точки зрения защиты государственных интересов России, а также социальной памяти россиян.

О борьбе с фальсификацией отечественной истории неоднократно заявляли и принимали конкретные меры руководители России. В частности, ответом нашего государства на указанный вызов современности было создание комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

Указанная комиссия была создана в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549. В качестве задач созданной комиссии были указаны:

а) обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа Россий-

ской Федерации, и подготовка соответствующих докладов Президенту Российской Федерации;

б) выработка стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым в целях нанесения ущерба интересам России;

в) подготовка предложений Президенту Российской Федерации по осуществлению мер, направленных на противодействие попыткам фальсификации исторических фактов и событий, наносящих ущерб интересам России;

г) рассмотрение предложений и координация деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций по вопросам противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий в ущерб интересам России;

д) выработка рекомендаций по адекватному реагированию на попытки фальсификации исторических фактов и событий в ущерб интересам России и по нейтрализации их возможных негативных последствий [1, с. 32].

14 февраля 2012 г. вышеназванный указ о создании комиссии был отменён Президентом РФ, и комиссия, соответственно, прекратила существование.

По мнению одного из бывших членов комиссии, доктора исторических наук, профессора, действительного члена РАН, директора Института всеобщей истории РАН А. Чубарьяна, комиссия была распущена, потому что она выполнила свою роль. В частности, в результате ее деятельности было издано много трудов преимущественно по проблемам Великой Отечественной войны, ее предыстории, по международным отношениям послевоенного времени. Издавались книги и самой комиссией, и по ее рекомендациям. Были проведены заседания, на которых был рассмотрен ряд важных вопросов, в частности, вопрос об упрощении доступа исследователей в российские архивы [10].

Необходимо отметить, что сохранение отечественной истории и борьба с ее фальсификацией происходит не только на правительственном уровне. Активное участие в этом процессе принимают и общественные организации. Так, 6 апреля 2016 г. указом Президента РФ в целях популяризации российской истории в нашей стране и за рубежом, сохранения исторического наследия и традиций народов России, поддержки программ исторического просвещения был создан фонд «История Отечества», сформированный за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, добровольных имущественных взносов и пожертвований, а также иных источников [2].

На заседании Общественного совета при ФСБ России, состоявшемся в мае 2016 г., внимание его участников было акцентировано на необходимости продолжения работы по противодействию попыткам фальсификации истории Отечества и принято решение совместно с ФСБ России рассмотреть возможность публикации в средствах массовой информации материалов о деятельности органов безопасности в период Великой Отечественной войны и их вкладе в борьбу с фашизмом [6].

В марте 2017 г. состоялось заседание Общественного совета при ФСБ России, на котором было принято решение содействовать созданию мемориала,

увековечивающего память военнослужащих дивизии войск НКВД СССР, погибших на подступах к Ленинграду. Так же члены совета обсудили направления участия в работе ФСБ России по поддержанию в надлежащем состоянии воинских захоронений и мемориальных сооружений, увековечивающих память военнослужащих органов безопасности, погибших в период Великой Отечественной войны. Кроме того, на заседании говорилось о мерах по противодействию попыткам фальсификации истории отечественных органов безопасности, было поддержано предложение о размещении в ряде изданий публикаций, объективно освещающих деятельность органов безопасности в годы войны [9].

В массовом сознании проблема фальсификации истории России часто ограничивается недопустимостью пересмотра итогов Великой Отечественной войны. Вместе с тем, проблема фальсификации истории России значительно шире, она имеет комплексный и в ряде аспектов болезненный для исторического сознания россиян характер. Можно согласиться со сказанными в этой связи в 2009 г. словами Президента РФ Д.А. Медведева: «Мы много внимания уделяем борьбе с фальсификацией нашей истории. И почему-то зачастую считаем, что речь идёт только о недопустимости пересмотра результатов Великой Отечественной войны.

Но не менее важно не допустить под видом восстановления исторической справедливости оправдания тех, кто уничтожал свой народ. Правда и то, что преступления Сталина не могут умалить подвиги народа, который одержал победу в Великой Отечественной войне. Сделал нашу страну могучей индустриальной державой. Поднял на мировой уровень нашу промышленность, науку, культуру. Принять своё прошлое таким, какое оно есть, – в этом зрелость гражданской позиции. Не менее важно изучать прошлое, преодолевать равнодушие и стремление забыть его трагические стороны. И никто, кроме нас самих, этого не сделает» [1, с. 33].

Можно сказать, что высказанные руководством страны в свое время идеи и сегодня определяют политические и методологические основы, ключевые подходы в деятельности педагогов и ученых по противодействию попыткам фальсификации истории России. Историю необходимо изучать для того, чтобы не допускать трагических ошибок прошлого, бороться с ее фальсификацией, а также использовать накопленный богатейший опыт.

В настоящее время важнейшими средствами преодоления попыток фальсификации истории России и ее органов безопасности может быть расширение источниковой базы информации, обеспечение доступности исторических источников, а также повышение методологии преподавания истории, которая должна учитывать необходимость рассмотрения в процессе образования вопросов, связанных с попытками фальсификации истории России [1, с. 40].

Список литературы:

1. Вяземский Е.Е. Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты // Проблемы современного образования. 2012. № 1. С. 28–43.

2. Калганов А. История отечественных органов государственной безопасности требует качественной переоценки // ФСБ: за и против. 2016. № 3(43). С. 6–11.

3. Мирошниченко К.И. Проблема фальсификации истории Великой Отечественной войны // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 12 [Электронный ресурс]. URL: http://web.snauka.ru/issues/2015/12/60279 (дата обращения: 19.09.2017).

4. Север А. История КГБ. – М.: Алгоритм, 2008. с. 11–17.

5. Энциклопедия секретных служб России/ Авт. – сост. А.И. Колпакиди. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2003.

6. URL: http://avmalgin.livejournal.com/6867243.html (дата обращения: 20.09.2017).

7. URL: https://cont.ws (дата обращения: 21.09.2017).

8. URL: http://dz-online.ru/article/4918/ (дата обращения: 21.09.2017).

9. URL: http://www.interfax.ru/russia/553754 (дата обращения: 22.09.2017).

10. URL: http://www.yuri-kuzovkov.ru/journalism/mifs/10_comiss/ (дата обращения: 22.09.2017).

УДК 94(47).084.3

ГРЕБЕНКИН А. Н. (Орел)
Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТЕЙ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1922 Г.

Аннотация: В статье рассмотрено материальное обеспечение деятельности частей особого назначения на территории Орловской губернии в 1922 г. Делается вывод, что снабжение орловских ЧОН не было стабильным, хотя наметилась тенденция к его улучшению.

Ключевые слова: части особого назначения, Орловская губерния, практическая деятельность, материальное обеспечение.

GREBENKIN A. N. (Orel)
Central Russian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

THE MATERIAL SECURITY OF ACTIVITIES OF SPECIAL FORCES ON THE TERRITORY OF OREL PROVINCE IN 1922.

Annotation: This article considers the material security and the practical aspects of the activities of special forces on the territory of Orel province in 1922. The conclusion is that the meager supply of Orel special forces wasn't stable although there was a tendency to its improvement.

Keywords: special forces, Orel province, practical activity, material security.

В 1918 г., когда противостояние между сторонниками большевиков и защитниками старого режима переросло в Гражданскую войну, в ряде губерний по инициативе местных коммунистов стали формироваться военно-партийные отряды, сыгравшие большую роль в укреплении советской власти на местах. В апреле 1919 г. их создание при партийных комитетах различного уровня было санкционировано постановлением ЦК РКП(б). В 1918-1921 гг. эти отряды именовались коммунистическими полками, коммунистическими дружинами, отрядами особого назначения и т.п. В августе 1921 г., после масштабной реорганизации, военно-партийные отряды получили единое наименование – части особого назначения (ЧОН). Они были не только боевыми единицами РКП(б), но и действенным элементом системы советских спецслужб, выполнявшим миссию по обеспечению безопасности молодого государства. Вместе с тем разруха революционных и первых послереволюционных лет не могла не отразиться губительно на организации деятельности ЧОН. Кроме того, занимая подчиненное положение по отношению к ВЧК, ВОХР, ВНУС, они снабжались ква-

лифицированными кадрами и материальными ресурсами по остаточному принципу, а при малейшей необходимости выступали в роли донора, что зачастую ставило их на грань полного обескровливания. Особенно тяжелым было положение военно-партийных отрядов на периферии – в частности, в Орловской губернии.

В июле 1921 г., накануне переформирования орловских отрядов особого назначения (ООН) в части особого назначения, лишь Орловский губернский штаб ООН был обеспечен всем необходимым имуществом: он получил «вполне оборудованное и весьма приличное» помещение, мебель, винтовки, патроны, уставы, карты, бинокли, обмундирование, канцелярские принадлежности, пишущую машинку и лошадь, а впоследствии штабу был выделен и легковой автомобиль [2, л. 3об.–85]. На местах же ситуация со снабжением была достаточно напряженной: например, помещение, выделенное для 5-й Кромской роты особого назначения, «…было далеко не подходящим для штаба роты, как необорудованное, в разрушенном виде», а обстановку и канцелярские принадлежности пришлось доставать заимообразно в других учреждениях [2, л. 17об.]. Коммунары 6-й Болховской роты не имели обмундирования и были лишены возможности обучаться военному делу из-за отсутствия пулемета, учебных и боевых гранат.

На всем протяжении 1922 г. материальное обеспечение орловских ЧОН также оставляло желать много лучшего. Главными препятствиями в их снабжении являлись: острый недостаток всех видов довольствия, нехватка денежных средств, конского состава, обоза и упряжи. До начала 1922 г. система централизованного снабжения частей особого назначения как таковая отсутствовала. Поэтому руководство орловских ЧОН пыталось самостоятельно создавать стабильные каналы снабжения частей всем необходимым. Так, на заседании губернского совета ЧОН от 8 ноября 1921 г. по докладу временно исполняющего должность командующего ЧОН Орловской губернии П.Г. Колыхматова о ходе формирования, о призыве коммунаров на казарменное положение, об отсутствии перевозочных средств, об укомплектовании комсоставом ЧОН, о неаккуратном отпуске губвоенкоматом денежного довольствия для кадра и вообще о тяжелом положении кадрсостава ЧОН, было постановлено: 1) просить губком РКП(б) и губисполком сделать распоряжение укомам РКП(б) и исполкомам об отпуске для ЧОН постельной принадлежности, посуды, дров, керосина и т.п., ввиду сбора коммунаров на казарменное положение; просить губисполком о выделении для ЧОН 11 лошадей с упряжью; 2) просить штаб ЧОН Орловского военного округа о пополнении кадровым составом, 3) просить командующего ЧОН Орловского военного округа об отпуске комсоставу фронтового пайка, дров, керосину; 4) уездным советам ЧОН наблюсти о скорейшем снабжении военкоматами денежным довольствием ЧОН, уездвоенкоматам оказать содействие ЧОН в составлении требовательных ведомостей и смет; 5) уездным советам ЧОН принять меры к улучшению быта кадрового состава из местных средств [4, л. 19–19об.].

С марта 1922 г., после расформирования Орловского военного округа, определенные меры стало принимать и руководство Московского военного

округа, которому стали подчиняться орловские ЧОН. Так, 20 мая 1922 г. на основании приказа ЧОН МВО № 72 снабженческий аппарат при губернском штабе ЧОН был выделен в особое отделение, что позволило упорядочить работу и наладить деловую переписку. Для приведения в порядок отчетности из Москвы был прислан ряд инструкций и указаний.

Определенную роль в улучшении материального положения Орловских ЧОН сыграло введение в 1922 г. института шефов и подшефов – хозяйственных и продовольственных органов. Это позволило хотя бы в минимальной степени наладить быт кадрового состава и милиционного состава, призываемого на казарменное положение. Следует, однако, отметить, что централизованное снабжение так и не было налажено, и отдельные ЧОН Орловской губернии существенно различались по степени своей обеспеченности всем необходимым.

Например, в снабжении в 1922 г. 1-го Орловского батальона особого назначения интендантским, артиллерийским, инженерным и прочим довольствием можно выделить два периода: до 1 сентября 1922 г. снабжение было недостаточным и носило случайный характер, после 1 сентября произошло значительное улучшение, и удовлетворение батальона всеми видами довольствия стало производиться усиленными темпами. Хроническим явлением был недостаточный и несвоевременный отпуск установленных норм денежного довольствия (на выплату жалованья и обеспечение хозяйственных надобностей), а также некомплект конского состава и обозного имущества. Помощи со стороны партийных организаций в деле снабжения не оказывалось; лишь Орловский губком РКП(б) в бытность его шефом ЧОНа г. Орла отпустил командному и административно-хозяйственному составу батальона: первому по 1 паре сапог и второму по 2 пары белья, как тому, так и другому составу по 1 пуду ржи, 6 фунтов рыбы и 1,5 фунта меда и 1 фунт масла. Шефство губкома над батальоном было принято 30 апреля 1922 г. Городским комитетом РКП(б) также была оказана материальная помощь кадровому командному и административно-хозяйственному составу батальона в следующем размере: на человека – 25 фунтов муки, 4 фунта пшена, 33 яйца, полфунта масла, 1 фунт сахару и 12 золотников табаку. На основании постановления шефской комиссии при губисполкоме от 12 октября 1922 г. над Орловским батальоном особого назначения принял фактическое шефство Орловский хлебопродукт, который за месячный срок своего шефства оказал кадровому составу батальона весьма существенную помощь, заключавшуюся в отпуске 200 000 рублей выпуска 1922 года, а также массы предметов одежды и обихода: 10 висячих замков, 245 аршин разного сукна, 95 катушек ниток, 25 пар валенок, 10 шаровар ватных, 25 варежек, 135 аршин холста для портянок, 25 фунтов гвоздей, 1 кастрюли, 5 железных лопат, 200 коробков спичек и т.п.

Общее состояние предметов вооружения, числившегося в батальоне и находившегося как в батальоне, так и в цейхгаузе, было хорошим; исключение составляла та часть винтовок, поступившая в батальон через штаб ЧОН губернии из различных ЧОН губернии в крайне запущенном и испорченном виде. Однако количество вооружения (винтовок и гранат) по расчетам и табелям для милиционного состава батальона было недостаточным.

2-я Ливенская рота особого назначения в 1921 г. снабжалась продовольствием на общих основаниях с РККА, из Ливенского продмага. С марта 1922 г. рота была переведена на паек госплановской нормы, после чего ее продовольственное снабжение в некоторой степени улучшилось. Однако в целом материальное положение оставалось тяжелым. Милиционный (переменный) состав на казарменном положении питался из общего котла при казарме роты из отпущенных продуктов. Вещевым довольствием рота была снабжена на 30%, постельные принадлежности прибывающие на казарменное положение вынуждены были приносить с собой. Снабжение топливом осуществлялось в минимальном размере, из-за чего красноармейцы часто оставались без горячей пищи. Работа штаба была затруднена из-за невыносимых холодов в канцелярии. Помещение для роты было отведено вполне благоустроенное [4, л. 70 – 70об.].

Оружие, полученное из губернского штаба ЧОН, заключалось в 75 трехлинейках, остальные имевшиеся в роте винтовки были отобраны у населения. Всего винтовок в начале 1922 г. в роте было 137; к концу года их было уже 293 (за счет изъятых у населения) и 361 револьвер (все револьверы также были конфискованы у жителей уезда). Кроме этого, у населения было изъято небольшое количество шашек, тесаков, кинжалов и гранат [4, л. 67]. Имелись 2 пулемета.

Денежное довольствие получалось по ставкам строевого и почти всегда с большим опозданием, независимо от того, шло оно из уездвоенкомата или из отдела снабжения Орловского губвоенкомата. Обоз был создан стараниями командира роты Ф.И. Внукова и состоял из 4 лошадей, 2 двуколок казенного образца и 1 бочки. При роте был огород, где выращивались картофель, капуста и свекла; на каждого члена кадра был собран урожай в 100 кочанов капусты, 5 пудов картофеля и 6 пудов свеклы.

2-й Елецкий батальон особого назначения в 1921 г. снабжался из Елецкого продмага на общем основании с частями РККА. Норма тогда была мала и отрицательно влияла на интенсивность работы. С марта 1922 г. кадр батальона был переведен на паек госплановской нормы. Однако милиционный состав на казарменном положении целиком довольствовался на собственные средства. Впоследствии положение несколько улучшилось.

Вещевым довольствием батальон снабжался не полностью – не более чем на 25%. Милиционный состав не получал почти ничего. Как и в Ливнах, были случаи, когда коммунаров, прибывавших для обучения на казарменное положение, обязывали приносить с собой постельное белье, но впоследствии благодаря ходатайству Елецкого уездного комитета РКП(б) от хозорганов было получено несколько комплектов постельных принадлежностей.

Снабжение топливом в начале 1922 г. осуществлялось в малом размере и нерегулярно, поэтому нередки были случаи, когда красноармейцы из-за отсутствия топлива оставались без горячей пищи; кроме того, из-за отсутствия топлива в холодное время штаб батальона был вынужден на 1-2 дня почти приостановить занятия в канцелярии. Впоследствии положение с топливом существенно улучшилось, так как благодаря ходатайству уездного комитета РКП(б) батальон стал получать топливо от хозорганов. Первоначально помещение ба-

тальона было не совсем удобным, затем оно было приведено в удовлетворительное состояние.

Первоначально батальон не был снабжен оружием. Было получено только 70 русских трехлинеек от Всевобуча (из них 30 неисправных были починены), а все остальные имевшиеся в батальоне винтовки были отобраны у местного населения. Конфискованные винтовки «все были поржавлены, каналы ствола были забиты землей, поверхности покрыты раковинами, но силой и старанием комсостава и кадрсостава последние приведены в надлежащий вид» [4, л. 74об.]. Кроме того, в распоряжении батальона имелся один пулемет. Инженерного имущества, кроме лопат и саперных топоров, в батальоне не было. Обоза сначала не было, затем командир батальона Орлов приобрел 2 обозных лошади, одну деревянную повозку крестьянского образца и одну двуколку казенного образца, два возка обозного типа, два полных комплекта одноконной упряжи. Денежным довольствием батальон снабжался по ставкам строевого, большей частью несвоевременно. Шефом было отпущено для кадра 20 пудов муки, 7 пудов пшена, 20 фунтов масла и 125 пудов ржи.

Активная позиция руководства батальона способствовала улучшению ситуации: были организованы сапожная мастерская, портняжная, парикмахерская. С помощью уездного комитета и уездного исполнительного комитета РКП(б) был организован оркестр музыки, при содействии которого устраивались платные гуляния в городском саду. Сбор от этих вечеров поступал в пользу голодающих и инвалидов войны, в отдел народного образования, на расходы по устройству вечеров и частично на хозяйственные расходы батальона. Батальон располагал огородом в 2 десятины (1 десятина под картошку и 1 под капусту), однако урожай в 1922 г. получить не удалось, так как поздно были получены семена, а земля была плохо удобрена и не распахивалась в течение 5 лет [4, л. 74об.].

Следует, однако, отметить, что в некоторых отдельных ЧОН материальное положение в течение 1922 г. не только не улучшилось, но, напротив, ухудшилось. Так, в 4-й Дмитровской роте особого назначения состояние снабжения в первой половине 1922 г. было удовлетворительное, продпаек отпускался полностью, обмундирование отпускалось наполовину. Однако во второй половине 1922 г. продпайком было обеспечено лишь 10 человек, а 21 человек служил без пайка. Помощи от парторганизаций, кроме полученного в неделю укрепления ЧОН (бык, лошадь, 31 пара валенок, 2 ведра, 2 топора, 17 тарелок, 55 стаканов [4, л. 77об.]), не было.

5-я Кромская рота особого назначения из-за бездействия уездного совета ЧОН и шефа также находилась в затруднительном положении. Если сначала состояние снабжения было удовлетворительное и все военнослужащие кадра удовлетворялись продовольствием полностью, то к концу 1922 г. из 21 чел. кадра пайком были обеспечены лишь 10 [4, л. 83–83об.]. Командир роты в своем отчете вполне справедливо отмечал: «Если мы материально не снабжены, подчас бывали голодны и чуть не раздеты – здоровье также постепенно ухудшается, а раз здоровье ухудшилось, то не так будем боеспособны и боеспособность части как в первом или втором случае может понизиться до

50%. Будем надеяться на будущее, что Усовчон и шеф наконец поймут свои задачи в деле восстановления как в военном, так и в материальном отношении и когда рота будет обеспечена этим, тогда и боеспособность ее подымется до 100%» [4, л. 82об. – 83об.].

Тяжело приходилось и 1-му Орловскому кавалерийскому эскадрону особого назначения. Его командир Курочкин 25 ноября 1922 г. ходатайствовал перед командующим ЧОН губернии: «Отсутствие одежды у ст. переписчика Воскресенского, каптенармуса Гусева, ветфельдшера Ряднова и оружейного мастера Сыркина ставит меня в необходимость просить вашего распоряжения об отпуске им по одной шинели нового образца. При этом присовокупляю, что помимо этих причин они вполне заслуживают это и по их добросовестной, аккуратной повседневной 10-12-часовой работе» [3, л. 32 – 32об.].

Таким образом, на протяжении 1922 г. материальное обеспечение деятельности орловских ЧОН не было стабильным: хотя наметилась тенденция к его постепенному улучшению, отдельные части были лишены даже самого необходимого. Лишь к 1923 г. трудности материального характера были в основном преодолены: снабжение обмундированием, деньгами, продовольственным пайком и фуражом осуществлялось в положенном объеме, отопление и освещение помещений находились в норме [3, л. 7, 51, 63, 64]. Тем не менее, судя по внушительному перечню задач, который, по мнению А.Н. Верижникова, ЧОН Орловской губернии удалось решить в 1922 г. (борьба с бандитизмом, обеспечение караульной службы, участие в поимке дезертиров) [1, с. 138-147], материальное обеспечение оказывало на их деятельность гораздо меньшее влияние, нежели сознание своего долга и стремление к добросовестному выполнению порученного дела.

Список источников:

1. Верижников А.Н. Формирование и деятельность отрядов (частей) особого назначения Орловской губернии в 1918-1924 гг. : дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2017. – 211 с.

2. Материалы о реорганизации командных войск в отряды особого назначения. 1921 г. // Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. Р-1152. Оп. 1. Д. 68.

3. Материалы о состоянии ЧОН в Орловской губернии на 1 августа 1923 г. // ГАОО. Ф. Р-1152. Оп. 1. Д. 287.

4. Материалы о формировании и общем состоянии ЧОН Орловской губернии. 1922 г. // ГАОО. Ф. Р-1152. Оп. 1. Д. 175.

5. Сведения об истории формирования частей особого назначения в Орловской губернии // ГАОО. Ф. Р-1152. Оп. 1. Д. 161.

УДК 330.1(571.13)(091) «1920»

ГУЛАРЯН А. Б. (Орел)
Орловский государственный аграрный университет им. Н. В. Парахина

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОМСКОГО РЕГИОНА В 1920-Е ГГ. ПО МАТЕРИАЛАМ ОГПУ

Аннотация: В статье на материале информационных сводок Омского отдела ОГПУ рассматривается экономическое положение региона в период НЭПа и в начале коллективизации. На конкретных примерах показана противоречивость и неэффективность смешанной государственно-частной экономики, порождавшей злоупотребления и хищения в экономической сфере. Отдельно рассмотрено состояние Омской железной дороги в период начала индустриализации. Проанализирован механизм хлебозаготовительных кризисов и попытки государства решить их. Раскрыто положение сибирской деревни (на примере Омского округа) при переходе от НЭПа к коллективизации.

Ключевые слова: ОГПУ, информационная сводка, экономическое положение, кризис, хищения, коррупция, забастовка, коллективизация.

GULARYAN A. B. (Orel)
Orel state agrarian university named after N. V. Parakhin

ECONOMIC SITUATION OF OMSK REGION IN THE 1920S ON OGPU MATERIALS

Annotation: In the article on the material summaries of the Omsk Department of the OGPU considered the economic situation of the region in the period of NEP and the beginning of collectivization. Specific examples show the inconsistency and inefficiency of a mixed public-private economy that created abuse and theft in the economic sphere. Separately reviewed the status of Omsk railway in the period of early industrialization. To analyze the mechanisms of crises grain procurement and state attempts to solve them. Reveals the position of the Siberian village (on the example of Omsk region) in the period of transition from the NEP to collectivization.

Keywords: OGPU, information bulletin, economic situation, crisis, embezzlement, corruption, strike, collectivization.

Задачи органов государственной безопасности, по преимуществу, лежат в политической плоскости, но и проблемы в экономике можно рассматривать, как угрозу государству. С этой точки зрения, и органы ВЧК–ОГПУ уделяли пристальное внимание экономической сфере, информируя руководство страны и Омского края о состоянии дел в экономике, а иногда и вмешивались административными мерами в экономические процессы. Эту деятельность можно изучить по информационным сводкам ОГПУ, которые признаются историками одним из наиболее ценных и предпочтительных источников с точки зрения до-

стоверности и полноты содержащихся в них сведений о событиях, происходивших в стране в 1920–1930-е гг. Эти документы предназначались для служебного пользования и имели целью информирование руководящих партийных работников губернского уровня и вышестоящего политического руководства о реальной социально-экономической и политической обстановке на местах и в стране в целом [1. с. 149].

Омское Прииртышье, находившееся большую часть Гражданской войны под управлением колчаковского правительства, не испытало в полной мере «прелести» военного коммунизма: продразверстки, борьбы с черным рынком и спекуляцией. Начавшийся в стране НЭП диктовал сибирским чекистам свои условия работы. 2 апреля 1924 г. в карточке спроса на работников заместитель полномочного представителя ОГПУ по Сибири Борис Бак указывал: «Особо необходимы товарищи на экономическую работу, знакомые с хозяйственной жизнью, политически грамотные, умеющие излагать мысли. Так же необходимо иметь работников из числа товарищей, знающих или работавших ранее в кооперации» [2. с. 327.].

Необходимость в экономически грамотных чекистах диктовалась, прежде всего, с распространением в условиях нэповской смешанной государственно-рыночной экономики разного рода экономических преступлений и злоупотреблений. Главные герои «Золотого теленка» Ильи Ильфа и Евгения Петрова отнюдь не были выдуманы писателями. Информационные сводки Омского отдела ОГПУ фиксируют многочисленные случаи хищений, присвоения казенных средств, коррупции.

Например, заместитель начальника Омского окружного отдела ОГПУ И.А. Жабрев сообщил 4 марта 1926 г. секретарю окружкома Т.В. Симонову, что по полученным сведениям, приказчик потребительского общества поселка Азово В.И. Язов имитировал ограбление своей лавки, чтобы скрыть кражу. Показательно, что расхитителя разоблачили, фактически, местные жители, сообщившие о подозрительном случае чекистам [2. с. 327.].

Сводки ОГПУ зафиксировали также многочисленные случаи коррупции в местных органах Советской власти. Так приехавший 8 сентября 1926 г. в с. Славянка для выявления скрытой от налогообложения запашки председатель РИКа Борисовского района Дрозд нарушений не выявил, так как круглые сутки пропьянствовал с зажиточными крестьянами села. Прямо противоположный случай произошел в с. Лебяжьем Исилькульского района в 1927 г. Посланный туда предРИК Бириков, не желая возиться с обмером земли, поставил на общем собрании ультиматум: «мне хоть роди, а отдай 150 десятин», и добился записи несуществующей пашни в объекты обложения [2. с. 287-288.].

Еще один любопытный «сигнал» содержится в обращении руководства Омокротдела ОГПУ на имя ответственного секретаря окружкома ВКП(б) и в РКИ о необходимости ликвидации созданного зажиточными крестьянами деревни Херсонки Одесского района машинного товарищества. В нем речь шла о необходимости противодействия кооперации зажиточного крестьянства деревни Херсонки Одесского района в машинное товарищество. Зажиточные кре-

стьяне – 4 брата Зюкиных и 2 брата Опонасенковых – в 1926 г. попытались открыть товарищество с целью приобретения в совместную собственность трактора. РИК отказал им в регистрации. После того как они включили в товарищество 2 бедных односельчан, РИК все равно отказал товариществу в регистрации. Тогда учредители, пользуясь тем, что один из братьев Опонасенковых являлся членом Омокрисполкома, добились через него утверждения товарищества в Омском ОкРЗУ. После покупки товариществом трактора бедняки были из него исключены. Одесский РКИ вынес постановление о ликвидации товарищества. С целью избежать этого учредители включили в его состав 5 бедняков, двое из которых являлись их родственниками. Это помогло сохранить товарищество в 1926 г. Чекисты указывали на недопустимость подобного положения [3. с.177-178]. В этой связи исследователи В.П. Василевский и А.В. Сушко указывают, что «судьба товарищества в тех условиях была предрешена. Чекисты детально вникали в экономические процессы в деревне, собирали информацию о деятельности зажиточных крестьян и, используя свое влияние в государственном аппарате, добивались от местных органов власти решений, направленных против интересов зажиточных крестьян» [3. с. 178].

Приведенные факты говорят, что условия НЭПа создавали предпосылки коррупции и злоупотреблений в низовом советском аппарате и лидерства зажиточной части крестьянства в постреволюционной деревне. Это давало дополнительные аргументы критикам НЭПа.

Одной из причин введения большевиками НЭПа стали так называемые «волынки» на заводах, этим эвфемизмом власти обозначали забастовки. Но НЭП не изжил трудовые конфликты, а даже их усилил. Дело в том, что руководители некоторых предприятий поспешили «вписаться» в новые рыночные отношения, и добивались повышения рентабельности производства за счет ухудшения материального положения своих рабочих. Что в корне противоречило провозглашенному Советской властью принципу социальной справедливости. Так, информационно-политическая сводка № 25 Омского окружного комитета РКП(б) за 1-25 сентября 1927 г. с ссылкой на информацию ОГПУ сообщает об «итальянской забастовке» – снижении выработки продукции в литейном цехе завода «Красный пахарь». Рабочие сознательно снизили выработку после того, как администрация предприятия без согласования с ними снизила расценки на литые детали на 25 % в связи с установкой нового электрического крана. Это вызвало их недовольство не только администрацией завода, но и Советской властью [2, с. 328.]. Поэтому, хотя в данном случае речь шла о локальном конфликте на производстве, чекисты серьезно отнеслись к проступившей информации.

В свою очередь руководство края в своих документах ориентировало местных партийцев к повышению бдительности на производстве. При этом, особая роль в борьбе с возможными экономическими диверсиями отводилась чекистам. 20 мая 1927 г. Сибирский краевой комитет ВКП(б) разослал всем окружкомам циркуляр за подписью заведующего Орграспредом Осипова: «По линии ОГПУ даны соответствующие директивы о проведении мероприя-

тий по предупреждению имеющихся в последнее время случаев пожаров, взрывов, порчи машин на территории Союза. Придавая серьезное значение этому делу, Орграспред Сибкрайкома рекомендует вам проверить степень осуществление имеющихся по этому вопросу указаний, а также оказать в дальнейшей работе органам ОГПУ всемерную поддержку, привлекая для этого внимание парторганизаций» [2, с. 328].

Предупреждение возможных диверсий на производстве и на транспорте являлось важной частью работы омских чекистов. Тем более что по территории Омского Преиртышья пролегает стратегически важная Транссибирская железнодорожная магистраль. Войска ВЧК-ГПУ привлекались для охраны железных дорог, начиная с 31 декабря 1921 г. В приказе, подписанном зампредом ВЧК И.С.Уншлихтом, начальником управления войсками ВЧК Ф.В. Патаки и начальником административного управления С.Ф. Реденсом, это обосновывалось тем, что «наблюдаются частые случаи хищения грузов… вследствие малочисленности охраны при НКПС» [2, с. 323.].

Войскам ВЧК были приказано выделить для охраны железных дорог до 30% личного состава, причем выделяемого не персонально, а полными подразделениями – взводами или ротами. Использовать части разрешалось только в пределах губерний квартирования для сохранения системы снабжения. Любопытно, что для чекистов официально устанавливались меры материального поощрения, за каждое раскрытое хищение грузов на железных дорогах, им с 1 января 1922 г. устанавливалось премиальное вознаграждение по результатам судебного рассмотрения или следствия.

Использовать войска ВЧК нужно было по решению специальных «троек», состоящих из начальника подразделения дорожно–транспортной ЧК, начальника отдела охраны дороги и представителя профсоюза железнодорожников (Дорпрофсожа). Объектами охраны чекистов должны были становиться места концентрации грузов, опломбированные склады, размещать посты следовало на входах и выходах с объектов[2. с.323.].

Постепенно полномочия чекистов на железных дорогах расширялись. Они занимались не только предотвращением диверсий и хищений, но и следили за техническим состоянием железнодорожного парка. В 1929 г. уполномоченный ДТО ОГПУ по Омской железной дороге представил в Сибирский краевой комитет ВКП(б) подробный доклад «О дефектах в работе отделения тяги и правления Омской железной дороги по данным ДТО ОГПУ Омской ж.д.» за 1927/28 и 1928/29 хозяйственные годы. В докладе на конкретных фактах и статистических цифрах было вскрыто неудовлетворительное состояние железной дороги: формализм и невнимание к производственным вопросам со стороны инженеров отделения тяги, высокий износ имеющихся паровозов и отсутствие запасных частей к присланным паровозам новой серии «Щ», высокий уровень поломок рессор на вагонах, небрежный осмотр и небрежный ремонт подвижного состава, однобокое понимание новой системы «обезличенности» езды по дороге. В конце представленной справки делался вывод: «Таким образом, в самый разгар перевозок, благодаря неправильной организации ремонта паровозов и

допущения их к работе больными дорога находилась в катастрофическом положении, паровозы выбывали пачками, поезда лентами останавливались в пути за отсутствием паровозов, и только лишь слабое предъявление хлебогрузов спасло дорогу от полнейшей закупорки» [2, с. 329].

Аналогичные статистические сведения по железнодорожной станции Омск предоставил уполномоченный ОДТО ОГПУ ст. Омск Дерягин. В докладе имеются сравнительные ведомости производительности труда по четырем участкам железной дороги, омских мастерских, длительности простоев паровозов и т.д. Независимая и объективная оценка состояния дел в промышленности стала очень актуальна в начале первой пятилетки.

Тон информационно-политических сводок становился более тревожным в периоды экономических кризисов, которые при НЭПе происходили с регулярностью в два-три года. Зима 1924-1925 гг. ознаменовалась хлебозаготовительным кризисом в Сибири. Его спровоцировало само государство, отменившее перед этим административный арест должников на штрафные санкции. Местные власти не справились с разъяснительной работой, и крестьянство не учло тяжесть будущих штрафов. Крестьяне считали определенную для них норму не справедливой, писали жалобы и ждали подтверждения установленного налога окладными листами, которые по неизвестной причине запаздывали. Только после того, как с середины ноября стали налагаться штрафы, а у некоторых должников стало отниматься и распродаваться имущество, крестьяне стали сдавать сельхозналог быстрыми темпами. Именно так описано положение осени 1924 г. в отчете «О слабом поступлении сельхозналога в Обской губернии» налогового управления Омского финансового управления на имя секретаря Сибкрайкома С.В. Косиора, заместителя председателя Сибревкома Р.И. Эйхе и уполномоченного Наркомфина по Сибири А.М. Поволоцкого [2, с. 324.]. То есть местные власти применили административный нажим и в прямом смысле этого слова «выбили» налог из крестьян.

Однако проблемой сбора единого сельхозналога возникший кризис не исчерпывался. В том же отчете налогового управления, среди перечисленных мер по усилению сбора единого налога значатся: «В целях усиления хлебных заготовок заготовительным организациям категорически запрещено выдавать ссуды под будущее масло, дабы этим заставить выбросить на рынок хлеб; Вопрос о необходимости расширить хлебозаготовки поставлен перед хлебозаготовителями во всей широте» [2, с. 324-325.]. То есть конфликт между государством и крестьянами был гораздо шире фискального: крестьяне придерживали хлеб, не желая продавать его государству по низкой цене.

Действительно, экономический бюллетень № 22 ПП ОГПУ по Сибири от 28 декабря 1924 г. свидетельствует, что на хлебных рынках Сибири – в Омской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях - сложилась сложная ситуация: «истекший более чем двухмесячный период хлебозаготовительной кампании, дававший ранее от 30 до 40 % всей заготовки хлеба по Омскому району, дал ничтожный процент выполнения наличных планов» [2, с. 325.].

Причины подобного положения дел сибирские чекисты видели в том, что государственные и кооперативные хлебозаготовительные организации, в силу отсутствия опыта и собственной нерасторопности проигрывали рынок частникам: «По общему признанию неуспех госзаготовок обусловлен лимитами при большом количестве хлебозаготовителей, работающих в одном и том же месте с одной стороны и наличностью энергичной конкуренцией частного капитала, все больше и больше вытесняющего с хлебного рынка госзаготовку - с другой стороны» [2, с. 325.].

Несмотря на то, что частный капитал был стеснен ограничениями (например, закрытие частным лицам возможности кредита в банках) частники все равно оставались экономически более эффективными, чем государственные конторы за счет более быстрого оборота капиталов и использования системы аккредитивов. Они покупали у крестьян зерно, но перепродавали уже муку, перемалывая ее на собственных или арендованных у государства мельницах. Это давало им возможность предлагать крестьянам цену за пуд на 5-10 коп. (реже на 12-15 коп.) выше, чем могли себе позволить государственные хлебозаготовители, ограниченные лимитами. Таким образом, «нажим» на рынок путем лимитирования цен государством обернулся против самого государства: крестьяне охотнее продавали хлеб частникам, которые получали возможность выбирать самые лучшие и самые прибыльные сорта пшеницы, оставляя рожь государственным хлебозаготовителям [2, с. 325.].

По оценкам уполномоченных Экономического отдела ПП ОГПУ крестьяне вывозили на Омский хлебный рынок ежедневно от 15 тыс. пудов зерна, из которых государство выкупало не больше 40%, а остальное уходило в частные руки. Самыми крупными частными организациями, скупающими хлеб на Омском рынке, были: Мукомольно-Лесоторговое товарищество (Иванов и Кондаков), А.И.Емельянов, арендатор государственной мельницы № 7, мельница «Крестьянин», товарищество «Мукомол». Все эти фирмы были связаны с мукомольной отраслью, и имели возможность сразу перерабатывать закупленное зерно. Это и давало конкурентное преимущество. Экономический отдел ПП ОГПУ оценивал ежедневную производительность частных мельниц в 10000 пудов муки. При этом для извлечения дополнительной прибыли частники-мукомолы вывозили муку в Европейскую Россию и на Дальний Восток, где спрос на муку был значительно выше. Создалось опасное положение: хлеба в Омске не хватало, а за один только ноябрь из губернии было вывезено 350000 пудов муки и зерна. При этом чекисты оценивали дефицит муки для населения в городе Омске в 16 тысяч пудов [2, с. 326].

В этих условиях ОГПУ не нашло ничего лучшего, чем арестовать в середине января 1925 г. крупнейших и активнейших частных хлебозаготовителей, совершающих операции на хлебном рынке. Как заявлено в бюллетене Экономического отделения ПП ОГПУ № 1 за январь 1925 г, всем им было предъявлено стандартное обвинение в спекуляции: «платили и платят выше цен госзаготовителей, чем создавали и создают ажиотажное состояние хлебного рынка, уводя зачастую с базара крестьян на свои ссыпные пункты, способствуя

тем самым срыву планов заготовок, а отсюда и подрыву хлебной кампании в целом» [2, с. 326.]. Всего арестовали 14 чел., из них 3 – в Омске: Кондаков, Иванов и Емельянов.

Но это не переломило тенденцию укрепления частного капитала на хлебном рынке. На место ушедших частников пришли новые частники, но уже под видом представителей кооперативных и рабочих организаций. Экономическому отделу ОГПУ пришлось следить за новыми игроками на рынке и выявлять новые схемы обхода государственных ограничений цены на хлеб. Так, в Омске после произведенных арестов зерно активно стали скупать П.А. Яковлев, имевший на руках доверенности сразу от трех кооперативов Москвы и Тамбовской губернии, Сагайдак, брат бывшего уполномоченного Омской базы «Сахаротреста» и трое представителей неизвестной фирмы «Украмут» из Украины. Все они отправляли зерно не только уполномочившим их организациям, но и на посторонние адреса.

Кроме того, в том же бюллетене Экономического отделения была раскрыта схема преодоления лимита на цены при расчете с продавцами. Калачевское кредитное товарищество, принимая от окрестных крестьян зерно для размола, расплачивалось с ними не за зерно, а уже за муку, вычтя из цены стоимость работы своей мельницы. При этом крестьяне получали на руки денег гораздо больше, чем, если бы продавали товариществу неперемолотое зерно [2, с. 327.]. Таким образом, состояние рынка и вопросы продовольственной безопасности постоянно находились в центре внимания омских чекистов.

Приведенные факты говорят, что НЭП являлся политикой крайне противоречивой. Он позволил восстановить страну, но и сам породил массу проблем и злоупотреблений. Поэтому голос сторонников сворачивания НЭПа становился все громче и громче.

Последней «каплей», переполнившей «чашу терпения» большевистского руководства страны, стал хлебозаготовительный кризис 1927-1928 гг. в Сибири: вместо планировавшихся ежегодно 500 млн. пудов к январю 1928 г. по всему СССР хлебозаготовки составили только 300 млн. Знаковым событием для сворачивания НЭПа и начала коллективизации стала поездка И.В. Сталина в Сибирь 14 января – 6 февраля 1928 г.

Сплошная коллективизация сильно ударила по экономике Сибири. В докладной записке ПП ОГПУ по Сибирскому краю «О политнастроениях населения Сибири в связи с проводимыми кампаниями на 1 июня 1930 г.» отмечалось, что в общей сложности по Сибири на 25 мая 1930 г. засеяно единоличниками, колхозами и совхозами 1 448 100 га земли, что составляет 14,4% контрольной цифры посева. Причину создавшегося положения чекисты видели в следующих факторах: 1) истощенность тягловой силы; 2) недостаток семян, как в колхозах, так и в индивидуальном секторе; 3) продовольственные затруднения в деревне [2, с. 329].

Коллективизация привела к фактическому развалу сельского хозяйства в Сибири. В богатейшем крае впервые появились нищие: «Положение с обеспечением продовольственным хлебом бедноты остается прежним. Посту-

пившие в наше распоряжение от Омского и Барнаульского окр. материалы отмечают, что многие бедняки совершенно не имеют хлеба и собирают по соседним деревням милостыню. Следует отметить, что в ряде районов нищенство принимает массовый характер». «В с. Громогласовка Борисовского района Омского округа голодает до 60 семей. Из-за отсутствия хлеба беднячка Кулинич питалась павшими животными, а затем отравила себя и своих детей мышьяком, но благодаря своевременно оказанной помощи от смерти все спасены. В этом же округе в Люблинском р-не крестьяне, получившие семена, употребляют их в пищу» [2, с. 329.].

В документе отмечается, что тягловые лошади вышли из зимнего периода крайне истощенными, как в хозяйствах крестьян-единоличников, так и в коллективных хозяйствах: «Истощенность рабочих лошадей создает реальную угрозу срыва весенний посевной кампании в ряде коллективных объединений. Во многих округах (Каменский, Ломский, Барнаульский, Бийский) лошади по-прежнему продолжают выполнять норму дневной нагрузки на 10-50 %. В ряде районов колхозники запрягают в плуг 3-4 лошади. Зарегистрированы случаи падежа лошадей в запряжке. Вследствие истощения живой тягловой силы в некоторых колхозах приостановлен сев» [2, с. 330]. «Наблюдающийся кормовой кризис в колхозах коснулся также единоличников. В данном случае фиксируется ряд фактов, когда в индивидуальном секторе лошади вследствие истощения, выполняют дневную норму на 60-70 процентов» [2, с. 330].

На ходе сева сказалось также отсутствие семян: «Сельхозартель "Новый путь" Омского округа наметила по плану засеять 120 га, а семян имеет всего на 29 га. В этом же округе в Рыбинской коммуне вместо требуемых 567 ц. семян имеется всего 173 ц. Аналогичные факты отмечены в Славгородском, Кузнецком, Каменском и др. округах». Но не хватало не только семенного хлеба, но и продовольственного: «За отчетный период времени в Омском и Барнаульском округах выявлено ряд коллективных объединений, совершенно не имеющих продовольственного хлеба, в результате колхозники перемалывают семенное зерно в муку, питаются различными суррогатами, а в отдельных случаях употребляют в пищу павшую птицу» [2, с. 330].

Так, докладная записка Полномочного представительства ОГПУ рисует безрадостную картину упадка сельского хозяйства в Сибири, наступившего в результате коллективизации. Документ также фиксирует распространение «сокращенческих настроений» - сознательное сокращение крестьянами своих посевных площадей, а также начавшееся бегство бедняков и середняков их Сибири на Украину, Кузбасс и Турксиб. Так, из Славгородского округа ежедневно выезжало до 400 чел. [2. с. 330]. Все это привело к распространению критического отношения к проводимым советской властью мероприятиям не только среди крестьянского населения, но и среди сельской интеллигенции и красных партизан и «забастовочно-погромным» настроениям среди рабочих.

Таким образом, можно сделать вывод, что чекисты все время держали руку на пульсе экономической жизни Омского Прииртышья. Материалы, изложенные в их сводках, позволяют сделать вывод, что НЭП не решил всех проблем молодого советского общества, а некоторые, наоборот, усилил. Он сопро-

вождался хищениями и незаконным перераспределением средств, которые сейчас называются «распилами» и «откатами», но впервые появились в СССР 1920-х гг. Это дискредитировало НЭП не только в глазах советского руководства, но и в глазах трудящегося населения, что делало отказ от него практически неизбежным. Но и пришедшая ему на смену плановая экономика с индустриализацией и сплошной коллективизацией сопровождалась глубоким экономическим кризисом сибирской деревни. Это была сложная эпоха. Во многом общество решало проблемы, аналогичные современным.

Список литературы:

1. Воробьев С.В. Власть и общественные настроения на Урале в начальный период НЭПа (по информационным сводкам ВЧК-ОГПУ) // Документ. Архив. История. Современность. 2008. Т. 9. С. 148-154.

2. Саран А.Ю., Гуларян А.Б. Деятельность органов ГПУ-ОГПУ в Омском Прииртышье и Орловском Поочье (1922-1934): монография. Орёл: Изд-во ФБГОУ ВО Орловский ГАУ, 2015. 428 с.

3. Василевский В.П., Сушко А.В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье : монография Омск : Изд-во ОмГТУ, 2017. 280 с.

УДК 908

ГУЩИНА Н. В. (Калуга)
Калужский колледж народного хозяйства и природообустройства

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЛУЖСКОЙ ГУБЧК ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ И САБОТАЖЕМ В 1918 Г.

Аннотация: Работа посвящёна истории создания и деятельности Калужской губернской комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем в 1918 г. На основе архивных документов представлены судьбы первых сотрудников калужских органов госбезопасности.

Ключевые слова: спецслужбы, ВЧК, Калуга, Гражданская война.

GUSHCHINA N. V. (Kaluga)
Kaluga college of public facilities and nature building

THE ACTIVITIES OF THE KALUGA PROVINCIAL EXTRAORDINARY COMMISSIONFOR COMBATING COUNTERREVOLUTION AND SABOTAGE IN THE 1918 YEAR

Annotation: The report is devoted to the history of formation and activity of the Kaluga provincial commission for combating counterrevolution and sabotage in 1918. On the basis of archival documents are the destinies of the first officers of the state security agencies.

Keywords: Security services, All-Russian Special Commission for Combating Counter-revolution and Sabotage, Kaluga, Civil war.

Калужская губернская ЧК была образована по постановлению Калужского комитета Российской коммунистической партии (большевиков) от 11 мая 1918 г. В её состав вошли всего 7 человек: 5 коммунистов и 2 левых эсера. В это время Калуга находилась в сложной, если не сказать критической, ситуации. Ещё 15 октября 1917 г. контрреволюционными войсками Временного правительства был разгромлен большевистский Совет солдатских депутатов, арестованы его руководители, расформирован большевистски настроенный гарнизон города. Получившие в результате разгрома Совета солдатских депутатов временный перевес сил контрреволюционные партии при поддержке меньшевиков и эсеров создали «Орган губернской власти по спасению родины и революции».

Вопрос о положении в Калуге рассматривался 5 и 10 ноября Московским областным бюро РСДРП(б). В связи с чем Московский военно-революционный комитет решил направить в Калугу специальную комиссию для наведения революционного порядка. Установление Советской власти в Калуге произошло с прибытием в город 28 ноября 1917 г. революционных отрядов из Москвы, Брянска, Минска, Тулы. Контрреволюционные формирования при этом воору-

жённого сопротивления не оказали. К концу декабря 1917 г. советская власть Советов установилась во всех уездах Калужской губернии [10]. В этот период времени непосредственной борьбой с контрреволюцией занимался Калужский военно-революционный комитет (ВРК), просуществовавший до 15 декабря 1917 г. Вместо ВРК был избран президиум Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, к которому перешла вся полнота власти в губернии [11, с. 80, 84].

В начале мая 1918 г. контрреволюционные силы в Калуге перешли к активным действиям. 6 мая был совершён поджог на заводе Фонина, 7 мая – в 34-м госпитале, 8 мая произошёл пожар в Рабочем дворце (бывшем здании Дворянского собрания), 14 мая – пожар и взрыв на Бобруйском артиллерийском складе, причинивший городу огромный ущерб. В докладе, направленном в тот же день М.Д. Бонч-Бруевичем председателю Высшего Военного Совета, указывалось, что поджог Бобруйского склада являлся одним из звеньев германского шпионажа [6, с. 24]. Калуга в это время была также объектом деятельности крупной антисоветской организации «Союз защиты Родины и Свободы», возглавляемой известным контрреволюционным заговорщиком Б. Савинковым. Начальником штаба этой организации был генерал-майор А.П. Перхуров. В приговоре Военной коллегии Верховного трибунала при ВЦИК указывалось, что он «объединял и руководил деятельностью местных организаций Союза в городах Ярославле, Рыбинске, Муроме, Калуге и др., поддерживая с ними связь и снабжая их оружием, деньгами и людьми» [10].

Первым председателем Калужской губернской чрезвычайной комиссии стал большевик Иван Васильевич Евстафьев. В автобиографии, написанной в январе 1919 г, он отмечал: «Родился 7 января 1890 г. в семье безземельного крестьянина в Ямбурге. В 1905 г. был исключён из 3 класса 2-го отделения Ямбургского 3-классного городского училища за открытое возмущение против режима педагогического персонала, выразившегося в физическом нанесении оскорблений ученикам. Затем поступил учеником для изучения службы телеграфа при станции Ямбург Северо-Западной железной дороги, спустя 2 месяца в Варшавские мастерские при Варшавской железной дороге в качестве ученика при слесарном цехе в Санкт-Петербурге. За призыв во время тайного митинга к празднованию 1 Мая был уволен и выслан из города на родину. Работал телеграфистом на железной дороге. Участвовал в Первой мировой войне. В августе 1917 г. переведён с фронта в Сибирский западный телеграфный батальон в село Клементьево Можайского уезда Московской губернии, где принимал участие в создании боевой силы против Корниловского похода на красный Петроград. Но участвовать в боях не пришлось, были задержаны в Можайске для охраны Москвы. В сентябре месяце вместе с батальоном перешёл на новое место стоянки в город Жиздру Калужской губернии. В день октябрьского переворота захватил почту, телеграф и телефон в свои руки. Состоял при Жиздринском исполкоме комиссаром почт и телеграфов, откуда переведен в феврале 1918 г. на должность губернского комиссара почт и телеграфов. В начале мая месяца 1918 г. был назначен председателем губчрезвычкома с оставлением на должно-

сти губкомиссара почт и телеграфов, проработав в губчрезвычкоме 3 недели, был переведён на должность губвоенкома с 24 мая» [3, л. 129].

27 июля 1918 года на должность председателя Калужской губЧК назначен Фёдор Владимирович Ассен-Аймер [4, л. 1-2, 17]. Родился он 12 июля 1894 г. в Белостоке (Гродненская губерния) в дворянской семье. По одним данным, его отец полковник, в своё время был личным секретарём великого князя Николая Николаевича Романова – двоюродного брата императора Александра III, мать – дочь фабриканта. Окончил 5 классов Гродненской мужской классической гимназии, поступил на работу в Гродненское губернское присутствие. В 1915 г. из Гродно эвакуировался в Калугу, откуда мобилизован в армию. В 1916 г. окончил Московскую школу прапорщиков и назначен в 77-й пехотный запасной полк в Тулу. В июне 1916 г. отправлен на Северный фронт под Двинск, где находился до января 1918 г. В Калужскую губернию приехал в январе 1918 г., Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов назначен на должность комиссара по продовольствию.

В июле 1918 г. возглавил Калужскую губЧК. В начале 1919 г. направлен на фронт Гражданской войны. Командовал Псковским полком войск ВЧК, затем полком войск ВЧК на Южном фронте. В декабре 1919 г. вновь прибыл в Калугу, где его назначили командиром 10-й стрелковой бригады войск ВЧК. В начале 1920 г. Ф.В. Ассен-Аймер проходил военную службу командиром бригады войск ВЧК на Туркестанском фронте. Впоследствии командовал частями особого назначения Бухарской республики. В 1921 г. – член Калужской губернской контрольной комиссии. В 1923 году по болезни Ф.В. Ассен-Аймер был отправлен в Москву в распоряжение РВСР, определён начальником штаба ЧОН Вятской губернии. В 1924 г. вернулся в Калугу, где был назначен на должность заместителя начальника штаба 81-й дивизии.

В январе 1926 г. Ф.В. Ассен-Аймер был направлен на работу в органы, затем в войска ОГПУ Московского военного округа. В 1930 г. окончил 7-месячные курсы «Выстрел», в 1927–1930 гг. был командиром полка войск НКВД в Туле, в 1930–1933 гг. – командир полка дивизии войск НКВД в Москве (ОМСДОН), в 1933 – 1936 гг. – начальник снабжения этой же дивизии, с 1936 г. – старший инспектор ГУПВО, откуда полковником был уволен в запас. Награждён орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды 2-й степени Бухарской республики, медалью «За отличную службу по охране общественного порядка». В 1938 г. был заместителем директора магазина Диапозитовторга. Арестован ГУГБ НКВД 1 мая 1938 г. по обвинению в участии в антисоветской заговорщической деятельности в войсках НКВД. ОСО при НКВД СССР от 22 октября 1938 г. приговорён к 5 годам ИТЛ. Реабилитирован определением военной коллегии Верховного суда СССР от 27 июня 1957 г. [2, с. 43, 44].

В те же июльские дни 1918 г. в газете «Калужская правда» был опубликован приказ № 1 Калужской губЧК, он предписывал всем гражданам Калуги, не имеющим права и разрешения от советской власти на ношение и хранение огнестрельного и холодного оружия, сдать его в ЧК в 2-недельный срок со дня опубликования приказа. А в конце июля в той же газете напечатано воззвание губЧК с призывом не поддаваться на провокации врагов советской власти, ко-

торые пытались сорвать выборы делегатов на губернский съезд Советов и сам съезд [1, с. 28].

К осени 1918 г. чрезвычайные комиссии были созданы во всех уездах Калужской губернии. В соответствии с решениями I Всероссийской конференции ЧК, при губЧК стали создаваться вооружённые формирования корпуса войск ВЧК. К декабрю при губЧК сформировался батальон корпуса войск ВЧК в составе 3 пехотных рот, при каждой роте взвод пулемётов (2 пулемёта), пулемётной команды при 13 пулемётах, конного отряда из 66 всадников, взвода лёгкой артиллерии при 2-х полевых 3-х дюймовых орудий и нестроевой команды с соответствующим штабом батальона. Общий штат батальона был 1190 чел. и 321 лошадей, по факту к 1 декабря – 713 чел. и 171 лошадь. Формирование задерживалось вследствие несвоевременного отпуска кредита из центра для нужд батальона, тяжелыми условиями при получении обозного имущества, необходимого обмундирования для красноармейцев, скудностью в отпуске продовольствия и фуража. В дальнейшем батальон участвовал в ликвидации белогвардейских бандформирований в Брянске и Гомеле, воевал на фронтах Гражданской войны и только в марте 1919 г. в полном составе вернулся в Калугу [1, с. 36, 50].

29 августа 1918 года иногородний отдел ВЧК сообщал Калужской губЧК: «Иногородний отдел получает массу сведений о трениях, возникающих между различными местными органами, в том числе и Советами, с местными Чрезвычайными Комиссиями. Иногородний отдел находит нужным указать Чрезвычайным Комиссиям на необходимость теснейшего контакта в районе со всеми местными органами Советской власти, указав одновременно последним, что Чрезвкомы в своей работе, несомненно, автономны и должны беспрекословно исполнять все распоряжения, исходящие от ВЧК. как от высшего органа, коим они подведомственны, советам же ЧК только подотчётны, но ни в коем случае Советы или какие-либо отделы его могут отменять или приостановить распоряжения ЧК, исходящих от ВЧК. Извещая Вас об этом, Иногородний Отдел предлагает Вам строго руководствоваться настоящим приказом, что устранит возникающие так часто трения» [1, л. 129].

На заседании Калужского губернского исполнительного комитета 16 декабря 1918 г. в своём докладе председатель Калужского губкома Пётр Янович Витолин отметил, что по «постановлению Центра, председателем губчрезвыкома должен быть товарищ, обладающий не менее 2-летним партийным стажем, а товарищ Ассен-Аймер такового стажа не имеет и ввиду этого губкоммунистов постановил: назначить председателем губчрезвычкома товарища Долгова и представить его на утверждение губисполкома». В свою очередь губисполком утвердил Василия Яковлевича Долгова председателем губЧК, его товарищем – Василия Филипповича Федотова, а Ассен-Аймера членом коллегии губЧК [4, л. 5; 5, л. 272].

В.Я. Долгов родился в 1886 г. в семье крестьян Калужской губернии. Окончил церковно-приходскую школу. С 11 лет работал в Калуге на чугунолитейном заводе Киселёва, а затем – в Москве и в Калуге в столярных мастерских. В революционном движении с 1905 г. С 1907 г. служил на Балтфлоте, с 1912 г.

– в запасе, в 1914 г. вновь на военной службе на Балтийском море. Член партии с 1 мая 1917 г. В Калугу вернулся 25 января 1918 г. В июне 1918 г. избран делегатом II губсъезда РКП(б) от Карачевской волостной организации. Был товарищем председателя губкома РКП(б). В 1918–1919 возглавлял Калужскую губЧК. В 1919 г. учился в коммерческом институте, одновременно работая в аппарате ЦК ВКП(б). По окончании института был директором завода на Урале. Скончался в 1938 г. [2, с. 93].

В отчёте Калужской губЧК за период с 12 мая по 1 декабря 1918 г. находим информацию о структуре и деятельности организации. Действовали контрреволюционный, спекулятивный, иногородний, хозяйственный отделы, при иногороднем – железнодорожный подотдел, при хозяйственном – комендантский. Была начата работа по организации секретной части губЧК, но следственная коллегия при комиссии ввиду полного отсутствия достаточно подготовленных следователей ещё не была создана. Личный состав губЧК по отделам распределялся следующим образом:

- Иногородний отдел и железнодорожный подотдел с железнодорожным отделением на станции Сухиничи и железнодорожными комиссарами на более крупных и узловых станциях – всего 16 чел.

- Отдел по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности – 6 чел.

- Отдел по борьбе со спекуляцией – 4 чел.

- Хозяйственный отдел и комендантский подотдел – 6 чел.

- В общей канцелярии – 3 чел.

Шофёров, сторожей и посыльных – 4 чел.

Кроме того, при губЧК числились 6 комиссаров для экстренных поручений и производства обысков. Итого – 55 человек, из них 49 мужчин и 6 женщин, 36 коммунистов и 19 сочувствующих. Штаты и оклады губЧК разрабатывались и утверждались ВЧК. Максимальная ставка оплаты труда для членов коллегии составляла 885 руб., минимальный для низших служащих – 450 руб.

Отдел по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности объединял «всю работу по активной борьбе с контрреволюцией, выражающейся в открытых восстаниях и агитации против Советской власти, а также со злоупотреблениями по должности, иным преступлениям, приносящим столько вреда республике, подрывающих доверие и дискредитирующих Советскую власть. Отдел боролся всеми имеющимися в его распоряжении средствами, как-то: арестом виновных лиц, расстрелами против крупнейших преступников, конфискацией и реквизицией имущества виновных лиц и прочими доступными для него средствами.

Отделом со дня организации по 1 декабря 1918 г. арестовано 307 более или менее крупных контрреволюционеров и должностных лиц, обвиняемых в преступлении по должности и превышающих свою власть, из них:

1) Освобождено ввиду полной их реабилитации 102 чел.

2) Перечислено за Революционный трибунал, коему и передано дальнейшее ведение о них дела в 83 случаях.

3) За другие судебные учреждения 37 чел.

4) Числится за отделом 75 чел. как находящихся под заключением до полного окончания следствия по существу преступления.

Расстрелов по приговору губЧК с участием представителя от губисполкома было 19 раз.

Отдел по борьбе со спекуляцией вел беспощадной борьбой со спекуляцией, выражающейся в какой бы то ни было форме. Для пресечения спекуляции отделом принимаются репрессивные меры, как то: аресты, заключение виновных лиц под стражу или наказание их на принудительные работы, накладывание штрафов, производство конфискации и реквизиции обнаруженных товаров, предметов и продуктов первой необходимости.

Всего отделом со дня организации значится 139 спекулятивных дел, из них: комиссией и отделом рассмотрено 119 дел, передано в ревтрибунал для наказания виновных – 8 дел и числится за отделом как незаконченных и требующих дальнейшего расследования 12 дел.

Арестованы всего в связи со спекуляцией предметами и продуктами первой необходимости за всё время существования отдела 75 лиц, из коих самой комиссией ввиду их непреступной деятельности освобождено 41 чел. Применение штрафа практиковалось в 15 случаях, на общую сумму 101805 руб. 25 коп. Конфисковано товара и продуктов на сумму 41047 руб. 83 коп., деньги как штрафные, так и конфискованные сдаются в местное казначейство в доход Республики на восстановление кредита.

Кроме того конфискованные вещи, предметы и товары первой необходимости сдаются натурой в соответствующие учреждения, как то: все продовольственные продукты, табачные изделия и кожевенный товар – в губпродком, горпродком и в Калужский отдельный батальон корпуса войск ВЧК для довольствия красноармейцев; предметы первой необходимости, как то: резина, мех, старое солдатское обмундирование – в Совнархоз.

Иногородний отдел организован только 1 октября 1918 г., ввиду неимения подходящих технических средств. В его обязанности входит информация и инструктирование уездных ЧК, а также объединение разнородной служебной переписки со всеми советскими учреждениями, как центральными, так и местными. Железнодорожный подотдел при иногороднем отделе начал свои функции с 1 октября, но ввиду затруднений, как с технической стороны, так и вследствие скудности в материальном отношении, начал свои активные действия только с 1 ноября. Главным образом на него возложены обязанности:

1) Борьба с контрреволюцией и спекуляцией в полосе железнодорожной линии, проходящей на территории Калужской губернии.

2) Удаление саботирующих элементов среди железнодорожного персонала.

3) Упорядочение и наблюдение за деятельностью заградительных отрядов.

4) Принятие мер и охрана пути.

5) Тщательное наблюдение на узловых и прочих пунктах за проезжающими лицами.

6) Обыски в проходящих пассажирских и товарных вагонах, имеющие цель извлечь тёмные элементы, пробирающиеся на Украину и другие контрреволюционные страны и просмотр товарных поездов, не провозятся ли товары и продукты со спекулятивной целью.

Подотделом за время существования возбуждено 54 дела по разнородным преступлениям… Арестов произведено 31, освобождено 20 оправданных и находятся в заключение до окончания следствия 11 чел.

Хозяйственный отдел ведал денежной и материальной отчётностью ЧК, приёмом конфискованных, реквизированных и временно отобранных продуктов, предметов и других товаров у задержанных лиц, сдачей таковых в соответствующие учреждения после окончательного выяснения их назначения, а также возвратом владельцам по принадлежности. В отделе имеется вспомогательный комендантский подотдел, который ведёт учёт арестованных лиц, приёмкой от соответствующих судебных и других учреждений и т.д. За всё время существования губЧК высшей мерой наказания было наказано 73 лица, из коих 59 за контрреволюционные выступления, агитацию и неподчинение советской власти и 4 красноармейца 1-го Калужского отдельного батальона корпуса войск ВЧК за вымогательство…» [7, л. 2–8об., 15об., 16].

М.Я. Лацис писал, что работникам ЧК предоставлены широкие права, но для того, чтобы «распоряжаться чужой жизнью, надо быть самому выше всяких подозрений как в смысле политическом, так и по своим личным качествам. Работа ЧК требует людей с выдержанным характером, непреклонной волей, объективным взглядом, с установившимися политическими убеждениями и хорошей личной репутацией» [9, с. 11].

В декабре 1918 г. после получения «из Центра новой инструкции» Калужская губЧК была реорганизована. Она была разделена на отделы – общий, секретно-оперативный, юридический, комендантский, провинциальный. Железнодорожное отделение реорганизовано и подчинено Транспортному отделу ВЧК [7, л. 15об., 16]. К этому времени положение с охраной грузов на железной дороге было катастрофическое. «Исчезали» целые составы, как это случилось в конце 1918 г. с продовольственным поездом для Москвы, который выехал из Пензы в Калугу [10].

Контроль партии за деятельностью чекистских органов, в том числе местных, осуществлялся постоянно. Отдельными вопросами работы органов Калужской губЧК интересовался лично В.И. Ленин. Предметом внимания вождя была забота о неукоснительном соблюдении чекистскими органами требований революционной законности. Контроль за действиями местных ЧК партийные органы осуществляли в том числе путём систематических обсуждений отчётов чекистских органов в губкоме и губисполкоме (ЧК отчитывалось как за свою деятельность в определённый период времени, так и за проведение конкретных операций). Особенно тщательно партийные органы контролировали применение ЧК высшей меры наказания – расстрела. Применялась она в исключительных случаях, и представители губкома партии в обязательном порядке присутствовали на заседаниях коллегий ЧК, когда на них решались вопросы о вынесении постановлений о смертной казни.

Калужская губернская газета «Коммуна» 28 октября 1918 г. опубликовала статью «Чрезвычайные комиссии – часовые пролетариата», она заканчивалась такими словами: «Часовой, не спи! Тебе доверили великое дело, поставив тебя на ответственный пост, и ты должен помочь ковать счастье труду. Будь чутким и не пропусти волка в овечьей шкуре. Будь справедлив, но строг!» [8].

Список литературы:

1. Бой продолжается…: Рассказы о калужских чекистах / Сост. Г.И. Коротаев. Тула: Приокское книжное издательство, 1987.
2. Времена и Судьбы. Сборник биографий известных деятелей Калужской области 1917 – 1985 гг. / Авт.-сост. Т.А. Морева, Н.В. Гущина. Калуга: Издательство «Полиграф-Информ», 2010.
3. ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 11.
4. ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 102.
5. ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 94. Л. 272.
6. ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 95. Л. 22 – 24.
7. ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Оп. 4. Д. 12.
8. Коммуна (Калуга). 1918. 26 октября. № 96.
9. Лацис М.И. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. Москва: ГИЗ, 1921.
10. Лебедев А.Г. Руководство коммунистической партии органами ВЧК, 1918 – 1920 гг. На материалах партийных организаций Калужской и Тульской губерний. Диссертация… канд. ист. наук. М., 1981.
11. Очерки истории Калужской организации КПСС. Тула: Приокское кн. изд–во, 1967.

УДК 929:351.75

ЖУРАВЛЁВ Е. Н. (Омск)
Общество изучения истории отечественных спецслужб

ПЁТР ПЕТРОВИЧ ЗУТИС. ФАКТЫ БИОГРАФИИ

Аннотация: в работе по документальным материалам, выявленным автором публикации, представлена биография участника Первой мировой и Гражданской войн, Петра Петровича Зутиса, впоследствии ставшего советским и партийным деятелем. Важная часть профессионального и жизненного пути этого человека была связана с органами государственной безопасности в Омском регионе.

Ключевые слова: П.П. Зутис, спецслужбы, Омск, Гражданская война, советская власть, генеалогия.

ZHURAVLYOV E. N. (Omsk)
Society for the Study of the History of Russian Special Services

PETER PETROVICH ZUTIS. FACTS OF BIOGRAPHY

Annotation: in the work on documentary materials identified by the author of the publication, the biography of the participant of the First World and Civil wars, Petr Petrovich Zutis, who later became a Soviet and party figure, is presented. An important part of the professional and life path of this man was connected with the state security agencies in the Omsk region.

Keywords: P.P. Zutis, special services, Omsk, Civil war, Soviet power, genealogy.

В современной историографии Гражданской войны в России одним из популярных направлений становятся биографические исследования. Стоит отметить, что изучение подчас непростых судеб сотрудников спецслужб противоборствовавших сторон занимают здесь особое место. Причем в отличие от общеисторических исследований в этом вопросе ситуация представляется относительно равновесной. Как видно даже из беглого обзора современных научных публикаций, сегодня для историков имеют научную актуальность жизненные и профессиональные опыты, как контрразведчиков-белогвардейцев [1, 3, 5], так и противостоявших им чекистов [2, 4, 6].

Развивая сложившуюся традицию, в этой публикации мы представляем биографию П.П. Зутиса – участника Первой мировой и Гражданской войн, впоследствии ставшего советским и партийным деятелем. Важная часть професси-

онального и жизненного пути этого человека была связана с органами государственной безопасности в Омском регионе.

Пётр Петрович Зутис родился 13 марта 1897 г. в Лифляндской губернии. Отец его был народным учителем, но в 1905 г. лишился должности, так как являлся участником крестьянского движения, после чего, оставив педагогику, он занялся крестьянским хозяйством.

До 15 лет Пётр Петрович работал в хозяйстве отца, а в 1913 г., после окончания народного училища, уехал для продолжения образования в Ригу, где поступил на частные четырехгодичные курсы. В это время он работал на различных работах, чтобы иметь возможность продолжить образование.

В разгар Первой мировой войны, в июле 1915 г. наш герой добровольно поступил на военную службу в РИА рядовым 1-го Усть-Двинского стрелкового полка, а уже через два месяца рядового Зутиса направили на фронт. В 1916 г. П.П. Зутис был произведен в чин младшего унтер-офицера и переведен в 20-й Финляндский драгунский полк. В составе названного армейского соединения наш герой принимал участия в боях, был дважды ранен. За боевые отличия Пётр Петрович был награжден знаком Военного ордена для нижних чинов (т.н. «солдатский Георгий») 4-й и 3-й степеней.

В 1916 г. по приказу командующего армией, как латыш по национальности, наш герой был откомандирован в 1-ю Латышскую стрелковую бригаду и назначен в 1-й Латышский стрелковый полк, в котором впоследствии П.П. Зутис выполнял обязанности члена полкового суда, являлся делегатом съезда Латышских полков.

4 августа 1917 г. как делегат съезда 12-й армии, голосовавший за левый блок, П.П. Зутис вступил во фракцию РКП(б) при исполкоме армии в Вендене. Вместе с полком принимал активное участие во время Октябрьского вооруженного восстания. В частности, в своей анкете, на вопрос об участии в Октябрьском перевороте Зутис написал так: «вместе с 1 Латышским полком участвовал в общей массе».

В январе 1918 г. полк, в котором служил Зутис, был направлен в распоряжение Ставки Верховного Главнокомандующего Крыленко и члена коллегии ВЧК Вацетиса. В составе полка, Пётр Петрович, командуя ротой, до марта 1918 г., сражался в боях против немецких войск на участке фронта Орша–Гомель–Рогачев. В середине марта 1918 г. полк был снят с этого участка и спешно отправлен для ликвидации восстания в Нижний Новгород, после чего был передислоцирован в Москву для участия в ликвидации мятежа польских легионеров Довбор-Мусницкого.

После разоружения польских легионеров, в апреле 1918 г., полк был расформирован, а Зутис по демобилизации уехал в Арзамас. По приезду он поступил в военно-революционный штаб, из которого впоследствии был сформирован местный военный комиссариат. С апреля 1918 г. Зутис являлся сначала заведующим оружием, а позднее уездным военным комиссаром. Во время службы в уездном военном комиссариате являлся участником ликвидации восстаний в окрестностях Арзамаса.

При наступлении белых армий в Поволжье была объявлена мобилизация добровольцев. По собственному желанию Петр Петрович Зутис отправляется на Восточный фронт в распоряжение Особого отдела. По прибытии он был назначен на должность заведующего регистрационной частью. Через 2 недели вспыхнуло крестьянское восстание в Симбирской и Самарской губерниях. Зутис был командирован для участия в подавлении восстания. 5 февраля 1919 г. он был назначен комендантом оперативного штаба Сводного отряда Сенгилеевского района, а затем командиром отдельного кавалерийского дивизиона. В феврале-марте 1919 г. Зутис участвовал в боях против армии адмирала Колчака в районе Мелекес–Бугульма, а в апреле вернулся обратно в Особый отдел Восточного фронта.

В октябре 1919 г. наш герой был откомандирован в Москву, для работы в Особом отделе ВЧК. В начале 1920 г., в составе группы сотрудников названного подразделения ВЧК, Петр Петрович был откомандирован для работы в Сибирь, где тогда проходило становление советских органов государственного безопасности.

По приезду в Омск становится сотрудником в Омской губЧК, где он занимал должности от уполномоченного Информационной части, секретно-оперативного и экономического отделов до начальника экономического отделения. В 1920 г. также П.П. Зутис участвовал в ликвидации восстания в Славгородском уезде Омской губернии, в 1921 г. – в Петропавловско-Ишимском районе. Петр Петрович прослужил в Омской губЧК (губотделе ГПУ) до июля 1922 г.

В начале 1920-х гг., в эпоху преодоления разрухи, большой вред наносило такое явление, как спекуляция, поэтому правительством были приняты энергичные меры по борьбе со спекуляцией и хищениями. Активную борьбу с этими преступлениями вели и омские чекисты. За три месяца 1920 г. сотрудниками экономического отдела Омской губЧК было возбуждено уголовных дел: на спекулянтов – 69, на расхитителей государственного имущества – 53, на крупных воров – 31, на мошенников – 30, на совершивших преступления по должности – 123.

В начале 1922 г. П.П. Зутис вел дело о служебных злоупотреблениях работников Омской тюрьмы и после слушания этого дела на заседании Сиббюро ЦК РКП(б), было принято решение о его переводе на работу в пенитенциарную систему. Правда, о причинах своего перевода из органов ГПУ, сам Пётр Петрович в анкете впоследствии незамысловато указал – «с начальством не поладил». После увольнения из органов ОГПУ он состоял в запасе по должности уполномоченного особого отдела дивизии.

По решению губернского комитета РКП(б) Петр Петрович Зутис был командирован на работу в Омский губернский отдел юстиции и назначен заместителем заведующего исправительно-трудовым подотделом, впоследствии заведующим, начальником губернского управления местами заключения, с 20 декабря 1923 г. губернским инспектором мест заключения, в каковой должности работал до 1926 г.

С 29 апреля 1926 г. Петр Петрович Зутис работает инспектором по строевой части Управления стрелковой охраны Омской железной дороги. На этой должности он находился до 1930 г.

Партийная характеристика, данная Зутису в марте 1926 г. бюро ячейки РКП(б) по месту его работы гласит: «Тов. Зутис Петр Петрович член партии с 1917 г., по социальному положению крестьянин, служит в качестве инспектора мест заключения с 20.12.1923. В своей работе тов. Зутис проявил инициативу, умело руководя работой. При подборе работников не всегда стремился к увеличению коммунистического состава, политически развит средне. Вопросы разбирать может. В исполнении заданий партии тов. Зутис неаккуратен, о чем ему был сделан выговор. Нездоровых уклонов нет. Партсобрания посещает не аккуратно».

Этот текст дословно повторяется во всех партийных и служебных характеристиках и аттестациях Петра Петровича вплоть до его увольнения из Управления стрелковой охраны Омской железной дороги в 1930 г.

В 1930 г. П.П. Зутис, как чекист, пребывавший в запасе, временно привлекался для работы в Омском окружном отделе ОГПУ на период «кампании по кулаку». Но за этот период «с положительной стороны ни в чем себя не проявил». Поэтому, в марте 1930 г. с учета запаса ОГПУ был снят и передан на особый железнодорожный учет, ввиду назначения его в военное время помощником командира полка ОПС ВОГПУ Омской железной дороги.

В 1928 г. Зутис окончил школу усовершенствования высшего и старшего командного состава им. Рудзутак, в 1933 г. – высшую пограничную школу, в 1934 г. – институт инженеров железнодорожного транспорта.

В сентябре 1933 г. решением горкома партии назначен начальником Проектного бюро Омгоркомхоза (с 1935 г. – «Омскгражданпроект»). В 1939-1941 гг. являлся главным архитектором Омска, с 1940 по 1944 гг. возглавлял областной отдел по делам строительства и архитектуры. До 1962 г. Зутис возглавлял «Облпроекттрест». С 1965 г. Пётр Петрович Зутис был начальником проектно-сметной конторы объединения «Сельхозтехника». Выйдя на заслуженный отдых, в 1965 г. он являлся персональным пенсионером союзного значения. В том же году Петр Петрович оставил воспоминания о своей службе в органах ЧК–ГПУ в Омске. За трудовые заслуги Пётр Петрович был удостоен высоких правительственных наград – орденов Ленина, Трудового Красного Знамени (1956), Октябрьской Революции (1977) и медалью «За освоение целинных и залежных земель». Ушел из жизни наш герой в 1977 г.

Как показывает наше исследование, благодаря своей энергии и талантам Петр Петрович Зутис, сделал достойную карьеру, совершив немало важных дел во благо своего государства. Автор выражает надежду, что проделанный биографический обзор станет впоследствии основой для более широкого научного исследования. Ведь пример колоритной судьбы П.П. Зутиса является отражением непростой эпохи, современником которой, герою этой публикации выпало быть.

Список литературы:

1. Бакшт Д.А. «Бездеятельный жандарм»: к биографии В.Н. Руссиянова (в дополнение к докладу С.П. Звягина) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. 25–33.

2. Василевский В.П., Сушко А.В. Руководители органов ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье // Омский научный вестник. 2015. № 4. С. 25-28.

3. Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово: ООО «Авторское издательство Кузбассвузиздат», 2001. 352 с.

4. Капчинский О.И. По образованию художник, по опыту работы чекист // Военно-исторический журнал. 2013. № 8. С. 76–79.

5. Петин Д.И., Ефремова Ю.Н. Источниковый потенциал семейных архивов в реконструкции биографии и генеалогии участника Гражданской войны. На примере архива семьи Абрамовых. Первая половина XX в. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 217–231.

6. Тепляков А.Г. Иван Данишевский: чекист, авиастроитель, публицист // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 94-97.

УДК 94(47+57)

КИРМЕЛЬ Н. С. (Москва)

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ КАДРАМИ ОРГАНОВ КОЛЧАКОВСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ

Аннотация: В статье исследуется деятельность командования белых армий по обеспечению кадрами контрразведывательных органов. На основе документальных источников автор доказывает, что назначение на руководящие должности сотрудников жандармерии и контрразведки Российской империи позитивно сказалось на деятельности колчаковских спецслужб.

Ключевые слова: Гражданская война, белое движение, контрразведчики, кадры, жандармы, офицерство.

KIRMEL N. S. (Moscow)

PROBLEMS OF COMPLETING OF BODIES OF KOLCHAK`S COUNTERINTELLIGENCE

Annotation: The article examines the activities of the White Army command to provide cadres for counterintelligence agencies. On the basis of documentary sources, the author proves that the appointment of senior officials of the gendarmerie and counterintelligence of the Russian empire positively affected the activities of Kolchak's special services.

Keywords: Civil war, white movement, counterintelligence, cadres, gendarmes, officers.

В годы Гражданской войны, как Советской России, так и белогвардейским государственным образованиям пришлось заново создавать свои органы безопасности. В отличие от большевиков, которые «пошли своим путем», генералы, возглавившие Белое движение, при создании спецслужб, подборе и расстановке кадров, воспользовались опытом распавшейся Русской императорской армии.

Как известно, в годы Первой мировой войны, до февраля 1917 г., руководящий состав контрразведывательных отделений (КРО) штабов фронтов и армий комплектовался из числа офицеров Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ), чины для поручений, делопроизводители и другие должностные лица назначались из числа строевых офицеров и чиновников. После Февральской революции демократические власти изгнали жандармов из контрразведки и на вакантные должности начальников отделений назначили офицеров Генштаба.

Командующий Добровольческой армией и главнокомандующий ВСЮР генерал-лейтенант А.И. Деникин при подборе руководящих кадров контрразведывательных органов отдавал предпочтение генштабистам. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак придерживался дореволюционных подходов. Придя в

ноябре 1918 г. к власти, адмирал А.В. Колчак начал реорганизацию Ставки Верховного главнокомандования (ВГК), направленную на разграничение функциональных обязанностей ее управлений и отделов. Подверглись реформированию и органы контрразведки. 29 ноября было учреждено Центральное отделение военного контроля (ЦОВК), вошедшее в состав разведывательного отдела управления 2-го генерал-квартирмейстера штаба ВГК и объединявшее деятельность всех низовых контрразведывательных и военно-контрольных подразделений.

Кадровый костяк органа контрразведки штаба ВГК составляли профессионалы оперативно-розыскной деятельности. ЦОВК возглавил жандарм и контрразведчик, участник Первой мировой войны полковник Н.П. Злобин. Его биография типична для офицеров политического розыска Российской империи. Николай Павлович родился в 1871 г., окончил полный курс Кронштадтского реального училища, ремесленные курсы в Санкт-Петербурге, Алексеевское военное училище. В 1902 г. был переведен в ОКЖ. Документально установлено, что с октября 1915 г. по август 1917 г. Злобин был помощником начальника разведывательного отдела и начальником КРО штаба главнокомандующего армиями Северного фронта. В 1918 г. он возглавлял разведку штаба отдельного отряда, действовавшего против большевиков на Волге [8, л.12]. 2-й генерал-квартирмейстер штаба ВГК генерал-майор П.Ф. Рябиков характеризовал начальника контрразведки как очень опытного и знающего свое дело офицера, который «давал достаточно правильные картины и о работе большевиков, и о деятельности различных партий на территории Сибири» [6, л. 38].

Помощниками начальника ЦОВК были назначены ротмистр В. Кафаров – обер-офицер для поручений при коменданте Ставки, титулярный советник Е. Афанасьев – помощник начальника КРО при штабе 6-й отдельной дивизии Средне-Сибирского корпуса, полковник А.В. Караулов – бывший начальник Тифлисского, Нижегородского и Южного охранных отделений. Офицер для поручений ЦОВК полковник Н.В. Кучин до революции служил помощником начальника нескольких губернских жандармских управлений (ГЖУ) [16, л. 63, 64].

Параллельно фронтовым шло формирование контрразведывательных структур в тылу. 26 февраля 1919 г. в Главном штабе Военного министерства учреждались квартирмейстерский и осведомительный отделы. В штате последнего находилась контрразведывательная часть (КРЧ), состоявшая из центрального отделения военной контрразведки (ЦОВКР) и центрального регистрационного бюро (ЦРБ). Численность аппарата контрразведки составляла 37 человек [2, с. 17].

При комплектовании КРЧ туда перевели 18 офицеров и чиновников из ЦОВК. Подполковник А.В. Караулов возглавил ЦОВКР. Чинами для поручений стали ротмистр Н.В. Колодезников, полковник Н.В. Кучин, подполковник М.Г. Яковлев, надворный советник Фомичев; заведующим ЦРБ – ротмистр Л.Н. Канабеев [14, л. 92–92 об, 111об–112]. Другие должности в КВЧ занимали офицеры командного профиля, окончившие военные училища, реже – юридические факультеты университетов.

С 23 марта 1919 г. КРЧ возглавил отставной жандармский генерал-майор В.А. Бабушкин. Василий Александрович родился в 1857 г. Окончил 1-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию в 1876 г. (позднее – 1-й кадетский корпус) и 2-е Константиновское военное училище в 1878 г. Начинал службу в Лейб-гвардии Финляндском полку, откуда в 1887 г. перешел в ОКЖ. Служил начальником отделения жандармского полицейского управления железной дороги, помощником начальника ГЖУ, старшим адъютантом штаба Варшавского жандармского округа, штаб-офицером при главном управлении ОКЖ, начальником жандармских управлений в Пермской, Эриванской, Костромской, Рязанской и Симбирской губерниях, а также в Терской области [5, л. 147–148]. Таким образом, генерал-майор В.А. Бабушкин в органах госбезопасности Российской империи прослужил 30 лет, из них 13 лет – в качестве начальника ГЖУ.

После расформирования КРЧ несколько ее чинов получили назначение в Центральное отделение военной контрразведки и военного контроля (ЦОВКРиВК) управления 2-го генерал-квартирмейстера при ВГК. 9 сотрудников во главе с В.А. Бабушкиным остались в резерве [15, л. 1-2]. В июле 1919 г. генерал возглавил особый отдел государственной охраны Департамента милиции МВД [4, л. 4]. Осенью 1922 г. он руководил разведкой и контрразведкой Приамурской области [24, с. 125].

Полковник А.В. Караулов продолжил службу в должности заведующего агентурой особого отдела (разведывательного органа – Авт.) Управления делами Российского правительства. По мнению сменившего его на этом посту Я.Д. Гусева, у офицера «сохранилась пунктуальность, но не осталось воли». В конце января 1920 г. А.В. Караулов вместе с 3 сотрудниками особого отдела был арестован чекистами 5-й армии, а в марте умер в Красноярской тюрьме [25, с. 71–72, 79].

На руководящие должности в КРО штабов военных округов также назначались бывшие контрразведчики и жандармы. Так, начальником отделения военного контроля при штабе Приамурского военного округа был назначен капитан М.С. Алексеев. Военный контроль при штабе Иркутского военного округа с 1918 г. возглавил подполковник В.А. Булахов, служивший ранее в ОКЖ, «человек крайне деятельный и энергичный» [22, л. 7–8об.].

В связи с тем, что колчаковские власти принимали на службу бывших жандармов и контрразведчиков, наиболее подготовленным в профессиональном отношении являлось руководящее звено контрразведывательных и военно-контрольных органов. «Справедливость требует сказать, что лично мне, как генерал-квартирмейстеру, ни разу не пришлось обнаружить в работе старших чинов контрразведки… ни каких-либо личных интересов, ни каких-либо провокаторских деяний по опорочиванию… военных и гражданских чинов, – характеризовал своих подчиненных 2-й генерал-квартирмейстер штаба ВГК генерал-майор П.Ф. Рябиков, – руководители контрразведки вели свое дело в преданности Верховному правителю и в постоянном стремлении охранения существующего строя и порядка как от действий противоправительственных организаций и групп, так и от шпионажа, пропаганды и вредительства большевиков» [6, л. 138об, 143].

Вместе с тем, морально-деловые и профессиональные качества рядовых сотрудников спецслужб вызывали озабоченность у руководителей. «Верить донесениям, а иногда и анонимным доносам разных сотрудников контрразведки с обвинениями друг друга было невозможно без должной проверки, – писал генерал П.Ф. Рябиков. – Поэтому приходилось командировать на места своих доверенных людей, дабы попытаться установить ценность тех или иных контрразведок и разобраться в их взаимоотношениях» [6, л. 143об.].

Полковник Н.П. Злобин писал: «очень много теряло контрразведывательное дело» от отсутствия опытных лиц, как руководящего состава, так и служащих. Он указывал, что некоторые офицеры под разными предлогами находили причины избежать той или иной работы, поэтому неоднократно требовал от подчиненных «усердия и точного выполнения возложенных обязанностей», в противном случае требуя оставить службу [7, л. 16].

Военный министр барон А.П. Будберг, изливая в своем «Дневнике» накопившуюся горечь и боль за поруганную Родину, резко негативно оценивал колчаковскую контрразведку. Генерал считал, что «это огромнейшее учреждение» пригрела «целые толпы шкурников, авантюристов и отбросов покойной охранки, ничтожное по производительной работе, но насквозь пропитанное худшими традициями прежних охранников, сыщиков и жандармов. Все это прикрывается самыми высокими лозунгами борьбы за спасение родины, и под этим покровом царят разврат, насилие, растраты казенных сумм и самый дикий произвол» [1, с. 281]. Подобно А.П. Будбергу оценивала кадры колчаковской контрразведки агентура советской военной разведки. По ее данным, в КРО штаба 3-й армии «набилась самая разношерстная публика, часто совершенно не грамотная, которая стремится только к тому, чтобы побольше набить свой карман… Из 10 офицеров контрразведки 7 обязательно находятся под судом». Прапорщик Жевченко оказался под следствием за взяточничество. Делопроизводитель Сергеев за взятки предоставлял заинтересованным лицам нужные сведения. Прапорщик Берендиев брал взятки, злоупотреблял алкоголем и отличался болтливостью. Прапорщик Попов был уволен из контрразведки за пьянство [13, л. 4–5].

Такое поведение офицеров контрразведки можно объяснить отсутствием объединявшей и всем понятной идеологии Белого движения, деформацией морально-нравственных ценностей миллионов людей в ходе Гражданской войны. «Социальные, экономические, политические переломы, радикальнейшие перемены, огромные потери, смена всего жизненного уклада, крушение привычных устоев и понятий, возникновение новых, небывалых отношений, когда тот, кто был ничем, становится всем, и, напротив, кто был всем, превращается в ничто, – пишет академик Ю.А. Поляков. – Таким образом, произошло и невиданное психологическое потрясение» [12, с. 41]. Кадровые военные, к таковым мы относим и жандармов, оказались более стойкими к потрясениям, нежели офицеры военного времени, являвшимися до войны людьми мирных профессий.

Ради объективности следует сказать, что советская агентура давала и положительные оценки личным качествам белогвардейских контрразведчиков. Например, первый помощник начальника владивостокского КРО ротмистр Го-

ловачевский характеризовался как «честный, неподкупный и исполнительный» сотрудник. Второй помощник – полковник в отставке по фамилии Сафонов – также считался исполнительным и честным [13, л. 6].

Позитивно характеризует начальника Благовещенского контрразведывательного пункта поручика Безрукова, критически относящийся к Белому движению дальневосточный исследователь А.Д. Показаньев: «Поручик Безруков не оставил амурчанам о себе каких-либо сведений. В истории Гражданской войны остался неустановленным квалифицированным профессионалом от колчаковской спецслужбы. Он смог сохранить свое инкогнито, не распространяясь окружению о себе и своих заслугах. Как внезапно появился в Благовещенске, так и внезапно исчез, казалось бы, в небытие. На самом деле, вступив в должность начальника военной контрразведки, он уверовал в успех Белого движения в опоре на японские штыки. Потом он не прибег к изменению своей фамилии, не прятался за спины противников советизации на Амуре, но как профессионал не позволял себе лишних разговоров» [11, с. 98–99].

Анализ архивных документов и других источников свидетельствует о том, что колчаковская контрразведка испытывала недостаток в опытных, квалифицированных кадрах. Если руководящее звено, как следует из вышесказанного, удалось укомплектовалось за счет находившихся в Сибири жандармов и контрразведчиков, то оперативный состав пришлось набирать из строевых офицеров, поскольку в регионе не хватало контрразведчиков для укомплектования всех штатных должностей, создаваемых контрразведывательных и военно-контрольных отделений штабов армий, КРО штабов военных округов на театре военных действий и внутренних военных, а также многочисленных контрразведывательных пунктов. Остававшиеся жандармы, занимавшие до Февральской революции должности начальников и помощников начальников жандармских управлений, судя по всему, не спешили идти служить с понижением в военную контрразведку. Их знания и опыт в сфере политического розыска был востребован при формировании губернских и областных управлений государственной охраны [10, с. 110–120].

Как следует из архивных документов, процесс комплектования низовых контрразведывательных и военно-контрольных структур был хлопотным и сложным. На состояние кадров в определенной степени оказывал влияние престиж службы в контрразведке среди офицеров и нижних чинов колчаковской армии. Следует подчеркнуть, что в 1919 г. служба в контрразведке являлась непривлекательной, поскольку ее сотрудники, ведя активную борьбу с большевистским подпольем, часто рисковали жизнью. При этом получали такое же денежное довольствие, как и военнослужащие штабов и тыловых воинских частей. Оценивая степень сложности работы чинов контрразведки, генерал-майор П.Ф. Рябиков писал, что постоянные сведения о различных заговорах и шпионаже, держали сотрудников в напряжении, так как в случае осуществления противоправных акций ответственность ложилась на них [6, л. 141].

Чтобы удержать имевшиеся кадры и привлечь новые, личному составу контрразведывательных органов стали выплачивать 50%-ную денежную надбавку из сумм, предназначавшихся на секретные расходы [21, л. 179].

Например, по приказу 2-го генерал-квартирмейстера от 25 июля 1919 г., за раскрытие преступных организаций, выявление и поимку их руководителей, а также обнаружение складов оружия и боеприпасов полагалась денежная премия в размере от 5000 до 10000 руб. [17, л. 60]

Вторым серьезным препятствием при комплектовании спецслужб являлось негативное отношение к контрразведке со стороны командиров и начальников различных рангов. «К сожалению, у некоторых чинов в штакоре (штабе корпуса. – Авт.) установился взгляд на отделение контрразведки как на что-то постороннее и имеющее значение меньшее от других отделений штаба», – говорится в докладе начальника КРО при штабе 2-го Степного отдельного Сибирского корпуса есаула Булавинова в мае 1919 г. [19, л. 83]

Был случай, когда командир одной из воинских частей подполковник Турсов запретил прибывшим в полк контрразведчикам собирать информацию о настроениях личного состава. Командующий 3-й армией генерал-лейтенант К.В. Сахаров в одном из приказов отмечал, что некоторые воинские начальники не понимают роль контрразведки, тормозят ее деятельность, и требовал от командиров частей назначать одного офицера, ответственного за такой род деятельности. Из-за чего, как пишет историк Е.В. Волков, между высокопоставленными офицерами и командующим возникла неприязнь [3, с. 181–182].

Считая контрразведку инородным телом в органах военного управления, некоторые должностные лица воинских учреждений и частей всячески препятствовали переводу отобранных руководителями спецслужб кандидатов в органы безопасности. Кроме того, командиры частей по вполне понятным причинам не хотели отдавать в контрразведку хорошо подготовленных офицеров. Уступая просьбам настойчивых начальников отделений, они отдавали не подобранных военнослужащих, а по большей части тех, от кого сами хотели избавиться. «И как всегда, в подобных случаях приходится качество заменять количеством», – докладывал есаул Булавинов [19, л. 162].

Будучи не в состоянии бороться с препятствиями, создаваемыми командованием, некоторые руководители контрразведывательных подразделений прибегали к нетривиальным способам подбора кадров. Например, начальник Иркутского отделения военного контроля капитан Смирнов приглашал желающих служить через прессу. Представившейся возможностью тут же воспользовалась партия эсеров, направив Смирнову 3 своих видных членов, которые были приняты [20, л. 39].

Отсутствие системы подбора кадров, неопытность некоторых руководителей способствовали проникновению враждебных элементов в органы безопасности. Не сразу выяснилось, что в контрразведывательные органы Омска проникли служившие ранее у большевиков бывший начальник милиции 4-го участка Уфы Улитин и братья Буланкины. Начальник КРО штабс-капитан Аскалонов характеризовал их как неблагонадежных и продажных сотрудников [21, л. 9].

Отобранные из строевых офицеров кандидаты, не имевшие представления об оперативно-розыскной деятельности, нуждались в переподготовке, которая осуществлялась на созданных при штабе ВГК краткосрочных курсах, ку-

да направлялись офицеры, окончившие военные училища и прослужившие в войсках не менее 3-х лет. В трехнедельный срок они изучали государственное право, организацию и делопроизводство контрразведывательных и военно-контрольных органов, положение о шпионаже и родственных ему явлениях, способы борьбы с большевизмом, тайнопись и пр. По окончании курсов и успешной сдачи выпускного экзамена особой комиссии, офицеры переводились в контрразведывательные и военно-контрольные органы и назначались на должности офицеров для поручений. Слушатели, не выдержавшие экзамена или оказавшиеся по своим нравственным и деловым качествам не соответствующими для службы в контрразведке, откомандировывались в свои части без права вторичного командирования на курсы [18, л. 183–183об].

Наспех подготовленные контрразведчики высоким профессионализмом не отличались. Но им противостояли такие же дилетанты – красные разведчики, функционеры оппозиционных партий, члены подпольных большевистских организаций и партизаны, что делало равными шансы на победу в тайной войне. Так что обеим противоборствующим сторонам учиться приходилось на войне.

Бывшие жандармы смогли обучить азам оперативно-розыскной деятельности подчиненных из числа армейских офицеров, умело организовать негласное наблюдение за подпольем, внедрить агентуру в большевистские организации и провести их ликвидацию. Зимой-весной 1919 г. колчаковские органы безопасности нанесли серьезные удары по подпольным организациям в крупных городах Урала, Сибири и Дальнего Востока. Попытки большевиков организовать общесибирское вооруженное восстание успешно пресекались спецслужбами.

Несмотря на значительные успехи в борьбе с подпольем, колчаковские спецслужбы не смогли полностью обеспечить безопасность тыла, оградить его от разведывательно-подрывной деятельности противника, предотвратить крах колчаковского режима. В результате разгрома армии адмирала А.В. Колчака оказалась разрушена система спецслужб. Количество прежних структур значительно сократилось, кадровые потери были неизбежны. Опыт десятков контрразведчиков оказался невостребованным, однако некоторым из них удалось занять руководящие посты в контрразведывательных и сыскных структурах на Дальнем Востоке. Так, полковник Н.П. Злобин с марта по август 1920 г. был помощником начальника управления главного отдела государственной милиции Российской Восточной окраины. В 1921 г., уже в чине генерал-майора, он являлся помощником начальника информационного отделения административного отдела МВД Временного Приамурского правительства, а с июня по июль 1922 г. возглавлял владивостокскую полицию, с июля по сентябрь – районный охранный отдел ведомства внутренних дел Земского приамурского края [23, с. 84].

После разгрома белых армий сотрудники контрразведки в большинстве своем предпочли эмигрировать из России по двум основным причинам. Они негативно относились к советскому строю и решили продолжить борьбу с ним из-за рубежа. Кроме того, их не прельщала перспектива сурового наказания со стороны советской власти, которая разыскивала бывших сотрудников белогвардейских спецслужб после Гражданской войны с целью привлечения их к

уголовной ответственности. Косвенным подтверждением тому в частности является изданная в 1930 г. ОГПУ в оперативно-розыскных целях брошюра «Список контрразведчиков, милиции, официальных чинов министерства внутренних дел белых правительств».

По-разному сложились судьбы бывших сотрудников белогвардейских спецслужб в эмиграции. Например, генерал-майор Н.П. Злобин работал истопником, конторщиком в околотке, раздатчиком на складах КВЖД, служил в низших чинах железнодорожной полиции Харбина. Умер 28 августа 1945 г. в Харбине.

Проанализировав имеющиеся в опубликованных источниках биографии чинов белогвардейских спецслужб, автор разделяет точку зрения историка В.И. Голдина, который не рекомендует «идеализировать ситуацию с привлечением опытных офицеров спецслужб к активной деятельности и борьбе против советской власти в эмиграции. Имевшая место еще в годы Гражданской войны в России недооценка белогвардейским командованием профессиональных разведчиков и контрразведчиков старой армии, офицеров жандармерии и охранки продолжала сохраняться и в период пребывания на чужбине. Так или иначе, ряд бывших царских и белогвардейских офицеров спецслужб активно участвовал в новой стадии борьбы с советским режимом, находясь в эмиграции, некоторые начали сотрудничать с иностранными спецслужбами, а многие просто рассеялись по странам мира и вынужденно осваивали другие виды занятий» [9, с. 31].

Судьбы сотрудников белогвардейских контрразведывательных служб свидетельствуют о том, что смена эпох, сопровождающаяся ломкой прежнего государственного аппарата и построением другого, приводит к потере многих квалифицированных кадров.

Список литературы:

1. Будберг А. Дневник // Гражданская война в России : катастрофа Белого движения в Сибири. М.; СПб., 2005.

2. Варламова Л.Н. Первые попытки централизованного руководства белыми формированиями на территории Урала и Сибири в 1918 г. // Белая гвардия. 2001. № 5.

3. Волков Е.В. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005.

4. ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 194.

5. ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 14б.

6. ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г.

7. ГАРФ. Ф. Р-6219. Оп. 1. Д. 10.

8. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 16677.

9. Голдин В.И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века : Монография. Архангельск; СПб., 2010.

10. Кирмель Н.С. Хандорин В.Г. Карающий меч адмирала Колчака. М.: Вече, 2015.

11. Показаньев А.Д. На крутых поворотах. Благовещенск, 2007.
12. Поляков Ю.А. Гражданская война: начало и эскалация // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994.
13. РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 10.
14. РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 10.
15. РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 20.
16. РГВА. Ф. 39466. Оп. 2. Д. 6.
17. РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 1а.
18. РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 8.
19. РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 11.
20. РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 19.
21. РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 87.
22. РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 118.
23. Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920-1945). Южно-Сахалинск, 1994.
24. Цветков В.Ж. Спецслужбы (разведка и контрразведка) Белого движения. 1917-1922 гг. // Вопросы истории. 2001. № 10.
25. Шишкин В.И. Особый отдел управления делами Верховного правителя и Совета министров Российского правительства (май – декабрь 1919 г.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск, 2012. Т. 11. Вып. 8.

Памяти Крутиковой-Абрамовой Л.В.

УДК: 94(47).084.8

КОНОНОВ А. Б. (Москва)
Общество изучения истории отечественных спецслужб

КТО ОН – СОТРУДНИК КОНТРРАЗВЕДКИ «СМЕРШ»? СВИДЕТЕЛЬСТВА ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Аннотация: Сопоставление текста автобиографической повести Ф.А. Абрамова «Кто он?», воспоминаний ветерана «Смерш» и архивных документов позволяет сделать вывод об имевшейся, вопреки расхожему мнению, практике тщательной проверке сотрудниками «Смерш» оправдательных версий.

Ключевые слова: Ф.А. Абрамов, Ф.И. Ястребов, повесть «Кто он?», «Смерш», Архангельск, спецслужбы.

KONONOV A. B. (Moscow)
Society for History of Russian Special Services Studies

WHO IS HE – THE COUNTERINTELLIGENCE OFFICER OF «SMERSH»? THE FIRST-PERSON TESTIMONY

Annotation: The comparison between the autobiographical novel by F. Abramov «Who is he?», memoirs of "Smersh" veteran, and archival documents leads to the conclusion that contrary to popular belief, officers of "Smersh" thoroughly checked the exculpatory versions.

Keywords: F. Abramov, F. Yastrebov, novel «Who is he?», «Smersh», Arkhangelsk, special serves.

Лучшей называл Ф.А. Абрамов свою неоконченную автобиографическую повесть о следователе контрразведки «Смерш» «Кто он?» [1, с. 47-58, 539-544]. Вдова писателя Л.В. Крутикова-Абрамова, трудами которой повесть была издана, считала ее «наиболее значимым и сложным произведением из задуманного (Абрамовым – А.К.) цикла о войне» [2, с. 206-207]. Людмила Владимировна Крутикова-Абрамова (1921-2017), ученый-литературовед, первый отечественный исследователь творчества И.А. Бунина, вдова Ф.А. Абрамова, выполнявшая завет «жить за двоих» и издавшая после смерти писателя многие ранее неопубликованные и неоконченные его произведения. Ушла из жизни 2 октября 2017 г., похоронена рядом с могилой мужа, на его родине в деревне Веркола Пинежского района Архангельской области.

Главный герой повести «Кто он?» – молодой следователь контрразведки «Смерш» Малышкин, сомневаясь в вине подследственного Григория, подозреваемого в предательстве, приведшего к гибели партизанского отряда, тщательно перепроверяет имевшиеся улики и спасает оговоренного предателем неви-

новного человека, серьезно рискуя при этом своей личной судьбой. При этом детективная линия не является главным содержанием повести, более того с годами автор все более стремился отказаться от «всякой беллетризации». Вынесенный в заглавие вопрос многозначен, адресован и поиску предателя, и самопознанию главного героя, и оценке его коллег по службе, наконец, при обращении к читателю может быть изменен на вопрос: «Кто ты?», что являлось одним из вариантов ее названия.

Отличительной особенностью абрамовской прозы и публицистики является жесткость и нелицеприятность оценок проявлявшегося человеком лицемерия, бездуховности, эгоизма, равнодушия, чем зачастую автор наживал себе врагов, вызывал непонимание не только со стороны писательской номенклатуры, но и любимых своих земляков - веркольцев. Такими являются обращения писателя к землякам и всем согражданам: повесть «Вокруг да около» [3, с. 193-238], открытое письмо землякам «Чем живем-кормимся», выступление на встрече в студии Останкино 1981 года [4, с. 12-20, 32-70] и др. Потому естественным и последовательным представляется обличительный заряд, направленный в повести на своих сослуживцев по «Смершу» и не в меньшей степени на себя самого. При этом Федор Александрович давал отпор отдельным прямолинейным «правдорубам»: «Я никогда не отказывался от службы в контрразведке, хотя это и пыталась кое-какая писательская тля использовать против меня. Мне нечего было стыдиться. Не поверят: а я ведь освобождал»[2, с. 209]. Конечно, Федор Александрович, в годы своей службы в «Смерше», не только освобождал. Буднями его следовательской работы была борьба с дезертирами, антисоветской агитацией, расследование фактов воровства отдельными командирами тыловых частей, участие в фильтрационной работе среди этапированных в северные лагеря возможных пособников и участников оуновских банд и пр. Наконец - непосредственное участие в розыске и уголовном преследовании немецких и финских диверсантов, выбрасываемых в северную тайгу. Более того, именно Ф.А. Абрамов был назначен руководителем радиоигры «Подголоски», ставшей составной частью одной из наиболее успешных радиоигр архангельских военных контрразведчиков «Подрывники».

Радиоигра «Подрывники» проводилось отделом контрразведки «Смерш» Архангельского военного округа с 25 октября 1943 г. по 8 апреля 1945 г. Всего по делу операции «Подрывники» прошло 27 парашютистов, 22 из которых было вызвано на советскую сторону в ходе игры, пять раз противник сбрасывал вооружение, взрывчатку, продовольствие и деньги (около 1 млн. руб.), в немецкий разведцентр передан значительный объем дезинформации.

Таким образом, наброски к повести, несмотря на ряд точных совпадений, нельзя признать в полной мере биографичными. Малышкин до Григория серьезных дел не вел, а после описанного случая попал у своего начальства в немилость, ушел на фронт и закончил войну в Берлине. Следователь Абрамов, придя на службу в «Смерш» после тяжелого ранения, по службе аттестовался исключительно «отлично», получал поощрения, вырос за год службы от помощника оперупономоченного до старшего следователя, участвовал в разработке самых ответственных дел. Из архангельского отдела контрразвед-

ки «Смерш» был уволен в октябре 1945 г. для продолжения высшего образования в ЛГУ [5].

Важнейшим критерием для Абрамова – контрразведчика, писателя и гражданина была истина. И одним из таких важных «моментов истины» стал поиск правды его героем - молодым следователем «Смерша» Малышкиным. Мог ли в действительности иметь место в жизни подобный эпизод. Личность Федора Александровича Абрамова вполне убеждает нас в этом. И все же нам требуются объективные данные. В материалах отдела контрразведки «Смерш» Архангельского военного округа удалось найти упоминание о расследуемом Абрамовым уголовном деле, обвиняемый по которому был освобожден после нахождения под арестом с июля по декабрь 1944 г. Возможно, это и был один из прототипов Григория. Еще важнее представляются имеющиеся в нашем распоряжении прямые свидетельства.

Товарищем Ф.А. Абрамова по службе в отделе контрразведки «Смерш» Архангельского военного округа являлся Федор Иванович Ястребов, с которым они сохранили дружеские отношения до ухода из жизни Федора Александровича в 1983 г. Ф.И. Ястребов (1923–2015), уроженец поселке Тумботино Павловского района Горьковской области, полковник в отставке. В РККА с апреля 1942 г. До зачисления в органы безопасности проходил службу в 39 запасном стрелковом полку 29 запасной стрелковой бригады. С апреля 1944 по август 1947 г. – следователь следственного отдела контрразведки «Смерш» Архангельского военного округа. После окончания войны продолжал службу в органах военной контрразведки. После ухода с военной службы проживал в Выборге. В 2012 г. Ф.И. Ястребов передал в дар РУФСБ России по Архангельской области пишущую машинку, подаренную ему Ф.А. Абрамовым, для ее размещения в экспозиции Историко-демонстрационного зала Регионального управления.

Все последующее годы, до своей смерти в 2015 г. Федор Иванович хранил и щедро передавал окружавшим воспоминания о своем друге и, по мере возможности, о службе в органах «Смерш». Важное место в доме Федора Ивановича занимала пишущая машинка, подаренная ему Абрамовым. Сам Федор Иванович был склонен к писательскому труду и обладал хорошим литературным слогом. Именно на указанной машинке им и были набраны воспоминания о своей службе в отделе контрразведки «Смерш», выдержки из которых, имеющие непосредственное отношение к нашему вопросу, предлагаются читателю: «Мне довелось побывать в нескольких служебных командировках, связанных с выполнением оперативных заданий, вытекающих из требований справедливого следствия. Мой подследственный – с Волыни, из города Любешова – настойчиво уверял меня и прокурорского работника в том, что никогда не убивал людей, его заставили вступить в ОУНовскую банду насильно, он пытался сбежать, но был пойман и жестоко избит. Однако в деле были иные показания – обвинительные, которые не казались недостоверными. Я доложил об этом по инстанции и получил приказ выехать на место совершения подследственным преступлений и установить истину. Добравшись до белорусской станции Янов-Полесский, я явился в местный райотдел госбезопасности. Рассказав его

начальнику о цели приезда, попросил совета, каким транспортом ехать в Любешов. Начальник райотдела поинтересовался, кто додумался отправить меня в такую авантюрную поездку. Узнав, что это начальство, вызвал подчиненного и попросил ввести меня в курс оперативной обстановки на пути в указанный город. Оказалось, что до Любешова осталась только одна дорога – грунтовая, которая на протяжении 35-40 км находилась под контролем бандеровцев. Еще не было случая, что бы кто-либо посмел пройти по ней. Этот участок дороги шел через знаменитый Пословский лес – обиталище огромных и хорошо вооруженных банд. Бандеровцы по ночам бесчинствовали на хуторах и дорогах, а днем расходились по домам, притворяясь мирными людьми, или прятались в глухомани в схронах.

Наступивший день был полностью занят подготовкой к моему пешему походу и главное – выработке легенды прикрытия на случай захвата бандеровцами. Было решено, что я должен представляться Воховым Федором Ивановичем, медицинским фельдшером – акушером, отбывавшим наказание за незаконный аборт в одной камере с уроженцем Любешова (имелся в виду мой подследственный), который посоветовал по освобождении из Архангельской тюрьмы ехать к его родителям в Любешов и остаться там на постоянное место жительства, подальше от советских властей. Я рассчитывал на хорошее отношение ко мне, так как в городе в это время случилась вспышка дизентерии и мои медицинские познания могли пригодиться.

Начальник райотдела согласился с моей легендой. Однако посоветовал не попадаться в руки бандеровцам, у которых тоже есть контрразведка и она может «спустить с меня шкуру». По его совету я весь день провел в помещении райотдела, чтобы не засветиться перед возможными бандеровскими лазутчиками. В разговоре он вдруг поинтересовался, умею ли я плавать, держа в одной руке свою одежду. Я ответил утвердительно. Это устроило начальника райотдела, и он сказал, что в таком случае мне предстоит преодолеть Днепро-Бугский канал вплавь, а не по мосту, охраняемому украинцами. Так будет безопаснее. Еще посоветовал спрятать в носок справку лагпункта о том, что я задерживался его работниками как утративший удостоверяющие личность документы и обязанный зарегистрироваться в милиции по месту жительства.

Карманы моего сильно поношенного пиджака и таких же, но другого цвета брюк поутру сотрудники отдела забили махоркой и бумагой для самокруток, лезвие перочинного ножа немного обломили и пожелали счастливого пути. Имевшиеся у меня личные документы и деньги положили в сейф, пистолет ТТ – тоже. Условились, что если я не появлюсь у них максимум через десять дней, все это будет отправлено в ОКР «Смерш» Архангельского военного округа.

Около шести часов утра 21 июня 1945 г., накануне моего двадцатидвухлетия, начальник райотдела, сев за руль газика, лично отвез меня к месту переправы через канал. Он был неширокий, со спокойной водой, слегка прикрытый мелким кустарником на правом берегу, куда мне и предстояло переправиться. Я легко преодолел канал и быстрым шагом стал удаляться в сторону леса. На подходе к деревне Мохро я увидел вооруженных молодых людей в штатском и подумал: ну вот, попался. Но они остались стоять на месте.

Навстречу мне из ближайшей избы вышел совсем молоденький лейтенант в милицейской форме. Поравнявшись со мной, спросил, кто я такой и откуда взялся. Услышав, что иду в Любешов на постоянное место жительства и буду работать фельдшером-акушером, лейтенант поинтересовался: «А ты русский?». Я ответил: «Да». Он сказал: «Я тоже. Но тут охотятся на русских».

Мы разговорились. Оказалось, что он командует взводом «ястребков»-то есть «истребителей бандеровцев», которых чадолюбивые мамы выкупили у этих самых бандеровцев и привели в милицию на службу. Лейтенант все время удивлялся, как мне удалось пройти через Пословский лес, где еще никому из «посторонних» не удавалось остаться в живых. Наконец он заторопился засветло доставить меня в Любешов к своему начальнику. Вызвал с улицы двух тщедушных юнцов с винтовками Мосина почти с них ростом и нарочито требовательным голосом приказал им доставить меня в райотдел милиции Любешова в целости и сохранности. Отошел я от Мохро с километр или полтора и ощутил болезненный удар в спину. Резко обернувшись, я крикнул юнцам, что это им даром не пройдет, и получил удар прикладом. Разъярившись, я уже хотел отнять у них оружие, но передумал, решил задобрить махоркой. Это подействовало благотворно. Получив по целой пригоршне и закурив, они вдруг разговорились. Признались, что боялись меня конвоировать, потому что я пришел из Пословского леса, и даже хотели пристрелить «при попытке бегства». Я отдал им всю махорку и дальнейший путь прошел в мирной обстановке. Я страшно устал, хотелось скорее оказаться под надежной крышей и уснуть. Любешовский райотдел милиции встретил меня весьма «радушно». Оперативный дежурный, приняв меня от конвоиров, втолкнул в холодную камеру задержанных. Я взвыл, начал колотить ногой в дверь и требовать немедленной встречи с начальством. Вызвав руководство с партийного собрания, он переместил меня в дежурную комнату. Не прошло и двадцати минут, как я уже общался с начальником райотдела милиции и начальником отдела госбезопасности города и района.

Мое оперативное задание оказалось трудновыполнимым, так как местность, где жили нужные мне свидетели, была под контролем банды «Учителя», как его именовали местные жители. Он славился жестокостью.

Начальник отдела свел меня со своим оперативным работником Федоровым. Через день он погиб. Но накануне я успел поучаствовать с ним в операции, обеспечившей успешное выполнение оперативного задания.

В ночь на 23 июня 1945 года в составе опергруппы из восьми человек я направился с автоматом на плече в недалекий хутор, где проживали названные моим подследственным свидетели. Шли по почти поспевшей ржи в рост человека. Вблизи маленького кладбища Федоров остановил движение группы, приказал рассредоточиться. Это была засада. Примерно через час – полтора буквально рядом с нами раздался громкий с визгом лай. Федоров полоснул в ту сторону короткой очередью из ручного пулемета, встал и объявил об окончании операции. Нас обнаружил пес и вовремя предупредил своего хозяина – «Учителя». Главарь бандгруппы собирался этой ночью встретиться на хуторе с любовницей, о чем Федоров узнал заранее от своего источника.

С места засады мы быстро дошли до ее дома и Федоров учинил ей допрос, не принесший никакой пользы. Я поторопил его поскорее найти хаты нужных мне свидетелей. Одного из них мы не застали. Зато подвернулись под руку сразу три старика, хорошо знавших моего подследственного и его родителей, недавно погибших от чьих-то пуль. Порознь допрошенные, они дали сходные показания, напрочь отрицавшие участие моего подследственного в злодеяниях бандеровцев. Характеризовали его как тихого и беззлобного человека, которого они под страхом смерти затащили в свою банду. Старики знали, что он пытался бежать, но его поймали и жестоко избили.

Следственное дело я закончил в установленные сроки, привезенные протоколы допроса новых свидетелей были признаны качественными и доказательными. Что касается подследственного – он радовался, но стеснялся выказать это открыто, ибо хорошо понимал, чем я рисковал ради достижения истины» [6].

Вклад органов «Смерш» в борьбу с деятельностью разведок Германии и ее союзников в годы Великой Отечественной войны сложно переоценить. Свою особую роль в общем деле выполнял и отдел контрразведки «Смерш» Архангельского военного округа, среди результатов работы которого десятки обезвреженных немецких диверсантов, ряд успешных радиоигр с немецким и финским разведцентрами, привлечение к ответственности расхитителей военного имущества, мародеров и дезертиров, оздоровление ситуации в воинских частях. При этом характерной особенностью их деятельности, как составной части системы обеспечения государственной безопасности военного периода, являлся экстенсивный характер - максимально широкая постановка подозреваемых на оперативный учет, целенаправленный поиск врагов среди выделенных категорий «социально-чуждых» элементов. Еще в 1958 г. писатель с возмущением писал: «Дико: работа оценивается по количеству арестов. Отсюда – злоупотребления». Подобные упрощения в работе приводили к делению общества на «своих и чужих», способствовали росту антигосударственных настроений, распыляли силы и средства органов госбезопасности, приводили к неоправданным жертвам, повышали цену Победы.

В данном случае речь не об этом. Приведенное свидетельство существенно дополняет художественное слово Ф.А. Абрамова. Более того, комплексно рассмотренные повесть, воспоминания и архивные документы позволяют сделать вывод о том, что приведенные примеры доскональной проверки оправдательной версии, будь то реальные Абрамов и Ястребов, или их обобщенный образ в лице следователя Малышкина, не были абсолютно уникальными. Ястребов отправился в командировку не по своему капризу, а по указанию руководства отдела, Абрамов освобождал людей и при этом успешно продвигался по службе.

Оценка правомерности действий сотрудников «Смерш» с позиций сегодняшнего дня представляется недопустимой. При всей жесткости приводимых Абрамовым характеристик (непомерная жестокость приговоров, следование принципу: «лучше сто невиновных арестовать, а одного реального врага не пропустить», карьеризм одних и откровенная безграмотность других и пр.), он

не щадит в них и себя, а кроме того далек от огульных обвинений. «Все они (сотрудники «Смерш» – А.К.) … главные свои силы и помыслы направляли на разгром врага. … всех объединяло желание победы, ненависть к врагу», – пишет он в своем дневнике в 1958 г. [2, с. 224-225].

Истина во все времена была и остается главной ценностью, будь то работа следователя и контрразведчика или писательский труд. В поисках «момента истины» настоящий профессионал, преданный своей чести и долгу человек, готов идти до конца. Готов, подобно герою повести К. Богомолова «В августе 44-го» капитану Алехину, подставить спину под нож немецкого диверсанта, герою повести «Кто он?» Малышкину – идти наперекор начальству и серьезно рисковать своей личной судьбой, следователю Ястребову – после отгремевшего салюта Победы, в июне 1945 г., ехать из мирного Архангельска в контролируемый бандеровцами район Западной Украины для сбора оправдательных данных и последующего освобождения своего подследственного.

Список литературы:

1. Абрамов Ф.А. Собрание сочинений в шести томах. Том шестой. СПб., «Художественная литература», 1995. 622 с.
2. Абрамов Ф.А., Крутикова-Абрамова Л.В. О войне и победе. СПб., Издательство «Журнал «Нева», 2005. 232 с.
3. Абрамов Ф.А. Собрание сочинений в шести томах. Том третий. СПб., «Художественная литература», 1991. 575 с.
4. Абрамов Ф.А. Собрание сочинений в шести томах. Том пятый. СПб., «Художественная литература», 1993. 640 с.
5. Кононов А.Б. В радиоигру вступает «Смерш» // Щит и меч Поморского Севера. Архангельск, Поморский университет, 2006. С. 138-143.
6. Ястребов Ф.И. Воспоминания. Рукопись. 2013 г. // Личный архив автора.

УДК 93:355

КУБАСОВ А. Л. (Вологда)
Вологодский государственный университет

ПРАКТИКА ЗАЛОЖНИЧЕСТВА В ПЕРИОД ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Аннотация: Работа посвящена анализу практики применения заложничества как средства оказания давления на противоборствующую сторону в период интервенции и гражданской войны в России. Автор публикует ранее неизвестные материалы переговоров между командованием войск Антанты и советскими властями по поводу обмена заложниками в Архангельской губернии.

Ключевые слова: Гражданская война, интервенция, заложники, военнопленные, интернирование.

KUBASOV A. L. (Vologda)
Vologda state university

THE PRACTICE OF TAKING HOSTAGES IN THE PERIOD OF FOREIGN MILITARY INTERVENTION IN THE NORTH OF RUSSIA

Annotation: The work is devoted to the analysis of the practice of using hostage as a means of exerting pressure on the opposing side during the intervention and civil war in Russia. The author publishes previously unknown materials of negotiations between the command of the Entente troops and the Soviet authorities on the exchange of hostages in the Arkhangelsk province.

Keywords: Civil war, intervention, hostages, prisoners of war, internment.

Начиная с 1920-х гг., историки спорят в отношении методов, применявшихся в ходе революции, гражданской войны и иностранной военной интервенции в России. [3, с. 4-6] Предметом дискуссий, как правило, становятся вопросы о том, кто первый применил насилие, а также то, чья сторона использовала его в большей или меньшей степени [2, с. 14, 15, 40].

Между тем, как показывают исторические факты, к внесудебным расправам, включавшим в себя взятие заложников, заключение в тюрьмы и концлагеря, расстрелы, прибегали как одна, так и другая сторона. Логика их поведения не поддается объяснению с позиций мирного времени, а диктовалась условиями острейшего противоборства враждовавших сил, боровшихся не только за победу своих идей, но нередко и за физическое выживание.

Наглядным подтверждением этому служат события 1918-1919 гг. на Севере России, связанные с иностранной военной интервенцией и Гражданской войной. Интервенция Англии, Франции и США в регионе началась в марте 1918 г. с высадки англо-французского десанта в Мурманске. Затем 2 августа интервенты заняли Архангельск. Одновременно в городе произошел антисоветский мятеж. При содействии союзников в городе возникло антибольшевистское

правительство – Верховное управление Северной области. Предпринимались попытки продвижения отрядов интервентов и белогвардейцев вглубь страны в направлении Вологды и Котласа.

Смена власти сопровождалась арестами, расстрелами и заключением в тюрьмы и концентрационные лагеря членов большевистской партии, советских служащих, командиров и бойцов РККА. С самого начала интервенции союзное военное командование рассматривало захваченных ими сторонников Советской власти в качестве потенциальных заложников. При этом даже белые генералы и офицеры упрекали английское командование, которое руководило союзническими силами в регионе, в перенесении на территорию России приемов колониальной практики.

В ответ на аресты и репрессии против сторонников советской власти командование Северо-Восточного участка (СВУ) отрядов завесы, организованного для отпора интервентам и белогвардейцам, приступило к взятию заложников в прифронтовых районах Архангельской и Вологодской губерний. Как видно из сохранившейся в РГВА переписки в задержании и пересылке заложников участвовали руководители политического отдела СВУ, фактически возглавившего эту работу, командование Вологодского и Котласского тыловых районов, Военно-полевого штаба г. Тотьмы, сотрудники Вологодской и Тотемской ЧК. В число задержанных входили «местные буржуа и офицеры», активисты оппозиционных партий кадетов и эсеров. Целями применения заложничества служило с одной стороны предотвращение антисоветских выступлений в тылу РККА, с другой – спасение товарищей, попавших в плен к белогвардейцам и интервентам.

Особенностью взятия заложников на Севере было то, что к подобным действиям большевики начали прибегать до принятия 5 сентября 1918 г. декрета Совнаркома «О красном терроре». 30 августа занимавший в то время должность заведующего политическим отделом СВУ, а в дальнейшем ставший членом коллегии ВЧК, А.В. Эйдук сообщал в ВЧК по поводу жителя Архангельска, задержанного при попытке перебраться через фронт по проселочной дороге с удостоверением целиком перешедшего на сторону белых военно-морского контроля: «Гр. С.Г. Луговской называет себя беспартийным и конечно лояльным. Но в силу того, что Луговской в течение целого ряда месяцев, если не лет является уполномоченным и делегатом от Судоремонтного завода в Архангельске и был секретарем совета старейшин, каковая организация всегда [была] и осталась противниками советской власти, я нашел необходимым его препроводить к Вам. Из ныне выходящих в Архангельске газет мы узнали, что как раз на судоремонтном заводе были произведены аресты товарищей стоящих на платформе советской власти, а потому гр. Луговской может быть заложником. С другой стороны Архангельское правительство объявило, что все большевики являются заложниками, а потому считаю, что и нам не мешает заручиться влиятельными заложниками, каковым, безусловно, валяется гр. Луговской» [5, ф. 188, оп. 2, д. 18, л. 3].

Конец 1918–начало 1919 гг. показали, что попытка с помощью интервенции установить подконтрольный странам Антанты режим в России обречена на неудачу. После подписания перемирия с Германией официальная версия коман-

дования союзников о защите Севера от немецкой экспансии больше не выдерживала критики. «Подписание перемирия, – писал 13 ноября 1918 г. американский представитель на Севере Д. Пуль, – внесло некоторое беспокойство в ряды американских и французских войск. Они считают, что причины, оправдывающие их пребывание на севере России, исчезли... Офицеры и солдаты хотят знать, для чего им нужно продолжать военные действия против большевиков» [1, с. 127].

Большевистская агитация приводила к отказам солдат интервентов подчиняться офицерам, отправляться на фронт, случаям братания с противником, перехода на его сторону, выдвижения перед командованием требований о скорейшем возвращении на родину. В апреле 1919 г., предвидя последующую эвакуацию своих войск с Севера России, представители союзнического командования вступили в контакт с советской стороной по поводу судьбы своих военнослужащих, попавших в руки РККА. Переписку по этому поводу с командующим войсками Антанты в Архангельске британским генералом Э. Айронсайдом вел заведующий политотделом 6-й армии, образованной в сентябре 1918 г. в результате реорганизации СВУ, военком И.К. Наумов.

От советского руководства ход переговоров координировал член коллегии Наркомата иностранных дел РСФСР М.М. Литвинов. Для обмена мнениями заинтересованные стороны образовали специальные комиссии, наделенные полномочиями представлять их интересы. Советские представители передали следующие требования командованию интервентов:

«1/ Мы освобождаем всех ваших пленных немедленно, после того как будет дана гарантия эвакуации нашего севера союзными войсками, и тем самым вопрос об обмене всех военнопленных, взятых на Северном фронте, окончательно разрешится.

2/ Если гарантия эвакуации севера будет дана, то первая партия передается немедленно, остальные же военнопленные будут подтянуты к демаркационной линии и обменены, или возвращены на линии по заранее технически проработанному плану, без дальнейших работ комиссии.

3/ Списки всех военнопленных представителям союзных войск сообщаются.

4/ Независимо от вышеизложенного наша комиссия уполномочена вести переговоры об обмене находящихся сейчас в Вологде 22 военнопленных.

5/ В случае если в будущем Правительство РСФСР сочтет желательным частичный или общий обмен военнопленными Северного фронта, таковой будет произведен без всякой работы комиссии на демаркационной линии по уведомлению согласно принципам, которые могут быть выработаны в настоящее время нашими комиссиями.

Мы считаем своим долгом заявить, что при выше приведенных условиях скорейшее освобождение пленных находится исключительно в руках их Правительств» [5, ф. 188, оп. 1, д. 2, л. 1-2].

27 апреля советские представители пересекли линию фронта и побывали в Архангельске, где провели переговоры об обмене пленными с помощником главного маршала союзной военной полиции. При этом представителям войск Антанты был передан список советских работников и служащих, арестованных

и заключенных в тюрьмы и лагеря интервентами и белогвардейцами в Архангельске и Архангельской губернии [5, ф. 188, оп. 2, д. 34, л. 32].

Но уже 24 мая на предложение произвести обмен 20 пленных командование 6-й армии сообщило, что пленные находятся в Москве, и о том, когда советская сторона посчитает удобным обменять их на арестованных интервентами и белыми товарищей, союзники будут заблаговременно уведомлены [5, ф. 188, оп. 2, д. 2, л. 77].

Между тем военные действия на Северном фронте продолжались. При этом командование интервентов и белогвардейцев применяло насилие в отношении захваченных ими партийно-советских активистов, сторонников советской власти и членов их семей в случаях, когда та или иная местность переходила под контроль противника. Это вызывало резкую ответную реакцию. Так, 26 июня штаб 6-й армии направил в адрес генерала Э. Айронсайда телеграмму, в которой обращал внимание на факт захвата в качестве заложников в деревне Кузонемское Пинежского уезда Архангельской губернии девяти членов семьи служащего рядах РККА Кулакова. Позднее 6 из них, в том числе старик-отец 64-х лет и мать 53-х лет, были расстреляны. Второй такой случай имел место в Холмогорском и Шенкурском уездах, где расстреляли захваченных в плен 2 членов уездисполкома и секретаря уездвоенкома.

В телеграмме выражался протест против такого рода действий. Командование интервентов предупреждалось, что за «каждый случай подобного расстрела» советское руководство будет вынуждено «отдать приказание расстрелять такое же количество заложников или пленных союзного командования». Копию телеграмму направили начальнику штаба РВСР и народному комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину [5, ф. 188, оп. 2, д. 34, л. 53].

8 июля военный комиссар И.К. Наумов телеграфировал в Наркоминдел М.М. Литвинову: «[В] Вологде находятся четыре английских пленных, прошу вашего разрешения отправить их обратно в Москву ввиду того, что всякого рода переговоры с союзным командованием закончены, а пересылка через фронт не совсем безопасна для них. Жду срочно ответа» [5, ф. 188, оп. 2, д. 34, л. 21].

20 августа генерал Э. Айронсайд внес предложение командованию 6-й армии: «Я готов обменять всех английских пленных офицеров, солдат и штатских лиц у вас сейчас же [на такое же] количество ваших пленных, содерживаемых мною… Я не соглашусь обсуждать условия, которые не включают всех английских подданных в ваших руках. Если вы не соглашаетесь на это предложение, то я перевожу в Англию достаточное количество заложников, чтобы обеспечить благополучию английских подданных в ваших руках» [5, ф. 188, оп. 2, д. 34, л. 63-65].

Рассмотрев это предложение, М.М. Литвинов дал переговорщикам следующие указания: «Народный Комиссариат по иностранным делам на принятие условий обмена, предложенных ген. Айронсайдом и включающих выдачу находящихся наших руках английских пленных офицеров, согласиться не может. Удерживание этих офицеров является в настоящее время единственным средством давления на Английское правительство как в целях смягчения режима по отношению к находящимся в его руках гражданским и военным гражданам Советской России, так и для получения некоторых политических уступок.

Нами заявлено Английскому правительству в категорической форме, что переговоры об общем обмене мы можем вести лишь через уполномоченного, которому Антанта должна дать возможность поехать за границу, хотя бы в нейтральную страну… Предлагаем Вам ответить ему в том смысле, что переговоры об общем обмене могут вестись лишь с центральным Советским правительством, которое ставит предварительным условием разрешение посылки уполномоченного за границу». При этом давался комментарий в отношении событий, происшедших накануне в Карелии, когда сразу после возвращения союзническому командованию пленных английских офицеров бомбардировке, в ходе которой погибли мирные жители, подвергся г. Онега. Наркоминдел высказал мнение, что «подобные уступки [с передачей пленных] лишь разжигают аппетиты врага и побуждают его к дальнейшему пусканию в ход приемов запугивания и шантажа. Бороться с его шантажистской тактикой можно лишь решительным отказом в удовлетворении предъявленных под угрозой требований» [5, ф. 188, оп. 2, д. 34, л. 73]. После этого 31 августа военный комиссар 6-й армии И.К. Наумов направил Главнокомандующему Союзными силами в Архангельске радиограмму: «[В] случае повторения бомбардировки Онеги за каждого убитого мирного жителя будут покараны английские офицеры» [5, ф. 188, оп. 2, д. 34, л. 77].

В отчете военного министерства Великобритании «Об эвакуации севера России» отмечалось, что с июня по октябрь 1919 г. союзное командование эвакуировало с Советского Севера более 42 тыс. солдат и офицеров 16 национальностей [1, с. 123]. Но о выдаче всех союзнических военнопленных договориться с большевиками так и не удалось. В этой связи, уходя из Архангельска, интервенты выполнили ранее высказанные угрозы и взяли с собой заложников из числа заключенных концентрационного лагеря, расположенного на острове Мудъюг. 25 сентября содержавшиеся в нем советские работники и пленные командиры и бойцы РККА в количестве 29 чел. были под конвоем препровождены на французский военный крейсер «Кондэ» и посажены в трюм. После доставки во французский порт Брест заложников перевезли в тюрьму города Рэн, где во внесудебном порядке содержали до середины февраля 1920 г. в холодных и слабо освещенных камерах при недостатке пищи. В Советскую Россию узники вернулись лишь в сентябре 1920 г. Власти стран Антанты отпустили их под давлением рабочего движения, набиравшего в тот период силу в их собственных странах. [4, с. 38-40].

Список литературы:

1. Алахвердов Г. Г. Разложение в войсках интервентов и белогвардейцев на Севере России в 1918—1919 годах / Вопросы истории. 1960. № 7. С. 121 – 134.

2. Красная книга ВЧК. Т. 1. 2-е изд. М., Политиздат, 1990.

3. Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., СП "PUICO", "P.S.", 1990.

4. Рабочее звено. Двухнедельный журнал Архангельского Губернского Комитета по вопросам политики, экономики и партийной работы. № 5. 15 июня 1924. Архангельск.

5. РГВА.

УДК 93/94:359«1941–1943»

КУВАЕВ Д. В. (Хабаровск)
Войсковая часть 1441

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНТРРАЗВЕДКИ ТИХООКЕАНСКОГО ФЛОТА ПО СОЗДАНИЮ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ДИВЕРСИОННЫХ РЕЗИДЕНТУР В 1941-1943 ГГ.

Аннотация: Статья отражает отдельные элементы изменения оперативной обстановки на Дальнем Востоке в период 1941-1943 гг., и вытекающие из нее первоочередные задачи контрразведчиков Тихоокеанского флота в военный период.

Ключевые слова: Тихоокеанский флот, японская военная миссия, Северо-Тихоокеанская флотилия, диверсионная резидентура, контрразведка.

KUVAYEV D.V. (Khabarovsk)
Military unit 1441

ACTIVITY OF THE PACIFIC CONFRONTATION FOR THE CREATION IN THE FAR EAST DIVERSION RESIDENTS IN 1941-1943

Annotation: The article reflects some elements of the changes in the operational situation in the Far East in the period 1941-1943, and the immediate priorities of counterintelligence officers of the Pacific Fleet in the war period.

Keywords: Pacific Fleet, Japanese military mission, North Pacific flotilla, sabotage station, counterintelligence.

Выход Японии в 1933 г. из Лиги наций был фактическим разрывом со всей совокупностью договоров составлявших версальско-вашингтонскую систему. Действия Японии на Дальнем Востоке развивались в том же плане, какому следовала в Европе политика Германии и Италии. В июле 1937 г. Япония начала войну против Китая. Были захвачены важнейшие торгово-промышленные центры (Шанхай, Пекин, Тяньцзинь, Калган и др.). В мае 1939 г. произошло нападение Японии на Монголию на помощь которой, своевременно пришли войсковые соединения РККА под командованием Г.К. Жукова. Захватив большую часть Китая, японская военная миссия (далее – ЯВМ) вблизи границы советского Дальнего Востока размещала воинские формирования в целях подготовки агрессии.

В 1937-1942 гг., прямая угроза военного вторжения Японии на территорию Дальнего Востока силами Квантунской армии с маньчжурского плацдарма и высадка морских десантов с военно-морских баз метрополии и Кореи при поддержке мощного японского флота была одной из главных для СССР. Потенциальная агрессия, направленная на оккупацию советского Даль-

него Востока, являлась промежуточной целью национальной политики Японии по созданию «Великой Азиатской Империи». Расчеты советских военных аналитиков в 1937 г. прямо указывали на то, что японская армия и флот смогут быстро сломить сопротивление сухопутных частей ОКДВА, надводных, подводных сил, укреплений береговой обороны Тихоокеанского флота (ТОФ), завладеть значительной частью Дальнего Востока.

ЯВМ готовилась применить бактериологическое оружие и добиться таким путем решающего перелома в ходе войны в свою пользу. Советская разведка уже в 1937 г. получена и обобщила сведения о дислокации южнее Харбина химико-бактериологических лабораторий ЯВМ № 731 и № 100, где проводились эксперименты на людях и животных, в целях доведения до совершенства способов применения секретного бактериологического оружия. Лабораториями руководил японский ученый Иссии Сиро [1, с.135].

В целях противодействия растущей угрозе на Дальнем Востоке, советскому политическому правительству удалось выполнить задачи по активному строительству ТОФ. Созданный в 1935 г. ТОФ к началу Великой Отечественной войны был внушительной силой. В 1942 г. в его боевом составе находились: 2 крейсера, 1 лидер, 12 эсминцев, 78 подводных лодок и более 30 кораблей других классов (сторожевиков, тральщиков и торпедных катеров). Морская авиация включала в себя 9 авиаполков, 11 эскадрилий и части материально-технического обеспечения. Береговая артиллерия включала стационарные и железнодорожные батареи с орудиями калибра до 356 мм. Основу флота составляли подводные силы, которые являлись самыми мощными в ВМФ СССР. Но он численно уступал японскому флоту, особенно по крупным надводным кораблям. Поэтому советским руководством применялись интенсивные меры по укрепления береговой обороны Тихоокеанского побережья, подходов к военно-морским базам, а также размещению средств противовоздушной обороны. Активно отрабатывались мероприятия по постановке минных заграждений для возможного предотвращения проникновения противника в прибрежные воды [2, с. 151].

С учетом возникших внешних военно-политических вызовов, оперативная обстановка в секторе оперативной ответственности контрразведки ТОФ в предвоенный период была сложной и напряженной. Динамика ее развития, не всегда позволяла контрразведки своевременно пресекать и сковывать подрывную деятельность японской разведки.

Деятельность флота, состояние боеготовности его частей и соединений, а также сведения о личном составе являлись первоочередными устремлениями спецслужб Японии. Разведывательная деятельность японцев против ТОФ проводилась русским отделением 3-го (разведывательного) отдела Генерального штаба японского ВМФ. Изучение советских объектов разведывательного проникновения, вербовочная деятельность, а также сбор информации осуществлялся через японские военные миссии, находившиеся в Корее и Маньчжурии (харбинскую, сеульскую и сейсинскую). Сбор и обработка разведывательной информации на Камчатке и северном Сахалине была организована японцами созданием 2 резидентур. Кроме того, разведку в отношении ТОФ вели и япон-

ские погранотряды. При этом основную работу японцы проводили через разветвленную сеть агентуры, нелегально перебрасывавшуюся на территорию СССР специально подготовленными командами рыболовецких шхун и капитанами японских торговых судов.

В этих условиях, важную роль в укреплении боеготовности ТОФ выполняла военно-морская контрразведка. В отличие от территориальных органов государственной безопасности, контрразведчики флота, помимо работы по выявлению и пресечению разведывательно-подрывной деятельности спецслужб Японии, Германии и США, выполняли специфичные задачи, направленные на выявление случаев формализма при выполнении задач боевой подготовки, а также своевременного устранения предпосылок к чрезвычайным ситуациям при эксплуатации сложного флотского вооружения, борьбе с дезертирством и отчистке командного состава от «враждебного элемента».

В 1941 г. флотские чекисты стали активно заниматься реальной наступательной работой по противодействию японской разведки. Прежде всего, контрразведка флота ставила перед собой задачу агентурного проникновения в японскую военно-морскую разведку, представленную в Приморье рыболовной фирмой «Нитиро». Эта операция завершилась только в 1945 г., когда Отделом контрразведки «СМЕРШ» Северной Тихоокеанской флотилии был арестован агент японской разведки, бывший сотрудник фирмы «Нитиро» Оцука Токудзо, по показаниям которого проходило 47 японцев, занимавшихся разведкой на японских концессиях на Камчатке [3, с. 456]. Следует также отметить то обстоятельство, что если в работе по немецкой линии флотские чекисты в большинстве случаев уже имели ориентировки Центра и оперативные сведения по розыску немецкой агентуры, то в работе по японской линии в предвоенные и военные годы им приходилось опираться на собственные силы.

Несмотря на то, что части Квантунской армии продолжали оставаться в местах постоянной дислокации, и по многократно проверенным данным закордонной агентуры, ЯВМ не проявляла активности, характерной во время создания наступательных группировок, исключать возможность неожиданного удара со стороны японцев было нельзя. Обстановка на границе оставалась напряженной. ЯВМ систематически реализовывала вооруженные провокации и проводила разведывательно-диверсионные акции.

В период 1940-1941 гг. закордонные резидентуры Особого отдела НКВД ТОФ давали информацию о том, что Япония не собирается вступать в войну против СССР. В Москве и в Токио дипломатами обеих стран проводились секретные консультации, по результатам которых напрашивался тот же вывод. Вся добытая из различных источников информация сводилась к тому, что Япония до весны 1942 г. наступательных действий не предпримет.

С учетом изменений в оперативной обстановке, в первые 2 года Великой Отечественной войны военной контрразведке ТОФ пришлось выполнять задачи не только по противодействию разведывательно-подрывной деятельности японских спецслужб, но и формированию надежного агентурного аппарата на случай внезапного нападения Японии на территорию Дальнего Востока. Для организации диверсионной деятельности на возможно оккупированной ЯВМ

территории советского государства, контрразведчикам ТОФ пришлось решить сложную задачу по созданию законсервированных диверсионных резидентур.

Указанием начальника Особого отдела НКВД ТОФ дивизионного комиссара В.В. Виноградова от 30 сентября 1942 г. начальникам Особых отделов НКВД Северо-Тихоокеанской флотилии, Особых отделов НКВД военно-морских баз, секторов береговой обороны и авиабаз, соединений ТОФ и начальникам отделений Особого отдела НКВД ТОФ поставлена главная: «Во изменении директивных указаний о развертывании разведывательно-диверсионной работы в тылу противника предлагаю руководствоваться следующими указаниями. В случае войны на Дальнем Востоке и временного тактического успеха противника на отдельных участках фронта и отхода наших войск из того или иного населенного пункта, выполняя указания вождя народов товарища Сталина, - «в захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия», органы НКВД обязаны:

а) внедрять свою квалифицированную агентуру в военные разведывательные, административные учреждения и антисоветские организации противника и быть в курсе их мероприятий;

б) систематическим путем диверсий разрушать железнодорожный транспорт, промышленность, связь и коммунальное хозяйство, уничтожать стратегическое сырье, боеприпасы и горючее;

в) истреблять командный и руководящий состав противника.

С этой целью из числа проверенной, активно работающей с нами агентурой и вновь вербуемой, создавать разведывательные и диверсионные резидентуры для оставления их на временно захваченной противником территории» [4, с.151].

Для выполнения этого указания был мобилизован аппарат Особого отдела ТОФ и все подчиненные подразделения. В сжатые сроки им предстояло провести вербовочные мероприятия, определить для каждого агента направление работы, подготовить для него план, отработать легенду, меры конспирации и варианты связи. Вербовка агентуры в основном происходила в местах наиболее вероятной высадки десанта противника, т.е. в секторах береговой обороны и ряде военно-морских баз ТОФ.

Эти задачи в целом были выполнены, но, как отмечали сами контрразведчики ТОФ в своих донесениях в НКВД СССР, «работа по созданию агентурной сети в тылу противника развернута пока еще недостаточно, основным препятствием в проведении этих мероприятий является отсутствие какого-либо опыта в этой работе».

В апреле 1942 г. подобранная агентура, в течение месяца, прошла обучение в спецшколе УНКВД Приморского края, где готовили кадры агентов-диверсантов. В этой же школе 3 оперативных работника флотской контрразведки прошли обучение на 15-дневных курсах опersостава УНКВД по подготовке руководителей диверсионных групп. После возвращения с курсов эти оперработники приступили к обучению других работников аппарата Особого отдела ТОФ. В июне-августе 1942 г еще 10 оперработников прошло обучение в этой

школе. Так, в Особом отделе флота была сформирована группа квалифицированных диверсантов из 15 чел.

С конца 1942 г. Особый отдел ТОФ стал использовать в реализации этих мероприятий различные методы, разработанные по опыту разведывательно-диверсионной войны в тылу немецких войск. В середине 1943 г. начальник Особого отдела контрразведки ТОФ генерал-майор Д.П. Мерзленко сообщил в Центр: «На случай войны на Дальнем Востоке и временного тактического успеха противника на отдельных участках нами готовится агентурная сеть на основных морских базах и в крупных гарнизонах береговой обороны и ВВС ТОФ для проведения разведывательной, диверсионной и вредительской деятельности на случай оккупации. Для этой цели намечено создать 21 разведывательную и диверсионную резидентуры с количеством агентуры от 3 до 7 человек в каждой. На 1 июня 1943 г. было уже создано 13 резидентур с общим количеством агентуры 54 чел. Агентура для этих резидентур подбирается за счет секретного осведомления из гражданского окружения и частично из числа вольнонаемного состава гарнизонов. В работе по созданию спецрезидентур контактируем с УНКГБ Приморского края».

В связи с изменениями военной и политической обстановки в конце 1943 г., когда стало ясно, что нападение Японии на СССР практически невозможно, работа по созданию разведывательно-диверсионных резидентур для действий в тылу врага была приостановлена. Часть агентуры была законсервирована, часть – передана на связь в территориальные органы безопасности, а контрразведчики ТОФ продолжили работу по противодействию устремлениям японской разведки.

Начиная с 1943 г. и до начала боевых действий с Японией, сотрудниками Отдела контрразведки «Смерш» ТОФ были арестованы всего 8 японских агентов, выполнявших задания в Дальневосточном регионе. Трудно сказать, связано ли это с недостатком эффективности контрразведывательной работы или с концентрацией усилий на борьбе с «контрреволюционной агитацией и пропагандой». В этой связи интересна статистика арестов за контрреволюционные преступления. Всего за период 1941-1945 гг. Отдел контрразведки «Смерш» ТОФ арестовал за контрреволюционную агитацию 556 человек, причем до начала войны с Японией – 539 человек, а с августа по декабрь 1945 г. – лишь 17 [5, с. 47]. Число арестов по обвинению в шпионаже резко изменилось с августа 1945 г. За период войны с Японией и до декабря 1945 г. флотские чекисты арестовали 50 чел. Они имели прямое отношение к разведывательной деятельности ЯВМ.

Значительная часть итогов оперативной деятельности контрразведки ТОФ в годы Великой Отечественной войны, в том числе, зафронтовой работы, до сих пор находится под грифом «секретно». Противоборство спецслужб продолжается, интерес иностранных разведок к ТОФ лишь возрастает, поэтому и сейчас флотские контрразведчики остаются на переднем крае противоборства, используя в своей работе опыт и оперативное мастерство, накопленные в годы войны предыдущими поколениями.

Список литературы:

1. Мироненко С.В. Специальные службы Японии против России: новый взгляд. Самара. 2013.

2. Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой отечественной войне: Исторические очерки и архивные документы / В.С. Христофоров, А.П. Черепков, Д.Ю. Хохлов. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы; ОАО «Московские учебники», 2010.

3. Военно-морской словарь / гл. ред. В.Н. Чернявин. М.: Воениздат,1989.

4. Контрразведка ВМФ СССР. 1941-1945 / В.С. Христофоров, А.П. Черепков, Д.Ю. Хохлов. М.: Вече, 2015.

5. Военная контрразведка. История, события, люди. В 2 кн. / В.С. Христофоров, С.А. Коренков, А.Ю. Бондаренко и др. М.: 2008.

6. Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М.: 1959-1962.

7. Военный энциклопедический словарь/Ред. колл.: А.П. Горкин и др. М.: Большая Российская энциклопедия, Рипол Классик, 2002.

8. Полутов А.В. Работа японских военных миссий против России и СССР на Дальнем Востоке в 1917-1945 гг. (по материалам японских архивов) // Органы государственной безопасности Приморья: взгляд в прошлое во имя будущего. Материалы научно-практической конференции. 3-4 февраля 2003 г. Владивосток: Дальневосточный университет, 2003. С. 54–64.

9. Христофоров В.С. Контрразведка «Смерш» Тихоокеанского флота // Морской сборник. 2003. № 9. С. 82–86.

10. Черепков А.П. Советская военно-морская контрразведка в начале войны // Великая Отечественная война. 1941 год.: Исследования, документы, комментарии / Отв. Ред. В.С. Христофоров. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. С. 511–550.

11. «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. Изд. 2-е, испр. и доп. / В.С. Христофоров, В.К. Виноградов, О.К. Матвеев и др. М.: 2005.

УДК 93/94:359«1942»

КУВАЕВ Д. В. (Хабаровск)
Войсковая часть 1441

ТАЙНА ДИВЕРСИИ НА ПОДВОДНОЙ ЛОДКЕ Щ-138

Аннотация: В статье отражен ряд аспектов контрразведывательного обеспечения экипажей подводников, связанных с боевой подготовкой подводных лодок на Тихоокеанском флоте. Ключевым сюжетом репрезентации этого вопроса стал взрыв подводной лодки Северо-Тихоокеанской флотилии Тихоокеанского флота, произошедший 18 июля 1942 г. Основу для подготовки статьи составили секретные ранее документы, хранящиеся в Центральном архиве ВМФ МО РФ.

Ключевые слова: Тихоокеанский флот, японская военная миссия, Северо-Тихоокеанская флотилия, подводная лодка, диверсия, Великая Отечественная Война.

KUVAYEV D.V. (Khabarovsk)
Military unit 1441

THE SECRET OF THE DIVERSITION ON THE UNDERWATER BOAT SH-138

Annotation: The article reflects a number of aspects of counterintelligence support for submarine crews associated with the combat training of submarines in the Pacific Fleet. A key plot in the representation of this issue was the explosion of a submarine of the Pacific Fleet's North Pacific Flotilla, which took place on July 18, 1942. The basis for the preparation of the article was secret documents previously stored in the Central Archive of the Naval Ministry of Ministry of Defense Russian Federation.

Keywords: Pacific Fleet, Japanese military mission, North Pacific Flotilla, submarine, sabotage, Second World War.

История Второй мировой войны продолжает хранить еще много тайн, в их числе борьба советских органов безопасности со спецслужбами не только Германии и Японии, но и США и Великобритании. При этом в летописи противоборства спецслужб есть ряд не только победных, но и трагических сюжетов. Так, сегодня остаётся нераскрытой страница истории Тихоокеанского флота о взрыве в июле 1942 г. подводной лодки Щ-138 на военно-морской базе Николаевска-на-Амуре. Материалы этого дела в архивах Дальнего Востока, а также в военном музее Тихоокеанского флота отсутствуют, а сами сведения об этом событии долгое время были засекречены.

Первыми, кто пытался разгадать эту тайну, были краеведы и журналисты. В 2012 г. вышла книга известного краеведа города Николаевска-на-Амуре В.И. Юзефова с кратким историческим очерком «Взрыв на рассвете», в кото-

ром без ссылок на источники в общих чертах повествуется о катастрофе на подводной лодке, унесшей жизни 43 моряков. Старшему из них было всего 33 года. Материал о трагедии был также опубликован журналистом А. Чернявским. Но нет сведений о диверсии и в монографии В.С. Христофорова, А.П. Черепкова и Д.Ю. Хохлова «Контрразведка ВМФ СССР. 1941-1945» [1, с. 416].

Сегодня, опираясь на архивные документы, можно нарисовать более четкую картину этой трагедии. Автор данной статьи изучил материалы с грифом «Совершенно секретно», которые были рассекречены недавно в Центральном архиве ВМФ Министерства обороны Российской Федерации (ЦА ВМФ МО РФ) [2, л. 122]. Это позволило приоткрыть результаты совершенно секретного расследования катастрофы подлодок «Щ-138» и «Щ-118» 3-й бригады подводных лодок СТОФ, произошедшей 18 июля 1942 г.

Подлодка Щ-138 серии «10-бис» построена во Владивостоке на судостроительном заводе № 202 и принята в состав ВМФ СССР в феврале 1942 г. До 4 июня 1942 г. подводная лодка Щ-138 находилась в составе оперативного управления дивизии подводных лодок ТОФ на военно-морской базе во Владивостоке. К указанной дате были отработаны общие морские задачи, связанные с маневрированием и отработкой боевой слаженности экипажа.

Изучение архивных материалов Особого отдела НКВД ТОФ по 3-й бригаде подводных лодок ТОФ показало, что на рубеже 1941–1942 гг. при ходовых заводских и государственных испытаниях на корабле имели место мелкие неисправности, выявленные в процессе сдаточных испытаний на заводе № 202, позже оценённые как диверсионные акты. Эти случаи не были приняты во внимание. Оперативным сотрудником отдела НКВД ТОФ по 3-й бригаде подводных лодок ТОФ, осуществляющим контрразведывательное обеспечение экипажа подлодки Щ-138, лицо, умышленно наносившего вред кораблю, своевременно не было выявлено. В мае 1942 г. хорошо вооруженная новая советская подлодка серии Щ 10-бис и низким уровнем шумности прибыла в пункт постоянной дислокации Советскую гавань.

Низкая организация контрразведывательного обеспечения экипажа лодки стала следствием реорганизации отделов НКВД ТОФ. В частности, в состав Особого отдела НКВД ТОФ структурно входил Особый отдел по Николаевской-на-Амуре военно-морской базе. При этом небольшой по составу отдел НКВД ТОФ по Николаевску-на-Амуре был реорганизован 4 июля 1942 г. в рамках реформы органов военной контрразведки, т.е. буквально накануне исследуемой диверсии.

Итак, две подводные лодки Щ-138 и Щ-118 из состава 3-й бригады подводных лодок после отработки в море мероприятий совместного маневрирования, прибыли в Николаевскую-на-Амуре базу для пополнения ресурсов и подготовке к выполнению следующего элемента боевой подготовки. Дальнейшие события развивались следующим образом. Обе подлодки 18 июля 1942 г. стояли у мола в Николаевской бухте: Щ-139 – левым бортом была отшвартована к молу; Щ-118 – была отшвартована к правому борту Щ-138. В целях обеспече-

ния режима охраны и обороны кораблей на верхней вахте постоянно находились вооруженный вахтенный краснофлотец и сигнальщик на мостике Щ-118.

По планам командования 3-й бригады подводных лодок к 20 июля 1942 г. планировалось возвращение Щ-138 в Совгавань. Командир Николаевской базы согласно приказу командующего Северной флотилией ТОФ (СТОФ) о необходимости рассредоточения лодок, потребовал от командира дивизиона, который находился на лодке Щ-118, вывести 18 июля 1942 г. одну лодку на рейд Амура и одновременно предложил ему запросить телеграммой командование 3-й бригады подводных лодок о высылке одной подлодки на смену Щ-138.

Лодка Щ-138 к вечеру 16 июля закончила ремонт и зарядку аккумуляторной батареи и была готова к выходу на рейд 17 июля 1942 г. Однако, вследствие внезапного усиления болезни командиру Щ-138 стало необходимо посетить местный госпиталь. Кроме того, не были пополнены израсходованные на переходе Совгавань – Николаевск-на-Амуре запасы дизельного топлива. Поэтому командир дивизиона и не вывел лодку Щ-138 на рейд. Подводная лодка Щ-118 согласно расписанию проводила планово-предупредительные работы вплоть до 17 июля 1942 г. 18 июля 1942 г. на обеих подлодках, стоящих рядом, побудка личного состава была произведена в 5 ч. В 6 час. 50 мин. личный состав кораблей приступил к утреннему завтраку. Рядовой состав и командиры отделений завтракали в 6 отсеке, а старшины групп срочной службы в 7 отсеке, т.е. абсолютное большинство личного состава на лодках находилось в кормовых отсеках.

К этому времени на ПЛ Щ-138 во 2 и 3 отсеках продолжали спать командир подлодки капитан-лейтенант Гидульянов, штурман лейтенант Будин, минер лейтенант Вязьмин и лекпом Байко. Командир БЧ-5 инженер капитан-лейтенант Ильичев спал в 6 отсеке, а помощник командира подлодки старший лейтенант Егоров находился на молу. Военный комиссар Щ-138 политрук капитан-лейтенант Коротеев ночевал по необоснованным причинам не на корабле, а в городе. Следует отметить, что в 1942 г. еще не было принято решения об обязательном нахождении оперативного сотрудника НКВД на корабле, в т.ч. при отработке мероприятий боевой подготовки.

На Щ-118 весь командный состав, за исключением командира дивизиона капитан-лейтенанта Шатова, спавшего в каюте командира подлодки, к этому времени уже занимался служебными делами. Командир лодки капитан-лейтенант Цветко находился на мостике, помощник командира лейтенант Химич – на кормовой надстройке, командир БЧ-5 (электромеханическая боевая часть) инженер капитан-лейтенант Иванов был в 6 отсеке, комиссар политрук Данилов – в 3 отсеке, штурман лейтенант Фатеев – во 2 отсеке, минер лейтенант Кондриков – в 1-м отсеке, военфельдшер Михайленко работал в 7 отсеке и флагманский штурман бригады подлодок капитан-лейтенант Малинин – во 2 отсеке.

В 7 часов 18 июля 1942 г. на лодке Щ-138 произошел взрыв большой силы, сопровождавшийся звоном разбитых стекол в помещениях вблизи стоящих зданий. Над подводными лодками поднялся высокий столб чёрного дыма. Поз-

же членами следственной комиссии, которые опирались на показания свидетелей, было установлено, что было два взрыва, один за другим, причем второй взрыв был значительно большей силы, чем первый.

Личный состав Щ-138, который после побудки и стирки белья, пил чай в 6 и 7 отсеках, был отброшен со скамеек взрывной волной. Взрыва почти не было слышно. В дальнейшем, когда люди выбирались через кормовой люк, был слышен шум поступающей в лодку воды из носовой части, крики и стоны раненых. Свет в лодке погас несколько раньше взрыва.

Взрыв на Щ-138 полностью уничтожил носовую часть от форштевня до 40 шпангоута, то есть до передней трети корпуса. Корпус, надстройка, все механизмы от 1-го до 4-го отсека разорваны на части и разбросаны в радиусе до 1 км от лодки. В результате взрыва на лодке Щ-138 погибли 35 человек и 8 были ранены, остались невредимыми 4 человека. Как уже отмечалось, военком Щ-138 ночевал на берегу, 2 человека находились на пирсе вблизи лодки и 1 вышел невредимым из лодки. В живых остались 12 моряков. От 31 человека рядового и младшего командного состава на берегу были найдены лишь фрагменты тел. Многие уцелевшие подводники после трагедии стали седыми.

К моменту взрыва экипаж стоящей рядом лодки Щ-118 также пил чай. Находившиеся наверху командир лодки и командир БЧ-5 взрывом были отброшены в воду. От взрыва, произошедшего на Щ-138, лодка Щ-118 получила пробоину в левом борту размером 5 на 1 метр. На Щ-118 имелись повреждения различных устройств, в частности, были разрушена радиорубка и некоторое количество аккумуляторных баков. Во время взрыва лодка стояла с открытыми рубочным люком, люком 1-го отсека и с отдраенными переборками. Взрывной волной были повреждены переборки и их крепления.

В момент взрыва личный состав Щ-118, находившийся в 4 и 5 отсеках пытался задраить переборку, поскольку в отсеки начала поступать вода. Но ввиду поломки люка переборки, все 20 человек сгруппировались в 6 и 7 отсеках. Задраившись в 6 и 7 отсеках, личный состав начал готовиться к выходу в индивидуальных средствах дыхания (ИСД), но, получив сверху приказание ожидать поднятия лодки, остался в отсеках и допил чай (! – Авт.). Через 1 час 55 мин. после взрыва, когда корма лодки была поднята краном, все 20 человек вышли наверх через люк 6 отсека.

Лодка Щ-118, получив пробоину, погрузилась на грунт. Погибли 8 человек. Среди погибших были следующие офицеры: командир 8-го дивизиона подводных лодок капитан-лейтенант Шатов, флагманский штурман 3-й бригады подводных лодок капитан-лейтенант Малинин, комиссар Щ-118 политрук Данилов, командир БЧ-1 лейтенант Фатеев, командир БЧ-3 лейтенант Кондриков. Один человек был ранен, живыми и невредимыми остались 39 чел. В результате катастрофы на обеих лодках погибло 43 чел. Осталось живыми 53 чел.

Для расследования трагедии Военным советом ТОФ была создана комиссия в следующем составе: председатель контр-адмирал Арапов, члены – капитан 1 ранга Чурсин, капитан 1 ранга Сурабеков, бригадный комиссар Шилов, начальника отдела боевой подготовки штаба ТОФ капитан 2 ранга Беляев.

В рамках расследования комиссия привлекала специалистов по минно-торпедному вооружению, электромеханическим системам. Комиссия подготовила следующие документы:

- акт экспертной комиссии по определению причин взрыва боевых зарядных отделений стеллажных торпед подводной лодки Щ-138;

- акт экспертной комиссии по определению возможности взрыва на подводной лодке Щ-138 аккумуляторной батареи;

- акт экспертной комиссии по осмотру деталей и устройств, выброшенных взрывной волной на берег;

- ориентировочный перечень работ по восстановлению подводной лодки Щ-138 и др.

Специалисты выдвинули 5 версий взрыва, 4 из них были исключены. Проверены версия о возможном неумелом обращении с боезапасом, версия о воспламенении опасных газов от аккумуляторной батареи, версия о самопроизвольном взрыве одной из торпед и детонация от взрыва заряда, установленного снаружи легкого корпуса корабля. На основе тщательного анализа собранных материалов и показаний свидетелей комиссия доложила Военному совету ТОФ следующие выводы. Катастрофа произошла в результате взрыва 4 боевых зарядных отделений стеллажных торпед образца «53-38» находящихся во 2 отсеке подводной лодки Щ-138. Более того, торпеды явно не санкционировано были приведены в боевое состояние перед диверсией, т.е. сняты с предохранителей. Это стало ясно после проведённого эксперимента по подрыву торпеды, боевая часть которой была не снята с предохранителя. Взрыв боевых зарядных отделений во 2 отсеке по причинам их детонации от взрыва газов, короткого замыкания аккумуляторной батареи или от других случайных источников произойти не мог. Окончательно приготовленные торпеды размещенных в носовых торпедных аппаратах не взорвались; никакие работы внутри корабля, в т.ч. с торпедами, личным составом не проводились. Весь личный состав находился в отсеках лодки. Аккумуляторная батарея была в хорошем состоянии. Исходя из вышеизложенного, комиссия получила основания считать, что взрыв произведен насильственным, т.е. диверсионным путем внутри подводной лодки. Было подорвано одно из боевых зарядных отделений стеллажных торпед во 2 отсеке.

Диверсия могла быть произведена лицом из личного состава Щ-138, тем более, на данной лодке имели место мелкие диверсионные акты в 1941 и 1942 гг. при проведении заводских ходовых и государственных испытаний. Это были, вывод из строя перископа путем нанесения механических повреждений острым предметом, попадание воды в провизионное хранилище через неплотно задраенную горловину, перекрытие ряда клапанов и другие мелкие механические повреждения. Вредитель органами контрразведки флота был не выявлен.

Руководству Особого отдела НКВД ТОФ данная диверсия показала необходимость обязательного нахождения на борту каждого боевого корабля штатного сотрудника контрразведки флота. После проведенного разбирательства начальник Отдела НКВД ТОФ Виноградов подписал указание об обязательном нахождении оперативного работника на объекте контрразведывательного обес-

печения в период повседневной деятельности и выполнении задач боевой подготовки. Практически все оперативные работники периферийных отделов постоянно находились в обслуживаемых частях и подразделениях, где они состояли на довольствии, имели свое спальное место, или, если позволяли условия, отдельное помещение или каюту [3, с. 82; 6, с. 86].

Кроме того, этим указанием Виноградов потребовал от подчиненных руководителей периферийных отделов докладывать обо всех чрезвычайных происшествиях (катастрофы, аварии, дезертирство, убийство, пожары, отравления, пропажа секретных документов и др.) в отдел контрразведки «Смерш» ТОФ немедленно «шифром-экстренно». Все начальники отделов были предупреждены, что впредь за несвоевременное представление донесений о чрезвычайных происшествиях и поверхностное их расследование, виновные будут наказываться в дисциплинарном порядке [4, с. 151].

21 августа 1942 г. Народному комиссару ВМФ СССР адмиралу Кузнецову был представлен акт комиссии по расследованию катастрофы Щ-138 и Щ-118 и доклад о выводах Военного Совета ТОФ [5, л. 48-56]. В результате всестороннего расследования флотскими специалистами было установлено, что непосредственной причиной катастрофы был диверсионный акт, вероятнее внутри подводной лодки подрывом подложенного взрывчатого вещества к запасным торпедам. Совершению диверсионного акта способствовала беспечность, проявленная со стороны Военного Совета СТОФ, командования 3-й бригады подводных лодок и начальника военно-морской базы в вопросах предупреждения диверсии. Не были приняты особые меры бдительности, усиления вахтенной и дежурной службы. Осталось неизвестным, проверены ли были работники завода, имевшие доступ к лодке во время её строительства и ходовых испытаний. Нет сведений и о проверке лиц, которые могли проникнуть в лодку во время её стоянки в порту Николаевска-на-Амуре (погрузка продовольствия, заправка топливом и др.).

Явно неудовлетворительным было изучение командованием и, в первую очередь, партийно-политическим аппаратом 3-й бригады подводных лодок качеств личного состава лодок. Подводные лодки в порту не были рассредоточены. Около места стоянки лодок скопились баржи и прочие суда. Основными виновниками были признаны командир Щ-138 капитан-лейтенант Гидульянов, погибший при взрыве, и комиссар лодки политрук Коротеев, отданный под суд военного трибунала. В целях предупреждения повторения подобных случаев отдан приказ по флоту с указанием мероприятий об усилении бдительности вахтенной и дежурной службы, о детальном изучении личного состава экипажей боевых кораблей.

Медленное, но последовательное рассекречивание сведений по оперативно-боевой подготовки ВМФ СССР в период Великой Отечественной войны, а также материалов архива ФСБ России позволяет историкам перейти к комплексному научному исследованию неизвестных событий, в т.ч. диверсионных актов, совершённых иностранными спецслужбами. Выстроить версии о совершенной диверсии возможно при тщательном изучении оперативной обстановки, предшествовавшей диверсии, режима охраны и состояния обороны объек-

тов флота, а также эффективности их контрразведывательного обеспечения. Необходима объективная оценка результатов оперативного обеспечения экипажей подводных лодок органами военной контрразведки.

Сегодня остаются открытыми два главных вопроса: почему не сработала система мер по контрразведывательному обеспечению боевой подготовки на подводной лодке Щ-138 и был ли надежным пропускной режим на корабле в Николаевске-на-Амуре? Такой подход возможно позволит приблизиться к ответу на вопросы о том, какая спецслужба, используя какие методы и средства провела диверсионную операцию по уничтожению ПЛ Щ-138 и повреждению подводной лодки Щ -118 в Николаевске-на-Амуре. Ясно одно, диверсию осуществил агент иностранной спецслужбы (возможно завербованный японской разведкой на почве мести или преследующий иной враждебный мотив), из числа специалистов в области минно-торпедного вооружения.

В день капитуляции Японии в городе был открыт памятный знак в честь погибших моряков Щ-138 и Щ-118. Вдали от театра военных действий моряки стали жертвами тайной войны. Историческое исследование этой диверсии произошедшей на Дальнем Востоке в июле 1942 г. продолжается. Гибель моряков-подводников на стоянке в собственной базе учит не только работников спецслужб, но и всех граждан России бдительности, особенно в период обострившейся борьбы с международным терроризмом.

Список литературы:

1. Контрразведка ВМФ СССР. 1941-1945 / В.С. Христофоров, А.П. Черепков, Д.Ю. Хохлов. М. 2015. 416 с.

2. «Боевая подготовка ТОФ» (Совершенно секретно. 7 января–12 декабря 1942 г. Окончено производством. Рассекречено) за 1942 г., на 145 л. // ЦА ВМФ МО РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 21.

3. Военная контрразведка. История, события, люди. В 2 кн. / В.С. Христофоров, С.А. Коренков, А.Ю. Бондаренко и др. М.:ОЛМА Медиа Групп, 2008. Кн. 1.

4. Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне: Исторические очерки и архивные документы / В.С. Христофоров, А. П. Черепков, Д. Ю. Хохлов. М., 2010.

5. ЦА ВМФ МО РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 51.

6. Христофоров В.С. Контрразведка «Смерш» Тихоокеанского флота // Морской сборник. 2003. № 9. С. 82–86.

УДК 94(47).084.8

МАРТЫНОВ А. С. (Донецк, ДНР)
Донецкий национальный университет

МЕРОПРИЯТИЯ ОРГАНОВ НКВД–НКГБ СТАЛИНСКОЙ (ДОНЕЦКОЙ) ОБЛАСТИ ПО БОРЬБЕ С УКРАИНСКИМИ НАЦИОНАЛИСТАМИ В РЕГИОНЕ ДОНБАССА (1941–1945)

Аннотация: Статья посвящена исследованию специальных мероприятий по борьбе с украинским коллаборационизмом, что проводились советскими органами государственной безопасности в Сталинской (Донецкой) области в 1941-1945 гг. На основе документов региональных архивов (а также других исторических источников) автор рассматривает и обобщает деятельность областных Управлений НКВД-НКГБ по вскрытию и ликвидации местного вооруженного подполья «Организации украинских националистов» (ОУН). Как свидетельствуют документы, органы НКВД-НКГБ Сталинской области провели масштабную и довольно сложную контрразведывательную работу по уничтожению украинского националистического движения в регионе Донбасса.

Ключевые слова: Донбасс, Сталино, советские органы государственной безопасности, НКВД, НКГБ, контрразведка, германская оккупация, коллаборационизм, украинские националисты.

MARTINOV A. S. (Donetsk, Donetsk People's Republic)
Donetsk National University

MEASURES OF THE NKVD-NKGB BODIES OF THE STALINO (DONETSK) REGION ON A FIGHT AGAINST THE UKRAINIAN NATIONALISTS IN DONBASS AREA (1941-1945)

Annotation: The article deals with the study of the special measures on a fight against the Ukrainian collaboration that have executed by the Soviet state's security bodies in Stalino (Donetsk) region in 1941-1945. On the basis of documents of the regional archives (also including the other historical sources) an author examines and summarizes the activities of the NKVD-NKGB Regional Departments on an expose and liquidation of the local armed underground created by the "Organization of the Ukrainian Nationalists" (OUN). As documents testify the NKVD-NKGB bodies of the Stalino region have carried out the large and very hardly counter-intelligence mission on extermination of the Ukrainian Nationalistic movement in Donbass area.

Keywords: Donbass, Stalino, Soviet state's security bodies, NKVD, NKGB, counter-intelligence, German occupation, collaboration, Ukrainian Nationalists.

Деятельность органов государственной безопасности СССР в период Великой Отечественной войны с конца 1980-х гг. является предметом и объектом многочисленных политических спекуляций антипатриотической и ревизио-

нистской направленности. При этом региональный аспект оперативной и агентурной работы органов НКВД-НКГБ на временно оккупированной территории СССР до сих пор еще подробно не изучен исследователями.

В настоящей работе рассматриваются специальные мероприятия Управлений НКВД-НКГБ Сталинской (Донецкой) области по борьбе с украинским коллаборационизмом в Донбассе в 1941-1945 гг. На основе документов НКВД-НКГБ и других материалов Государственного архива Донецкой народной республики (ГА ДНР), а также с привлечением имеющейся исследовательской литературы, автор обобщает деятельность органов госбезопасности Донбасса по разработке и ликвидации региональной инфраструктуры «Организации украинских националистов» (ОУН) фракции Степана Бандеры. Борьба УНКВД–УНКГБ Сталинской области с подпольем ОУН разбирается автором в тесной связи с проблемой коллаборационизма бандеровцев, их причастности к вспомогательной полиции и участием в репрессиях гитлеровских оккупантов. Основное внимание в статье уделено событиям периода оккупации Донбасса (осень 1941 г. – сентябрь 1943 г.).

Из числа имеющихся исторических публикаций по избранной теме автор опирался на краеведческие работы под редакцией донецкого ветерана КГБ СССР, участника Великой Отечественной войны, полковника в отставке Ивана Ивановича Кулаги [11; 14], очерк Е. Сытника и В. Наконечного о секретном агенте НКВД «Дорошенко» [21], а также на работы донецкого историка-архивиста В.Н. Никольского, исследовавшего статистику репрессий НКВД-НКГБ в отношении коллаборационистов по УССР и Донбассу за период войны [16; 17]. Ряд интересных сведений приводится в материалах националистического автора А. Добровольского, несмотря на его явную политическую ангажированность [12; 13]. В целом же следует отметить, что объективная оценка как украинского коллаборационизма в Донбассе, так и реагирования на данное явление советских органов госбезопасности, не характерна для украинской националистической историографии. Более того, в постсоветской Украине деятельность ОУН Бандеры в Донбассе служит предметом ревизионистских фальсификаций. Ещё в середине 1990-х гг. была издана «История Юго-восточной Украины» бандеровского историка Петра Лаврива, в которой героизировалось подполье ОУН в Донбассе, утверждалось, что оуновцы якобы вели антифашистскую борьбу против оккупантов и имели почти 10 тыс. сторонников [15, с. 165-166]. Националистический миф об антифашистском подполье ОУН в Донбассе восходит к руководителю областного «провода» (штаба) бандеровцев в 1942-1943 гг. Евгену Стахиву – известному деятелю ОУН в эмиграции (в 2014 г. в возрасте около 90 лет умер в США, при «оранжевом» президенте Викторе Ющенко получал украинские государственные награды, в 2007 г. приезжал в Донецк). В своей книге «Последний молодогвардеец» (2004 г.) Е. Стахив называл себя создателем знаменитой подпольной организации «Молодая гвардия», отрицая её советский характер и обвиняя писателя Александра Фадеева в фальсификациях [20]. Как отмечал В.Н. Никольский, воспоминания Е. Стахива достаточно отрывочные, непоследовательные, а ряд его оценок вызывает сомнения [17, с. 68]. Примечательно, что в своей книге Е. Стахив всё же вынужден был при-

знать сотрудничество бандеровцев с фашистской Германией в 1941 г. и тождественность идеологии украинского национализма с германским фашизмом: «Конечно, программа у нас была тоталитарная. ОУН стояла на принципе монопартийной системы проводника. Но мы не могли открыто об этом говорить» [20, с. 123]. Однако эти признания Е. Стахива не помешали известному украинскому писателю-националисту Дмитро Павличко посвятить его чествованию большую вступительную статью с названием «Выдающийся борец за украинскую государственность и демократию» [20, с. 3-13].

После публикаций Е. Стахива в ревизионистской украинской историографии окончательно утвердились положительные, апокрифические оценки «национально-освободительной борьбы» ОУН на Востоке УССР и в Донбассе в частности. Примером служит книга киевского автора В. Сергийчука «Украинское восстание. Надднепрянщина» (2005), в которой утверждается, что в Надднепрянской (Восточной) Украине ОУН Бандеры вела борьбу «за возрождение Украинской державы», в связи с чем, немцам даже пришлось арестовать ряд активистов «самостийников» [19, с.10-13]. После немецких арестов, пишет В. Сергийчук, «на Надднепрянщине ОУН вынуждена была переходить к новому этапу своей деятельности под гитлеровской оккупацией – подпольно-революционному» [19, с.14]. Не отрицая фактов частичных репрессий гитлеровцев против наиболее радикальных оуновцев, следует при этом отметить, что до самого конца оккупации Донбасса (сентябрь 1943 г.) резиденты ОУН Бандеры продолжали занимать ответственные посты во вспомогательных оккупационных организациях, включая репрессивно-карательные (полиция, отряды «украинских добровольцев» и т.д.), прямо пособничать гитлеровцам в принудительном угоне населения на работы в Германию, борьбе с советскими партизанами и подпольщиками и т.д.

Ряд официальных украинских историков – например, И.С. Тарнавский, замалчивали причастность ОУН Бандеры к проявлениям коллаборационизма на Донбассе, характеризуя деятельность вспомогательной полиции и других оккупационных учреждений в общих чертах, не соотнося их преступную деятельность с местным подпольем ОУН [22]. Как признавал И.С. Тарнавский, все полицейские формирования в Донбассе в основном состояли из преступников и антисоветских элементов, занимались грабежами, жестокостями и издевательствами над населением, однако среди созданных оккупантами местных формирований «было немало людей, которых загнали туда силой или обманом» [22, с.35]. Подобное утверждение также спорно, поскольку архивные документы свидетельствуют, что поступление на службу в полицию было добровольным и достаточно хорошо оплачивалось оккупантами. Так, из документов городской полиции Бахмута (Артемовска) за 1942-1943 гг. следует, что местные полицаи были укомплектованы в достаточном количестве и обеспечивались не только продовольствием, но и жильем [2, л. 1-14]. Кроме городской полиции, в Бахмуте действовала районная вспомогательная полиция – сохранились списки полицаев и ведомости по их зарплатам за 1942 г. [3, л. 1-4]. Осенью 1943 г. многие полицаи спешно отступили вместе с немцами, но достаточное их количество было арестовано органами НКВД-НКГБ.

В годы войны руководство мероприятиями по разработке и ликвидации подполья ОУН в Донбассе осуществляли: начальник прифронтового Управления НКВД Сталинской области в 1941-1943 гг. полковник госбезопасности Иван Иванович Зачепа; начальник УНКВД Сталинской области в 1941 г. и в 1943-1946 гг. полковник госбезопасности Андрей Тимофеевич Чечков; сотрудник аппарата НКВД УССР, и.о. начальника УНКГБ Сталинской области в сентябре-октябре 1943 г. полковник госбезопасности Михаил Стратонович Бондаренко; начальник Управления НКГБ–МГБ Сталинской области в сентябре 1943 г. – феврале 1951 г. полковник госбезопасности Алексей Петрович Демидов. В борьбе с коллаборационистами в Донбассе также участвовал секретарь Сталинского подпольного обкома партии Семен Николаевич Щетинин, работавший в контакте с органами НКВД–НКГБ и командованием 12-й и 18-й армий Южного фронта РККА.

Важную роль в обнаружении и ликвидации вооруженного подполья ОУН Бандеры в Донбассе сыграл уполномоченный сотрудник Сталинского УНКВД Роман Никитович Головатый, благодаря которому органы госбезопасности смогли раскрыть организационные планы областного «провода» бандеровцев, арестовать многих коллаборационистов, а также вскрыть их связи с оуновским подпольем на Западной Украине. Примечательно, что ни Евген Стахив, ни другие бандеровские активисты в Донбассе даже не догадывались, что под легендой сочувствующего националиста-интеллигента Дорошенко в их областной штаб внедрен разведчик НКВД, и внутренняя информация бандеровцев напрямую передается в советские органы госбезопасности.

Ещё накануне войны Р.Н. Головатый занимался разработкой украинских националистов в среде вузовской интеллигенции Сталино. Во время репрессий конца 1930-х гг. Головатый даже приобрел репутацию националиста и получил в связи с этим ряд неприятностей, так как открыто защитить его, как засекреченного сотрудника, УНКВД не смогло. Но после оккупации Сталино именно эта репутация позволила Головатому под псевдонимом «Дорошенко» внедриться в среду украинских националистов [11, с. 6-11]. Осенью 1941 г. в Сталино прибыла из Западной Украины «походная группа» бандеровцев в составе 12 чел. Этой группой руководил украинский эмигрант из Праги Владимир Болгарский. Сразу же по прибытии бандеровцы устроились на службу в фельдкомендатуру как переводчики, во вспомогательную полицию, еще 5 чел. выехали в другие города области для националистической работы. Внедрившись в среду бандеровцев, Головатый–«Дорошенко» старался саботировать их мероприятия. В начале 1942 г. гестапо арестовало часть националистов, предложив им вернуться во Львов, оставшиеся перешли на нелегальное положение [11, с. 20-24; 21, с. 10-29]. Согласно отчету агента «Дорошенко» в органы госбезопасности, работа среди украинских националистов на территории Сталинской области проводилась им с 14 ноября 1941 г. по 5 сентября 1943 г., т.е. почти весь период гитлеровской оккупации. Встречаясь с Болгарским и другими бандеровцами на конспиративных квартирах в Сталино осенью 1941 г., Роман Головатый изначально узнал много сведений об организационной структуре националистов, а также о стремлении Болгарского взять под контроль ОУН

Сталинскую городскую управу, передав немецким властям компромат на других коллаборационистов-конкурентов [12, с. 58-64]. Весной 1942 г. бандеровцы оправились после акции гестапо, получили подкрепление в виде второй «походной группы» из Львова и возобновили свою деятельность. Роман Головатый установил связь с одним из бандеровских руководителей в Сталино – Иваном Свечинским, убеждал националистов работать не против Советской власти, а против немцев как главного противника. В июле 1943 г. Головатому–«Дорошенко» удалось стать помощником главы бандеровской «Украинской Национальной Партии» (УНП) в Сталинской области, т.е. фактически войти в руководство областного «провода» ОУН [11, с. 28-31]. Благодаря информации агента «Дорошенко» уже в октябре 1943 г. органы госбезопасности ликвидировали 5 районных «проводов» ОУН в округе Сталино и взяли под контроль городскую организацию ОУН [13]. Ко времени освобождения Донбасса от гитлеровцев местный «провод» ОУН Бандеры насчитывал приблизительно несколько сотен человек. Многие, в том числе, Болгарский, успели скрыться, отступив на запад вместе с немецкими войсками.

К концу 1941 г. при участии националистов в Донбассе были созданы различные оккупационные учреждения, в том числе «украинская вспомогательная полиция». Согласно справке, выданной секретарю ЦК КП(б)У Н.С. Хрущеву от 30 ноября 1943 г. за подписью начальника УНКГБ Сталинской области полковника А.П. Демидова, структура ОУН в Мариуполе насчитывала до 300 чел., в Краматорске – 120, в Славянске – 80, в Красноармейске – свыше 50, в Макеевке – 60, в Марьинке – 80, в Ольгинке – 30 чел. и т.д. В ОУН вовлекалась интеллигенция – учителя, врачи, молодежь, были созданы «Просвиты» и сельскохозяйственные школы для вербовки новых участников ОУН. При аресте члена областного «провода» ОУН Зинченко, ouновца Иванчуры и других НКГБ была изъята националистическая литература, листовки и воззвания [19, с. 318-319]. По данным В.Н. Никольского, органами госбезопасности (НКГБ, МГБ, «Смерш») было репрессировано за принадлежность к ОУН в Донбассе 150 чел. Ячейки ОУН были раскрыты в Авдеевке, Волновахе, Горловке, Иловайске, Константиновке, Краматорске, Ново-Экономическом, Макеевке, Мариуполе, Славянске, Сталино, Ясиноватой, а также в Буденовском, Авдеевском, Харцызском, Чистяковском районах Сталинской области [17, с. 114].

Разведчик Роман Головатый, согласно его отчету, начиная с мая 1942 г. «был в курсе всех мероприятий украинских националистов по городу Сталино и некоторых районов Сталинской области», однако установить ouновских руководителей в Горловке, Гришино и Мариуполе ему не удалось. От бандеровца Свечинского Р.Н. Головатый узнал, что при каждой группе УНП уже были организованы «боёвки» для подготовки военных кадров, накопления оружия, террора и саботажа. «О практической деятельности боевиков мне ничего не известно, – отмечал Р.Н. Головатый, – несмотря на все мои стремления хотя бы что-то узнать о них подробнее» [12, с. 65-66].

По сведениям А. Добровольского, выходцы из Галиции и Волыни составляли около 10% подполья ОУН в Донбассе, еще 40% ouновцев были выходцами из Центральной Украины, остальные кадры формировались из числа местных

украинцев. Летом и осенью 1942 г. гестапо репрессировало в Донбассе около 80 оуновцев, хотя остальные продолжали служить во вспомогательных учреждениях. В целом же из 35 районов Сталинской области ОУН имела свою сеть в 17 районах. Бандеровцы контролировали 8 из 12 оккупационных газет в регионе: «Донецкая газета» (Славянск), «Украинский Донбасс» (Горловка), «Константиновские вести» и «Відбудова» (Константиновка), «Украинская земля» (Макеевка), «Хлебороб» (Волноваха), «Мариупольская газета», «Новое слово» (Енакиево), «Донецкий вестник» (Сталино). Назначенцы ОУН были представлены в 13 из 35 районных отделов образования. Членами ОУН Бандеры были руководители полиции Мариуполя Степанченко, Марьинки Солод и т.д. [13].

Если учесть, что в подчинении бандеровцев, занимавших руководящие посты в низшем и среднем звене оккупационной администрации, находились другие коллаборационисты (не связанные с ОУН «обычные» полицаи, служащие), то влияние бандеровского «провода» на коллаборационистский контингент Сталинской области следует признать весьма существенным. Не удивительно, что ОУН стремилась использовать эти возможности для борьбы со своим главным противником в регионе – советскими партизанами и подпольщиками. Например, в Горловке местный преподаватель, член ОУН Горонескуль с приходом немцев добровольно поступил на службу в СД, вербовал агентуру для выявления коммунистов, партизан и подпольщиков. В Горловке полицаем также был Гуляев, доброволец «украинского отряда», который был назначен командиром взвода полиции. Гуляев занимался арестами и избиением местных жителей, в июне 1942 г. был направлен в тыл Красной Армии по заданию немецкого командования [6, л. 21Аоб.]. Как следует из донесения ГРУ от 1 марта 1942 г. об агентурной обстановке на Южном фронте, к этому времени немцы уже начали агитацию по организации добровольческой «украинской армии», что предназначалась «для борьбы с жидами и коммунистами». Эта коллаборационистская армия имела желто-голубое знамя с гербом «незалежной Украины» и фашистской свастикой и создавалась за счет принудительной вербовки мужчин призывных возрастов. Завербованных «добровольцев» отправляли в Сталино, где формировалась «русско-украинская армия» [23, с. 473]. Подобные части «украинских добровольцев» формировались во многих оккупированных районах Донбасса. Так, согласно докладной записке начальнику УНКВД Сталинской области А.Т. Чечкову от 9 сентября 1943 г., в Буденовском районе области был арестован изменник Михайлов, который «по предложению жандармерии вербовал в добровольческую Украинскую армию мужчин хутора М. Сидовки, причем метод вербовки был избран путем запугивания и шантажа». За работу по вербовке Михайлов получил от жандармерии 7 тыс. руб. [5, л. 2-3].

Исходя из имеющихся сведений, можно предполагать, что украинский коллаборационистский ресурс в Донбассе (с учетом не относившихся к ОУН участников полицейских и других формирований) уже в 1941-1942 гг. составлял несколько тысяч человек и в разы превышал местное советское антифашистское подполье, для борьбы с которым коллаборационистов изначально задействовали их хозяева – гитлеровцы.

По данным справки начальника УМГБ Сталинской области А.П. Демидова в обком партии от 16 мая 1946 г., осенью 1941 г. НКГБ совместно с партийными органами было создано по региону 62 партизанских отряда численностью до тысячи человек, однако боевую деятельность вели только 17 отрядов численностью 739 человек [10, л. 2].

Разведчику Роману Головатому, помимо внедрения в ОУН, пришлось также заниматься организацией подпольной работы в Сталинской области – он руководил подпольной группой «Авангард» [14, с. 34]. В донецком архиве автору удалось найти воспоминания подпольщика Ольгинского райкома партии Бориса Васильевича Бараненко, в которых сообщается о его совместной подпольной работе с Р.Н. Головатым (они были знакомы еще с 1936 г. и часто встречались во время оккупации). На встречах с Б.В. Бараненко Р.Н. Головатый предлагал создать организацию по борьбе с немцами и в декабре 1942 г. заявил, что такая организация уже существует. Подпольщики занимались выдачей фиктивных справок о болезни, об освобождении молодежи от работы и мобилизации в «добровольную армию» и на каторжные работы в Германию [8, л. 53]. Вообще же, как вспоминал уже в 1978 г. Р.Н. Головатый, работа подпольной группы была засекречена и перед Сталинским обкомом группа не отчитывалась ни устно, ни письменно. В феврале 1945 г. для продолжения работы в среде украинских националистов Р.Н. Головатый был послан во Львов [21, с. 31]. Накануне освобождения Донбасса агент «Дорошенко» уже собрал достаточно сведений об организационной структуре и планах местного подполья ОУН, получил сведения о заготовке бандеровцами складов с оружием и помог органам госбезопасности предотвратить создание в Донбассе вооруженных отрядов «Украинской повстанческой армии» (УПА), которые должны были начать восстание в тылу Красной Армии [11, с. 58-63].

В сентябре 1943 г. органы НКВД-НКГБ начали массовые аресты украинских коллаборационистов в освобожденных районах Сталинской области. Так, по состоянию на 25 сентября 1943 г. НКВД по Макеевскому району были установлены следующие пособники карательных органов оккупантов: начальник «управы украинской полиции» Макеевки – Павлюченко, начальник городской полиции Макеевки – Кузьмин, он же Иванов, начальники районных отделений полиции – Харченко, Половец, Галлер, Амфилов и ряд других лиц [4, л. 18]. В ходе последующих арестов оуновцев выяснились масштабы их предательской деятельности на службе у гитлеровских оккупантов. К примеру, в селе Ново-Троицкое Ольгинского района Сталинской области органами НКГБ была арестована группа членов ОУН: Тверезый Архип, Гуржий Пантелей, Кононенко Сергей, Станишевский Иван, Лысенко Григорий. Все они с приходом немцев заняли руководящие посты на селе, передавали гестапо советский и партизанский актив, угоняли в Германию молодежь, мобилизовали население для борьбы с РККА. Этой группой оуновцев было изъято у населения и передано немцам 114 тонн хлеба, 226 лошадей, 1279 коров, около 1200 овец, 640 свиней, 6700 птиц, 500 тонн молочных продуктов. Указанная группа ОУН насильно отправила в Германию 50 чел. и мобилизовала в «добровольческую армию» 240 чел. Они же помогли немцам арестовать и уничтожить более десяти местных

советских активистов [9, л. 2-3]. Активный член ОУН Челюк, служивший при немцах заведующим Ольгинской районной конторой «Заготскот», собирал продукты для немецкой армии и грабил население. После ареста Челюк на допросе каялся в своих грехах: «только сейчас я понял, что напрасно мы – украинские националисты так активно выслуживались перед немцами, насильно колонизировавших Украину и превративших украинцев в немощных рабов» [9, л. 3-4]. Подобные покаяния оуновцев вряд ли были искренними, ведь за годы оккупации они давно могли убедиться в реакционной и античеловеческой сущности германского фашизма, но продолжали служить оккупантам, помогая им грабить и уничтожать своих соотечественников.

Примечательно, что в Ольгинском районе украинские националисты создали достаточно большую инфраструктуру: почти в каждом селе работали «Просвиты» и даже после оккупации, согласно документам Сталинского обкома партии, «националисты продолжали свою гнусную работу». На 30 июня 1944 г. – очевидно в годовщину провозглашения ОУН профашистской «Украинской державы» во Львове 30 июня 1941 г. – группа националистов из 8 чел. готовилась к мятежу, был подготовлен план, листовки, но органы НКВД успели их репрессировать. Подобные группы имелись и в других районах области, как показывала работа следственных органов [7, л. 117]. По состоянию на лето 1943 г. органами НКВД были вскрыты и ликвидированы подпольные группы украинских националистов в восточных областях УССР, в том числе Сталинской, возникшие в период немецкой оккупации. Эти группы ОУН вели пропаганду среди местного украинского населения и готовили боевые кадры с целью «поднять вооруженное восстание против советской власти» [18, с.532]. Противостояние органов госбезопасности и бандеровского подполья на Западе и на Востоке УССР продолжалось до середины 1950-х годов. Как пишет А. Добровольский, последним членом ОУН в Донбассе можно считать пропагандиста М. Янковского, арестованного в г. Дзержинске в 1958 г. [12, с. 58]. К тому времени, конечно, никакого организованного националистического подполья в Донбассе уже не существовало.

Общая статистика репрессий членов ОУН по Донбассу была рассчитана В.Н. Никольским по материалам архивов СБУ. Из этих данных следует, что в 1944-1946 гг. НКГБ арестовало по УССР 27.532 чел. за связь с ОУН и националистическим подпольем, из них 80 оуновцев было арестовано в Сталинской области и 34 оуновца в Ворошиловградской области, что соответственно составляло 0, 3% и 0, 1% от общего числа репрессированных членов ОУН по УССР [17, с. 107-110]. При этом В.Н. Никольский констатирует, что согласно тогдашнему советскому законодательству украинских националистов привлекали к юридической ответственности как изменников Родины и пособников немецко-фашистских захватчиков [17, с. 119-121]. Примечательно также, что в 1943-1945 гг. по материалам органов госбезопасности УССР было осуждено на смерть только 2663 человека (около 5% от всего количества арестованных). Большинство коллаборационистов осудили на заключение в исправительно-трудовых лагерях [16, с. 229]. Подобное относительно мягкое наказания для нацистских пособников, очевидно, было продиктовано социально-

экономическими расчетами советского руководства, с целью использовать осужденных коллаборационистов для восстановления разрушенного войной хозяйства СССР. Однако с точки зрения элементарной справедливости подобный гуманизм к пособникам оккупантов был совершенно неуместен. Как свидетельствует статистика, в Сталинской области после оккупации осталось 1, 506 млн. чел., т.е. 44, 5% от численности населения в 1941 г. В Сталино (Донецке) из почти полумиллиона жителей осталось 175 тыс., в Мариуполе – около 85 тыс., в Макеевке – 15 тыс., в Артемовске – меньше половины. За 22 месяца оккупации в Сталино было убито более 100 тыс. и почти 130 тыс. чел. вывезено в Германию. Всего в Донбассе было убито и замучено от 349, 2 тыс. до 468 тыс. чел., вывезено в Германию от 324, 2 тыс. до 350 тыс. чел. [1, с. 46]. Все эти преступления против мирного населения Донбасса совершались гитлеровцами при непосредственном участии «украинской вспомогательной полиции» и коллаборационистов ОУН.

Итак, несмотря на активное распространение украинского коллаборационизма в Донбассе за счет резидентов ОУН из Западной Украины, и другие неблагоприятные обстоятельства гитлеровской оккупации, органы НКВД-НКГБ Сталинской области смогли осуществить агентурную разработку и последующую ликвидацию краевой инфраструктуры ОУН. При этом уничтожить бандеровское подполье в регионе удалось лишь после освобождения Донбасса РККА и вскрытия местного коллаборационистского контингента. Важнейшее значение в деле содействия оперативно-чекистским мероприятиям в Донбассе имела агентурная работа сотрудника Сталинского УНКВД-УНКГБ Романа Никитовича Головатого, который под легендой националиста «Дорошенко» провел глубинную разведку и разработку областного «провода» (штаба) ОУН. Разоблачение местных резидентов ОУН дало возможность органам госбезопасности организовать их массовую нейтрализацию в 1944-1946 гг. и предотвратить дальнейшую террористическую практику украинских националистов в Донбассе.

Список литературы:

1. Альфьоров М.А. Міграційні процеси та їх вплив на соціально-економічний розвиток Донбасу (1939-1959 рр.). Монографія. Донецьк, «Український культурологічний центр», Донецьке відділення Наукового товариства ім. Шевченка, 2008. 192 с.
2. ГА ДНР. Ф. Р-1652. Оп. 1. Д. 1. 14 л.
3. ГА ДНР. Ф. Р-1653. Оп. 1. Д. 1.
4. ГА ДНР. Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 7.
5. ГА ДНР. Ф. Р-1838.Оп. 1. Д. 31.
6. ГА ДНР. Ф. Р-1838.Оп. 1. Д. 43.
7. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 453.
8. ГА ДНР. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 74.
9. ГА ДНР. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 129.
10. ГА ДНР. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 137.
11. Герои невидимого фронта. Историко-документальные очерки. / Сост. И.И. Кулага. Донецк, «Промінь», 2007 . 400 с.

12. Добровольський О. Українське відродження на Донбасі в роки Другої світової війни // Діяльність підпілля ОУН на Сході України. Збірник статей. Дніпропетровськ, Східноукраїнський дослідницький центр «Спадщина», 2010. С. 50-68.

13. Добровольський Сашко.Оунівське підпілля Донеччини (1940-50 рр.). Режим доступа: http://nation.org.ua/articles/articles_33.html (дата обращения 14.04.2008).

14. Кулага И.И., Зуев В.В. Органы государственной безопасности в Донецкой области. Воспоминания. Факты. Документы. Донецк, Донецкая областная государственная администрация, Управления СБУ в Донецкой области, 2002. 400 с.

15. Лаврів П. Історія південно-східньої України. К., «Українська видавнича спілка», 1996. 208 с.

16. Нікольський В.М. Арешти та обвинувачення репресованих в УРСР у 1943-1945 рр.//Історичні і політологічні дослідження (Донецк). 2009. № 1. С. 226-230.

17. Нікольський В.М. Підпілля ОУН (б) у Донбасі. К., Інститут історії НАН України, 2001. 179 с.

18. НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939-1956). Сборник документов. / Сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. М., Объединенная редакция МВД России, 2008. 640 с.

19. Сергійчук В. Український здвиг. Наддніпрянщина. 1941-1955. К., «Українська видавнича спілка», 2005. 836 с.

20. Стахів Є. Останній молодогвардієць. К., «Варта», 2004. 494 с.

21. Сытник Е., Наконечный В. Под псевдонимом «Дорошенко». Историко-документальный очерк. Донецк, «Регион», 2002. 40 с.

22. Тарнавський І.С. Прояви колабораціонізму на Донеччині в роки Другої світової війни // Нові сторінки історії Донбасу. Збірник статей. Книга 13/14. Донецьк, ДонНУ, 2007. С.33-51.

23. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. В 2 т. Т. 1. 1939-1943. М., «Российская политическая энциклопедия», 2012. 878 с.

УДК 94(47).084.3

МЕЛЕШИН К. Ю. (Санкт-Петербург)
войсковая часть 44014

ФИЛЕРСКАЯ СЛУЖБА КРО ШТАБА ПЕТРОГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА НА СЛОМЕ ЭПОХ (1917-1918 ГГ.)

Аннотация: В статье, в том числе на основе архивных данных, рассматривается история преобразований и особенности работы Агентурного отдела Контрразведывательного отделения (отделения Военного контроля) штаба Петроградского военного округа в период с марта 1917 по декабрь 1918 года.

Ключевые слова: спецслужбы, военная контрразведка, Февральская революция, Октябрьская революция, Гражданская война.

MELESHIN K. Yu. (St. Petersburg)
Military unit 44014

FILER SERVICE OF KRO STABA PETROGRADSKOY MILITARY DISTRICT ON THE BASIS OF EPOCH (1917-1918 GG.)

Annotation: In the article, including on the basis of archival data, examines the history of reforms, and also features the work of the Intelligence division counterintelligence branch (Department of Military control) of the headquarters of the Petrograd military district in the period from March 1917 to December 1918.

Keywords: special services, military counterintelligence, the February revolution, the October revolution, Civil war.

После издания Временным правительством 11 марта 1917 г. постановления об упразднении Департамента полиции, выводе всех его чиновников за штат и образовании Особой комиссии по ликвидации дел политического характера и роспуска 19 марта 1917 г. ОКЖ, единственными подразделениями, осуществлявшими филерское (наружное наблюдение), остались Наблюдательные отделы в составе Контрразведывательных отделений (КРО). Однако и военная контрразведка подверглась реорганизации. При этом лицам, служившим в политической полиции (включая наблюдательных агентов), было запрещено служить в органах контрразведки. Это нанесло существенный ущерб отечественным органам контрразведки, так как из них были уволены многие высокопрофессиональные наблюдательные агенты (перешедшие из охранных отделений во время Первой мировой войны), а их место заняли неискушенные в наружном наблюдении новички. Так, в Петроградское КРО на должности младших наблюдательных агентов в марте 1917 г. набрали студентов Санкт-Петербургских высших учебных заведений [1, л. 68].

23 апреля 1917 г. было принято Временное положение о контрразведывательной службе во внутреннем районе, а 5 мая – Инструкция по организации

и осуществлению негласного наружного наблюдения за лицами, подозреваемыми в военном шпионстве. 2 мая 1917 г. Министром юстиции утверждается Временное положение о контрразведывательной службе на театре военных действий [10, с. 68-69].

К лету 1917 структура КРО штаба Петроградского военного округа была приведена в соответствие с указанными инструкцией и положением и выглядела следующим образом: в КРО было 6 столов (делопроизводств) и 2 отдела (агентурный, который состоял из негласных сотрудников наружного наблюдения (наблюдательных агентов), и цензурный, который занимался перлюстрацией корреспонденции и имел в своем составе химическую лабораторию для проявления тайнописи [1, л. 67об., 68, 71, 71об.].

Агентурный отдел размещался в том же здании на Воскресенской набережной, что и другие подразделения КРО, но имел отдельный вход и внутреннее сообщение с помещениями отделения. Когда по ходу разработки какого-либо дела необходимо было прибегнуть к помощи наблюдательной агентуры, то начальником того из столов КРО, следователю которого требовалась эта помощь, заведующему агентурным отделом подавалась служебная записка.

Заведующий ставил резолюцию об установлении наблюдения или производстве установки [1, л. 68]. Обязанности заведующего агентурным отделом заключались также в том, что он наблюдал за организацией работы по установлению наблюдения или производстве установки, а также следил, чтобы установки были произведены должным образом и по каждому лицу, попавшему в поле зрения агентов наружного наблюдения.

На нем же лежало распределение заданий на наблюдение между агентами, так как не каждому из них можно было поручить ту или иную работу. Кроме того, полагалось проверять работу младших агентов, так как не исключались ошибки с их стороны. Эта проверка производилась путем их тщательного опроса, из которого должно было выясниться, действительно ли агент наблюдал за порученным ему лицом или же нет. Заведующий агентурным отделом мог по собственной инициативе расширить рамки наблюдения либо прекратить наблюдение, если находил, что больше оно не нужно [1, л. 71об.].

По соглашению со старостой младших агентов наружного наблюдения, для организации и ведения наблюдения командировался наряд агентов. Каждый вечер они должны были докладывать о том, что сделано за день. Донесение печаталось на пишущей машинке; все отмеченные в нем новые лица, имевшие общение с наблюдаемым, подвергались обязательной установке.

Для этого заведующий агентурным отделом посылал уже не младших, а старших агентов, которые выполняли обязанности агентов для наведения справок и сведений и для установок лиц, взятых под наблюдение. Последние направлялись в адрес, где проживало то или иное лицо, проходившее по донесению, устанавливали его фамилию, документы, на основании которых он проживал, образ жизни, занятия, средства к существованию и т.п. Обо всем выясненном старшие агенты составляли рапорта, которые не включались в дневник наблюдения, но прилагались к нему, когда их передавали в тот или иной стол КРО по окончании наблюдения [1, л. 68, 71].

По данным А.Ф. Стародубцева, в 1917 г., в составе отдела наружного наблюдения КРО штаба Петроградского военного округа, из 100 филеров, 20, было агентами для наведения справок и сведений и для установок лиц, взятых под наблюдение [6, с. 81-98]. Учитывая, что исходя из оставшейся численности наблюдательных агентов одновременно работали примерно 60 чел., то есть под наблюдением в течение дня могло находиться от 10 до, максимум, 15 лиц, такое количество агентов для установки позволяло быстро и эффективно, проводить установку лиц, взятых под наблюдение.

Сотрудники агентурного отдела имели при себе несколько удостоверений. Одно из удостоверений гласило, что его предъявитель состоит на службе при штабе Петроградского военного округа, имеет право проживать на частной квартире в Петрограде и его окрестностях и носить штатское платье [2, л. 22]. Второе удостоверение запрещало подвергать аресту, задержанию или обыску его предъявителя [2, л. 25].

Весной 1917 г. КРО было переименовано в информационный отдел Военно-цензурного управления при штабе Петроградского военного округа [1, л. 215], а в январе 1918 г. – в отделение Военного контроля штаба Петроградского военного округа [2, л. 25]. Так как контрразведывательные органы армии не участвовали в политическом противостоянии февраля-октября 1917 г. (кроме эпизода установления наружного наблюдения за Троцким и Зиновьевым после июльских событий в Петрограде [1, л. 68об.]), то они достаточно благополучно пережили и Октябрьскую революцию, практически с тем же личным составом, прежде всего младшими служащими, включая сотрудников наружного наблюдения [2, л. 16-25].

Следует отметить, что даже внешний вид и содержание удостоверений сотрудников Отделения военного контроля штаба Петроградского военного округа остались без изменений. В отдельных случаях даже использовались старые бланки удостоверений, только на старый угловой штамп накладывался новый (например, на старый штамп, отпечатанный жирным шрифтом – «ШТАБЪ ПЕТРОГРАДСКАГО ВОЕННАГО ОКРУГА на театре военных действий» наложен новый, бледным – «Р.Ф.С.Р. ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ Петроградской Трудовой Коммуны» [2, л. 20]).

В течение 1918 г. военная контрразведка пережила ряд реорганизаций. В начале года на волне борьбы с «пережитками старого режима» было проведено резкое сокращение штатов штабов и учреждений старой армии, включая и подразделения военной контрразведки, что поставило ее на грань развала. Но уже в апреле, Высший Военный совет республики принял решение об укреплении контрразведки и воссоздании фронтовых и армейских контрразведывательных отделений [3, с. 101-103]. В Петрограде реорганизация отделения военного контроля имела свои особенности, связанные со спецификой строительства советской власти на Северо-Западе России. Необходимо отметить, что это позволило в целом сохранить старые кадры на протяжении всего существования органа военной контрразведки в Петрограде.

Приказом Наркомвоена № 71 от 22 января 1918 г. упразднялись военно-окружные советы - органы управления старых военных округов, их функции передавались военным отделам Советов. По инструкции Всероссийской коллегии по

организации и управлению РККА, опубликованной в январе 1918 г., на военные отделы возлагалось создание РККА и управление ею на местах[9, с. 157]. Так, Отделение военного контроля штаба Петроградского округа перешло в ведение военного отдела Петроградского совета – местного органа советской власти.

10 марта 1918 г. в связи с переездом советского правительства в Москву исполком Петроградского Совета принял решение о создании Совета комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны, провозглашенной на территории бывшей Петроградской губернии, в рамках поиска организационных форм создания РСФСР. В составе Совета комиссаров был создан Комиссариат по военным делам. Постановлением Петрогубисполкома от 4 апреля 1918 г., военный отдел Петросовета ликвидировался, а его функции передавались Комиссариату по военным делам Петроградской Трудовой Коммуны (ПТК) [7]. В результате этих пертурбаций у сугубо гражданского органа власти – СК ПТК, появился контрразведывательный орган, боровшийся со шпионажем.

На этом чехарда в подчиненности органа контрразведки в Петрограде не закончились. По плану, одобренному СНК РСФР, Высший военный совет приказом № 23 от 31 марта 1918 г. объявил о создании на европейской территории Республики шести военных округов: Беломорского, Московского, Орловского, Приволжского, Приуральского, Ярославского. На их формирование направлялись сохранившийся личный состав и имущество старых военных округов. С мая 1918 г. комиссар по военным делам ПТК был кроме Совета комиссаров ПТК параллельно подчинен Военному комиссару Ярославского военного округа, с переименованием в военного комиссара ПТК [8]. В результате Отделение военного контроля ПТК стало одновременно подчиняться, как органу советской власти на местах (Совету комиссаров ПТК), так и военным властям – штабу Ярославского военного округа (с сентября 1918 г. – штабу воссозданного Петроградского военного округа).

В конце мая 1918 г. при оперативном отделе Народного комиссариата по военным и морским делам создается отдел военного контроля, как специальный центральный орган по борьбе со шпионажем в армии. Через три месяца указанный отдел военного контроля был подчинен Реввоенсовету республики и к концу года имел периферийные органы на фронтах, в армиях и важнейших стратегических пунктах. Основным оперативным подразделением отделений военного контроля была Активная часть, которая вела агентурную работу и наружное наблюдение [3, с. 105-106].

Однако логика Гражданской войны, осложненной иностранной интервенцией, оказала на органы военной контрразведки свое отрицательное влияние. В связи с тем, что органы военного контроля, состоящие в основном из старых специалистов, были не в состоянии обеспечить выполнение возложенных на них задач по борьбе с внутренней контрреволюцией, в июле 1918 г. при отделе ВЧК по борьбе с контрреволюцией создается военный подотдел, который уже в ноябре 1918 г. реорганизуется в самостоятельный отдел, занимающийся контрразведывательной работой в армии.

Поводом к ликвидации самостоятельной структуры военной контрразведки послужило вскрытое Вологодской губЧК участие сотрудников Вологодского

отделения Военного контроля в переброске в Архангельск в распоряжение союзного командования англо-французских экспедиционных войск бывших офицеров царской армии [4, с. 156]. О результатах расследования было доложено председателю СНК В.И. Ленину. По мнению авторов доклада (М.С. Кедрова и А.Х. Артузова) причины измены крылись в классовом составе сотрудников отдела военного контроля – бывших офицеров [5, с. 80]. Результатом доклада стало решение о проведении ревизии органов военной контрразведки и последующем их слиянии с фронтовыми и армейскими ЧК [4, с. 157].

Данный процесс завершился 2 января 1919 г., когда представители ВЧК и РВСР пришли к соглашению о слиянии отдела военного контроля и его подразделений на местах (включая Активные части) с военным подотделом ВЧК и передаче объединенного контрразведывательного органа, получившего название Особый отдел, в ведение ВЧК [3, с. 134]. В соответствии с этим решением отделение Военного контроля штаба Петроградского военного округа было ликвидировано с передачей его функций (в том числе и ведение наружной разведки) особому отделу ЧК.

Таким образом, можно констатировать, что с октября 1917 г. по март 1918 г. подразделения наружной разведки (бывшие службы наружного (филерского) наблюдения) в органах безопасности Российской республики функционировали только в составе отделений Военного контроля, а с марта по декабрь 1918 г. 2 структуры подразделений наружной разведки существовали параллельно.

Список литературы:

1. Архив УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. Д-366-28 (т. 1).

2. Архив УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Д. Д-366-28 (т. 2).

3. Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М.: «Крафт+», 2004.

4. Кубасов А.Л. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918–февраль 1922 г.): монография. М., Вологда, 2008.

5. Пластилин В. Коммунист Кедров. Архангельск: Сев-Зап. кн. изд-во, 1969.

6. Стародубцев А.Ф. Портреты руководителей КРО ПетрВО (февраль–октябрь 1917 г.) по материалам АУ ФСБ РФ СПБ и ЛО / Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. VII. «Гороховая, 2». СПб, 2009.

7. ЦГА СПб. Ф. Р-144. Оп. 1–2. Д. 36.

8. ЦГА СПб. Ф. Р-5436. Оп. 1–4. Систематический каталог.

9. Центральный государственный архив Советской армии. В 2 т. Т. 1. Путеводитель. М.: 1991;

10. Шумилов А.Ю. Уроки истории нормативного регулирования оперативно-розыскной деятельности отечественных спецслужб // Исторические чтения на Лубянке 1997 год. Российские спецслужбы: история и современность. М. – Великий Новгород, 1999.

УДК 94(571.1) «1920/30»

ОЗЕРОВА О. А. (Омск)
Омский государственный педагогический университет

СОВМЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОГПУ-НКВД ПО СОЗДАНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ И АГЕНТУРНОЙ РАБОТЫ СРЕДИ ТЮРКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ С ПАРТИЙНЫМИ И СОВЕТСКИМИ ОРГАНАМИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ 1920-Х – 1930-Е ГГ.)

Аннотация: В статье рассматривается совместная политика органов государственной безопасности Западной Сибири (конец 1920-х – 1930-е гг.) с партийными и советскими организациями по созданию информационной и агентурной работы среди тюркского населения.

Ключевые слова: осведомитель, агент, донос, советская власть, спецслужбы.

OZEROVA O. A. (Omsk)
Omsk State Pedagogical University

JOINT ACTIVITY OF THE OGPU-NKVD ON CREATING INFORMATION AND AGENCY WORK AMONG THE TURKIC POPULATION WITH PARTY AND SOVIET ORGANS IN WESTERN SIBERIA (LATE 1920S-1930S)

Annotation: The article examines the joint policy of the state security agencies of Western Siberia (late 1920s-1930s) with party and Soviet organizations to create information and intelligence work among the Turkic population

Keywords: informer, agent, intelligence, Soviet power, special services.

Выполняя решения ЦК партии, взявшей курс «революция сверху» с января 1928 г., Сибкрайком ВКП(б) приступил к выполнению поставленной перед ним задачи. Первой крупномасштабной кампанией стала «чрезвычайщина». Против нее выступили зажиточные крестьяне, которых поддержала часть коммунистов. Для борьбы с ними партийные и советские органы стали создавать сеть информаторов и доносчиков. Доносительство стало считаться положительными поступками граждан. Кандидатуры выискивались среды беднейших слоев в аулах и деревнях края. Они сообщали властям о спрятанном хлебе, количестве не зарегистрированного скота, не сдаче мяса, масла и шерсти. С их помощью органами ОГПУ перехватывались караваны с зерном, следующие на рынок. 13 апреля 1929 г. из Москвы в Новосибирск на имя полномочного представителя ОГПУ СССР по Сибири Л.М. Заковского поступила телеграмма, подписанная заместителем председателя ОГПУ Г.Г. Ягодой и начальником отдела информационной службы ОГПУ Алексеевым, с требованием усиления информационно-агентурной работы [9, с. 199]. Она особенно проявилась при

проведении насильственных хлебозаготовок и раскулачивания в период сплошной коллективизации. Например, информаторам в качестве премии выдавалось часть хлеба, конфискованного во время обысков у одноаульцев. Более активную часть информаторов составляли члены партии и комсомола, веривших в непогрешимость ЦК ВКП(б) и правильность решений Запсибкрайкома ВКП(б), а поэтому считали доносы своим партийным долгом. Часть граждан, напуганных за свои судьбы и семьи, становились невольными доносчиками. Всё, что ими было увидено или услышано, противоречащее генеральной линии партии, от своих одноаульцев, они сообщали в аулсоветы, в партийные и комсомольские ячейки. В результате за ними устанавливался надзор. В конечном итоге «дело» передавалось в ОГПУ-НКВД, для которого нужен был лишь последний повод арестовать неблагонадежных лиц.

Так, на основании доносов, в которых говорилось об «антисоветских» высказываниях против политики Запсибкрайкома ВКП(б), «контрреволюционной агитации среди казахов за ослабление совхозов», призывах «скрывать беглых кулаков», было установлено негласное наблюдение за работником кирпичного завода г. Омска Темиром Ниязовым. Вскоре он был осужден по политической 58 статье УК РСФСР на пять лет лишения свободы с отбыванием в трудовых исправительных лагерях [1, с. 261–263]. По доносу был арестован Тимиров Макен, сеяльщик сельхозартели аула Саттыбай Таврического района Омской области. Доноситель также сообщал, что М. Тимиров подверг критике Советскую власть, которая «расстреливает безвинных людей, думая положить конец сопротивлению. Так или иначе, власть будет свергнута». Донос оказался роковым для Тимирова. 17 ноября 1937 г. по приговору тройки УНКВД по Омской области его расстреляли [4, с. 70]. Более десяти доносов было написано председателем Тельмановского сельсовета Исилькульского района на своих единоверцев. Например, в одном из них он сообщил, что Жунус Умурзаков, житель аула Кудьяр, на базарной площади в селе Исилькуль в октябре 1937 г. среди казахов «возводил контрреволюционную клевету на руководителей партии и государства». Несмотря на то, что Ж. Умурзаков своей вины не признал, тройка УНКВД по Омской области осудила его по политической статье 58 и приговорила к высшей мере наказания. [1, с. 326–327].

Успех следственного аппарата ОГПУ-НКВД во многом зависел от полученных сведений от информаторов и доносчиков, часть из которых была добровольцами, другая же состояла из тех, кто вынужден был согласиться. О напряженности в обществе в то время, создавшейся в результате доносительства, сказал в своих стихах поэт А.Т. Твардовский: «Предай в пути родного брата и друга лучшего тайком…». Так, на Кажимукана Мунайтпасова, казахского спортивного борца с мировым именем, победившего на международном турнире (1911 г.) японского чемпиона, награжденного орденом «Золотого льва и Солнца» принцем Персии за победу над персидским чемпионом, завоевавшего (до 1917 г.) 48 золотых, серебряных и бронзовых медалей, друга и соперника русского богатыря Ивана Поддубного, был написан донос. Автором его был приятель (фамилия в документе не указана) К. Мунайтпасова, знакомый ему с 1932 г. В доносе было сказано, что Кажимукан является членом партии «Алаш-

Орда» и во время одной из бесед он заявил, что «Алаш объединяет всех передовых казахов, борющихся за благополучную жизнь своего народа,… что нет такой партии, кроме Алаша, которая бы заботилась о казахском населении и если ты желаешь добра казахскому народу, то должен быть в этой организации». После этого доноса К. Мунайтпасов подвергся преследованию со стороны органов НКВД. Не дожидаясь ареста, он скрылся и долгое время был вынужден жить вдали от детей и внуков в ауле Чекментской области [1, с. 288–289].

Органы ОГПУ-НКВД использовали и работников средств массовой информации. В редакциях окружных и районных газет было увеличено число корреспондентов. Информация, поступавшая от читателей, передавалась ими в карательные органы. Например, газета «Красный Алтай» (Барнаульский округ) периодически сообщала, что полученные сведения редакция отправила ОКрКК или ОГПУ–НКВД [8]. Кроме этого, партийная и советская периодическая печать, особенно газеты «Правда» и «Известия», постоянно публиковали материалы о врагах народа, вредителях, призывая общество к бдительности. Такое подстрекательство ускорило складывание в обществе системы доносительства и взаимной слежки. В селе Айткулово Тарского района по доносам 11 ноября 1937 г. органами НКВД был арестован учитель школы С.А. Кучуков. В них говорилось, что он был сыном врага народа – лавочника, а также являлся вредителем, так как при строительстве школы «умышленно не проверил печи», в результате чего они «плохо обогревали помещение» [3, с. 424-427]. В Новосибирской области в Карасукском районе (Карасартовский сельсовет) 22 января 1938 г. по ложным доносам односельчан были арестованы Куйчубаев Авсыздык Жайлибаевич (аул Жана Курлыс) и Мажиров Амергали Макашевич.Тройка УНКВД Алтайского края приговорила их к 10 годам лишения свободы [6, с. 167, 185]. Был приговорен к 10 годам лишения свободы хакас М.А. Каштымов, гуртоправ из Октябрьского района (Хакасия), на основании доноса, сообщавшего, что он не донес властям о группе вооруженных людей, встретившихся ему в степи [10, с. 17].

Рано или поздно все тайное становится явным. Так, О. Даникеров узнал имя и фамилию написавшего ложные доносы на его отца, Даникерова Мустафу, уроженца аула Акпай Щербакульского района Омской области, которого по приговору тройки при УНКВД по 58 статье УК РСФСР расстреляли 20 ноября 1937 г. в Омске. Он сказал, что зла на этого человека не держит, так как «времена были такие,… что многие хотели угодить властям, выслужиться и тем самым обезопасить себя» [7]. Асхат Иноятов узнал, что на его деда Иноятова Сафара Аппасовича, уроженца деревни Рычапово (Тарский район Омской области), написал ложный донос односельчанин. Его арестовали 15 октября 1937 г. и по приговору Тройки при НКВД по Омской области расстреляли [2, с. 421]. В своих воспоминаниях Иноятов написал: «Человек рождается ни плохим, ни хорошим, добра и зла у него 50 на 50. Какая половина возобладает? Про человека, который уже в зрелом возрасте имеет больше «зла» говорят: «В него сатана вселился». Таким «сатаной» и был тот подлец-доносчик» [5].

В 1928-1938 гг. была сформирована мощная информационная сеть на основе доносительства, которая прошла три основных этапа: 1928-1930 гг.

(период чрезвычайных мер и насильственных хлебозаготовок), 1930-1932 гг. (раскулачивание в период сплошной коллективизации), 1937-1938 гг. (период «Большого террора» массовых репрессий). После прекращения действий «Большого террора» (1937-1938 гг.) роль информаторов и доносчиков в некоторой степени снизилась.

Список литературы:

1. Бескемпирова А. К. Боль и память. Петропавловск, 2007. 332 с.

2. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области. В 9 т. Т. 3. Омск : Кн. изд-во, 2001. 447 с.

3. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области. В 9 т. Т. 4. Омск : Кн. изд-во, 2001. 429 с.

4. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области. В 9 т. Т. 8. Омск : Кн. изд-во, 2002. 407 с.

5. Иноятов А. Переливы судьбы // Татарский мир. Омск, 2007. № 1.

6. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск : ИД «Сова», 2005. 436 с.

7. Коньков Ю. «Неке кыю» – испей чашу судьбы // Наша газета Шербакуль (Омская область). 2006. 29 марта.

8. Осина. Бюро ячейки окрОНО пассивно // Красный Алтай (Барнаул). 1929. 17 сентября.

9. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939. В 2 т. Т. 1. М. : РОССПЭН, 1999. 877 с.

10. Тугужекова В.Н, Карлов С.В. Репрессии в Хакасии. Абакан : Хакасский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 1998. 112 с.

УДК 93/94:322

ОЛИХОВ Д. В. (Омск)
Омская духовная семинария

ПРОПОВЕДНИЧЕСКО-ОСВЕДОМИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИБИРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Православная церковь включалась в политическую борьбу в период Гражданской войны, стремилась оказать серьезное влияние на характер и результаты проходивших в стране социальных процессов. Одной из главных задач церковной антибольшевистской борьбы в Сибири было противодействие партизанскому движению. Священники систематически давали информацию правительственным войскам о партизанских отрядах.

Ключевые слова: Русская православная церковь, духовенство, Гражданская война, Омск, партизаны.

OLIKHOV D. V. (Omsk)
Omsk Theological Seminary

PREHISTORY AND ENVIRONMENTAL ACTIVITY OF THE IBERIAN ORTHODOX SPIRITUALITY IN THE PERIOD OF CIVIL WAR

Annotation: The Orthodox Church was involved in the political struggle during the Civil war, sought to have a major impact on the nature and results held in the country's social processes. One of the main tasks of the Church of anti-Bolshevik struggles in Siberia was a counter-guerrilla movement. The priests were systematically provided information to government forces about the partisans.

Keywords: Russian Orthodox Church, clergy, Civil War, Omsk, partisans.

Деятельность Русской православной церкви (далее – РПЦ) неразрывно связана с историей российского общества, на каждом этапе существования которого она играла важную роль, утверждая непреходящие ценности и ориентиры духовного развития человека. Нередко церковь активно включалась в политическую борьбу, стремилась оказать серьезное влияние на характер и результаты проходивших в стране социальных процессов.

В условиях революции 1917 г. и Гражданской войны РПЦ переживала период кардинальных институциональных изменений и параллельно пыталась выстроить новую модель взаимоотношений с государственной властью. Эти тенденции своеобразно воплотились в жизнедеятельности церкви на территориях, подконтрольных Российскому правительству адмирала А. В. Колчака. В 1918–1920 гг. здесь действовало Временное высшее церковное управление

Сибири (далее – ВВЦУ), которое претендовало на всю полноту духовной власти над православными в восточных регионах страны.

Одной из главных задач церковной антибольшевистской борьбы в Сибири было противодействие партизанскому движению. Священники предавали анафеме партизан, именовали их «антихристами», сообщали властям о настроениях крестьян, подавали списки ушедших в партизанские отряды. По распоряжению ВВЦУ Сибири в епархиях организовывались дружины для защиты церквей и духовенства. Подобные отряды часто возглавляли сами священники, как, например, настоятели Усть-Тунгусской Спасской церкви Енисейского уезда и села Михайловское Каннского уезда [8, с. 78].

В условиях братоубийственной войны духовенство Сибири не оставалось в стороне от военных операций в тылу и часто принимало самое непосредственное участие в подавлении партизанского движения. Так, священник Тары Багинский возглавлял карательный отряд, расстреливавший восставших. Священник села Архангельское Семипалатинской губернии выдал казакам трех человек. Священник Данилов из села Фунтики (Алтай) провел в село правительственный отряд и указал место, где скрываются большевики, партизаны, которые были расстреляны. В селе Петропавловка Славгородского уезда местный священник и писарь встретили правительственный отряд колокольным звоном и вручили им списки партизан, которых затем расстреляли. Священник Меркулов вместе с карателями расстреливал бунтовщиков села Всесвятское. Вообще в воспоминаниях «красных» партизан Сибири и Дальнего Востока имеется немало материалов, показывающих, как православное духовенство оказывало всемерную помощь колчаковскому правительству в борьбе с волнениями в тылу [1].

По указанию штаба колчаковской армии ВВЦУ Сибири в июле 1919 г. направило во все епархии Сибири и Дальнего Востока циркуляр, обязывающий духовенство вести проповедническо-осведомительную работу [8, с. 79]. В епархиях Сибири были созданы осведомительные отделы при благочиниях. Они должны были собирать сведения о политических настроениях, принимать меры для подавления революционных выступлений, представлять командованию списки «неблагонадежных». В качестве иллюстрации данной темы можно привести так называемое «Дело Забайкальского епархиального совета» 1923 г. Оно было организовано органами ОГПУ уже после установления советской власти на территории всего Дальнего Востока. Газета «Дальневосточный край» в статье «Епископ и забайкальский епархиальный совет – семеновские контрразведчики» сообщала: «Местным отделом ГПУ арестованы епископ Софроний (бывший протоиерей Сергей Старков) и секретарь забайкальского епархиального совета Анатолий Попов. Арест вызван фактом участия Софрония и Попова в работе семеновской контрразведки. Софронию при аресте предъявлен был документ, подлинность которого ни он, ни секретарь епархиального совета не отрицают» [4]. На суде выяснилось, что в июле 1919 г. епископ Мелетий получил от Высшего временного церковного управления циркуляр, в котором во всех епархиях предписывалось организовывать проповеднические отряды для проведения работы среди населения и войск, распространение литературы, а

также развёртывание осведомительной работы. В специальном предписании Забайкальского епархиального совета, направленном всем священникам, говорилось: «…во исполнение резолюции его преосвященства… духовенству епархии оказывать помощь осведомительному отделу при военном штабе» [8, с. 79]. Кроме того, были организованы группы проповедников, разъезжающих по приходам, железнодорожным станциям, воинским частям, где они вели агитацию и собирали сведения о партизанах [8, с. 80].

Большевики учитывали возросшую пропагандистскую активность православной церкви и, исходя из этого, строили свою контрпропаганду. «Даже духовенство, – говорилось в листовке Омского комитета РКП(б) (август 1919 г.), – которое читает священные слова Евангелия о кротости, смирении, о помиловании врага своего, о любви и лучшие слова Христа “Взявший меч от меча и погибнет” – и оно превратило амвоны храмов в митинговые трибуны и ведет политическую пропаганду о посылке на фронт агитаторов» [2, с. 150].

Священники систематически давали информацию правительственным войскам о партизанских отрядах. Иеромонах Исидор, арестованный в 1919 г., имел удостоверение белогвардейского командования, предписывающее «способствовать брату, иеромонаху Исидору организовывать комитеты по истреблению богоотступников, осведомлять о расположении войск противника» [7, с. 49]. Гарнизонный священник Барнаула 17 января 1919 г. устроил в полковой церкви собеседование. После его речи некоторые выразили отрицательное отношение к утвердившемуся Российскому правительству адмирала А.В. Колчака. Через 3 дня свыше 20 солдат и 2 офицера были арестованы, 18 из них расстреляны. С другой стороны, и священники гибли от рук партизан. Так, восставшие крестьяне села Картузы Минусинского уезда в ноябре 1918 г. вместе с партизанами разгромили отряд атамана Шонина, расстреляв его соратника священника Щербакова, который с церковной колокольни стрелял по наступавшим повстанцам и расстреливал партизан. Отряд Щетинкина 22 января 1919 г. разгромил в селе Ново-Еловское правительственное соединение карателей, в его составе священник Н. Фокин играл руководящую роль, участвуя в допросах партизан [5, с. 12]. Благочинный 5-го участка Енисейской епархии Т.Е. Кузнецов был предан партизанскому суду и расстрелян за стрельбу с колокольни. Всего по епархии пострадало за вооруженную борьбу против партизан 6 священников [9, с. 78–79].

По справедливому мнению А.Н. Кашеварова, многие священнослужители, оказавшиеся на территориях, занятых «белыми» армиями, совсем не являлись убежденными сторонниками «белого» движения. Часть духовенства сочувствовала этому движению лишь потому, что «белая» власть была хотя бы формально «верующей», в отличие от «безбожной» советской власти, развернувшей гонения против религии [6, с. 354]. Местные священники были глубоко аполитичны и даже неспособны повлиять на политические настроения своей паствы. Среди духовенства также существовали, по воспоминаниям митрополита Вениамина (Федченкова), опасения (и не без основания), особенно усилившиеся к исходу «белого» движения, жестокой расправы за всякую поддержку «белых», за любые действия, выходившие за рамки обычной церковной

деятельности: специальные молебны для войск, участие в «белой» печати, произнесение «политически окрашенных проповедей», благословение вождей и т.п. Кроме того, многие архиереи, клирики и миряне бежали к «белым» не столько по своим политическим убеждениям, сколько вынужденно, спасаясь от «красного» террора и «ужасов чрезвычайки» [3, с. 356]. В то же время беженцы духовного звания, которых насчитывалось на Востоке до 3000 семейств, явились пассионарным резервом, наполнявшим ряды военного духовенства, организовывавшим деятельность братства святителя Гермогена и крестоносные дружины.

Список литературы:

1. Безбожник. 1933. № 10.
2. В борьбе с контрреволюцией: сб. док. материалов (1918–1919 гг.). Омск, 1959.
3. Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М.: Отчий дом, 1994.
4. Дальневосточный край. 1923. 10 февраля.
5. Енисейские епархиальные ведомости. 1919. № 1–2.
6. Кашеваров А.Н. Православная Российская церковь и Советское государство (1917–1922). М., 2005.
7. Парнищев А. Церковь, контрреволюция и гражданская война. М.; Л., 1930.
8. Флеров В.С. Контрреволюционная роль церковников и сектантов на Дальнем Востоке в 1918–1923 гг. // Ученые записки Томского Государственного университета. Томск. 1959. № 37. С. 71–133.
9. Эйнгорн И.Д. Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937 гг.). Томск: Изд-во Томского университета, 1982.

УДК 93/94+929.53

ПЕТИН Д. И. (Омск)
Исторический архив Омской области,
Омский государственный технический университет

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ДОКУМЕНТОВ ОРГАНОВ ВЧК–ГПУ–ОГПУ ПО ОСОБОМУ УЧЁТУ БЫВШИХ БЕЛЫХ

Аннотация: В работе представлен источниковедческий анализ документов, связанных с проведением особого учета бывших белых органами ВЧК–ОГПУ в 1920-е гг. Автор дает оценку информационного потенциала этого корпусу источников применительно к проведению исторических исследований.

Ключевые слова: советская власть, РККА, спецслужбы, белое движение, источники, генеалогия.

PETIN D. I. (Omsk)
Omsk State Technical University,
Historical archive of the Omsk region

TO THE QUESTION OF INFORMATION POTENTIAL DOCUMENTS OF THE BODIES OF THE VCHKH–GPU–OGPU ON SPECIAL ACCOUNTING OF THE EX–WHITE

Annotation: In this article, a source analysis of documents related to the special recording of the white organs of the VChK-OGPU in the 1920s is presented. The author assesses the information potential of this corps of sources in relation to the conduct of historical research.

Keywords: Soviet power, Red Army, special services, white movement, sources, genealogy.

Революционные события 1917 г. и Гражданская война, хотя и являются относительно непродолжительным хронологическим отрезком, но этот период повлиял на ход истории в общегосударственном масштабе. Пятилетие 1917-1922 гг. стало переломным моментом, фактическим расколом не только для российской государственности, но, прежде всего, для общества и отдельно взятых семей, граждан. В отношении «престижности» своих родовых истоков из-за смены государственно-политического строя также произошли перемены: период советской власти возвел на «пьедестал почета» сугубо рабоче-крестьянское происхождение. В течение семи десятков лет советского периода каким-либо образом упоминать о своем происхождении из дворян, офицерства, чиновничества, купечества, духовенства было в некой степени действием морально порицаемым, а в определенные времена – даже весьма опасным.

Но политические процессы, происходившие в нашей стране в течение последней четверти XX в. изменили взгляды и ценности общества. Это коснулось не только области отечественных исторических исследований, но и сферы интересов обывателя. За последние два десятилетия генеалогия в массовом сознании восстановила свое некогда утраченное качество: она стала одной из «здоровых» и правильных тенденций общества. И не случайно, что в наши дни мы наблюдаем всплеск «генеалогической активности». Ведь знать прошлое своей семьи (уже вне всякой зависимости от происхождения рода и различных коллизий минувших лет, коснувшихся семьи) в современном обществе, как и прежде, является правилом хорошего тона и показателем морально-нравственного развития гражданина.

За последние годы практическая генеалогия находит отражение в многочисленных научных изысканиях. Одновременно с этим данная сфера стала одним из направлений бизнеса или хобби отдельных лиц. Все это, так или иначе, указывает на востребованность подобного рода знаний в нашем обществе. В практике исследований по исторической биографии и генеалогии, связанных с дореволюционным обществом и людьми, посвятившими себя военной и гражданской службе, сложился определенный корпус используемых источников [6; 15; 18; 22]. Главным образом, в этом вопросе среди генеалогов широкое применение находят традиционные источники – послужные (формулярные) списки и актовые записи.

Всколыхнувшая российское общество Гражданская война и ее последствия создали для современных историков и генеалогов-практиков немало сложных поисковых задач. В годы самой войны большое число комплексов документов частично и полностью подверглась уничтожению. Позднее, в период массовых репрессий пострадали многие семейные архивы.

С целью организации комплексного хранения и использования документального наследия революции и Гражданской войны в 1920-е гг. имела место быть тенденция планомерной концентрации в Москве архивов несоветских бывших государственных образований (в 1918–1920 гг. существовавших в регионах) на базе Архива Октябрьской революции (ныне – ГАРФ). Также с середины 1920-х гг. стало производиться постепенное засекречивание документов. Первым шагом к тому стало создание внутри архивов секций политики и права (т.н. политсекций). Они имели охранительные функции по отношению к ретроспективной информации. Создание политсекций стало первым шагом по ограничению доступа к документам о персоналиях антибольшевистского движения. Включение архивной службы СССР в систему НКВД в 1938 г. означало, по сути, превращение архивов в закрытые учреждения. Даже вывод архивной отрасли из состава МВД в 1960 г. с передачей подчинения СМ СССР существенно не повлиял на открытость для исследователей фондов, связанных с Гражданской войной.

Перемены начались в конце 1980-х гг., когда переводу со специального (секретного) хранения в общий доступ в государственных и ведомственных архивах подверглись, в том числе, многие архивные документы, связанные с периодом Гражданской войны и ее персоналиями (главным образом,

с антибольшевистским движением), политикой советской власти в отношении бывших белогвардейцев в период и после окончания войны и т.п. Доступность некогда закрытой информации повлекла за собой большое количество запросов в архивы от граждан о родственниках – участниках антибольшевистского движения (офицерах, военных чиновниках, казаках и солдатах белой армии), или подвигло многих на самостоятельные поиски в читальных залах архивов, библиотек, тематических порталах, сайтах и форумах в сети Интернет.

Несмотря на то, что значительные комплексы документов, связанные с участниками Гражданской войны (прежде всего, с белогвардейцами) были переданы в Центр, в региональных архивах имеется значительный пласт информации о тех, кто воевал в антибольшевистском лагере. Причем, большой объем таковых сведений можно почерпнуть именно в документах советской власти, датируемых 1920-ми гг. По праву уникальное историческое наследие оставила деятельность органов государственной безопасности советского государства, связанная с проведением особого учета бывших белых.

В современном обществе распространено большое число мифов о Гражданской войне [14]. Одним из таких устоявшихся заблуждений является то, что не эмигрировавшие белогвардейцы в советской России были сразу же уничтожены. Но как показывает даже беглое знакомство с документами, огромная масса бывших белогвардейцев проживала в РСФСР–СССР, пытаясь встроиться в новую действительность. Подавляющее большинство этих людей в ходе боев или, умышленно дезертировав, попало в плен РККА. В этом отношении справедливо мнение И.В. Варзакова о том, что реальные враги советской власти либо погибли в Гражданскую войну, либо эмигрировали [7, с. 149]. Но бывшие белые для советской власти, хотя и были неблагонадежной прослойкой общества, но представляли существенный интерес для РККА и иных советских ведомств. В связи с этим они одновременно были объектом внимания и для органов государственной безопасности. Встраивание данной категории граждан в советское общество, привлечение их на службу в РККА и советские учреждения потребовало шагов упредительного и контролирующего характера. Этой мерой стал особый учет бывших белых, оставивший после себя отличающийся высокой информативностью военно-чекистский комплекс документов.

Обратимся к краткому экскурсу истории особого учета бывших белых. Изначально сам учет касался, в большей степени, практики армейской жизни. Его фактическое осуществление началось с лета 1919 г., но полное юридическое оформление эти мероприятия получили 4 сентября 1920 г., когда был издан известный приказ РВСР № 1728/326 / СС. Документ установил правила фильтрации, учета и использования в РККА бывших офицеров и военных чиновников. Однако в полной степени правовая основа положения бывших белых офицеров и военных чиновников была оформлена и узаконена на государственном уровне позднее. Это произошло 9 июля 1923 г. с выходом соответствующего постановления Президиума ВЦИК. Вплоть до этого момента регламентирующими документами относительно практики особого учета бывших белогвардейцев являлись приказы РВСР [3, с. 68].

На рубеже 1919–1920 гг. на территории Урала и Сибири, а также других регионов достаточно большое количество участников антибольшевистских вооруженных формирований попало или сознательно сдалось в плен частям РККА. В связи с этим, с конца 1920 г. учет бывших офицеров белой армии начал приобретать массовый, обязательный и систематический характер. Одной из ключевых задач, вставших тогда перед органами ВЧК в отношении представителей офицерства, стало проведение фильтрационных мероприятий с целью выявления наиболее активных участников антибольшевистского движения. Таковые лица отделялись от тех, кто был лоялен к советской власти, и куда менее потенциально опасен для нее [5, л. 93]. В начале 1920-х гг. работа органов государственной безопасности с бывшими белогвардейцами выделилась в одно из самостоятельных направлений деятельности [8, с. 126–146, 220–221]. В официальном делопроизводстве органов ВЧК–ОГПУ, связанном с ведением особого учета бывших белогвардейцев, даже появляется специальный термин (тяготеющий к профессиональному сленгу сотрудников органов государственной безопасности) – «особоучетник».

К середине 1920-х гг. значительная (относительно периода 1919–1922 гг.) часть бывших белых офицеров и военных чиновников были уволены из РККА или оставили военную стезю добровольно. Но многие из них продолжили службу в различных советских гражданских организациях и учреждениях. С точки зрения новой советской власти, даже относясь к ней лояльно, бывшие белогвардейцы были потенциально опасны, имея военный и организационный опыт, хозяйственные навыки, могли стать центральными фигурами в обществе, влиять на умы. Правящая партия считала их потенциальным источником контрреволюции, главной угрозой для молодого советского государства, поэтому они находились постоянно под пристальным наблюдением органов ГПУ–ОГПУ [21, с. 59].

В этот период органы государственной безопасности разграничили учет бывших белых на гласный и негласный. Гласный учет, который и оставил массовое документальное наследие, сводился к ограничениям в правах передвижения и периодической явке на отметку (регистрацию). Негласный учет сводился к наблюдению агентов и секретных сотрудников органов ГПУ-ОГПУ за бывшими белыми [9, с. 546].

Окончание активных боевых действий Гражданской войны и относительная стабилизация военно-политической обстановки внутри страны повлекли определенные изменения в отношении положения бывших офицеров и военных чиновников белых армий в советском обществе. В частности, постепенное снятие бывших белогвардейцев с особого учета началось в 1924 г., но в течение года это процесс не имел четкой регламентации. Приказ РВС СССР № 191 от 19 февраля 1925 г. снимал с особого учета всех бывших белогвардейцев, находящихся к этому моменту в рядах РККА и РККФ. Этот приказ вышел на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 11 февраля 1925 г. о снятии с особого учета некоторых категорий бывших белых офицеров и военных чиновников. В постановлении отмечалось, что бывшие офицеры и военные чиновники белых армий, перешедшие на сторону советской власти, в рядах РККА

и флота доказали свою преданность рабочему классу и Революции» в связи с чем снимаются с особого учета [9, с. 596; 20, с. 8].

Чуть позже, 19 марта 1925 г., и ОГПУ издало соответствующий циркуляр о порядке снятия с особого учета органов ОГПУ бывших офицеров и чиновников, служивших в белых армиях или проживавших на территории, занятой белогвардейцами. Циркуляр стал в некоторой степени «мерой оптимизации» оперативной работы чекистов. Документ рекомендовал проводить кампанию по снятию с учета бывших белогвардейцев с таким расчетом, чтобы «в итоге разгрузить особый учет от лишнего балласта, оставив на таковом только действительно вредный и враждебный советской власти элемент, активно участвовавший в белом движении и способный в дальнейшем проявить свою активность» [9, с. 596]. В этом же приказе отмечалось, что гласный особый учет в значительной степени потерял свою остроту в связи окончанием регистраций бывших белых во всесоюзном масштабе и изданием алфавитных сборников на бывших белых. Апогей кампании по снятию с особого учета пришелся именно на 1926 г.

Остановимся подробнее на документах особого учета бывших белых. Для его ведения приказом РВСР № 1728/326 / СС вводились 2 ключевых типовых документа – «анкета для бывших офицеров белых армий» и «именной список на бывших белых офицеров и военных чиновников». Оба документа имели вид строгого формализованного бланка.

Для исследовательской работы анкета является более содержательным источником, поэтому уделим ей особое внимание. Как видно из работы с архивными фондами, большая часть анкет произведена типографским способом в табличном виде на 4 страницах (2 листах). Не столь часто, но есть аналогичные бланки, исполненные машинописью или рукописно (зачастую с размещением содержания анкеты в 1 лист с обеих сторон).

Бывший белогвардеец, проходя анкетирование, должен был ответить на 38 вопросов. Заполнялся опросник собственноручно. Не столь часто можно видеть заполнение анкеты машинописным образом, что в единичных случаях объясняется физическим нездоровьем «особоучетника» вследствие перенесенных им заболеваний, полученных ранений и травм (анкетируемый в документе это оговаривал).

Большая часть опросника была посвящена изучению личности бывшего белого в разные периоды его биографии. Значительная часть вопросов анкеты затрагивала аспекты военной службы и квалификации бывшего офицера. Это его образование, характер бытности в 1905–1907 гг., 1914–1917 гг., в период с февраля по октябрь 1917 г. Часть анкеты имела нескрываемую политическую направленность: о месте и роде занятий в момент революций 1905 г. и 1917 г., отношение к Октябрьской революции, к советской власти, характере политических настроений на момент заполнения анкеты. Вопросы анкеты касались также родителей, братьев и сестер. Особый интерес здесь имел род занятий родственников анкетируемого лица.

Но как видно, опросник имел явное оперативное значение в изучении личности «особоучетника». Подобного рода «формализованные бланки»

по учету бывших офицеров белой армии, каковыми были анкеты, не содержали «праздных» вопросов, диктуемых простым любопытством. Все вопросы имели вполне конкретное и прикладное значение. Так, интересуясь, уроженцем какой области был бывший белый офицер, советская власть хотела избежать его назначения в этой местности, опасаясь наличия или возникновения у него связей. Руководствуясь этим же опасением, советское военное руководство изначально не назначало бывших белых офицеров в места их пленения или добровольной сдачи, в места постоянного жительства [13, с. 128]. Причем даже небольшое расхождение сведений в анкете могли стать причиной задержания «особоучетника» органами ВЧК–ОГПУ с целью полной проверки его личности [16, с. 128].

Но здесь стоит отметить, что вопрос оценки качества составления анкеты для бывших офицеров белой армии с точки зрения практики социологического знания пока еще ждет своего исследователя.

Документы по ведению особого учета бывших белых уникальны по своей источниковой природе. Они – политическое «зеркало» эпохи. Но эти источники личного происхождения имеют свою специфику. Во-первых, они несут субъективную оценку событий, данную авторами документа. Во-вторых, очевидна сложность верификации заключенной в них автобиографической или исторической информации, которая может быть не раскрыта в полной мере (или даже вовсе искажена) автором документа в угоду обстановке создания документа, каких-либо довлеющих причин и обстоятельств. И.В. Варзаков, говоря об анкетах, справедливо высказывается: «советские органы внимательно изучали политический облик своих вчерашних противников – этому посвящен целый ряд вопросов анкеты. В силу понятных причин бывшие офицеры старались показать свою лояльность к новой власти, как правило, указывая, что отнеслись к Октябрьской революции сочувственно» [7, с. 149].

На основании этого тезиса, извлекая из документов историко-биографическую (генеалогическую) информацию, следует помнить, что дабы избежать потенциального преследования со стороны органов ВЧК–ОГПУ, дистанцироваться от антибольшевистского движения и нивелировать свою принадлежность к части общества, враждебной советской власти, многие бывшие белые офицеры и военные чиновники старались скрыть отдельные факты служебной биографии. Так, бывшие белогвардейцы часто акцентировали, что в боевых действиях участия они не принимали, занижая свои чины, не указывая о фактах получения наград (особенно боевых) за период Гражданской войны. Зачастую в анкетах респонденты подчеркивали, что в белой армии занимались «невоенной» или «небоевой» работой [1, с. 59; 2, с. 47; 15, с. 307; 7, с. 149; 10, с. 293–294; 12, с. 222-223; 16, с. 122–123; 17, с. 283–284]. К особо тщательно скрываемым бывшими белыми сведениям относились служба в жандармерии, контрразведке, участие в подавлении восстаний местного населения против антибольшевистских властей. Это поведение было объяснимо: за такую службу в белой армии респондентов ждал суд и приговор вплоть до высшей меры наказания.

Военнослужащие, пониженные в чине в белой армии, либо вообще разжалованные из офицеров за какие-либо нарушения и проступки, старались ка-

тегорично подчеркнуть для советской власти подобные факты своей служебной биографии. Некоторые лица, исполнявшие обязанности офицера по должности, но имевшие внетабельный воинский чин (портупей-юнкер или зауряд-прапорщик), стремились указать, что формально они офицерами не являются.

Но все-таки, если на вопросы, касающиеся личных данных и военной службы, сказать неправду было достаточно сложно, то верифицировать ответы на вопросы идейного характера было достаточно проблематично в силу специфики самого вопроса о политических убеждениях. Из анализа текстов анкет видно, что ответ на «политический блок» вопросов был закономерно клишированным: бывшими белогвардейцами сухо и однозначно отрицалось членство в партиях, отношение к советской власти называлось «лояльным», «одобрительным», к революции – «сочувственным». Были и те, кто, ссылаясь на собственную политическую безграмотность или неосведомленность, указывал на то, что «не осознал сути» революционных событий 1917 г. В отношении советского строя указывались тенденциозные формулировки на подобие: «с известными мне декретами советской власти согласен», «служу советскому правительству», «сочувствую заданиям советского правительства в деле укрепления СССР», «к партии не принадлежу, но считаю себя марксистом» и т.п.

К анкете «особоучетника» часто прилагалась краткая записка о его службе, представлявшая собой сокращенный вариант послужного списка. Краткая записка содержит исключительно сведения, связанные с прохождением военной службы, и во многом дублирует сведения анкеты.

Другой обязательной формой учета, закрепленной приказом РВСР № 1728/326 / СС, был именной список на бывших белых офицеров и военных чиновников (состоящих на службе в учреждении, организации, подразделении и т.п.). Он имел такие разделы, как фамилия, имя, отчество, место рождения, бывший чин, наименование белой армии (А.В. Колчака, А.И. Деникина и т.д.), в которой служил офицер или военный чиновник, род войск («род оружия»), сведения, откуда прибыл «особоучетник», полученное им назначение или причины перемещения. В некоторых случаях списки содержат дополнительные резолюции органов власти или пометы составителей документа, что может быть ценной информацией при поиске сведений о судьбе «особоучетника».

Помимо форм, введенных указанным выше приказом РВСР, существовал еще один документ учета всего военнообязанного населения, в том числе, и бывших офицеров и военных чиновников белых армий – это послужной список. Его форма была закреплена во «Временном руководстве по учету и призыву лиц командного состава и административно-хозяйственной службы» (в § 24 г.) приказом РВСР № 1947 от 20 ноября 1919 г. [19, с. 6]. Послужной список составлялся на уволенных или демобилизованных лиц и отправлялся в губвоенкомат, по району, где увольняемый подлежал первоначальному учету. Последней записей в нем должна была быть отметка о том, каким приказом РВСР бывший офицер был уволен со службы.

Для удобства использования сотрудниками военкоматов на титульных листах послужных списков лиц, состоявших на особом учете, наряду с другими отметками, делалось специальное маркирование в виде небольшого штампа-

надписи «состоит на особом учете быв.[ших] белых». Анкета и послужной список должны были сопровождать бывшего белого офицера при всех его дальнейших перемещениях (в том числе, и по гражданской сфере). Эти документы посылались в военкоматы по новому месту жительства, но не через самих лиц, а почтой и обязательно секретным порядком [13, с. 128].

Другим массовым и разнообразным по содержанию источником, стали материалы делопроизводства, связанные особым учетом. Это, своего рода, «следствие» проведения органами ВЧК–ОГПУ учетной политики в отношении бывших белых. Сложностью для ведения исследований, выявления и научной атрибуции персоналий в указанной переписке является специфика делопроизводства 1920-х гг. (например, отсутствие инициалов при указании лица). Негативную роль сыграл здесь и пресловутый «человеческий фактор». В переписке (как и в списках) в отношении «особоучетников» делопроизводителями ВЧК–ОГПУ и других ведомств допускались неточности, искажений, ошибки.

Также в некоторых именных списках (реже в материалах делопроизводства) можно встретить примеры, когда вместо воинского или классного чина «особоучётника» указана краткая информация, позволяющая определить лишь его принадлежность к командно-административной категории военнослужащих. В частности, могла быть приведена последняя должность в белой армии (например, «старший адъютант полка», «младший офицер», «взводный офицер», «квартирмейстер полка», «полковой казначей», «оружейный техник» и т.п.) либо некая обобщённая формулировка на подобие «офицер старой и белой армии», «военный чиновник», «офицер военного времени». Тем не менее, проводя историко-биографические (генеалогические) исследования надо учитывать весь документальный массив. Ведь в ряде случаев даже «вторичная» по степени происхождения переписка может содержать важные пометы, резолюции.

В региональных архивах нашей страны документы особого учета бывших белых отложились в фондах различных военных и гражданских учреждений и организаций. Но, преимущественно, анкеты и списки бывших белых содержатся в документации по личному составу, а также в переписке, связанной с мобилизаций (демобилизацией) специалистов, изучением политической благонадежности сотрудников советских организаций и учреждений органами ВЧК–ОГПУ, розыском дезертиров и др.

Особенностью физической сохранности части документов особого учета бывших белых (особенно списков), является то, что из-за плохого качества писчей бумаги и чернил, а также неразборчивого почерка делопроизводителей существенное количество данных документов имеет угасающий текст и в связи с этим читается с большим трудом. Отдельные списки или их фрагменты имеют настолько сильно угасший текст, что уже не читаются абсолютно (а, следовательно, по этой причине их невозможно было использовать) и, несмотря на фактическую физическую сохранность архивного дела, их, к сожалению, уже можно считать утраченными источниками.

Система учета бывших белых, инициированная для своих нужд советской властью через органы ВЧК–ОГПУ, оставила большое по своему объему и цен-

ности историко-документальное наследие. Эти свидетельства прошлого, являясь содержательным материалом для практической генеалогии, могут также продемонстрировать особенности процесса адаптации «антисоветского элемента» в течение первых десятилетий после окончания Гражданской войны, многократно подтверждая особую остроту этого вопроса на практике.

В отношении многих участников антибольшевистского движения, живших в СССР, советская военно-учетная документация 1920-х гг. имеет непосредственную связь с учетными и следственными документами органов государственной безопасности конца 1920-х–1930-х гг. Для начала стоит оговориться, что на «особоучетника» заводилось учетно-проверочное (личное) дело. Основу дела составляли анкета, регистрационная карточка, постановление о снятии с особого учета (если оно происходило), справки, переписка и иные документы такого рода.

Следует упомянуть и об одном трагическом совпадении, связанном с этими документами. С долей вероятности можно утверждать, что в 1930-е гг. наработки особого учета бывших белых (в ключе антибольшевистской службы «особоучетников») могли быть использованы органами ОГПУ–НКВД при проведении репрессивной политики [11, с. 269]. А как видно из материалов архивного уголовного дела в отношении бывшего военного топографа, капитана РИА М.М. Поспеева (1870–1937 гг.) (расстрелян в Омске по делу о подпольной офицерской организации во главе с бывшим генерал-майором армии Колчака Н.Н. Артамоновым), в конце 1950-х гг. эти же документы (в контексте службы «особоучетников» на благо советской власти) в форме архивных справок могли задействоваться органами советского правосудия в ходе реабилитации жертв «Большого террора» [4, л. 391об.].

Подводя итоги исследования, стоит сказать, что тезисом о документальных связях военных и чекистских документов необходимо руководствоваться исследователям (особенно при проведении историко-биографических и генеалогических изысканий). Ведь бесспорно, что оба документальных массива документов, связанные как с ведением особого учета, так и с политическими процессами, репрезентативны и по праву уникальны с точки зрения своей информативности.

Список литературы:

1. Абинякин Р.М. Бывшие офицеры в военных комиссариатах Орловской губернии в 1919–1923 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. № 3. Ч. 1. С. 57–65.

2. Абинякин Р.М. Настроения бывших офицеров на службе РККА в 1920–1930-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4. С. 47–52.

3. Абинякин Р.М. Особый учет бывших белых офицеров в советской России и СССР в 1920-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. № 3-1. С. 66-75.

4. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П–5226. Т. 7.

5. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 87. Д. 10.

6. Аршакян М.А. Формулярные списки служащих и рабочих Алтайского (горного) округа XIX – начала XX в. как исторический источник. Дисс. … канд. ист. наук. АлтГУ: 07.00.09. Барнаул, 2010. 286 с.

7. Варзаков И.В. Военная интеллигенция в белой борьбе на восточном фронте: штрихи к портрету // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1. С. 130–150.

8. Василевский В.П., Сушко А.В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: ОмГТУ. 280 с.

9. Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. 800 с.

10. Петин Д.И. Всеволод Оссовский: бывший белый офицер в советской России // Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 288–306.

11. Петин Д.И. Обзор фондов Исторического архива Омской области о личном составе белой армии // Военно-образовательные учреждения: история, современность, вклад в науку и культуру: материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию Омского кадетского корпуса (Омск, 16 мая 2013 г.): в 2 т. / отв. ред.: Д.А. Алисов, О.В. Гефнер, В.Л. Кожевин, Н.А. Томилов. Омск, 2013. Т. 2. С. 266–269.

12. Петин Д.И., Ефремова Ю.Н. Источниковый потенциал семейных архивов в реконструкции биографии и генеалогии участника Гражданской войны. На примере архива семьи Абрамовых. Первая половина XX в. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 217-231.

13. Петин Д.И., Коновалова Н.А. Бывшие белые офицеры в зеркале массовых документов первых лет советской власти // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: материалы Всероссийской научно–практической конференции (Омск, 12–13 ноября 2014 года) / Под ред. Д.И. Петина. Омск: Амфора, 2015. С. 125–131.

14. Петин Д.И., Стельмак М.М. «Сибирь, союзники и Колчак». Восприятие военно-революционного периода 1917-1922 гг. современным обществом (В рамках работы Центра изучения истории Гражданской войны) // Гражданская война в России (1917-1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16-17 июня 2016 г.) / глав. ред. Д.А. Алисов, Ю.А. Закунов; отв. ред. О.В. Гефнер, И.А. Селезнева. М.: «Институт наследия», 2016. С. 340-345.

15. Петин Д.И. Биографические источники в практической генеалогии: на примере судьбы кадрового офицера русской императорской армии П.П. Мозера // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 294-312.

16. Петин Д.И. Николай Рогозин: офицер–деникинец в условиях советской России // Вестник архивиста. 2017. № 1. С. 114–138.

17. Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал–майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 274–300.

18. Рындин И.Ж. Послужные списки дворян как источник по военной и статской службе рязанского дворянства // Российский научный журнал. 2013. № 2. С. 5-8.

19. Сборник приказов РВСР за 1919 г. № 1947. Ч. 2. Июнь-декабрь 1919 г. 48 с.

20. Тинченко Я. Книга истребленного генофонда Украины // Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. В 4 т. Т. 1. Харьков, 2011. С. 3–20.

21. Ченская Т.В. Бывшие белые офицеры, состоящие на особом учете в Орловском губернском отделении ОГПУ // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 58-61.

22. Шульга Т.В. Документы Государственного архива Томской области, содержащие биографическую информацию об участниках Первой мировой войны // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 292-302.

УДК 94(438).081

ПЕТРЕНКО А. А. (Познань, Польша)
Университет им. Адама Мицкевича

ДИВЕРСИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ СПЕЦСЛУЖБ НА БЕЛОРУССКОМ ОТРЕЗКЕ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В 1921-1925 ГГ. ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ВОПРОСЫ

Аннотация: Дан краткий очерк истории диверсионной деятельности советских спецслужб на белорусском отрезке польско-советского пограничья в 1921-1925 гг., а также приведён основной ряд трудных и малоисследованных вопросов, связанных с данной проблематикой.

Ключевые слова: диверсия, партизанское движение, спецслужбы, советско-польские отношения, коммунистическое движение.

PETRENKO A. A. (Poznań, Poland)
Adam Mickiewicz University

DIVERSIONARY ACTIVITY OF THE SOVIET INTELLIGENCE SERVICES ON THE BELARUSIAN PIECE OF THE SOVIET-POLISH BORDER IN 1921-1925. MAIN RESEARCH QUESTIONS

Annotation: The main goal of this article is a short sketch of history of diversionary activity of the Soviet intelligence services on the Belarusian piece of the Polish-Soviet border. Also, this research content a number of difficult and unstudied questions of this scientific topic.

Keywords: diversion, partisan movements, special serves, Soviet-Polish relations, communistic movement.

После окончания Советско-польской войны и подписания мирного договора в Риге 18 марта 1921 г. советско-польские отношения вышли на новый уровень. Несмотря на положение договора об отказе в поддержке и создании организаций, «имеющих целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной» [4, с. 164], Польша, а в равной степени и Советская Россия, продолжали накапливать на пограничье вооруженные отряды, занимавшиеся диверсионно-подрывной деятельностью на территориях соседних государств. Если на территории Польши сохранялись части антисоветских армий С.П. Петлюры, Б.С. Пермикина, С.Н. Булак-Балаховича и Б.В. Савинкова, а также отделения белорусских повстанцев, проводивших налеты на советскую территорию [24, 26], то с советской стороны для подобных целей формировались диверсионно-партизанские отряды, подконтрольные советским спецслужбам. Можно выделить несколько причин заинтересованности в этом советского руководства.

Во-первых, большевики не отказались от планов разжигания мировой революции. Основная надежда возлагалась на западные индустриально развитые страны, прежде всего Германию. Основным препятствием на пути к немецкому пролетариату оставалось молодое польское государство, правительство которого было крайне враждебно настроено к восточному соседу, особенно после событий Советско-польской войны, когда Польша была на грани потери независимости.

Во-вторых, руководство РКП(б) и СНК трактовало утерянные западные территории Украины и Белоруссии как временно оккупированные и надеялось в будущем вернуть белорусское и украинское население в состав национальных советских республик. Но эти планы в 1920-е гг. являлись неосуществимыми по причине того, что РККА была слаба для нового освободительного похода. К этому стоит добавить плохое экономическое положение внутри страны [13, с. 139; 36, с. 96]. Поэтому скрытая подрывная деятельность была единственной возможностью действовать в данном направлении.

В-третьих, советское правительство использовало белорусскую и украинскую карты в политической игре на международной арене. По мнению польского историка Войцеха Влодаркевича, непризнание восточной границы Польши международным сообществом в первые годы после Рижского мира открывало поле для ее пересмотра [36, с. 93]. В свою очередь, советская дипломатия, выступая защитником интересов указанных национальных меньшинств, умело распоряжалась этими картами, и оказывала давление на польское правительство в вопросах соблюдения прав украинцев и белорусов, а помогали этому случаи крестьянского недовольства и наличие партизанского движения на восточных окраинах Польши, что являлось главным доказательством правоты советской стороны.

В-четвертых, Польша после Рижского мира оставалась эвентуальным противником № 1. Вероятность начала новых военных действий оставалась реальной [12]. В подобных условиях советское командование обращалось к превентивным мерам, которые могли бы ослабить военный потенциал Польши [35, с. 17, 58].

Для современных историков существует ряд вопросов, связанных с указанной проблематикой, которые являются не до конца исследованными**.** Данная работа ставит своей задачей, используя наработанный историками материал, обозначить основные наиболее трудные вопросы в исследовании подрывной деятельности советских спецслужб на северо-восточных окраинах II Речи Посполитой.

Советское военное командование обратилось к методам партизанской войны еще в 1919 г., когда польские войска заняли часть белорусской территории. Белорусские антипольские партизаны проявляли свою активность в течение всего периода советско-польской войны. Обладая определенной степенью самостоятельности, они, все же, были тесно связаны с советским руководством. По мнению исследователя польских спецслужб А. Пеплонского, партизаны были полностью подконтрольны штабу Западного фронта в Смоленске [33, с. 281], который отдавал приказы, а также снабжал бойцов оружием, боеприпаса-

ми и деньгами [22, с. 37;33, с. 281]. Военную подготовку партизан часто проводили специально присланные инструкторы [34, с. 161]. Партизаны нападали на мелкие группы солдат Войска Польского, обозы, склады, взрывали мосты, переправы и т.п. Отдельно партизанами проводился сбор разведывательной информации для командования РККА.

После окончательного завершения боевых действий на советско-польском фронте, созданные в 1919-1920 гг. партизанско-диверсионные структуры не прекратили своей деятельности и продолжили функционировать в изменившихся условиях.

Существует необходимость более подробного исследования роли советских специальных служб в этих событиях. В частности, Разведывательного управления штаба РККА (далее – Разведупр), Иностранного Отдела ГПУ-ОГПУ, а также Коммунистического интернационала. Эти три структуры, по мнению российских историков И.Б. Линдера и И.Б. Чуркина, в конце 1921 г. тесно переплелись в разведывательной и диверсионной работе за границей [10; 11, с. 92;]. Однако, существует ряд вопросов, на которые исследователи пока не нашли ответов. Прежде всего, не понятна отдельная роль каждого из перечисленных ведомств, и не прослежены пути взаимодействия и уровни ответственности каждого из них.

Отдельно стоит упомянуть еще об одной структуре – Нелегальной Военной Организации (далее – НВО), о которой пишут некоторые российские историки. Она, как пишет А. Север, была организована еще в конце 1919 г. для ведения диверсионно-разведывательной деятельности в тылу поляков и продолжала выполнять свои функции после 1921 г. [23, с. 99-100]. К сожалению, работа А. Севера не имеет очевидной источниковой базы, что не позволяет полностью довериться приведенным данным и углубиться в историю этой организации. Подобные недостатки имеет и работа А. Колпакиди и Д. Прохорова «Империя ГРУ: очерки истории российской военной разведки», в которой также можно встретить сведения о НВО [9, 108-109].

Тем не менее, известно, что с 1921 г. на всем польско-советском пограничье начали формироваться специальные диверсионные структуры. Белорусский отрезок был только частью широкой диверсионной активности спецслужб против враждебных Советской России Польши и Румынии [7, с. 171]. Граница делилась на ударные участки, на каждом из них действовали определенные партизанско-диверсионные отряды [8, с. 198]. Вся их деятельность была подконтрольна пограничным отделениям ГПУ [31, с. 312].

Главной их целью было проведение диверсионных атак на польскую территорию для внесения дестабилизации в работу местной польской администрации, а также в целом провоцирования местного белорусского населения на борьбу с польским присутствием. Основным костяком этих отрядов были жители приграничных территорий, хорошо знающие местность и наиболее удобные места для перехода на польскую сторону, а также имеющие там родственников или иные связи [17, с. 1; 20, с. 3]. Диверсионные отряды часто пополнялись также дезертирами Войска Польского и польских пограничных формирований [17 с. 11, 18, 58, 62, 94].

Подготовка бойцов велась на специальных курсах, которыми руководили подготовленные в разных городах советской Белоруссии специалисты [31, с. 312; 30, с. 70; 21, с. 201].Эти же специалисты высылались на польскую территорию для организации повстанческих отрядов уже на местах [18, с. 86]. Вопрос об этих школах, а в равной степени и вопрос об этих специалистах, мало исследован в литературе по нашей теме, что оставляет пространство для углубления в проблематику.

Целями диверсий были объекты политической и хозяйственной инфраструктуры польской администрации, а также ее представители или сторонники. Неотъемлемой частью боевой деятельности партизан были грабежи [16, с. 14; 17, с. 6]. Диверсии проводились чаще всего недалеко от границы, обеспечивая успешный отход диверсантов на советскую территорию. Как, например, это случилось после громкого нападения на местечко Столбцы с 3 на 4 августа 1924 г. В результате нападения было убито 11 чел., в большинстве своем полицейских, и похищено большое количество имущества и денег [19, с. 23]. Из столбецкой тюрьмы были освобождены видные деятели Компартии Западной Белоруссии (далее – КПЗБ): Логинович (П. Корчик) – секретарь партии и Мертес (С. Скульский) [25, с. 50-51].

Не находит должного отражения в литературе роль этой партии в исследуемых событиях. Как составная часть Коммунистической партии Польши, а значит подконтрольная Коминтерну, КПЗБ после второго съезда в ноябре 1924 г. взяла курс на поднятие вооруженного восстания и отделение белорусских земель от Польского государства [3, с. 46]. Помимо того, что КПЗБ вела мощную агитацию среди белорусского населения, она налаживала контакт с уже действующими боевыми группами, а также создавала новые партизанские и террористические отделения. Бойцы известного партизанского командира С. Ваупшасова – агента Разведупра [1, с. 176], поддерживали связь с КПЗБ, отправляли отчеты и получали директивы [2, с. 291].Также известно, что диверсионно-подпольная организация в Пружанском уезде имела связи с комитетом КПЗБ в Бресте [20, с. 355]. Кроме этого, в задачи компартии входило проведение разносторонней разведки [8, с. 214]. Однако, проследить более конкретные связи представителей этой компартии с реально действующими партизанами-диверсантами, или обнаружить примеры боевых групп, организованных непосредственно функционерами партии, не удается, что является следующей задачей для исследователей.

Кроме этого, стоит отметить, что с 1920 г. на территории Виленщины и Гродненщины или же т.н. Срединной Литвы (далее – СЛ) – только формально независимого государства, а по сути являвшегося частью Польши, действовали иные партизанские формирования, организованные Литовским генеральным штабом [32, с. 111]. Наравне с литовцами в работу были включены представители белорусского несоветского национального лагеря. Литовская сторона обеспечивала подпольщиков всеми необходимыми материалами для подрывной деятельности, а также деньгами [14, с. 82-83]. Политическое руководство белорусскими структурами осуществляло республиканское правительство В. Ластовского, находящегося в союзе с правительством Литвы. Для последнего бы-

ло принципиально важно показать недовольство литовского и белорусского населения СЛ польскими порядками и склонить мировую общественность к давлению на Польшу и возможному возвращению территорий древней столицы в состав Литвы.

Руководителем всей диверсионной деятельности белорусских подпольщиков был атаман Разумович «Хмара», ему подчинялись другие партизанские вожаки: Иван Грицук «Черт», Шиманюк «Скоморох» и др. До 1923 г. партизаны активно действовали в окрестностях Вильно, Гродно и Белостока, проводили подготовительную работу для антипольского восстания. Но к марту 1923 г. стало понятно, что территории СЛ окончательно закрепились за Польшей и литовский генштаб прекратил поддержку белорусских партизан.

Для нас интересен, прежде всего, тот факт, что в распоряжении исследователей имеются некоторые сведения о связях этих партизан с советскими спецслужбами. В частности, можно наблюдать предположение о том, что атаман Скоморох был советским агентом, высказанное несколькими современными авторами – А. Чернякевичем [27, с. 397], Э. Якобсоном и Е. Гжибовским [29, с. 81] и другими исследователями [8, с. 179]. Все же прямых доказательств авторы не приводят. Известно, что советским агентом являлся повстанческий организатор Гродненщины С. Яковюк [27, с. 401]. Однако, совершенно невозможно сказать о степени включенности советской агентуры в деятельность литовско-белорусских партизан. На данном этапе исследований мы располагаем только некоторыми сведениями сотрудничества последних с большевиками [15, с. 64-65; 28, с. 112; 29, с. 81].

Абсолютно неисследованным остается вопрос отражения большевистских диверсий в советско-польских дипломатических отношениях. Известно, что польское и советские правительства вплоть до 1925 г. вели своеобразную дипломатическую игру, обвиняя друг друга в нарушениях условий мирного договора. Советская сторона обвиняла польские власти в поддержке деструктивных антисоветских элементов, нарушавших покой приграничных советских территорий [5, с. 62, 207-208], а польская дипломатия в свою очередь указывала на диверсионные группы, постоянно нарушавшие границы Польской республики [5, с. 775; 6, с. 67]. Закончилась эта «игра» только в 1925 г., когда обе стороны окончательно отказались от диверсий как эффективного способа влияния на внутреннее положение в соседних странах. Тщательный анализ польских и советских дипломатических документов позволит выявить роль, которую сыграли диверсионные действия советских спецслужб на советско-польском пограничье в процессе официальных межгосударственных отношений.

В заключение стоит указать выявленные нами основные наиболее трудные исследовательские вопросы: 1) Какую роль в проведении подрывной деятельности против польского государства на белорусском направлении играли Разведывательное управления штаба РККА, Иностранный отдел ГПУ–ОГПУ и Коммунистический интернационал? Какую функцию выполняла НВО? 2) Как и где происходила подготовка руководителей и рядовых бойцов партизанско-диверсионных отрядов? 3) Какова была роль КПЗБ и какие связи ее руководство имело с действующими боевыми группами? 4) Насколько глубоко совет-

ская агентура была внедрена в структуры партизан, направляемых из Литвы? 5) Насколько существенно было влияние проводимых диверсий на дипломатические отношения Польши и Советской России?

Как мы видим, проблематика диверсионной деятельности советских спецслужб на белорусском отрезке советско-польского пограничья затрагивает довольно большой круг вопросов, на которые современным историкам только предстоит ответить.

Список литературы:

1. Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки 1918-1945 гг. М., 2012.
2. Ваупшасов С.А. На разгневанной земле. Минск, 1965.
3. Глинская Т. КПЗБ – руководитель освободительной борьбы трудящихся Западной Белоруссии (1924-1928 гг.). Минск, 1965.
4. Государственные границы Беларуси: сб. документов и материалов. Т. 1 (март 1917-ноябрь 1926). Минск, 2012.
5. Документы внешней политики СССР. Т. IV.
6. Документы и материалы по истории советско-польских отношений Т. 4. М., 1966
7. Закордот в системі служб радянської України: Збірник документів. К., 2000.
8. Кароткінарысбеларускагапытаньня. Мінск, 2008.
9. Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ: очерки истории российской военной разведки. Кн. 2. М., 2000.
10. Линдер И.Б., Чуркин С.А. Диверсанты. Легенда Лубянки – Яков Серебрянский[Электронный ресурс] М., 2011. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/bio/linder_churkin01/text.html#t5 (дата обращения 17.10.2017)
11. Линдер И.Б., Чуркин С.А. Красная паутина. Тайны разведки Коминтерна 1919-1943. М., 2005.
12. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. [Электронный ресурс] М., 2001. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/research/meltyukhov2/index.html. (дата обращения 17.10.2017)
13. Мельтюхов М.И. Сообщения. Положение на границах с Польшей и Румынией и планы Красной Армии (1921-1922 гг.) // Отечественная история, 2005. № 1.
14. НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 173.
15. НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 57.
16. РГВА. Ф. 308к. Оп. 19. Д. 171.
17. РГВА. Ф. 308к. Оп. 19. Д. 176.
18. РГВА. Ф. 308к. Оп. 19. Д. 177.
19. РГВА. Ф. 308к. Оп. 19. Д. 185.
20. РГВА. Ф. 308к. Оп. 8. Д. 101.
21. РГВА. Ф. 460к. Оп. 1. Д. 130.
22. РГВА. Ф. 471к. Оп. 1. Д. 103.

23. Север А. Спецназ ГРУ: самая полная энциклопедия. М., 2012.
24. Симонова Т.М. Советская Россия (СССР) и Польша: Русские антисоветские формирования в Польше (1919-1925 гг.) М., 2013
25. Сорокин А.А. Освободительное и революционное крестьянское движение в Западной Белоруссии (1920-1939 гг.). Минск, 1970.
26. Стужинська Н.І. Білорусь бунтівна : з історії збройного антирадянського спротиву в 20-ті рр. XX століття. Мінськ, 2012.
27. Чернякевич А.Н. Белорусское партизанское движение в Польше и его вожди // От "германской" к Гражданской. Становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сборник статей и материалов. М., 2014.
28. Чернякевіч А.НараджэннебеларускаяГародні. Мінск, 2015.
29. Jēkabsons Ē., Grzybowski J. Łotewski „ślad" działalności atamanów białoruskich Wiaczesława Adamowicza „Dziergacza" i Wiaczesława Razumowicza „Chmary". // Białoruskie zeszyty Historyczne № 42, Białystok, 2014.
30. Krzak A. Terrorystyczna i wywrotowa działalność organizacji komunistycznych w Polsce w latach 1921-1939. //Przegląd bezpieczeństwa wewnętrznego №2(2), 2010
31. Kulińska L. Działalność terrorystyczna i sabotażowa nacjonalistycznych organizacji ukraińskich w Polsce w latach 1922- 1939, Kraków, 2009.
32. Łatyszonek O. Białoruskie formacje wojskowe. Białystok, 1995.
33. Pepłoński A. Wywiad w wojnie Polsko-bolszewickiej (1919-1920). Warszawa, 1999.
34. Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa-Pułutsk, 2000.
35. Ślesiński W. Walka instytucji państwowych z białoruską działalnością dywersyjną 1920-1925. Białystok, 2005.
36. Włodarkiewicz W. Bezpieczeństwo granicy wschodniej Rzeczypospolitej w ocenach polskich naczelnych władz wojskowych w latach 1921-1932. // Stosunki polityczne, wojskowe i gospodarcze Rzeczypospolitej Polskiej i związku Radzieckiego w okresie międzywojennym. Warszawa-Siedlce, 2012.

УДК 94(47)084.6

ПИЛИПЕНКО Ю. В. (Анапа)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ДЛЯ МОРСКИХ ЧАСТЕЙ ПОГРАНВОЙСК (1944–1960 ГГ.)

Аннотация: В статье освещены особенности формирования и развития системы учебных заведений и учебных частей, предназначенных для подготовки командного и рядового состава морских частей погранвойск в период 1944–1960 гг.

Ключевые слова: Морские части погранвойск, подготовка личного состава, морские пограничные школы, учебный отряд, военно-морское пограничное училище.

PILIPENKO Yu. V. (Anapa)

HISTORIC EXPERIENCE OF REESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF THE MARITIME BORDER GUARD PERSONNEL TRAINING SYSTEM

Annotation: The article highlights the distinctive features of organizing and developing the educational institutions and schools system for training the command staff as well as rating for border guard maritime units in 1944–1960.

Keywords: border guard maritime units, personnel training system, maritime border schools, training detachment, naval border guard school.

В 1944 г. в связи с освобождением территории СССР от гитлеровских войск начинается восстановление системы охраны государственной границы, в том числе и на морских участках. После войны охрана морской границы СССР, протяженность которой составляла свыше 30000 км, по существу, организовывалась заново. Военно-политическая обстановка на границах Советского Союза в рассматриваемый период оставалась сложной и напряженной. США и их союзники по НАТО значительно активизировали разведывательную и подрывную деятельность против СССР и его союзников, усилили идеологические диверсии и шпионаж на государственной границе СССР. Требовалось значительно усилить охрану побережья Камчатки, Охотского моря, Северного Ледовитого океана, Черного и Каспийского морей, организовать охрану новых участков морской границы в районе Сахалина, Курильских островов, на Балтийском море.

Обстановка требовала создания в кратчайшие сроки морских пограничных частей, укомплектованных не только необходимым количеством судового состава, но и личным составом, способным решать задачи охраны морских границ.

В период с июня 1944 г. по сентябрь 1945 г. руководством пограничных войск предпринимаются меры по восстановлению охраны морских границ

на Севере, Балтике, Черном море и формированию новых дивизионов пограничных кораблей на Дальнем Востоке. По состоянию на 1 января 1946 г. морскую границу охраняли 2 отряда и 24 отдельных дивизиона пограничных судов [6 , с.197–198].

Из военного флота возвращаются корабли и катера, переданные в 1941 г. Так, на Балтике флот возвратил пограничникам 45 единиц, на Черном море 31 единицу судового состава, что составило соответственно 55% и 33% от количества переданных флоту в начале войны [6, с. 200].

В годы войны бывшие отряды и дивизионы пограничных судов принимали активное участие в боевых операциях флотов, что привело к значительным потерям в личном составе и фактически полной его смене. Таким образом, старшинский и рядовой состав переданных из флота кораблей не был представлен пограничниками. Кроме того корабли и катера флотом были переданы со значительным некомплектом личного состава – около 30% [10, л.167]. Некомплект мог увеличиться до 56% в связи с демобилизацией. Положение с офицерским составом было значительно хуже – некомплект достигал 40–50 %. Значительная часть офицерского состава – с низкими деловыми и моральными качествами [10, л. 167].

Созданная в 1932–1940 гг. система подготовки командных кадров и специалистов для охраны морских границ в ходе войны была практически разрушена. Переданные в соответствии с «Инструкцией о взаимоотношениях и взаимодействии Военно-морского флота и пограничных войск» в состав ВМФ военно-морское пограничное училище (ВМПУ), Учебный отряд пограничных войск (УО) (Анапа), 1-я, 2-я и 5-я морские пограншколы (МПШ) еще некоторое время осуществляли подготовку командных кадров и корабельных специалистов. В августе–декабре 1941 г. личный состав ВМПУ принимал активное участие в обороне Ленинграда. В декабре 1941 г. училище передислоцировали в Баку, где 15 января 1942 г. расформировали. Личный состав, имущество и архив переданы в Каспийское ВВМУ [1, с. 176].

Из числа личного состава УО и МПШ формируются подразделения морской пехоты. В ноябре 1941 г. часть постоянного состава 1-й МПШ была передислоцированы в район Геленджика, а затем в Батуми, где возобновила на короткий срок подготовку личного состава для береговых подразделений [7, с. 54]. В августе 1942 г. УО также передислоцирован в Батуми, однако к месту назначения не прибыл по причине расформирования [6, с.166]. 2-я МПШ вошла в состав Объединенной школы Каспийской военной флотилии в Махачкале. Проследить судьбу 5-й МПШ после ее передачи флоту автору не удалось. Таким образом, требовались немедленные меры по организации подготовки командного состава и специалистов всех специальностей.

Меры по восстановлению подготовки личного состава для охраны морских границ руководством НКВД предприняло уже в ходе войны. Приказом НКВД СССР от 22 июня 1944 г. ВМПУ восстановлено с подчинением начальнику Управления ВУЗ НКВД СССР. Училище имело 2 факультета (командный и инженерный) со сроками обучения 4 года и 5 лет соответственно. В 1944 г.

произвели разовый набор на 2-годичный курс младших лейтенантов. В 1946 г. ускоренно подготовлено 220 офицеров, при некомплекте без замены до 800 чел [10, л. 167]. Начальником училища стал капитан 1 ранга (с ноября 1944 г. – контр-адмирал) А.В. Садников [5, с. 196]. После его ухода в отставку в 1950 г. начальником училища становится контр-адмирал Е.С. Колчин.

Распоряжением СНК от 15 ноября 1944 г., а также приказом НКВД СССР и Всесоюзного комитета по делам Высшей школы при СНК СССР от 24 ноября 1944 г. училище преобразовано в высшее учебное заведение. С этого момента оно получило наименование Ленинградское высшее военно-морское пограничное училище (ЛВВМПУ) с непосредственным подчинением ГУПВ НКВД СССР. В ноябре 1949 г. училище передано из ведения МВД СССР в ведение МГБ СССР и согласно приказу МГБ СССР от 24 ноября 1951 г. именуется ЛПВВМУ. В 1953 г. МГБ СССР и МВД СССР объединяются в одно ведомство – МВД СССР, и училище находится в его подчинении. В связи с учреждением КГБ при Совете Министров СССР училище в апреле 1957 г. передано из МВД в КГБ [1 , с.177].

Комплектование курсантами в начальный период осуществлялось исключительно за счет военнослужащих, проходивших службу в войсках НКВД. Таким образом, осуществлялся подбор офицерского состава, обладающего необходимыми качествами. В дальнейшем в училище стали принимать и выпускников средних школ. Восстановление системы подготовки старшинского состава и корабельных специалистов было начато в том же 1944 г. – приказом Начальника войск НКВД СССР № 00704 во Владивостоке в погрангородке начала формироваться 1-я Морская школа старшинского состава [2, л. 1]. Руководство войск в условиях острой нехватки младших командиров и корабельных специалистов вынуждено было принять безотлагательные меры по их подготовке. В таких условиях апробированная и показавшая достаточно высокую эффективность в предвоенные годы подготовка личного состава в морских школах представлялась обоснованной. Вместе с тем в сравнении с довоенным периодом процесс формирования морских школ в рассматриваемый период имел ряд особенностей.

Во-первых, формирование осуществлялось на протяжении относительно длительного периода – с июля 1944 г. по конец января 1949 г. Во-вторых, количество школ уменьшилось с пяти до четырех, полностью были изменены их наименования и нумерация. В-третьих, в большинстве случаев школы сформированы на новых местах дислокации (1-я – г. Владивосток (погрангородок) затем бухта Перевозная, 2-я – г. Килия, 3-я – г. Ломоносов). В-четвертых, школы имели довольно узкую специализацию и готовили личный состав по 3-4 специальностям. Исключением являлась 1-я, где готовили личный состав практически по всем необходимым специальностям.

Помимо школ, подготовку специалистов осуществляли учебные пункты, филиал 1-й школы в 29 отдельном дивизионе погрансудов на о. Ханка [2 , с. 2] и ремонтные предприятия [8 , л. 156]. Структура школ была практически одинакова и состояла из учебной части, строевой части, политической части, материально-технического обеспечения, санитарной части, учебной мастерской, учебного дивизиона и 2 – 4 учебных рот.

Остро стояла проблема комплектования школ преподавателями. После войны офицеры, имевшие опыт обучения личного состава, в большинстве своем в погранвойска не вернулись. Частые переводы офицерского состава из дивизионов сторожевых кораблей в школы и затем через непродолжительное время обратно свидетельствуют об активном поиске лиц, способных к преподавательской деятельности.

Серьезной проблемой были качественные показатели призывников. В исследованных документах выявлено множество случаев отчисления из школ части призывников как неспособных к обучению. Главное управление погранвойск не раз возбуждало вопрос об улучшении комплектования войск достаточно грамотным, здоровым и физически развитым пополнением. Но вопрос об улучшении качества комплектования войск долгое время оставался неразрешенным. Только в 1950 г. был восстановлен порядок предварительного отбора призывников для службы в погранвойсках [6 , с. 206]. В дальнейшем в погранвойска для школ сержантского состава пехоты, кавалерии, связи, корабельных и других специалистов призывались лица с образованием не ниже 7 классов и ростом не ниже 165 см, а для линейных подразделений – с образованием 4 – 6 классов и имеющие рост не ниже 160 см [9, л. 215–217].

Серьезную проблему для обучения представляло состояние материальной базы школ: 3 из 4 школ (1-я, 2-я, 3-я) были сформированы в новых местах дислокации. Поэтому пособия, тренажеры, плакаты приходилось изготавливать силами личного состава. Здания 4-й МПШ, сформированной в Анапе на территории довоенного УО, были разрушены и нуждались в восстановлении.

Невзирая на трудности формирования и деятельности, училище и школы в определенной мере снизили напряженность в комплектовании морских частей личным составом. Начальник морского отдела ГУПВ контр-адмирал С.М. Воробьев докладывал, что в 1946 г. выпущено из школ и учебных пунктов при частях 2000 специалистов, ускоренно подготовлено 220 офицеров [10, с. 167]. В 1949 г. подготовлено вновь и переподготовлено в морских школах, в морском училище и на ремонтных предприятиях: старшин и рядовых специалистов – свыше 2000 чел., офицеров – 140 чел. [10, с. 169]. Указанные меры улучшили качественный состав морских кадров и позволили довести укомплектованность частей офицерским составом до 84%, а старшинским и рядовым составом – до 100% [8, л. 157].

В августе 1953 г. приказом МВД СССР 1-я и 4-я морские пограничные школы старшинского состава войск МВД переформированы соответственно во 2-й Учебный отряд морских специалистов погранвойск МВД ТО и 1-й Учебный отряд морских специалистов погранвойск Грузинского округа (УО). 2-я и 3-я морские пограничные школы старшинского состава войск МВД, дислоцировавшиеся, соответственно, в Молдавском и Ленинградском округах, после их расформирования в 1953 г. вошли в состав 1-го УО [3, л. 20; 4].

Изменилась структура отрядов, образованы: учебный, политический, строевой отделы, служба материально-технического снабжения и учебные подразделения (школы) оружия №1, электромеханическая №2, радиотехническая

№3 в 1 УО, и объединенная и электромеханическая во 2 УО. В 1954 г. УО переформированы – 1-й Учебный отряд морских специалистов погранвойск МВД Грузинского округа по штату № 203 в 1 Отдельный учебный отряд морских специалистов ПВ МВД СССР (ОУО), 2-й УО – в 1-ю школу морских специалистов ПВ МВД ТО. В 1959–1960 гг. часть офицеров, мичманов и старшин были откомандированы во Владивосток в бухту Перевозная для создания 2-го отряда морских специалистов.

1960 год стал драматичным для морских частей погранвойск. Наряду с сокращением более чем в 2 раза Отдельных дивизионов сторожевых кораблей были сокращены ЛПВВМУ и 2-й УО. 1-й ОУО на долгие годы остался единственным учебным подразделением морских частей погранвойск, где в последующем будут заложены основы переподготовки, а затем и подготовки офицерского состава для охраны морских границ.

В послевоенный период охрана границ советского государства непосредственно связана с деятельностью органов государственной безопасности, что позволило эффективно противодействовать шпионской, диверсионной и иной подрывной деятельности со стороны наших противников.

Список литературы:

1. Западный В.А., Ленинградское военно-морское пограничное училище: страницы боевого пути (июль – декабрь 1941 г.) // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.: материалы межвузовской военно-исторической конференции: в 2 ч. / под общ. ред. канд. ист. наук, проф. Е.А. Белова. Голицыно: ГПИ ФСБ России, 2010. Ч. 1. С. 171–176.
2. Исторический формуляр 1-ой школы морских специалистов пограничных войск МВД Тихоокеанского округа. 1944–1954 гг. Предшественники: 1-я морская школа старшинского состава погранвойск НКВД; 2-ой учебный отряд морских специалистов погранвойск МВД Тихоокеанского округа. Докум. фонд Центрального пограничного музея ФСБ России. П-340, Д. 3.
3. Исторический формуляр 2-й морской школы старшинского состава ПВ МВД ЧО // РГВА. Ф. 41251. Оп. 1. Д. 2.
4. История 3-й морской школы старшинского состава ПВ МГБ СССР. Докум. фонд Комнаты боевой славы Института береговой охраны ФСБ РФ. Инв. № 171.
5. Лурье В.М. Адмиралы и генералы Военно-Морского флота СССР в период Великой Отечественной и советско-японской войн (1941 – 1945) СПб.: Изд–во «Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2001.
6. Мошков Ф.А. Морпогранохрана России: от Петра I до наших дней. М., 2007.
7. Сутормин В.А. 1-я Морская пограничная школа // Галлея. – 2011. – № 1. – С. 54–61.
8. ЦАПВ. Ф. 14. Оп. 4. Д. 517.
9. Там же. Оп. 5, Д. 419.
10. Там же. Оп. 8. Д. 139.

УДК 930.2«1918»

ПИНАЕВА Н. И. (Архангельск)
Общество изучения истории отечественных спецслужб

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ: 1918 ГОД В ВОСПОМИНАНИЯХ АРХАНГЕЛЬСКОГО ЧЕКИСТА

Аннотация: в работе сквозь призму воспоминаний сотрудника ЧК представлен обзор военно-политической обстановки в Архангельской губернии в 1918 г.

Ключевые слова: ВЧК, спецслужбы, Гражданская война, Архангельск, советская власть.

PINAEVA N. I. (Arkhangelsk)
Society for the Study of the History of Russian Special Services

A LOOK INTO THE PAST: 1918 IN THE MEMORIES OF THE ARKHANGELSK CHEKIST

Annotation: in the work through the prism of the memoirs of the Cheka officer, an overview of the military-political situation in Arkhangelsk province in 1918

Keywords: Cheka, special services, Civil war, Arkhangelsk, Soviet power.

В мае 1967 г. в Усть-Каменогорск пришло письмо, адресованное первому председателю Архангельской губЧК Петру Игнатьевичу Лукьянову. В одну страницу печатного текста уместилось множество вопросов, в которых читалось большое желание архангельских чекистов узнать историю их предшественников, участников ярких и драматических событий первых лет советской власти. Разыскать Лукьянова оказалось непросто, как, впрочем, и найти любые документальные свидетельства того времени. Рождение и становление Архангельской губЧК пришлось на канун и разгар интервенции на Севере России. Сотрудники ЧК эвакуировались из города в ночь с 1 на 2 августа 1918 г., вернулись лишь в феврале 1920 г., вслед за РККА. Полтора года скитаний привели к утрате ряда ценных документов, отражающих данный период.

В марте 1966 г. на заседании партбюро УКГБ по Архангельской области был принят план мероприятий «по достойной встрече 50-летия Советской власти и ВЧК» [1, л. 1]. До юбилея оставалось без малого 2 года, а приготовления уже начались. Предстояла сложная и интересная работа по восстановлению истории архангельских чекистов. План получился внушительный – 22 пункта [1, л. 1–4]. На первых порах в список ответственных за его реализацию включается 31 чел., но даже такого количества оказалось недостаточно. В одной из справок о ходе подготовки юбилейных мероприятий говорилось: «Как показала практика, эта работа по своему содержанию очень трудоемкая и кропотливая и требует к себе больших усилий» [1, л. 9]. Приложенные усилия принесли свои

плоды. Более 40 запросов в различные органы сделали сотрудники Управления в ходе поисков. Основной задачей стал сбор информации о первых архангельских чекистах. На тот момент некоторые из них были еще живы. Оказалось, что четверо проживают в Архангельске, хотя большая часть давно покинула город и разбросана по необъятным просторам СССР.

Ценные фотографии и документы удалось найти в краеведческом музее и областном архиве, которые с готовностью откликнулись на запросы УКГБ. «Областной государственный архив сообщает, что можно сразу направить для занятий Вашего сотрудника, которому будут предоставлены газеты и документальные материалы, имеющиеся на хранении, согласно теме занятий», – говорилось в ответе за подписью директора архивного учреждения от 27 января 1967 г. [1, л. 54]. Большую помощь оказали также коллеги из Казахстана, Омска, Барнаула, Пензы. Они присылали запрашиваемые личные дела бывших сотрудников, проводили предварительные беседы с ветеранами Архангельской губЧК.

Важным источником исторической информации стала газета «Известия Архангельского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов», на ее которой в 1918 г. публиковались все значимые новости, призывы и постановления губЧК. Многое удалось почерпнуть из переписки руководства комиссии с губисполкомом. Среди документов, хранящихся в областном архиве, в процессе подготовки к юбилею была обнаружена записка за подписями представителей ВЧК Д. Евсееева и П. Ульяновского, датированная 24 июня 1918 г. В ней сообщалось о создании в Архангельске Губчека в количестве 5 членов и секретаря [2, л. 95, 155]. С тех пор именно этот летний день стал считаться официальным днем рождения Архангельского управления, хотя, надо заметить, в сохранившемся уникальном документе «Три года деятельности Архгубчека» все же говорится: «23 июня 1918 г. в г. Архангельске состоялось первое заседание организованной губЧК <...>» [3, с. 79]. А уже через несколько дней в «Известиях» появляются первые публикации от имени губЧК. 30 июня на страницах газеты было напечатано следующее обращение: «Товарищи рабочие, крестьяне, красноармейцы и матросы! Тяжелое время переживает наша Советская республика, которая железным кольцом окружена злейшими врагами империалистами, стремящимися задушить ненавистную им Российскую революцию. Внутренние враги тоже не дремлют и всеми силами стремятся помочь своим союзным друзьям, чтобы повалить Советскую власть <...> Враги Советской республики, воспользовавшись тяжелым положением на почве продовольствия, стремятся направить малосознательную и темную массу на Советы, благодаря чему за последнее время участились черносотенные погромы. Такой провокаторской и грязной работе должен быть положен конец. Этим врагам должна быть объявлена беспощадная борьба, и такую борьбу везде взяли на себя Чрезвычайные Комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

Согласно Постановлению СНК и конференции Чрезвычайных Комиссий таковая в гор. Архангельске создалась и приступила к своей работе. Наша задача – это беспощадная борьба с контрреволюционерами, белогвардейцами, спе-

кулянтами и мародерами, которые вносят смуту в Советской республике и спекулируют на народном несчастье.

Комиссия обращается к товарищам рабочим, крестьянам, красноармейцам и революционным матросам за содействием и поддержкой в трудной работе, ибо в Вашей поддержке мы найдем ту силу, которая даст нам возможность задушить врагов революции. Все сведения о контрреволюционерах, мародерах, спекулянтах, мошенниках и о скрытых запасах продуктов Комиссия будет принимать с благодарностью.

Надеясь на поддержку и помощь со стороны революционных масс, Комиссия будет зорко следить за революционным порядком и не допустит никаких бесчинств и контрреволюционных выступлений, каковые будут беспощадно подавляться вооруженной силой. 28 июня 1918 г.» [1, л. 31–33].

В тот же день «Известия» опубликовали обязательное постановление губЧК, в нем говорилось о спекуляции «продуктами первой необходимости» владельцев кафе и ресторанов и о жестком наказании за подобное явление в виде штрафа до 5000 руб. или ареста до 3 месяцев. Наказание от одного до трех месяцев принудительных работ грозило за появление в пьяном виде на улицах города и нарушение общественного порядка [1, л. 21].

А тремя днями раньше АрхгубЧК через газету объявила гражданам о необходимости под угрозой сурового наказания сдать имеющееся на руках холодное и огнестрельное оружие. Всем «праздношатающимся», спекулянтам, мародерам и хулиганам предлагалось в 24 часа покинуть город, а иностранным подданным зарегистрироваться в чрезвычайной комиссии [1, л. 23–24]. В условиях введенного в городе чрезвычайного положения такие меры были вполне оправданны. Все эти обращения имели две подписи: секретаря губЧК Владимира Виленчика и председателя комиссии Петра Лукьянова.

В 1979 г. сотрудникам 10 отделения УКГБ по Архангельской области удалось разыскать личное дело Владимира Михайловича Виленчика (Брунса). Оно находилось на хранении в архиве УКГБ по Омской области. Благодаря знакомству с материалами дела стало ясно, что первый секретарь Архангельсокй губЧК, как и многие его современники имел весьма насыщенную биографию [2, л. 159–160]. Родился он в Петербурге в 1889 г. Семья была определена как мещанская – отец работал наборщиком, а мать портнихой и экономкой. Образование Владимир получил достойное – учился в реальном училище, затем окончил 4 курса Гельсингфорского университета. Видимо, не случайно именно ему была доверена должность секретаря комиссии, хотя на первых порах ничто не предвещало его революционной деятельности. Виленчик давал частные уроки и занимался корректурой, но в октябре 1916 г. был призван в ополчение, службу проходил в 172 запасном пехотном полку, став впоследствии комиссаром батальона.

С этого все и началось. Судьба забросила его в Финляндию, и вскоре после Октябрьской революции финский революционный комитет назначил Владимира Виленчика уполномоченным по военным делам, комиссаром-инспектором русских инструкторов по обучению финской Красной гвардии. В

боях Виленчик получил ранение, а его жена – командир женского батальона была расстреляна финскими белогвардейцами.

В мае 1918 г. комиссар Виленчик выехал в Москву, после встречи с председателем ВЦИК Я.М. Свердловым откомандирован в Архангельск для организации губЧК, и на целых три года, что по тем временам совсем немало, жизнь его оказалась связана с Севером. Он утверждается членом Президиума и членом-секретарем губЧК, в период интервенции и непродолжительного слияния двух комиссий некоторое время является товарищем председателя и начальником особого отдела Северо-Двинской губЧК Котласского военного района, а после отделения Архангельской губЧК вновь возвращается к прежней должности.

В июле 1920 г. у архангельских чекистов появляется новый начальник – Т.М. Смирнов, приехавший со своим секретарем, и вскоре Виленчик окончательно переходит на линию особых отделов сначала охраны северных границ, а потом оказывается на южном направлении, в Новороссийске, где «с целью конспирации» меняет фамилию на Брунс. Затем еще неоднократно перебрасывается на различные участки, занимает должности инспектора-организатора и юрисконсульта, а в 1926 г. откомандировывается в распоряжение ЦК ВКП(б).

С 1 октября 1931 г. В. М. Брунс трудится инструктором Московского областного комитета ВКП(б) в агитмассовом отделе, а в марте 1933 г. по здоровью его снимают с учета ОГПУ. Этими данными исчерпывается информация из личного дела, но даже само наличие такого дела для первых чекистов, в том числе занимавших достаточно высокие должности, может считаться удачей, ибо сохранились они не у всех.

Так, несмотря на усилия, не удалось отыскать подобных документов на первого председателя Архангельской губЧК Петра Игнатьевича Лукьянова. Зато эти поиски привели к не менее ценному приобретению. В 1967 г. живой и здравствующий бывший председатель Архангельской губЧК, проживал в Усть-Каменогорске, где его и застало письмо из Архангельска. В письме говорилось: «Уважаемый Петр Игнатьевич! В связи с подготовкой к 50-летию Советской власти и органов ВЧК, по поручению руководства и парткома УКГБ при СМ СССР по Архангельской области обращаемся к Вам как к первому председателю Архгубчека с большой просьбой оказать нам содействие в восстановлении жизни и деятельности чекистов в первые годы Советской власти <...>» [1, л. 59].

Далее авторы просили Лукьянова по возможности подробно описать время и обстоятельства вступления в должность, рассказать, как проходила организация губЧК, осуществлялась практическая работа комиссии в условиях приближавшейся интервенции и в ходе борьбы с англо-французскими захватчиками, а также сообщить любую другую ценную информацию, способную оказать помощь в воспитании молодых чекистов. Просьбу эту Петр Игнатьевич выполнил, в результате чего появились «собственноручно написанные воспоминания» [1, л. 60].

В дополнение к ним были направлены несколько копий архивных справок, содержавших любопытные сведения, в том числе автобиография Лукьяно-

ва, составленная им 9 апреля 1919 г. и хранившаяся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Документ прилагался к заявлению в Петроградский комитет партии с просьбой направить его на работу в уголовный розыск, чрезвычком или на фронт. Автобиография сообщала: «Родился в 1890 г., сын слесаря. С 13 лет пошел работать, сперва на фабрику, потом на завод <...> В 1913 г., работая на Путиловском заводе, вступил в партию в Нарвском районе. С Путиловского завода уволен за забастовку-протест против действий мастера. Поступил на Галерный Островок и уволен за распространение «Правды» и сборы в ее фонд <...> В августе 1914 г. по предписанию градоначальства был арестован и выслан <...> на 3 года.

В мае 1915 г. под чужой фамилией пошел в армию по решению партийного коллектива для ведения агитации против войны. В ноябре 1915 г. эвакуировался и до революции пробыл в Ярославле в 209 пехотном запасном полку <...> Вошел в Президиум Совета рабочих и солдатских депутатов в апреле 1917 г. В сентябре был избран председателем Военной партийной организации. Все время с Февральской революции до октября работал по губернии как организатор партийных ячеек и уездных Советов <...>

В октябре 20 числа отправлен на фронт <...> От фронтовой партийной организации послан на съезд Румынского фронта и Одесской области. На съезде избран <...> во ВЦИК в Петроград, куда и прибыл 30 декабря 1917 г. <...> С Верховной коллегией по русско-румынским делам по распоряжению ЦИК как агитатор командирован на Юг. Работая в Крыму по вербовке добровольцев, после ликвидации Коллегии остался работать в Керчи председателем Революционного трибунала, потом военным комиссаром города и крепости до занятия Крыма немцами.

В мае 1918 года после отказа от должности военного комиссара на Кавказ, ЦК партии был командирован в Архангельск для партийной работы. В июне на съезде Советов Архангельской губернии избран председателем губЧКпо борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. После занятия Архангельска англичанами до декабря 1918 г. пробыл на фронте (Северная Двина). 10 декабря вышел из состава Чрезвычкома по принципиальным расхождениям с Северо-Двинским губисполкомом в работе при слиянии Чрезвычайных губернских комиссий и прибыл в Петербург 20 декабря <...>» [1, л. 74–75].

Спустя полвека, бывшему начальнику губЧК по просьбе архангельских коллег вновь пришлось обратиться к той яркой эпохе. Мемуары П.И. Лукьянова поступили в УКГБ по Архангельской области 25 сентября 1967 г. «Прошу извинить, что задержал ответ на Ваше письмо. Основная причина задержки – ездил по районам области, где выступал с воспоминаниями об установлении Советской власти, о встречах с В.И. Лениным, Я.М. Свердловым, Ф.Э. Дзержинским, как участник Октябрьской революции. В подтверждение своей работы высылаю копии архивных справок, так как никаких других документов у меня не сохранилось. На все вопросы, поставленные в Вашем письме, могу ответить только то, что сохранилось в памяти, а она очень ограниченна. Прошло 50 лет. Если бы я мог побывать в Архангельске, пройти по городу, встретить кого-либо из живущих там старых товарищей <...> то, уверен, многое

бы на месте восстановилось в моей памяти, и я смог бы уточнить дела коллектива чекистов и активистов того времени. Но это только желание <...> Теперь по существу.

В Архангельск я прибыл в первой половине мая 1918 г. по назначению ЦК партии, точнее, по предложению Я.М. Свердлова. Явился в Горком партии к тов. Виноградову. Встал на учет. Тов. Виноградов познакомил меня с некоторыми товарищами: председателем губисполкома Андреем Поповым, Новиковым, Паулем Виноградовым (нам привычнее имя Павлин – прим. авт.) <...> Ввели меня в профсоюз портовых рабочих и от них избрали на губернский съезд Советов, а до съезда я был кооптирован (введен в состав – прим. авт.) в губисполком.

На одном из заседаний Губисполкома было принято решение организовать Губернскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Председателем Комиссии предложили избрать меня, а членами Коллегии были избраны т. Линдеман, он же и заместитель председателя Губчека, питерский рабочий, кажется, с завода Айваза. Когда он прибыл в Архангельск и кем направлен, не знаю. Тов. Педо – латыш, т. Новиков от Губкома партии, еще один латыш, фамилии его не помню (это был Валюшис – прим. авт.) <...> впоследствии он ведал хозяйством Губчека и был нашим «кормильцем» <...> Что произошло с ним и с Педо, я не знаю. Секретарем ГЧК был назначен т. Виленчик. Откуда он прибыл в Архангельск, я также не знаю, кажется, студент (нам краткая биография Виленчика уже известна – прим. авт.).

ГубЧК придали отряд латышей, находившийся до этого при губисполкоме. Несколько человек для работы выделили моряки, из которых запомнил фамилии двоих: Циварев и Веселков Петр. Из латышей подбирать людей помог т. Тимме, который всех их хорошо знал. Работали три женщины: две латышки и жена т. Циварева. Впоследствии приняли машинисткой сестру начальника милиции Марию Валявкину.

Я старался привлечь для работы в губЧК больше из местных товарищей. Делать это заставляли две причины. Первая: в Архангельске я первый раз и знал о нем только из географии да по карте. Людей никого не знал. Надо было изучать состав населения города и тем более необходимо было знать силы оппозиции – эсеров и эсдеков да и вообще все слои населения губернии. Вторая: опыта в этой работе у меня не было, и взять его неоткуда, поэтому необходимо было привлечь больше местных жителей.

В ходе работы держали полный контакт с партийными организациями, с членами губкома и губисполкома. У нас существовала взаимная информация о ходе работы, о намечаемых мероприятиях. Взаимоотношения были очень дружеские. С милицией работали спаянно. Коллектив чекистов подобрался молодой, энергичный. Жили одной семьей, не чинились званиями, каждый выполнял любую работу. При этом была твердая дисциплина: «Умри, а сделай». Все решалось на Коллегии. Решения принимались большинством голосов и были обязательны для всех. Однако председатель имел право «Вето». Я лично как председатель дважды использовал это право <...>

До оккупации мы получали информацию не организованно, просто от случая к случаю и с разных сторон: от партоорганизации, от членов губисполкома, от приезжавших товарищей из уездов. Обыски производили по указанию из горкома, губисполкома, милиции. После моей поездки в Москву, в ВЧК на конференцию чекистов, где обменялись опытом работы в различных ЧК, прослушали инструктаж, который провел Ф.Э. Дзержинский <...> стиль нашей работы резко изменился.

Были распределены обязанности между членами Коллегии, назначены комиссары (так в то время называли оперуполномоченных – прим. Петра Лукьянова). Они выполняли поручения по определенным направлениям или отделам, они же вели расследование и давали заключение по делу, а зав. отделом, он же член Коллегии, делал доклад на Коллегии. Окончательное решение принимала Коллегия.

В экстренных случаях, когда по делу требовалось принять решительные меры, со временем не считались. Днем ли, ночью ли все, как один, поднимались на выполнение задания. Так, например, было, когда нам сообщили, что в Пинеге военрук, бывший офицер организует вооруженное восстание, с этой целью конфисковали оружие у бывших фронтовиков и немедленно на пароходе выехали туда <...> Гнездо, созданное офицером, было разгромлено, хотя самому организатору удалось скрыться.

Зная о трудном положении на фронтах, о нависшей угрозе над Архангельском и о том, что в Архангельске много офицерства, мы через горвоенкомат, чтобы их не спугнуть, начали вести их регистрацию, чтобы взять всех на учет, но до конца довести это не удалось. Я запрашивал ВЧК, что с ними делать и нельзя ли отправить в другое место? Мне ответили, что вывезти их некуда, справляйтесь сами. В это время я был делегирован в Ленинград на областной съезд Советов Северной области <...>

С начала июня по вторую половину августа губЧК переживала организационный период, многого сделать не могла. Тогда же было принято решение организовать уездные ЧК, но в жизнь провести это не смогли, не успели. ГубЧК в предвидении восстания белогвардейцев, кроме проводимой регистрации офицерства других действий не предпринимала.

О захвате Архангельска интервентами мы, делегаты съезда, узнали, только прибыв в Вологду. Произошло это так: на очередном пленуме съезда председательствующий Григорий Зиновьев объявил: «Вологодцы и архангельцы (Так в тексте – прим. авт.), немедленно отправляйтесь к себе, у вас не все благополучно!» <...>

В Архангельск я попасть не сумел, так как он уже был в руках интервентов. Мы отбыли на станцию Плесецкую, куда отозвал нас прибывший т. Кедров. Мне он передал распоряжение отправиться на Северную Двину и наладить работу губЧК.

В Вологде организовали небольшой отряд и на катере по Сухоне выехали по направлению на Архангельск. В районе реки Ваги я примкнул к товарищам, прибывшим из Архангельска на нескольких судах. Руководил всем отрядом Павлин Виноградов, который передал в мое распоряжение товарно-

пассажирский пароход «Воеводу» <...> Я собрал всех находившихся в отряде Виноградова чекистов. Среди них не оказалось товарищей Педо, нашего «завхоза» и человек 10 из моряков и латышей. Причину их отсутствия я выяснить точно не мог <...>

Наше судно участвовало в боевых действиях всего отряда судов. Расположение частей интервентов в основном было таковым: по левому берегу англичане, по правому – американцы, среди тех и других были русские, одетые в их обмундирование.

Первое время наши суда стояли около берега кучно, но скоро у интервентов появились самолеты, и каждый день в 7-00 они своими бомбами поздравляли нас с «добрым утром». Правда, я не помню ни одного прямого попадания в судно, только однажды вблизи «Воеводы», по правому борту, разорвалась бомба, легко ранила разведчицу-пулеметчицу – жену Циварева – Симу. Это был единственный случай, нанесший нам ущерб. Наши капитаны к появлению самолетов отходили от причала и маневрировали, не давая точно прицелиться, но мы вели по ним интенсивную стрельбу, в результате был подбит один самолет, который сделал посадку на своей территории, недалеко от линии фронта <...>

До получения на вооружение пушек-«Маклинок» мы приближались к интервентам только под покровом ночи. Один раз совершили налет на их стоянку судов ниже реки Ваги, устроили вроде «абордажа» и, взяв на буксир один пассажирский пароход, увели. «Воевода» участвовал в этой операции со всей командой. Руководил налетом Пауль Виноградов, но на каком судне он находился, не помню.

Получив «Маклинки», мы начали устраивать засады, первая из засад оказалась удачной. Ниже Верхней Тоймы, на правом возвышенном берегу, выдававшемся мысом в сторону интервентов, заросшем лесом и кустарником, поставили 2 пушки. В результате потопили один буксирный пароход, вооруженный трехдюймовой пушкой, один катер интервентов выбросился на берег. Они шли на сближение с нами смело, зная, что у нас, кроме пулеметов, ничего нет, и напоролись.

Вскоре в Котласе мы сформировали и отправили один отряд, человек 20 с пушками Маклина, по направлению на Мезень, второй такой же отряд – на Печору. В связи с бездорожьем пушки ставили на лыжи и тащили волоком. В обоих отрядах участвовали чекисты, которым было дано задание устанавливать связь с местным населением.

Был в отряде один мальчик, Коля, лет 12-ти, который пришел к нам с территории, занятой интервентами, и рассказал о расположении противника, об укреплении Березников. Он попросил дать ему папирос и спичек, с которыми под предлогом их продажи он сможет проходить на пассажирские суда и сообщать нам все, что там узнает. К нам он приходил два раза. Его данные очень пригодились во время налета на их укрепленную базу. Во время этого налета было много захвачено продовольствия, обмундирования <...> Захватили много галет, мясных консервов. Так как с организацией питания было сложно, продовольственный запас мы пополняли с помощью рыбной ловли. Через

местное население устанавливали торговцев, богатеев, забирали у них хлеб, зерно, мололи на их же мельницах. Делились хлебом с беднотой и у них же выпекали хлеб. ЧК в то время не состояла на интендантском снабжении.

С прибытием командующего Северным фронтом т. Геккера губЧК переключилась на работу по тылам. Ходили по Вычегде до Сыктывкара, ликвидировали банду <...>

При постановке пароходов в затон в Котласе нашей губЧК было предложено перебазироваться в Великий Устюг. Там мы связались с местной губЧК (Северо-Двинской – прим. авт.), очень слабой по своему составу, помогли им ликвидировать банду из 19 человек. Решение об ее уничтожении было принято Архангельской губчека. На этой почве возник конфликт.

Велико-Устюжский губисполком потребовал, чтобы Архангельская губЧК в своей работе отчитывалась перед ним, мы не согласились. Тогда он предложил слить обе губЧК. Я отказался и от этого, не имея связи с Архангельским губисполкомом, послал рапорт в ВЧК с просьбой передать председательство т. Линдеману, на что получил согласие. А так как в Архангельск я был командирован от ЦК партии, явился в Москву, в ЦК, откуда меня направили в Ленинградское бюро ЦК, бюро передало в областной Продовольственный комиссариат Северной области <...> О дальнейшей моей жизни и работе Вам будет понятно из документов, которые я получил из госархивов их копии посылаю Вам. <...> » [1, л. 61–70].

А в жизни Петра Лукьянова ждали самые неожиданные повороты. После Архангельска снова фронт – Гражданская война продолжалась. Военком 473 погранполка, делегат VII съезда Советов, курсант Московской Высшей военной школы, Красный военный летчик-истребитель. Работал инструктором на курсах повышения знаний летного состава, воевал против басмачей в Средней Азии. В 1925 г. демобилизован, впоследствии получил аттестацию летчика связи с присвоением звания «капитан».

С этого времени от былой романтики борьбы остаются лишь воспоминания. С неба Петр Игнатьевич Лукьянов спускается к земным профессиям – работает механиком, монтером, слесарем. В 1951 г. выходит на пенсию и продолжает заниматься общественной деятельностью, встречается со слушателями. Бывшему начальнику Архангельской губЧК было, о чем рассказать. Но его письменные воспоминания ждали своего часа еще долгих пятьдесят лет. Хранясь, среди прочих документов, в материалах архивного дела, они были почти неизвестны и никогда не публиковались, лишь кратко упоминаясь в некоторых исторических исследованиях. К столетнему юбилею архив Архангельского регионального управления знакомит с событиями далекого 1918 г. из первых рук.

Список литературы:

1. Архив РУФСБ России по Архангельской области. Ф. 1. Д. 4.
2. Архив РУФСБ России по Архангельской области. Ф. 1. Д. 29.
3. Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67.

УДК 94(47).084.3:5

ПЛЕХАНОВ А. А. (Москва)
Государственный архив Российской Федерации

ПОДГОТОВКА ЧЕКИСТСКИХ КАДРОВ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ (1921-1928 ГГ.)

Аннотация: Раскрываются кадровая политика ВЧК–ОГПУ, новые требования к чекистам, формы и методы их подготовки, обучения и воспитания в условиях перехода от войны к миру.

Ключевые слова: Омск, спецслужбы, кадровая политика, советская власть.

PLEKHANOV A. A (Moscow)
State archive of the Russian Federation

PREPARATION OF OMSK PRIIRTYSHJE VCheKa SPECIALISTS (1921–1928)

Annotation: The personnel policy of VCheka–OGPU, new requirements to security officers, forms and methods of their preparation, training and education in the conditions of transition from war to the world have shown.

Keywords: Omsk, special services, personnel policy, the Soviet government.

Советское общество вышло из Гражданской войны, которая была логическим результатом основных социальных и экономически процессов и противоречий императорской и краткого времени республиканской России. Она на многие годы обусловила менталитет, поведение и действия политических руководителей и граждан страны. В.И. Ленин расценил положение России прежде всего с точки зрения военной опасности, и тактика РКП(б), по его мнению, должна была быть такой, чтобы «помешать западноевропейским контрреволюционным государствам раздавить нас» [15, с. 404]. Особенно сложной была обстановка в Сибири, где главную причину недовольства значительной населения, особенно крестьянства он видел в том, что оно не видело «улучшения от революции».

В борьбе с политическими противниками важнейшая роль принадлежала органам госбезопасности. Отсюда успех в решении задач, поставленных перед ними высшими органами власти и управления во многом зависел от уровня подготовки кадров. Поэтому забота о кадрах государственных органов (в том числе и чекистских) в двадцатые годы была «важнейшей задачей»[14, с. 436].

Решение кадровой проблемы в органах госбезопасности было облегчено тем, что в годы Первой мировой и Гражданской войн начал складываться новый тип людей, умеющих переносить тяготы военного времени и трудности

мирной жизни, подчинявшегося силе и способного на насилие. Этот тип людей, преимущественно из рабочих и крестьян, писал Н.А. Бердяев, «прошел через дисциплину военную и партийную» [7, с. 101]. Большевики были глубоко убеждены в правоте своего дела, считая, что борьба против всякого рода угнетения ведется в интересах пролетариата и трудового крестьянства, то есть абсолютного большинства населения. Стремясь к созданию справедливого общества и к мировой революции, они были беспощадны к противникам и порой неразборчивы в средствах. И в аппарат органов безопасности подбирали себе подобных. К 1921 г. подразделения и службы губЧК были укомплектованы, преимущественно, такими людьми. Но это не означало, что все вопросы кадровой политики в этом ведомстве были решены. После войны выдвинулись новые задачи, исходя из чего, работа в ВЧК, как писал секретарь ЦК РКП(б) В.М. Молотов 26 апреля 1921 г., «приобретает еще большую важность,...усиление органов ВЧК и других карательных учреждений Республики поставлена, как наиболее спешная задача. Должен быть надлежащим образом налажен наш боевой аппарат борьбы с контрреволюцией на внутреннем фронте» [33, л. 7]. Поэтому нужны были только понимавшие политику партии и способные работать по-новому в иных исторических условиях. Ф.Э. Дзержинский писал И.И. Ксенофонтову: «Работа чекистов тяжелая, неблагодарная (в личном отношении), очень ответственная и важная государственная, вызывающая сильное недовольство отдельных лиц и саботажных учреждений. Вместе тем, работа, полная искушений на всякие злоупотребления властью, на использование своего положения и одного факта службы в ЧК для личных выгод»[31, л. 72].

Требования к чекистским кадрам были определены решениями высших органов власти и управления, высказаны в выступлениях и статьях, приказах и циркулярах руководителей ведомства. В этих документах указывалось на необходимость исходить из исторической обстановки, учета выполняемых задач и перспектив использования сотрудников, обращалось внимание на то, что для работы в органах и службы в войсках нужны люди, преданные делу РКП(б) и социалистической идее, способные бороться с врагами Советской власти. Поэтому на первое место при подборе кадров ставилась идейная убежденность. «Каждый чекист, – писал Дзержинский, – должен быть человеком, имеющим перед собой великую цель, борцом в самом малом деле... Иначе ничего не выйдет» [27, с. 289].

На 1 января 1922 г. в Омской губЧК проходил службу 291 чел., из них 169 были коммунистами. В это время одновременно с совершенствованием организационной структуры чекистского аппарата началось сокращение его численности. «Первой ласточкой» было решение Малого СНК от 10 марта 1921 г., которое рекомендовало органам ВЧК «сократить число обслуживающих (курьеров, дворников, судомоек и т.п.) различных учреждений не менее чем на 25 %». В результате принятых мер к 1 июля 1922 г. в Омском губотделе ГПУ осталось 106 чел., из них 64 коммуниста[1, л. 84].

Ввиду сокращения численности сотрудников, в работе с чекистскими кадрами явно прослеживается тенденция перенесения центра тяжести на работу

с агентурой. Как отмечалось в одной из инструкций, осведомительная служба считалась вспомогательным средством «секретными щупальцами органов ЧК, посредством коих мы должны видеть и все знать, что скрыто в обыденной жизни или скрывается от карательных органов советской власти».

Численность аппарата Омской губЧК и губотдела ГПУ сокращалась и потому, что его ряды покидали люди из-за трудного материального положения. При низком и не во время выплачиваемом денежном содержании они делали многочисленные отчисления для «красных» инвалидов, детских домов, для ликвидации последствий голода, бастовавшим немецким и японским рабочим, для нужд ОДВФ, МОПР, а также обществам ликвидации технической неграмотности, «Друг детей», Доброхиму и др. [11, л. 129; 32, л. 20].

Значительное влияние на численность ВЧК–ОГПУ оказывали партийные, административные и ведомственные проверки и чистки. Они были частью периодических политических кампаний по всей стране. В середине 1921 г. до всех парткомов было доведено решение ЦК и ЦКК РКП (б) от 25 июня по вопросу о проверке пересмотру и очистке. «Дело очистки нашей партии, – говорилось в постановлении, – есть самое ответственное дело, какое только нам приходилось выполнять за последнее время...» [14, с. 212].

ЦК нацелил Омский губком РКП(б) на то, чтобы в органах безопасности остались наиболее подготовленные коммунисты, понимавшие сущность НЭП и необходимость новых приемов работы с учетом перехода от войны к миру. В свою очередь, Сиббюро ЦК 21 февраля 1922 г. по докладу Каюрова предложило: «…3. Выработать меры борьбы: а) злоупотреблениями властью, вымогательством, взяточничеством; б) с карьеризмом, шкурничеством, в) пассивным членством. 4. Совершенно прекратить прием в партию личностей с темным прошлым» [10, л. 39].

В ходе партийной чистки были исключены из РКП(б): политрук А.В. Посконный за распространение ложных слухов про ЧК; оперативный комиссар ЧК А.Г. Скоропадза за «пассивное членство»; делопроизводитель ОРТЧК Д.И. Киселев, как примазавшийся, чуждый партии; агент ОРТЧК Л.Ф. Жуковицкий за халатное отношение к служебным обязанностям; сотрудник губЧК И.Е. Шмаков – за взяточничество [24; 26].

Помимо партийных в Омском губотделе ГПУ, как и в других губотделах, проводились и административные чистки по указанию Ф.Э. Дзержинского, который 31 марта 1924 г. даже составил специальный вопросник:

«1. Среда и лица, среди которых живет, с которыми связан сотрудник.

2. Семья.

3. Болтливость сотрудника, выпивает ли и если да, то с кем.

4. Берет ли на дом дела и документы.

6. Спаяность и близкая жизнь сотрудника вне работы.

7. Где живет, в общежитии или отдельно.

8. Падок ли к бабам или падка к мужчинам.

9. Интеллигент или рабочий.

10. Кого (из личной жизни) знает из враждебно к нам настроенных

11. Родственники − враги наши, члены других партий

12. Ходит ли в увеселительные места

13. Кого из врагов Советской власти изобличил сам помимо даваемых ему дел» [29, л. 7].

Из-за трудного материального положения, чисток и иных причин: естественной убыли личного состава, вызванных боевыми потерями, заболеваниями, вследствие большого напряжения в работе, отсутствия отпусков и выходных в течение нескольких лет, подразделения и службы губЧК и губотдела ГПУ Омска нуждались в постоянном пополнении кадрами. Поэтому губком РКП(б) 24 сентября 1921 г. предложил учраспреду выделить для усиления аппарата губЧК не менее 50 чел. [22, л. 68]. Но было немало случаев отказа об откомандировании коммунистов. Так, президиум Омгубкома РКП(б) 3 днями раньше с получением телеграммы начполитсекретариата ВЧК об направлении в ВЧК Гамазина, постановил: «Принимая во внимание полное отсутствие квалифицированных работников, в просьбе начполитсекретариата ВЧК об откомандировании Гамазина отказать» [20, л. 66].

С просьбой об усилении кадрами губЧК Сибири обращалось в ЦК партии и Сиббюро. 18 октября 1921 г. оно указало Оргбюро ЦК РКП(б) «на необходимость особое энергичных мер для усиления партийных организаций Сибири, в частности, на улучшение состава работников ЧК»[28, л. 58-60].

Ряды губотдела ГПУ пополнялись и практикантами из рабочих-коммунистов, красноармейцев и начальствующего состава войск, секретных сотрудников, обслуживающего персонала и, как исключение, беспартийными, «лишь из давно работавшими и проверенными сотрудниками». Вновь поступавшие на службу зачислялись в резерв назначения для двухнедельных испытаний с прикреплением к одному из опытных чекистов для теоретической и практической подготовки.

Значительную помощь чекистам оказывали общественные организации. Так, 28 марта 1922 г. Сиббюро ЦК РКП(б) направило телеграмму ЦК РКП(б) об организации бюро содействия ГПУ при хозяйственных, кооперативных и других органах. Фракциям советских учреждений Омска было предложено «принять меры к организации бюро содействия»[12, л. 33].

Омскими чекистами до начала мая 1921 г. руководил П.В. Гузаков, отозванный решением ВЧК и ЦК РКП(б) на должность ПредБашЧК, а с 18 мая – Тиунов. В состав новой коллегии губЧК, утвержденной ЦК РКП(б), кроме Тиунова вошли Никифоров, Григорьев и Филатов [17, л. 154, 175]. Виктору Фотиевичу Тиунову – выходцу из крестьянской семьи, было 34 года, в партии большевиков он состоял с марта 1917 г., служил в армии, в годы Гражданской войны был подпольщиком в тылу белых. В органах ВЧК работал с декабря 1919 г. Был опытным чекистом: в 1919 г. – секретарь СибЧК, впоследствии возглавлял Семипалатинскую и Иркутскую губЧК [16, с. 413]. Кстати, у него были непростые отношения с Омским губкомом РКП(б), что сказывалось негативно на работе сотрудников губотдела ГПУ.

В докладе ответственного секретаря Омского губкома в Сиббюро ЦК от 2 апреля 1922 г. отмечалось: «Создавшаяся группа во главе с председателем ГПУ тов. Тиуновым ведет подпольную работу против губкома…Эта группа устраивает совещания, строя козни против губкома и на общих собраниях открыто выступая в оппозиции губкому» [9, л. 271]. Но серьезные критические замечания в адрес руководителей омских коммунистов отмечались и Сиббюро ЦК РКП(б), а партийная конференция протекала под флагом сплоченной оппозиции и даже ненависти к губкому, что объяснялось в значительной степени ошибками и бестактностью, допущенной ГК в его работе, и признала его работу неудовлетворительной [8, л. 42, 49].

Помимо подбора кадров в Омском губотделе ГПУ значительное внимание уделялось подготовке, обучению и воспитанию чекистов. Этого требовали новые условия борьбы с противниками советской власти, изменившаяся оперативная обстановка. В мае 1926 г. Ф.Э. Дзержинский говорил: «Прошли те времена, когда мы противопоставляли контрреволюции только беззаветную чекистскую смелость и большевистскую преданность. Теперь к этим ценным качествам необходимо добавить хорошую выучку, образованность, отличное знание своего дела» [23]. Безусловно, по элементарной логике, чем выше должность занимал сотрудник, тем более высокими знаниями и профессиональными навыками он должен был обладать. Однако даже среди руководителей встречались люди, имевшие крайне низкую подготовку. Поэтому требовалось обратить особое внимание на подготовку данной категории чекистов, особенно, тех, кто боролся с антибольшевистскими партиями. Сложно было провести вербовку меньшевика или эсера, это в 99% случаях было безуспешным делом, потому что в таких случаях они обычно говорили: «Я в тюрьме сидел не один раз, сидел в дореволюционное время, сидел и при вас, слава богу, и еще сяду». Нач. СО ОГПУ Дерибас и нач. 3 отд. СО ОГПУ Решетов отмечали: «...Обследование работы многих местных организаций показывает, что наши товарищи, ведущие борьбу на местах с эсерами, сплошь и рядом, об эсерах имеют весьма поверхностное представление» [5, л. 37].

После Гражданской войны ликвидация неграмотности чекистов и красноармейцев не была какой-то кратковременной кампанией, а работа велась постоянно. В губЧК и Омском губотделе ГПУ были созданы кружки и школы, проводились индивидуальные занятия с сотрудниками. Ликвидация неграмотности шла под лозунгами: «Безграмотность – родная сестра разрухи», «Где у неграмотного колос, так у грамотного два».

Во многих комячейках члены партии обязаны были посещать дважды в месяц общие собрания, 4 раза – собрания ячейки, 8 раз – кружковые занятия. Приказом ВЧК от 28 марта 1921 г. все чекисты, за исключением «секретных», были обязаны посещать сборы отрядов особого назначения [30, л. 95], в Омске 12 раз в месяц. Понятно, что времени для личных дел и отдыха, для воспитания детей у членов партии почти не оставалось. Поэтому были приняты меры по более равномерному распределению обязанностей в целях расширения и углубления партийного влияния на деятельность коллективов. Партийные ор-

ганизации стали работать под девизом: «Нет члена партии без партийных обязанностей». При этом обращалось внимание на то, чтобы партийная и другая общественная работа не мешали выполнению служебных обязанностей. Кстати, эта фраза постоянно упоминается в документах и в последующие десятилетия. Но до сих пор не понято, как это можно было сделать.

Командный состав войск ВЧК–ОГПУ готовился также на курсах усовершенствования РККА в Москве, Новочеркасске, Ленинграде по следующим профилям: строевому-тактическому, кавалерийскому, химическому, связи и физического образования [2, л. 59-62]. До войск ОГПУ был доведен список военных школ, в которых лица командного состава могли сдать экзамен экстерном за полный курс военного училища: в Москве, Ленинграде, Саратове, Владивостоке, Тифлисе, Киеве, Полтаве, Томске, Ташкенте и в других городах страны. В академиях РККА шла подготовка высшего звена.

Важное значение придавалось профессиональной подготовке в самих отделах. Она шла, главным образом, по линии учебно-воспитательной работы. Спецподготовка в Омском губотделе ОГПУ делилась на теоретическую и практическую части. Теоретическая, заключалась в изучении места и роли органов безопасности в государственном аппарате, их истории, методов работы, основных направлений деятельности, тактики контрреволюционных организаций и др. Практическая – предполагала активное участие в проведении чекистских мероприятий. С конца 1923 г. была взята линия на военизацию чекистских органов. Более четко она сформулирована в приказах № 404 и 405 за 1923 г. В них отмечалось, что каждый чекистский орган постоянно нуждается в хорошо подготовленных кадрах, и сотрудники не могут быть оторваны от военной подготовки, в их работе должны быть объединены «методы специальной подготовки с борьбой с винтовкой в руках».

С июня 1924 г. также изменяется вся система политзанятий с постоянным составом, больше внимания уделяется изучению партийных документов и циркуляров ОГПУ с рекомендациями по проведению политики партии в жизнь [4, л. 116-117].

После Гражданской войны была перестроена воспитательная работа в органах и войсках ВЧК-ОГПУ. Она охватывала всех сотрудников и органически сочеталась с выполнением постановлений партии и правительства в жизнь. Следует иметь в виду, что на работе чекистских коллективов сказывались сложившиеся в годы Гражданской войны формы и методы, от которых часть руководителей не могла отказаться в короткий срок, а другая – не хотела. Ее содержание по-прежнему обуславливалось местом органов безопасности в советской политической системе, решаемыми задачами, реальной политической обстановкой и политикой правящей партии. Она велась в условиях тяжелого экономического положения страны, политической, юридической и всеобщей неграмотности населения, инерции старых традиций, последствий Первой мировой и Гражданской войн.

Система воспитания в ВЧК-ОГПУ должна была, с одной стороны, сформировать убежденного сторонника и защитника коммунистической идеологии,

«политического бойца», с другой – сделать его «законопослушным» (точнее, «партийнопослушным»). В ВЧК–ОГПУ принимались меры к тому, чтобы вся воспитательная работа велась комплексно, с применением разных форм и методов, была систематической и охватывала весь личный состав. При этом обращалось внимание на учет специфики службы.

Вся воспитательная работа в органах и войсках ВЧК-ОГПУ находилась в центре внимания парткомов, которые приняли специальные постановления по этому вопросу. Несмотря на большую работу партийных комитетов, все же основные задачи воспитания чекистов решались первичными партийными организациями. Они нацеливали сотрудников на совершенствование служебной подготовки, укрепление дисциплины, ликвидации неграмотности, повышение общеобразовательного и культурного уровня, соблюдение законности.

Наиболее распространенными формами воспитательной работы в коллективах были общие и партийные собрания, лекции и беседы, индивидуальная работа и др. Характерной особенностью начала 1920-х гг. была большая открытость и тесная связь с ячейками гражданских и армейских подразделений и служб. Повестки партийных собраний свидетельствуют об интересе сотрудников к международному и внутреннему положению страны, к укреплению партийных рядов и дисциплины и ко многому другому. Вопросы, выносимые на обсуждение собраний, намечались, исходя из решений съездов, рекомендаций парткомов и пожеланий коммунистов. На общих и партийных собраниях всегда ставили в пример другим сотрудникам тех, кто честно выполнял свои служебные обязанности, не поддавался на провокации преступных элементов. Например, в Омске были намерения торговцев и контрабандистов подкупить чекистов. «Но каково же было их удивление и расстройство, – отмечалось на собрании коммунистов, когда со стороны чекистов, получавших скудный паек продовольствия... они встречали гневный отказ и возмущение» [3, л. 43].

В связи с восстанием крестьян Западной Сибири, 14 февраля 1921 г. общее внеочередное собрание членов и кандидатов РКП(б) 5-го района призвало всех без исключения коммунистов и кандидатов к сугубой бдительности и твердости…» [19, л. 40].

Общее собрание 3-го района РКП(б), куда входила ячейка ОДТЧК Омска, 26 августа 1921 г. приняло к сведению доклад Бальбатова «О борьбе с мелкобуржуазными партиями [18, л. 16].

Выполняя решение августовской IV-й Сибирской конференции РКП(б), обязавшей коммунистов на всех собраниях, «где бы и по какому бы поводу они не проходили, ставить вопрос о помощи голодающим», коммунистическая ячейка Омского ГПУ неоднократно обсуждала этот вопрос [25].

В центре внимания партийных ячеек была пропаганда НЭП. Через газеты «Правда», «Известия», «Беднота», «Советская Сибирь» до сотрудников и красноармейцев доводились важнейшие правительственные решения, материалы по вопросам воспитания. «Советская Сибирь» постоянно предоставляли свои страницы для публикаций статей о работе чекистов. Часть чекистов не поняла и не приняла НЭП, приведшей к денационализации многих предприятий и лега-

лизации частного капитала, совершила в их умах переворот. Для них было ясно лишь, что партия отступила, буржуазия победила, жертвы Гражданской войны напрасны и т.п. И многие чекисты чувствовали себя обманутыми и преданными вождями. Такое положение признавал и председатель ВЧК: «Были случаи, когда из партии в связи с нэпом, уходили те, которые дрались с Колчаком и в 17-м были с нами. Некоторые потеряли веру…» [21, л. 14]. Поэтому нередкими стали заседания комячеек, на которых рассматривались вопросы о покидавших ряды партии. Так, комячейка Омского губотдела ГПУ и 75-го дивизиона 5 августа 1922 г. обсудила вопрос о выходе из партии 4 чекистов. Все они объявили, что уходят в связи «с несогласием с НЭП». Президиум решил: «Таких товарищей в партии не задерживать, как излишний балласт для партии, и направлять их в военкомат» [13, л.54].

Следовательно, одном из важнейших направлений работы омских чекистов была постоянная забота о подборе, обучении и воспитании кадров. Это во многом способствовало успешному решению служебных задач в борьбе с преступностью. Самой отличительной особенностью Омского губотдела ГПУ, как и других, было то, что «личный состав органов безопасности РСФСР, а в дальнейшем СССР, без сомнения, был глубоко предан коммунистическим идеям. И хотя общеобразовательный уровень большей части руководящего, не говоря уже об оперативном составе, был невысок, четкая политическая линия, революционный пафос, чувство исключительности, прививаемое чекистам с первого дня службы, сделали советские органы госбезопасности в течение 10-12 лет одной из самых сильных спецслужб в мире» [6, с. 69].

Список литературы:

1. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 15.
2. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 150.
3. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 14. Оп. 3. Д. 2.
4. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 136.
5. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 107.
6. Белая книга российских спецслужб. 2-е изд., перераб. М., 1996.
7. Бердяев Н.А Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
8. ГАНО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 106.
9. ГАНО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 133.
10. ГАНО. Ф. Р–1. Оп. 3. Д. 31.
11. ГАНО. Ф. Р–1204. Оп. 1. Д. 3.
12. ГАНО Ф. Р–1. Оп. 3. Д. 35.
13. Исторический архив Омской области. Ф. Р–10. Оп. 1. Д. 212.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1984.
15. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1970.
16. Плеханов А.М., Плеханов А.А. ВЧК. 1917–1922. Энциклопедия. М., 2017.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 663.

18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 670.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 670.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 664.
21. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 87.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 664.
23. Советская Белоруссия. 1971. 7 августа.
24. Советская Сибирь. 1921. 23 декабря.
25. Советская Сибирь. 1921. 24 августа.
26. Советская Сибирь. 1922. 1, 2 марта.
27. Ф.Э. Дзержинский и охрана границ Советского государства. М., 1976.
28. ЦА ФСБ России. Ф. 6. Оп. 1. Д. 103. Ч. II.
29. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 5. Л. 7.
30. ЦА ФСБ России. Ф. 6. Оп. 1. Д. 102.
31. ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 37.
32. ЦПА ФСБ России. Ф. 19. Оп. 7660. Д. 10.
33. ЦГА СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 375.

УДК 97(47). 084.3:5

ПЛЕХАНОВ А. М. (Москва)
Общество изучения истории отечественных спецслужб

УЧАСТИЕ ОМСКИХ ЧЕКИСТОВ В ЛИКВИДАЦИИ ПАРТИИ ПРАВЫХ ЭСЕРОВ В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация: Показана работа центральных органов ГПУ и сотрудников Омского губернского отдела по разрушению организации партии правых эсеров и прекращению ее деятельности в условиях новой расстановки политических сил внутри антибольшевистского движения.

Ключевые слова: новая экономическая политика, советская власть, социалисты-революционеры, спецслужбы, Омск, Ф.Э. Дзержинский.

PLEKHANOV A. M. (Moscow)
Society for the Study of the History of Russian Special Services

OMSK SECURITY OFFICERS PARTICIPATION IN LIQUIDATION OF THE RIGHT SOCIAL REVOLUTIONARIES PARTY IN PERIOD OF NEW ECONOMIC POLICY

Annotation: Activities of the central bodies of State Political Administration abbreviation in USSR and Omsk provincial department staff of the right Social Revolutionaries party destruction and to the termination of her activity in the conditions of new arrangement of political forces in the anti-Bolshevist movement is shown.

Keywords: a new economic policy, the Soviet government, socialists-revolutionaries, special services, Omsk, F.E. Dzerzhinsky.

Одним из важнейших направлений деятельности советских органов государственной безопасности был политический розыск, который «вел, – как писал известный советский контрразведчик С.С. Турло, – борьбу с внутренним врагом государства», объектом его воздействия являлись «враждебные правительству политические партии, группировки, организации и отдельные лица, стремящиеся к свержению власти или к замене правительства, или добивающиеся нежелательных правительству реформ»[13, с. 394]. Следует иметь в виду, что спецслужбы являлись единственным институтом исполнительной власти, которые имели право по закону активно заниматься общественными организациями, движениями и экстремистскими группировками, внедрять в них свою агентуру и доверенных лиц для защиты существующей политической системы.

Окончание Гражданской войны привело к новой расстановке политических сил внутри антибольшевистского движения. Монархисты внутри страны не представляли серьезной угрозы. Многие сторонники монархической идеи стали бесповоротно на позицию власти. Церковь, будучи дезорганизованной, также перестала быть какой-либо политической силой. Другие, основные враж-

дебные большевикам, силы, скомпрометировали себя, заигрывая с «белыми» и очень робко примыкая к «красным», не имея четкой программы. Такие слова, как «кадет», «меньшевик», «эсер», «кадет» были неразрывно связаны с понятием контрреволюционер. Разношерстность взглядов лидеров оппозиционных партий от соглашательства до непримиримой борьбы, обусловила множественность групп и течений внутри самих партий, которые то объединялись, то раскалывались, создавая временные аморфные образования. Белогвардейский журнал «Зарница», издававшийся в Константинополе писал: «Боже! Что за дикий гвалт, что за вакханалия, что за отвратительный шабаш! Эсеры правые, эсеры левые, эсеры – шанжан, меньшевики, энесы, кадеты правые, кадеты левые, махновцы, черносотенцы, петлюровцы, анархисты, авантюристы, жулики – хаос! И как все орут...» Прямо понять ничего невозможно» [7].

К 1921 г. в центре страны и в регионах выжили только эсеровская и меньшевистская партии, а в ряде районов остались малочисленные группы анархистов с громким названием «конфедерации». Но будучи явным меньшинством, анархисты объединялись с меньшевиками, эсерами, левыми эсерами, с максималистами под лозунгами: «Долой партийную диктатуру!», «Да здравствуют свободно избранные Советы!». Эти политические партии и группы предпочли бескомпромиссную политическую борьбу с большевиками, хотя силы были неравными. Следует иметь ввиду, что все оппозиционные политические партии, в том числе и революционно-демократические, большевиками признавались антисоветскими и им придан статус «враг народа». Впервые в Советской России он был применен по отношению к кадетам 11 декабря 1917 г.: «В полном осознании огромной ответственности, которая ложится сейчас на Советскую власть за судьбу народа и революции, СНК объявляет кадетскую партию…партией врагов народа».

С 1921 г. в области политического движения параллельно шли два процесса: распад антибольшевистских партий и борьба с ними чекистов. В ВЧК одно за другим шли донесения губЧК об арестах меньшевиков, эсеров, анархистов и др. Тюрьмы и лагеря пополнились новыми заключенными по политическим мотивам. Но заметим, что все же их численность постепенно сокращалась в тюрьмах и лагерях и увеличивалась в местах ссылки. Если в феврале 1921 г. в тюрьмах содержалось 1,5 тыс. меньшевиков, то в сентябре – 846, в декабре – 262, а к 21 апреля 1922 г. – несколько десятков [5, с. 402-403].

В этих условиях руководство Партии эсеров (далее – ПСР) старалось принять адекватные меры, которые бы помогли сохранить партию от разгрома. Центральное организационное бюро ПСР 8 июня 1921 г. выпустило циркулярное письмо, в котором наметило меры борьбы с теми, кто покидал партию и мог выдать ее секреты, в целях «самозащиты против практикуемой правящей партией системы использовать в целях сыска и провокации лиц, уходящих из партии [6]. С учетом происходивших изменений в Советской России в своей практической деятельности меньшевики и эсеры не раз вносили уточнения в программу и тактику борьбы с большевиками. За редким исключением работа организаций ПСР, их пропаганда и агитация, распространение литературы носили ярко выраженный антибольшевистский характер и были направлены на

самую решительную и непримиримую борьбу с партией коммунистов [12, с. 16-19]. Из всех эсеров на крайне правом фланге стояла группа Б.В. Савинкова, готовая ради свержения советской власти на все – террор, поджоги и бандитизм.

В 1921 г. в ВЧК борьбой с членами различных политических партий занималось Секретное отделение. 31 января 1921 г. в циркулярном письме ВЧК № 10 «О партии социалистов-революционеров (правых и центра)» начальником СО ВЧК Т.П. Самсоновым перед чекистами была поставлена задача «вести работу на совершенное уничтожение и ликвидацию партии как таковой» [5, с.400]. На основании этого и других документов наряду с активизацией работы агентурного аппарата, чекисты вели наблюдение и регистрацию членов ПСР, под различными предлогами срывали их выступления в местной печати, на митингах, задерживали во время выборов на 24 ч., после чего отпускали, перехватывали и перлюстрировали корреспонденцию, готовили компроматы для печати, осуществляли репрессии и др. [11, с. 14-15]. Последние значительно усилились в связи с Кронштадтским мятежом и активизацией повстанческого движения в ряде районов страны.

После подавления мятежа борьба чекистов с оппозиционными партиями приобрела плановый характер. Уже 21 апреля 1921 г. ВЧК представила в ЦК РКП(б) примерный план своей работы, где были предусмотрены: «доликвидация» эсеровской партии, усиление надзора за членами, продолжение систематическую работы по разрушению аппарата партий, а также осуществление массовых операции в масштабе всей страны. В июле 1921 г. ВЧК обобщила накопленный опыт, борьбы с политическими партиями. На местах прошли съезды, конференции и совещания сотрудников ВЧК, на которых была всесторонне обсуждена эта проблема. Омские чекисты в своей работе учитывали то обстоятельство, что если до Февральской революции в городской подпольной организации было всего 15 чел., из них 15 интеллигентов и 5 рабочих, то к Октябрьской революции уже около 300 чел. [5, с. 402]. В годы НЭП они активизировали свою работу. В декабре 1921 г. агентурными данными было установлено, что в городе снова возник Омский горком ПСР, он вел подрывную контрреволюционную работу, поддерживая связь с центральными органами ПСР. При обысках и арестах 26 апреля 1922 г. у члена горкома ПСР Лунегова в тайнике были обнаружены материалы, свидетельствовавшие об этом, 7 револьверов с большим количеством патронов [1, л. 16].

Важнейшее значение в изменении направления удара по остаткам партий правых эсеров имела проходившая в августе 1922 г. Всероссийская конференция РКП(б). В ее постановлении «Об антисоветских партиях и течениях» говорилось о том, что репрессии против эсеров диктуются революционной целесообразностью, когда дело идет о подавлении отживающих групп, которые пытаются захватить старые, отвоеванные у них пролетариатом позиции. Однако партийные организации не должны переоценивать роль репрессий и должны твердо памятовать, что только в сочетании со всеми остальными вышеуказанными мерами репрессии будут достигать цели» [4, с. 54].

После партийной конференции конец 1922–1924 гг. были годами оперативной работы, направленной против правых эсеров повсеместно в СССР. Зна-

чительное внимание было уделено оперативному учету. В отчете о своей работе за первое полугодие 1922 г. Омский губотдел ГПУ сообщил И.В. Сталину: «...взято на учет эсеров различных течений – 274… в апреле и мае проведена ликвидация активных работников правых эсеров «центра», арестован городской комитет из 4 человек; несколько руководителей кружков и 13 активных работников»[1, л. 75-76].

В 1922 г. началась подготовка беспрецедентного политического процесса – суда над ПСР – вчерашним союзником социал-демократов в борьбе с царским и Временным правительствами. В мартовских номерах советских газет были опубликованы показания главных «свидетелей» на будущем процессе Г. Семенова и Л. Коноплевой. В Омским губотделом ГПУ много внимания уделялось политическому обеспечению предстоящего суда. Эта работа проводилась партийными организациями, призванными всесторонне подготовить чекистов к восприятию официальной точки зрения. Вот почему все комячейки Омска провели собрания с повесткой дня «Эсеры и международная контрреволюция. К процессу ПСР». В принятых резолюциях доклады принимались к сведению и всем членам партии вменялось «в обязанность быть в курсе деятельности ПСР,... точно раскрывать истинную подоплеку предательства рабочих масс» [3, л. 13].

Суду Верховного революционного трибунала, проходившему с 8 июня по 7 августа 1922 г., были преданы 34 руководящих члена ПСР. Проблемы процесса не раз обсуждало Политбюро ЦК. И по существу, не судебная власть решила вопрос о мере наказания подсудимым, а руководство правящей партии. Решением суда за настоящие и мнимые преступления времен Гражданской войны многих членов ЦК ПСР приговорили к смертной казни. 8 августа 1922 г. Президиум ВЦИК РСФСР в отношении 12 чел. принял решение о приостановлении приведения приговора в исполнение с мотивацией: «Если ПСР фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян, она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее продолжать. Наоборот: применение партией с.-р. методов вооруженной борьбы против рабоче-крестьянской власти неизбежно поведет к расстрелу осужденных вдохновителей и организаторов контрреволюционного террора и мятежа»[8]. 14 января Президиум ЦИК СССР заменил 11 эсерам высшую меру наказания лишением свободы на 5 лет со строгой изоляцией, а остальным – сокращен на половину срок лишения свободы и после освобождения запрещено на 3 года проживать в промышленных центрах и «густо населенной местности», предоставить ГПУ право определения меры их проживания с надзором за ними местного отдела ГПУ [9]. Суд над ЦК ПСР еще не означал ликвидация этой партии. На смену осужденным пришли новые руководители, да и преданные суду не стояли в стороне от борьбы с большевиками. Поэтому было решено нанести удар по рядовым эсерам. И мерами не репрессивными, а демократическими, путем подготовки и созыва съезда рядовых эсеров. Это была одна из предложенных Г.Е. Зиновьевым «комбинационных мер».

Основные предложения по линии органов безопасности были направлены И.С. Уншлихтом в комиссию ЦК РКП(б) по ПСР 16 ноября 1922 г. Он подчеркнул, что следует учесть двоякое расслоение в ПСР: на членов этой партии, желающих работать в контакте с советской властью, и на работников подполья – врагов власти. Поэтому ГПУ считает весьма необходимым созвать легальный Всероссийский съезд эсеров этой первой группы. «ГПУ, – писал он, – полагает, что политическое значение проектируемого съезда Вам уже известно. Для планомерной работы по созыву съезда вся территория РСФСР разбита на 13 округов в соответствии с существующими военными округами и ПП ГПУ. В каждый такой округ командируется представитель Центрального организационного бюро по созыву съезда... Идейное руководство этой работой всероссийском масштабе ГПУ считает взять Вам. Техническое же руководство возлагается на ГПУ и проводится в жизнь через Центральное организационное бюро». Газеты начавшееся движение по созыву съезда бывших рядовых эсеров освещала так: у группы уральских рабочих возникла мысль сплотить рядовых членов ПСР; в середине декабря к этому движению этому примкнули Сибирь, Москва и Петроград.

18 декабря 1922 г. состоялось первое заседание инициативной группы, на котором было образовано Центральное бюро по созыву Всероссийского съезда членов ПСР: председатель В.А. Филатов, товарищ председателя Н.О. Голлендер, секретарь В.Ф. Моргенштейерн, члены: П.Г. Макарычев, В.А. Строкан-Овский, С.Е. Кононов, В.И. Шмелев, Н.И. Кудин. ЦБ существовало немногим более 2,5 месяцев, причем его члены в большинстве своем работали на местах, выполняя обязанности уполномоченных бюро. Но следует иметь в виду, что до этого сотрудниками Омского губотдела ГПУ уже была проделана значительная работа. В этот же день, 18 декабря, в Омске состоялось заседание инициативной группы рядовых эсеров, на котором было образовано бюро по созыву съезда рядовых эсеров. Работу чекистов возглавил сотрудник губотдела ГПУ Захваткин. Именно он предложил состав бюро из 3 чел.: В.М. Горбунова, В.Е. Волкова и С.И. Богомолова. Последний в сопровождении чекистов и за их счет съездил в Москву, где получил обстоятельный инструктаж о дальнейшей работе от Т.П. Самсонова и вернулся в Омск.

27 декабря 1922 г. ЦБ обратилось с воззванием к эсерам, в котором было указано, что образовавшееся в Москве ЦБ просит стоящих «приблизительно на этой же позиции, дабы еще до съезда восстановить органическую связь с единомышленниками путем обмена мнениями с товарищами на местах». В инструкции Центральному и областным бюро созыву съезда было указано, что «под бывшими членами ПСР надлежит мыслить не случайные элементы, хлынувшие в партию в период революции, а коренных ее членов, ушедших из партии по принципиальным мотивам,…все работы должны быть закончены к 1 марта. Днем созыва съезда считать 15 марта 1923 г. А в положение о выборах на съезд было рекомендовано избирать одного делегата от ячейки, имеющей от 10 до 24 чел., 2 делегатов – от ячеек, имеющих от 25 до 50 чел. [5, с. 420]. В повестке дня съезда было предусмотрено обсуждение: доклада ЦБ,

доклады с мест, роль партии эсеров в революции, эмиграция и эсеры на Западе, а также вопросы «текущего момента».

ЦБ разослало на места своих уполномоченных, поручив им организовать областные бюро и районные ячейки. Они объехали Сибирь, Урал, Центральную Россию, Петроград, Харьков, Киев, Тифлис, Батум и другие города. В течение 10 месяцев продолжалась работа уполномоченных. «Совершенно ничтожными средствами» удалось охватить всю территорию страны, объединив до 2000 чел. и провести городские, областные и губернские конференции, на которых они заявили о полном разрыве с теорией и практикой ПСР и высказали просьбу о их приеме в ряды РКП(б). Так было не только в Омске, но и в десятках других городов [2, л. 431–440].

Вся работа Центрального и местных бюро велась под контролем чекистов и подкреплялась организационными мерами губотдела ГПУ. Так, еще 12 января 1923 г. Омский губотдел ГПУ получил телеграмму от зам. начальника ПП ГПУ по Сибири Кевейша с подробной инструкцией по подготовке эсеровского съезда. В ней предлагалось через свою агентуру из бывших эсеров приступить к выявлению отношения бывших эсеров к идее созыва съезда, из сочувствующих ей создать в губернском центре временное бюро из 3 чел., в его состав должны войти осведомители, пользующиеся авторитетом. Главная задача бюро – объединить сочувствующих идее и способных вести агитацию за созыв съезда. Проводить работу следовало, соблюдая конспирацию, без кампанейщины, не допуская вхождения в бюро элементов, способных сорвать работу съезда. Данные о членах бюро с подробными характеристиками предлагалось в 2-недельный срок передать в ПП ОГПУ [5, с. 421].

21 января 1923 г. организовали Всесибирское бюро, а в Омске учреждено районное бюро в составе 3 членов: Валерия Михайловича Горбунова, Василия Евдокимовича Волкова и Сергея Ивановича Богомолова. При этом последний был включен в состав бюро по рекомендации ГПУ. Он состоял в ПСР с 1904 г., подвергался преследованиям царского правительства, в 1917 г. был товарищем председателя Петропавловского ревкома, редактором газеты «Степная речь», с февраля 1920 г. работал в типографии Центросоюза Омска.

Стремясь как-то себя оградить от непредсказуемого поведения членов бюро, чекисты 24 января 1923 г. взяли с них подписку: «В интересах устойчивости и укрепления единой власти, отражающей интересы только рабочих и крестьян, а именно власти РСФСР, возглавляемой рабочей партией (большевиков) в интересах подрыва престижа ПСР, в интересах уничтожения влияния на рабочих и крестьян...увеличения влияния III Интернационала на трудящиеся массы всего мира, я вхожу в организационное бюро по созыву конференции бывших членов ПСР, которые вышли из последней по своей инициативе из-за солидарности к платформе РКП(б),причем конференция обязана сказать свое вето, которое определенно должно скомпрометировать ПСР, в чем и подписываемся»[5, с. 422].

11 марта 1923 г. состоялась Омская общегородская конференция членов ПСР. Она заслушала информационный доклад по созыву конференции, делегаты заявили, что считают себя «действительными борцами за идею освобожде-

ния трудящихся всего мира от гнета капитализма, вышедшими из ПСР, полагаем необходимым распустить таковую, находя, что ее программа и тактика изжили сами себя…Мы даем своему делегату с.-р., созываемого в Москве, зачисления нас в ряды РКП(б). Избранному делегату С.И. Богомолову дан наказ и выделены средства для поездки в Москву. Богомолов от зам. начальника губотдела ГПУ Новицкого получил официальное прикрытие, имея на руках документ, в котором указывалось: «Омгуботдел ГПУ сим удостоверят, что гр. Богомолов Сергей Иванович действительно следует в гор. Москву, в Госполитуправление для допроса по делу № 75. По пути следования туда и обратно просьба всем ЛООКТОГПУ оказывать гражданину Богомолову законное содействие».

Богомолов в сопровождении чекистов выехал в Москву. Вслед за ним начальник Омского губотдела В.Ф. Тиунов направил Т.П. Самсонову телеграмму: «С представлением сего сотрудником для поручений при СО ОмГПУ Захваткиным представляется в Ваше распоряжение делегат от Омской губернии на Всероссийский съезд бывших эсеров гр. Богомолов С.И.»

Заключительный, Всероссийский съезд рядовых эсеров состоялся в Москве 18–20 марта 1923 г. в актовом зале Дома Союзов под председательством старейшего члена партии, питерского рабочего С.Е. Кононова. На съезде помимо московских делегатов присутствовало 50 делегатов из провинции, в том числе и из Омска, они представляли 864 рядовых эсера. Съезд открылся исполнением пролетарского гимна «Интернационала», делегаты заслушали доклад ЦБ (В.А. Филатова) и отчеты с мест, затем состоялось их обсуждение. Итоги съезда подвел Моргенштерн. Он заявил: «Мы, съехавшиеся сюда, одинаково перестрадали отход от старой партии. Мы, продумав каждый порознь все пережитое, пришли к общему выводу, что не можем оставаться за бортом революции». Была принята резолюция, в которой единогласно осуждена теория и практика ПСР, объявлено о роспуске этой партии и создании единого с РКП(б) фронта; тех же эсеров, которые не подчинятся этому решению, «считать политическими врагами». Делегаты высказали просьбу принять их в РКП(б). Съезд прошел на высоком эмоциональном уровне. На нем присутствовал член Политбюро ЦК РКП(б) Н.И. Бухарин. Газета «Правда» писала, что в конце съезда многие делегаты плакали, пожимали руку вчерашнему политическому противнику Бухарину, целовались с К. Радеком и с чекистом С.Ф. Реденсом.

К решениям легального съезда ПСР на самом съезде, губконференциях и в индивидуальном порядке присоединилось 4256 чел., из них 2734 рабочих, 868 крестьян, 654 служащих. 21 марта 1923 г. Дзержинский писал Самсонову: «Безусловно, необходимо использовать съезд бывших эсеров для разложения сидящих в тюрьме, для того, чтобы многие из них покинули эсеров. Продумайте об этом. Я полагаю, что если на некоторых ошибетесь, то невелика беда. Посадите их обратно. Изловить их Вам не трудно будет. Я думаю, что в этом отношении можно пойти навстречу съезду».

Начальник СО ГПУ И.Ф. Решетов, подводя итоги работы чекистов по подготовке и проведению съезда, писал Ф.Э. Дзержинскому: «...Начавшийся

18-го и окончившийся 20-го сего марта съезд был высшей степени единодушным по решениям и однородным по социальному составу, так и по своему революционному прошлому... Практические выводы:

1) Работу по созыву легального съезда бывших чл(енов) ПСР признать весьма удачной, принесшей положительные результаты.

2) Решения съезда необходимо через советские и партийные органы широко распространить, а через агитпропы РКП широко пропагандировать.

3) Предоставить возможность всем эсерам, находящимся в местах заключения, ознакомиться с принятыми съездом решениями.

4) Согласиться на амнистию всех эсеров, гл(авным) образом, рабочих, признающих решения съезда правильными и безоговорочными к ним присоединяющихся. При условии подачи каждым эсером соответствующего письменного заявления прокуратуре Республики или в другие органы Советской республики;

5) Согласиться на организацию особых комиссий по осуществлению принятых съездом решений в центре, губернских городах и в крупных рабочих центрах, причем (в) состав этих комиссий ввести представителей от губкомов РКП обязательно;

6) Местным органам ГПУ дать директивы контролировать всю деятельность особых комиссий» [5, с. 423].

На докладной Решетова Дзержинский написал: «Т. Самсонову. См. мое мнение в тексте. Доложить Менжинскому и Уншлихту на распоряжение. 23 марта 1923 г.». В тексте же он сделал пометку (подчеркнуто выше): «Полагаю, что этого требовать не надо ото всех. Достаточно наше убеждение, что данный эс.-ер отошел от ПСР» [10, л. 12].

После Всероссийского съезда бывших рядовых эсеров в губернских губкомах РКП(б) создали специальные комиссии по приему бывших эсеров в компартию. В ее вошли представители губернской контрольной комиссии, заместители секретарей губкомов и начальники губотделов ГПУ, а также по 2 представителя губбюро по ликвидации партии эсеров.

31 марта 1923 г. Богомолов сделал доклад о Всероссийском съезде бывших рядовых эсеров 18 марта в Москве. Постановили: «Вполне искреннее присоединится к резолюции съезда бывших рядовых членов ПСР, ячейку бывших рядовых членов ПСР в Омске распустить, членам же поручить вести работу среди других бывших рядовых эсеров».

В результате деятельности органов ГПУ–ОГПУ в 1923–1924 гг. все находившиеся под надзором на территории СССР антибольшевистские группировки были в стадии разложения. Некоторые из них почти сошли на нет, другие – с большим трудом старались сохранить организационные связи, основное ядро партийного актива. И это им удалось только отчасти. Сотрудники ОГПУ не ограничивались только оперативными мероприятиями, а участвовали и в подготовке агитационного материала по важнейшим группировкам, разрушали связи с заграничными центрами. Многочисленные провалы и выходы из их рядов опытных работников привели к тому, что среди оставшихся в оппозиционных партиях преобладало подавленное настроение. И все – от анархистов

до монархистов – возлагали надежду на идейный разброд и оппозицию в рядах РКП(б).

Опыт чекистов, накопленный в борьбе с различными антибольшевистскими партиями, не был сдан в архив, политическое руководство страны активно использовало его теперь уже в борьбе с оппозицией внутри своей партии. Одним из последних в годы НЭП было обсуждение 29 ноября 1928 г. вопроса «О контрреволюционной деятельности Троцкого» – ярого борца с оппозиционными политическими партиями. Многозначительное чаадаевское предвидение: «Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что не правы его противники», начало сбываться [14, с. 555, 557, 606].

Список литературы:

1. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 15.
2. Архив УФСБ России по Новосибирской области. Д. 12922.
3. ГАНО. Ф. Р–36. Оп. 1. Д. 207.
4. Зиновьев Г.Е. Об антисоветских партиях и течениях. М.-Пг., 1922.
5. Плеханов А.М. ВЧК–ОГПУ в годы новой экономической политики 1921-1928. М., 2006.
6. Правда. 1921. 3 августа.
7. Правда. 1921. 2 июня.
8. Правда. 1922. 9 августа.
9. Правда. 1924. 15 января.
10. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49.
11. Социалистический вестник. 1921. № 5. 5 апреля.
12. Стеклов Ю. Партия социалистов-революционеров (правых эсеров). М., 1922.
13. Турло С.С., Залдат И.П. Шпионаж. М.,2002.
14. Чаадаев П.Я. Пол. Собр. Соч. и избранные письма. М., 1991. Т. 1.

УДК 94(470) «1920…»

РЫЧКОВ А. В. (Омск)
Омский государственный технический университет

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ ВО ГЛАВЕ ВСНХ СССР: К ИСТОРИИ ОДНОЙ КАМПАНИИ

Аннотация: Статья посвящена проблемам повышения производительности труда в советской промышленности в первой половине 1920-х гг., для развития которой необходимо было отказаться от «романтических» взглядов революционных лет на организацию производства. Эту задачу успешно выполнил ВСНХ СССР во главе с Ф.Э. Дзержинским.

Ключевые слова: Ф.Э. Дзержинский, Высший совет народного хозяйства СССР, производительность труда, Омск, СССР.

RYCHKOV A. V. (Omsk)
Omsk State Technical University

F.E. DZERZHINSKY IN THE CHIEF OF THE SUPREME ECONOMIC COUNCIL OF THE USSR: ON THE HISTORY OF ONE CAMPAIGN

Annotation: The article is devoted to the problems of increasing labor productivity in Soviet industry in the first half of the 1920s, for the development of which it was necessary to abandon the "romantic" views of the revolutionary years on the organization of production. This task was successfully carried out by the Supreme Economic Council of the USSR, headed by F.E. Dzerzhinsky.

Keywords: F.E. Dzerzhinsky, the Supreme Economic Council of the USSR, labor productivity, Omsk, the USSR.

Деятельность Ф.Э. Дзержинского на посту председателя ВЧК–ОГПУ получила широкое освещение в исследовательской литературе и хорошо известна любому интересующемуся историей человеку, чего нельзя сказать о его работе руководителем ВСНХ СССР в 1924–1926 гг. Работа Феликса Эдмундовича в этой должности получила высокую оценку у современников. Так, Н.В. Вольский, умеренный социал-демократ, политический оппонент большевиков, в будущем эмигрант, в 1920-е гг. по роду своей деятельности связанный с ВСНХ, писал: «Из всех лиц, за время существования этого учреждения (Осинский, Богданов, Рыков, Куйбышев, Орджоникидзе), он, несомненно, был лучшим председателем, руководителем ВСНХ. У него была особенность, которой другие или совсем не имели или имели очень в слабой степени. В предсмертной речи он сказал: «Я никогда не щажу себя». Это верно. Не щадя себя, своих сил, он со страстью весь отдавался большим вопросам, стоящим в это время перед промышленностью, и этим создавал к себе большое уважение среди массы беспартийных специалистов. То, что не щадя себя он проводил в жизнь, было

разумным, правильным» [1, с. 174]. По мысли известного отечественного историка С.С. Хромова, именно на хозяйственной работе с особой силой и яркостью проявились выдающиеся организаторские способности Ф.Э. Дзержинского [5, с. 7].

С именем Ф.Э. Дзержинского в качестве главы ВСНХ исследователи, как правило, связывают политику, направленную на понижение промышленных цен, восстановление металлопромышленности, введение режима экономии, увеличение производительности труда в промышленном производстве. В рамках предлагаемой работы остановимся на последнем аспекте, как наиболее важном, на наш взгляд, для судеб советской промышленности.

Широкие слои рабочих связывали с Октябрем свои надежды на изменение характера труда. Эти ожидания талантливо и в образной форме в 1918 г. отразила в пьесе «Зовущие зори» группа литераторов (С. Есенин, М. Герасимов, С. Клычков, Н. Павлович). Авторы, преимущественно выходцы из рабоче-крестьянской среды, считали, что в советском государстве труд должен перестать быть «проклятием», а стать «отдыхом, спортом, укрепляющим душу и тело» [3, с. 331]. Рабочий день, по мысли авторов пьесы, следовало организовать следующим образом: он начинался в 11 часов, в течение часа рабочие занимаются самообразованием в «рабочей читальне», а непосредственно производственный процесс должен был продолжаться в течение трех часов – с 12 до 15 [3, с. 331]. Именно данные взгляды нередко принимались во внимание при практической организации промышленного производства в начале 1920-х гг. Вот как, например, был организован труд на кожзаводе № 1 в г. Тара (Омская губерния) в 1923 г: рабочие вырабатывали установленную норму в течение 3-4 часов, в результате чего завод, ранее приносивший прежнему владельцу огромные доходы, стал убыточным [4, с. 396].

При этом важно учитывать, что зарплата рабочих, как правило, не увязывалась с производительностью труда, напротив, ее рост имел опережающие темпы. Нередко производительность труда была ниже довоенной, в то время как на предприятиях число занятых было больше. Технические специалисты, стремящиеся нормализовать ситуацию и привести нормы выработки в соответствие с зарплатой, подвергались осмеянию и издевательствам [1, с. 183] . Для иллюстрации приведем любопытный местный материал: производительность труда пивоваренного завода им. Юргенсона Омсельпрома в 1913 г. равнялась 9 ведрам пива на одного рабочего в день, в 1922-1923 гг. – 6,4 (71%), в 1923-1924 гг. – 5,1 (57%), при том, что зарплата выросла более чем в полтора раза; на суконной фабрике Омсктекстильтреста в 1923-1924 гг. производительность труда упала почти вдвое, тогда как зарплата выросла на 330% [4, с. 482-483].

В целом по стране ситуация в промышленности выглядела аналогично. Вот сколько рабочих в 1923/24 г. требовалось для выполнения работы, на которую в 1913 г. требовалось 100 чел.: в каменноугольной промышленности - 214, в нефтедобыче – 179, в нефтепереработке – 213, в производстве цемента – 212, в текстильной промышленности – 203, в обувной и кожевенной промышленности соответственно 235 и 150, по льну и пеньке – 106, в произ-

водстве шерсти – 106, в военно-химическом производстве – 292, в производстве резины – 145, в спичечном производстве – 249, в свеклосахарной промышленности – 200, в производстве бумаги – 148, в табачной промышленности - 318 вместо 100 человек [2, с. 99]. Очевидно, что сами рабочие считали, что так и должно быть в пролетарском государстве.

Профсоюзы в данный вопрос, боясь потери репутации защитников рабочих, не вмешивались. Более того, данная ситуация нашла идеологическое обоснование со стороны «рабочей оппозиции» в ВКП(б). Ее представители считали, что рост заработной платы в социалистическом государстве должен не следовать за ростом производительности труда, а ему предшествовать. Отрицание этого положения, по их мысли, означало, что в СССР социалистические принципы организации производства замещаются капиталистическими. «Примитивные пролетарские эмоции и огромная доза экономического невежества» [1, с. 176] рабочей оппозиции, опирающейся на настроения рабочей массы, могли привести промышленность страны к полному экономическому коллапсу.

Вот здесь-то и понадобились железная воля и трудолюбие, выдержка и убежденность Ф.Э Дзержинского. Надо сказать, что назначение чекиста на пост руководителя ВСНХ было далеко не случайным. И дело здесь не только в его выдающихся организаторских способностях. Причина, очевидно, в том, что органы ВЧК-ОГПУ под руководством Ф.Э Дзержинского, объединив в своих рядах наиболее грамотных и преданных социалистической революции людей, в мирные годы после окончания гражданской войны выступали не столько в роли «карающего меча революции», уничтожающего всех недовольных новой властью, сколько в роли своеобразного «аналитического центра», стремящегося упредить появление этого недовольства. Большое внимание при этом обращалось на анализ экономических условий жизни населения. Поскольку представленный материал посвящен «рабочему вопросу», приведем в качестве примера сводку Омской губЧК, относящуюся к лету 1921 г., в которой анализируются причины недоверчивого отношения рабочих к советской власти: «На некоторых предприятиях рабочие не удовлетворены продпайком за июнь-июль месяцы… . На Узкоколейке рабочим выдавалось протухшее мясо. Хищение увеличивается сырья и полуфабрикатов, принимая организованный характер, так, например, на государственном казенном заводе № 1 администрация, завком и ячейка РКП и рабочие хищения проводят совместно. Главные причины недовольствия рабочих – несвоевременная выдача продпайка, неудовлетворение семей рабочих… . Кроме того, действия Сибсовнархоза также сильно отражаются на падении промышленности, так, например, по распоряжению Сибсовнархоза в Омске целый год строился завод хлористой извести, затратились различного рода материалы, рабочая сила, давались срочные заказы другим предприятиям… . Завод в данное время построен, но за неимением сырых материалов стоит и будет стоять, так как требуемых материалов в России нет» [4, с. 90].

И подобный «экономический» анализ имел постоянный, а не эпизодический, разовый характер. Ниже приводится сводка по «рабочему вопросу» Омгуботдела ОГПУ несравненно более спокойного и благополучного (нежели лето 1921 г.) 1924 г.: «Политнастроение рабочих, их отношение

к советской власти и РКП в целом удовлетворительное. Экономическое положение рабочих также продолжает оставаться удовлетворительным, и в этой области лишь жилищный вопрос является не вполне удовлетворительным, так как квартирами от предприятий пользуются в среднем не более 30%. Кампанию по закреплению за предприятиями муниципализированных домов, в большинстве требующих значительных затрат для ремонта, по страхованию от огня, местных и других налогов нельзя считать успешной… . Зарплата рабочим во всех предприятиях выдается своевременно…» [4, с. 465-466].

Ф.Э. Дзержинский, находясь во главе ВСНХ, именно повышение производительности труда считал «тем гвоздем, на котором нужно сконцентрировать все внимание, искать же другого гвоздя никак нельзя» [2, с. 37]. При этом важно учитывать, что более высокая производительность рассматривалась им не как средство решения сиюминутных задач, а в более глубоком контексте. Он подчеркивал, что вооруженный период борьбы с капиталом сменился периодом борьбы на экономическом фронте, «на поле достижений по производительности труда». «Мы должны себе поставить задачу достижения норм заграничных, чтобы конкурировать своими измерителями и организацией труда в рабочем государстве и при рабочей диктатуре с результатами организации труда при капиталистическом строе», – говорил Феликс Эдмундович на расширенном заседании Президиума ВСНХ в декабре 1924 г. [2, с. 98]. Важнейшим и главным средством повышения эффективности производства он считал «подведение научной базы под производственные процессы», в противном случае «мы будем обречены на то, что буржуазная заграница нас всегда будет бить, ибо она умеет заставить работать для себя и науку, и ученых, и технический персонал»[2, с. 172].

ВСНХ СССР во главе Ф.Э. Дзержинским неуклонно и последовательно осуществлял мероприятия по повышению производительности труда в промышленности. Устанавливаются экономически обоснованные нормы выработки, вводятся табели работ, где отмечается затраченное время на ту или иную производственную операцию, реализуются меры по рационализации труда, сокращается управленческий аппарат, укреплению трудовой дисциплины. Все это приводит к положительному результату. Огромный авторитет Ф.Э. Дзержинского в рабочей среде позволяет, несмотря на личные экономические потери, осознать с ее стороны происходившие перемены как необходимые и обоснованные. «Мероприятия, проводимые в этой области, за небольшим исключением, рабочими принимаются вполне сознательно и, несмотря на то, что меры особенно чувствительно касаются бюджета рабочих, понимая это, сколько-нибудь серьезных, организованных выступлений против этой кампании не наблюдается, – указывается в сводке Омгуботдела ОГПУ за 1-15 ноября 1924 г. – Те недовольства и ропот, которые имеют место, базируются на том, что снижение расценок касается только рабочих, обходя спецов и администраторов. «Снижать нужно не только с одних рабочих, но и со служащих и со всех вообще», говорят рабочие всех предприятий…»[4, с. 483-484].

Таким образом, для успешного развития советской промышленности особенно важно было отказаться от «романтических» взглядов на организацию

труда в советском обществе и обеспечить повышение производительности труда. Эта задача была успешно решена ВСНХ во главе с Ф.Э. Дзержинским. Одновременно органы ВЧК–ОГПУ в целях предупреждения антисоветских настроений особое внимание уделяли экономическим аспектам общественной жизни. К большому сожалению, после смерти Ф.Э. Дзержинского в 1926 г. происходит серьезное изменение акцентов в деятельности органов госбезопасности, все меньше внимания уделяется экономической ситуации в стране, все больше – вопросам, имеющих политический характер. Эти изменения явились отражением общих процессов, характерных для государственной политики того времени в целом.

Список литературы:

1. Валентинов Н. (Н. Вольский) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М.: Современник, 1991. 367 с.

2. Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения. В 2-х т. (Изд. 3-е, доп.). Т. 2. 1924–1926. М.: Политиздат, 1977. 535 с.

3. Есенин С.А. Собрание сочинений в трех томах. Том третий / С.А. Есенин. М.: Изд-во «Правда», 1970. 383 с.

4. Строго секретно. Омское Прииртышье в политических информационных сводках 1920–1930 гг. Омск: ООО «Мир увлечений», 2011. 592 с.

5. Хромов С.С. Ф.Э. Дзержинский на хозяйственном фронте. 1921–1926. М.: Мысль, 1977. 340 с.

УДК 929:351.751«1941»

СИЗОВ С. Г. (Омск)
Сибирский автомобильно-дорожный университет

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО КОНСТАНТИНА БЕЖИЦКОГО КАК ПРИМЕР БОРЬБЫ НКВД С ИНАКОМЫСЛИЕМ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье исследовано дело омского писателя К.Я. Бежицкого, осуждённого в 1941 г. по политической статье и реабилитированного позднее. Автор считает, что такие процессы усиливали страх в обществе, укрепляли его консолидацию, подавляли критические настроения в отношении власти.

Ключевые слова: репрессии, спецслужбы, Омск, Великая Отечественная война, интеллигенция.

SIZOV S. G. (Omsk)
Siberian Automobile and Highway University

CRIMINAL CASE OF CONSTANTIN BEZHITSKY AS AN EXAMPLE OF THE STRUGGLE OF THE NKVD WITH DISSENT IN THE YEARS OF WAR

Annotaton: The article examines the case of Omsk writer K. J. Bezhitsky, who was convicted in 1941 of a political article and rehabilitated later. The author believes that such processes intensify the fear in the society, strengthened its consolidation, suppressed the critical attitudes towards the authorities.

Keywords: repression, special services, Omsk, the Great Patriotic War, the intelligentsia.

Период Великой Отечественной войны характеризуется ужесточением борьбы с инакомыслием. В некой степени это было оправдано условиями военного времени, в период которого всякое политическое вольномыслие рассматривалось как недопустимая нелояльность власти. Критика политики властей фактически оценивалась как предательство, способствующее ослаблению страны, усилению пораженческих и паникёрских настроений.

Статистические данные позволяют представить масштабы репрессий в предвоенный год и военные годы. Цифры, осуждённых «за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления» (т.е. по «политическим» статьям 58 и 59 УК РСФСР), приводятся в справке МВД СССР и были опубликованы В.Н. Земсковым [4]. Вот лишь фрагмент этой таблицы.

годы	всего осуждено (чел.)	В том числе			
		высшая мера	лагеря, колонии и тюрьмы	ссылка и высылка	прочие меры
1940	71806	1649	65727	2142	2288
1941	75411	8011	65000	1200	1210
1942	124406	23278	88809	7070	5249
1943	78441	3579	68 887	4787	1188
1943	78441	3579	68 887	4787	1188
1944	75109	3029	70 610	649	821
1945	123248	4252	116681	1647	668

Как видно из статистики, сравнение количества осуждённых по политическим статьям в 1940–1941 гг. даёт незначительное увеличение приговоров в 1941 г., но одновременно демонстрирует значительное их ужесточение (рост приговорённых к высшей мере). Самый напряжённый период войны (1942 г.) вновь приводит к росту репрессий, и количество смертных приговоров вновь возрастает в разы. Последний всплеск репрессий пришел на конец войны, когда после освобождения ранее оккупированных территорий были осуждены многие из тех, кого власть признала пособниками фашистов. Мы не имеем, к сожалению, статистику такого рода по Омску, но, вполне вероятно, определённый рост репрессий наблюдался и здесь, поскольку политика была общей по всей стране. Конечно, репрессивные мероприятия периода войны несравнимы по количеству пострадавших по политическим статьям с периодом «большого террора» [7].

Тем не менее, и в это время, конечно, были и пострадавшие невинно, реабилитированные позднее. Среди дел представителей интеллигенции, кто в годы войны был осуждён по статье 58-10 («за контрреволюционную агитацию»), а позднее реабилитирован, мы ознакомились с уголовными делами Бориса Леонова [8], Вацлава Дворжецкого [9]. В этот период был осуждён и редактор Омского издательства и первый редактор «Омского литературного альманаха» – поэт Константин Яковлевич Бежицкий [6].

Константин Бежицкий (настоящая фамилия – Пстыго) родился в Брянске (Орловская губерния) в 1909 г. Учился в Ленинградском институте журналистики, ноне закончил (по другим данным закончил в 1930 г.). Был сотрудником свердловских газет «На смену» и «Уральский рабочий» (1930–1935 гг.), заведующим отделом омской газеты «Молодой большевик» (1935–1937 гг.), сотрудником тюменской газеты «Красное знамя» (1937–1938 гг.).

С 1938 г. Бежицкий работал в Омском государственном издательстве редактором отдела художественной и детской литературы. Первая книга его стихов для детей «Грач и калач» (1938) вышла в Свердловском областном книжном издательстве, вторая – «Всадник» (1941) – в Омске. На рубеже 1930-х – 1940-х гг. К.Я. Бежицкий был признанным детским поэтом и журналистом, активно сотрудничал с местными газетами «Молодой большевик», «Омская правда», «Ленинские внучата», был секретарем литературного объединения при

Омском книжном издательстве, а также первым редактором «Омского альманаха» [2].

23 июля 1941 г. К.Я. Бежицкий был арестован по обвинению в «систематическом распространении контрреволюционных троцкистских взглядов клеветнического характера». Из показаний свидетелей выясняется, что этот омский писатель в конце 1930-х гг. был критично настроен к происходящим в стране событиям. Очевидно, что информацию о нём, впрочем, как и о многих других, органы НКВД собирали в течение ряда последних лет. Константин Яковлевич позволял себе резко критиковать Сталина, говоря, что в СССР «жизнь хуже в несколько раз, чем при крепостном праве, мы все крепостные, а помещики – это верхушка, сидящая в обкомах и в Москве» [1, л. 21]. Он считал, что в СССР царит произвол, «мало демократии», критически отзывался о профсоюзах («ничем нужным не занимаются»). Поэт осуждал уничтожение военачальников РККА Тухачевского, Гамарника и др., старых большевиков (Бухарина, Крестинского, Раковского).

Можно предположить, что в отношении обвиняемого использовались незаконные методы ведения следствия. Это видно из его показаний. Первоначально он отказывался признать свою вину, но через какое-то время был сломлен и признавал уже всё, что предлагал следователь. Подобная ситуация повторилась в 1944 г. и с Борисом Леоновым. Он рассказывал, в частности, о такой пытке как лишение сна.

В деле Бежицкого есть показания ряда свидетелей. Вызывался в частности и поэт Леонид Мартынов, который дал Константину не очень хорошую характеристику, обвиняя в бытовом разложении. И это, как кажется, имело свои глубокие причины. Леонид понимал, что его вызывают, чтобы получить на Бежицкого компромат. Если бы Мартынов рискнул отзываться о нём хорошо, то у следствия немедленно бы возникло «подозрение», что Мартынов покрывает врага. И в таком случае могли бы взяться за него самого. Тем более что он был когда-то осуждён по политической статье.

С другой стороны, Леонид Мартынов, прошедший уже когда-то через подобные обстоятельства, понимал, что нельзя слепо идти на поводу у следствия. Даже если страшно. А Мартынов действительно очень боялся, что, впрочем, было характерно почти для всех, кого вызывали в «Серый дом» – так омичи называли здание, где располагались местное управление милиции и госбезопасности. Если бы он сказал, что Константин с ним вёл некие политические «антисоветские» разговоры, то возник бы вопрос к самому Мартынову: почему не донёс об этом? Трудно поверить, что Леонид Николаевич не ведал, что его коллега настроен к власти критично. В то же время поэт, наверняка, знал, что нет никого, кто бы присутствовал при совместных разговорах на политические темы. Поэтому он выбрал неплохую (для тех условий) тактику. Да, Бежицкий – «лентяй», «нытик», «занимал у всех деньги», «плохо жил в семье», но «о политике», мол, ничего не знаю [1, л. 64–66]. Позднее в одном из своих журнальных очерков он тепло вспоминал К. Я. Бежицкого, поражаясь его энциклопедичности [5].

Литератора Бориса Леонова нет среди тех, кого вызывали в НКВД по этому делу, хотя Бежицкий и общался с ним. Константин не мог не знать о его исключении из партии, наверняка, располагал сведениями о его негативном отношении к культу личности Сталина, но по каким-то причинам его не назвал. Это одна из загадок этого дела. Объяснений здесь может быть несколько. В том числе и то, что тесные контакты Бежицкого и Леонова – это миф или, как минимум, преувеличение. Миф, придуманный позднее Леоновым, чтобы дать следствию дополнительный материал (а компромат из него выжимали!), но не подставить людей, которые ещё были на свободе.

Вполне возможно и другое предположение: Константин мог опасаться, что вызов Б.Ф. Леонова даст следствию серьёзные политические козыри и осложнит его положение как обвиняемого. И если следователь его о Леонове не спросил, не счёл возможным называть это имя. Позднее Борис Фёдорович, арестованный в 1944 г., рассказывал на допросе, что с Бежицким они обсуждали весьма откровенно и критично ситуацию в стране.

Возникает, правда, ещё один вопрос: почему же вездесущие органы НКВД тогда сами не вызвали и не допросили Леонова хотя бы в качестве свидетеля? Трудно усомниться в том, что сотрудники НКВД, перед тем как арестовать редактора Бежицкого, не имели обширную информацию о его контактах. Вероятнее всего в последние месяцы перед арестом контакты Леонова и Бежицкого были минимальны, а свидетелей по делу Бежицкого было более чем достаточно. Но нельзя исключить и каких-то других, неизвестных причин. (И в этой связи остаётся лишь догадываться, как повёл бы себя Леонов на допросах и очных ставках).

Не назвав следствию Леонова, Бежицкий охотно говорил о писателе Сергее Тихонове. Это был его близкий приятель и коллега, отрицать теснейшее общение с ним было бессмысленно. Тем более что навредить ему он вряд ли мог: Тихонов уже был на фронте. Дело в отношении С.Г. Тихонова было выделено в особое производство, но арестовать его не успели: в сентябре 1941 г. он уехал на фронт, а в 1942 г. – погиб.

9 октября 1941 г. прошел суд над К.Я. Бежицким. Приговор суда гласил: «Бежицкий, будучи враждебно настроен к ВКП(б) и Советской власти среди лиц его окружения проводил контрреволюционную антисоветскую агитацию, направленную против проводимой политики партии и правительства, клеветал на материальные условия жизни трудящихся в СССР, антисоветской критики подвергал указы правительства, клеветнически отзывался о профсоюзах и советской демократии, т.е. совершил преступление, предусмотренное статьёй 58-10 УК РСФСР». Подсудимый признал себя виновным полностью и был приговорён к восьми годам лишения свободы и поражению в правах на три года» [1, л. 87]. 2 мая 1942 г. он, находясь в заключении в Омске, в ИТК № 7, умер, но причины его смерти нам неизвестны. А 4 июля 1990 г. К.Я. Бежицкий полностью реабилитировали [3, с. 228].

Таким образом, война привела к арестам тех, кто был, по данным спецслужб недостаточно благонадёжен и подлежал изъятию из общества. Уголовные дела К. Бежицкого, В. Дворжецкого, Б. Леонова делались по одному лека-

лу. Целью следствия было любой ценой (в том числе, с использованием пыток) заставить подсудимых дать признательные показания. Такие процессы усиливали страх в обществе, укрепляли его консолидацию, подавляли критические настроения в отношении власти.

Список литературы:

1. Архив УФСБ России по Омской области. Отдел спецфондов. Д. П–12448. Т. 1.
2. Бродский И.Е. Бежицкий-Пстыго Константин Яковлевич // Омский некрополь. Омск, 2005. С. 143-144.
3. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области. Т. 1. А–Б. Омск, 2001.
4. Земсков В.Н. О масштабах политических репрессий в СССР // Политическое просвещение. 2012. № 1(66). – URL: http://www.politpros.com/journal/read/?ID=783 (дата обращения 07.11.2017).
5. Мартынов Л.Н. Ян Озолин // Сибирские огни. 1990. № 6. С. 165–168.
6. Поварцов С.Н. Гибель журналиста // Отечественной журналистике – 300 лет: Сб. статей. Омск, 2004. С. 60–68.
7. Сизов С.Г. «Варфоломеевские ночи» в Омске: проведение «чисток» и репрессий во второй половине 1930-х гг. // Забвению не подлежит: Материалы II регион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти жертв политических репрессий (70-летию Большого террора), 20 декабря 2007 г. Омск: ИП Загурский С.Б., 2007. С. 17−28.
8. Сизов С.Г. «Двадцатый век – не для камина»: Историческая реконструкция судьбы репрессированного литератора Бориса Леонова: монография. Омск: Изд-во ОмГПУ; Изд. дом «Наука», 2008. 412 с.
9. Сизов С.Г. Дело Вацлава Дворжецкого (Омск, 1941–1942 гг.): «тоталитарная жестокость» и «тоталитарный гуманизм» власти // Культура и интеллигенция меняющихся регионов России: XX век. Интеллектуальные диалоги XXI век. Россия – Сибирь – Казахстан: Материалы VI Всерос. науч. и науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 3–5 октября 2006 г.) / Отв. ред. В.Г. Рыженко. Ч. 1. Омск: Междунар. ин-т стратегич. проектир., Омск, 2006. С. 59–65.

УДК 947.084.3

СОКОЛОВ А. С. (Калининград)
Филиал «Санкт-Петербургского Института внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Калининграде

ФИНАНСОВО–ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОРГАНОВ ВЧК

Аннотация: Статья посвящена исследованию процесса финансово-хозяйственного обеспечения органов ВЧК. На основе документальных источников доказывается наличие проблем в этой сфере деятельности, которые оказывали негативное влияние на работу ВЧК. Автором показана структура расходов органов государственной безопасности Советской России. Рассмотрены расходы по содержанию чекистов, «особые» и хозяйственные расходы.

Ключевые слова: ВЧК, спецслужбы, финансы, хозяйственное обеспечение, Гражданская война.

SOKOLOV A. S. (Kaliningrad)
The branch «Saint-Petersburg Institute of foreign economic relations, Economics and law» in Kaliningrad

FINANCIAL AND ECONOMIC SECURITY OF BODIES OF THE ALL-RUSSIAN EXTRAORDINARY COMMISSION

Annotation: the Article investigates the process of financial – economic security of the Cheka. On the basis of documentary sources to prove the existence of problems in this field, which had a negative impact on the work of the Cheka. The author shows the cost structure of the organs of state security of Soviet Russia. Considered the costs of the security officers, «special» and business expenses.

Keywords: VChK, special services, finance, economic support, Civil War.

Исследование финансово-хозяйственного обеспечения органов ВЧК вызывает ряд проблемных вопросов. В отечественной историографии основное внимание уделялось денежному содержанию чекистов [3; 10], в то время как финансово-хозяйственное обеспечение ВЧК освещалось либо в общих чертах [8], либо в рамках регионального аспекта [11].

Финансово-хозяйственное обеспечение органов ВЧК включало деятельность по распределению и использованию денежных средств, а также материальных благ с целью выполнения задач и реализации функций органов государственной безопасности. Главной задачей финансового обеспечения органов ВЧК являлось распределение и использование денежных средств на нужды организации. На первых порах становления ВЧК ее руководство испытывало трудности в этом вопросе. Связано это было с саботажем старой финансовой системой Советской власти, а также отсутствием навыков у представителей

большевиков по денежным вопросам и элементарных условий для реализации подобного рода деятельности. Об этом говорит тот факт, что первое время касса органов ВЧК находилась на руках у казначея.

Первоначально средства на обеспечение деятельности ВЧК выделялись без должного сметного регулирования, через НКВД. В 1918 г. получала от НКВД 750 000 руб. ежемесячно, а также дополнительные средства на содержание Бутырской тюрьмы и Корпуса ВЧК [5, Ф. 130. Оп. 2. Д. 103. Л. 3]. Местные ЧК, как правило, финансировалась за счет регионального бюджета [8, с. 778]. Бухгалтерская отчетность осенью 1918 г., по данным ревизии государственного контроля, была в ужасном состоянии. При подсчете кассы 29 сентября в ней был обнаружен излишек в сумме 964 562 руб. Причем, ни заведующий кассой, ни кассиры не смогли дать исчерпывающих объяснений по этому вопросу. В делопроизводстве имелся пробел с 6 июля по 1 августа, который восстановить в точности представлялось «затруднительным». Из-за отсутствия контроля имели место случаи ошибок при выдаче денег по ордерам. Так, по одному из ордеров вместо 3000 руб., выписанных бухгалтерией, касса выдала 30000 руб., а гр. Гринбергу вместо 10400 руб. вернули 20800 руб. в результате наличия дублирующих постановлений [5, Ф. 130. Оп. 2. Д. 103. Л. 2об-3об., 5].

Главным же недостатком, из-за отсутствия порядка в бухгалтерии ВЧК, было создание условий для возможных злоупотреблений. Дело в том, что органы ВЧК постоянно нуждались в деньгах. К примеру, войска ВЧК по всей России не имели до ноября 1918 г. «самостоятельного кредита», а отпускались частично на средства, отпускаемые ВЧК и губЧК из средств НКВД. В результате кредиты многих губЧК к ноябрю месяцу были исчерпаны [6, Ф. 76. Оп. 3. Д. 34. Л. 1]. В условиях отсутствия денежных средств была распространена практика, когда ВЧК расходовала не принадлежащие ей суммы, делая заимствования в Отделе хранилищ, куда поступали деньги, взятые при арестах, а также штрафы и залоги [5, Ф. 130. Оп. 2. Д. 103. Л. 3; Ф. 393. Оп. 25. Д. 9. Л. 11]. Согласно расходной части Отчета ЧК Западной области 783 750 руб. по счету штрафа и конфискованных денег были внесены в фонд РСФСР. Из оставшихся сумм потрачено 123 803 руб. на жалование, 11 381 руб. на канцелярские расходы, 17 210 руб. на суточные и путевые расходы, 12 336 руб. на содержание конюшни и перевозочных средств, и 65 189 руб. на чрезвычайные расходы [4, с. 152]. Согласно официальным данным Отделом по борьбе со спекуляцией за 1918 г. конфисковано с марта по июль на сумму 3 858 920 руб. 69 коп. и получено штрафов на сумму 6 311 497 руб. Из конфискованных средств 2 470 945 руб. было передано в разные правительственные распределительные органы [4, с. 118]. Как видно, чекисты переводили конфискованные деньги на счет государства, но и на свои нужды использовали средства. Объем таких денег был весьма внушительным, что в отсутствии системы контроля приводило к негативным последствиям. Как отмечал ревизор Государственного контроля: «В случае конфискации (конфискации в пользу республики, а не в пользу служащих ВЧК, как это иногда имело место) республика в праве требовать от ВЧК и последняя обязана это исполнить, что бы все конфискованные деньги, и деньги, выручен-

ные за продажу конфискованного поступали немедленно в доход казны» [5, Ф. 130. Оп. 2. Д. 103. Л. 4].

Необходимо отметить, что понимание у чекистов негативного влияния такого положения дел было [5, Ф. 393. Оп. 25. Д. 9. Л. 11]. Работа Отдела хранилищ к ноябрю 1918 г. была изменена, из него все деньги и процентные бумаги передавались сразу в кассу. Касса ВЧК была переведена в более удобное помещение, привели в порядок ведение книг и ордеров, а главное переведены «огромные ценности в Народный Банк на хранение, в том числе на текущий счет ВЧК 7 626 000 руб.». Было установлено «точное наличие кассы, и вменено в обязанность кассиру давать ежедневные для Президиума и Бухгалтерии сведения о движении сумм в кассе» [5, Ф. 130. Оп. 2. Д. 103. Л. 3об, 20].

В декабре 1918 г. появилась «Инструкция по авансовой отчетности ВЧК», составленная бухгалтером ВЧК [5, Ф. 130. Оп. 2. Д. 103. Л. 39, 40]. Она устанавливала порядок, при котором авансы подотчетным учреждениям и лицам выдавались по ассигновкам, а авансы служащим в счет жалования не выдавались. Все расходы вносились в кассовую книгу с указанием числа и номера кассового ордера. Отчетные лица обязаны представить оправдательные документы, которые подлежали проверке, после чего разница возмещалась. Расходы должны быть целенаправленными, т.е. соответствовать целям, указанным при первоначальном назначении аванса. Отчет должен быть составлен ясно и по установленной форме, подписан распорядителем аванса и его руководителем. Инструкцией установлено, что каждая оплата, как бы не была она мала, должна быть оправдана соответствующими документами. При этом в § 13 определен широкий перечень требований к таким документам [5, Ф. 130. Оп. 2. Д. 103. Л. 39, 40].

Губернским и уездным ЧК для правильной отчётности реквизированных, конфискованных, отобранных при обысках товаров и денег, а также для правильной регистрации дел была опубликована форма отчетной товарной книги и книги Регистрации дел осенью 1918 г. в № 1 «Еженедельника ВЧК» [4, с. 84–85].

Между тем, проблема состояния отчетности продолжала существовать долго. Народный комиссариат Государственного контроля писал 27 августа 1919 г. в Президиум ВЧК о выявленных нарушениях в ходе проверки Управления ВЧК. Из претензий следовало, что в ВЧК по-прежнему хранили в сейфах деньги и драгоценные металлы, подлежавшие сдаче в Нарбанк или Госказначейство. Не было порядка и в определении, согласно сметным правилам, сумм, подлежащих сдаче в доход казны. Административный отдел Государственного контроля рекомендовал ВЧК установить надлежащие ведение отчетности, а также упорядочить хранение и распоряжение поступающих средств [5, Ф. 4390. Оп. 4. Д. 111. Л. 4–5]. Между Народным комиссариатом Государственного контроля и ВЧК велась переписка о предоставлении последней отчетности за 1918 г. и первую половину 1919 г. В июне ВЧК выслала за № 10908 требуемые оправдательные документы. Их состояние не удовлетворило Государственный контроль, который просил в октябре «срочно сообщить в каком положении находится отчетность за 1918 г. и 1-ю половину 1919 г., а также категорически

определить крайний срок сдачи таковой в вполне законченном виде» [5, Ф. 4390. Оп. 4. Д. 177. Л. 4-6].

Финансирование местных органов ВЧК шло из двух бюджетных источников: государственного и местного. В 1919 г. были установлены типовые сметы расходов местных Советов и их органов, которые финансировались за счет государственной казны [8, с. 428]. Сметы на финансирование ЧК утверждал губернский или областной исполком. Государственное же финансирование местных ЧК осуществлялось через объединенный финотдел НКВД–ВЧК. В рамках этого отдела было специальное отделение, где готовились и согласовывались сметы на содержание органов ВЧК. Проекты этих смет утверждались совместными решениями коллегий НКВД и ВЧК, после чего направлялись для утверждения в СНК. В смету включались следующие статьи расходов: содержание личного состава, канцелярские и хозяйственные расходы, суточные и путевые расходы, почтово-телеграфные расходы, коммунальные расходы (наем помещений, освещение и отопление), экстраординарные расходы, а также секретные расходы [8, с. 429, 864].

Согласно смете Управления ВЧК, в структуре расходов самую большую часть занимала выплата жалования сотрудникам. На эту статью уходило 60% всех денежных поступлений. Следующей по объему выделяемых денежных средств были статьи на хозяйственные нужды и содержание помещений, которые требовали 20 – 23% от всех поступлений. Особые расходы составляли до 7% всех денег [5, Ф. 4390. Оп. 4. Д. 111. Л. 54, 58].

Если сравнить смету за вторую половину 1918 г. и за первую половину 1919 г., то расходы Управления ВЧК увеличились с 6,5 до 8 млн. руб. А если учитывать вместе с подведомственными учреждениями, то с 10 до 26 млн. руб. [5, Ф. 4390. Оп. 4. Д. 111. Л. 54, 58]. Такой рост объясняется не только включением в смету расходов на войска ВЧК и МЧК, но и обесцениванием денег. С учетом уровня инфляции и расширения ведомства, расходы ВЧК заметно выросли. Если в 1918 г. ВЧК получила из НКВД 13 900 000 руб., то в первой половине 1919 г. было отпущено 348 258 215 руб. по смете [5, Ф. 4390. Оп. 4. Д. 177. Л. 1, 1об, 7, 9]. К 1921 г. инфляция сводит на нет все финансовое обеспечение органов ВЧК. С октября 1917 г. по июнь 1921 г. денежная масса возросла в 120 раз, а розничные цены – почти в 8 тыс. раз [2, с. 30]. Распространенно явление «катастрофической» нехватки средств на местах [5, Ф. 393. Оп. 26. Д. 70. Л. 39]. Проблему недостатка финансирования пытались решать в экстренном порядке. Денежные средства перевозили специальными курьерами и вагонами, но и их не хватало. Если в 1919 г. на войска ВЧК требовалось 15 млн. руб. [5, Ф. 4390. Оп. 4. Д. 111. Л. 58об.], то в июне 1921 г. в дополнение к кредиту, отпущенному на содержание войск в марте, СНК постановил выделить НКВД 1 млрд. руб. [5, Ф. 393. Оп. 26. Д. 70. Л. 108].

Самой крупной статьей расходов ВЧК являлась выдача жалования чекистам. Декрет СНК РСФСР от 27 июня 1918 г. «Об оплате труда служащим и рабочим советских учреждений» была ввел единую систему оплаты труда для государственных служащих в РСФСР [5, Ф. 1235. Оп. 93. Д. 67. Л. 98]. Декрет установил 4 основные группы служащих по уровню оплаты труда. К 1-ой

группе относились чиновники высшего звена, а «все служащие со специальными знаниями и опытом, применяющие их в процессе работы, но ведущие свою работу под руководством ответственных лиц» были причислены ко 2-й. К 3-й группе были отнесены все профессиональные рабочие и служащие без специальности, а самые неквалифицированные к 4-й. Для каждой группы были определены три категории должностей с соответствующими окладами. Максимальный оклад, установленный декретом, составлял 1200 руб., а минимальный – 350 руб. в месяц [5, Ф. 1235. Оп. 93. Д. 67. Л. 98 – 104]. Кроме того, были определены размеры окладов в зависимости от местности и значения города, где располагалась ЧК, и за основу расчета применяли тарифные ставки Москвы, принятые за 100%. Вся страна была поделена на 7 районов. Самая большая оплата была установлена для губернских городов и местностей особого значения (к примеру, Петрограда (120%), Архангельской (100%), Владимирской (95%)), самая маленькая для прочих городов и местностей (к примеру Сибири, и Степного края (35%)) [4, с. 139–140].

С 1 сентября 1918 г. были повышены месячные оклады. Для минимального оклада повышение составило с 350 до 500 руб. (на 42,9%), а для максимального с 1 200 до 1 480 руб. (на 23,3%). С учетом регионального коэффициента минимальный оклад для 10 категории 7 района составлял 225 руб. [4, с. 141, 142]. Следовательно, соотношение между минимальным и максимальным окладом в рамках всей страны с учетом регионального коэффициента составляло приблизительно 1 к 7. Если обратиться к окладам Корпуса войск ВЧК, то получается следующая картина: начальник штаба стал получать 1480, его помощник 1360, машинист 665, командир батальона 1060, командир взвода 610, а рядовой 250 руб. [5, Ф. 4390. Оп. 15. Д. 32. Л. 18–20].

Инфляция способствовала как росту регионального коэффициента, так и непосредственно окладов чекистов. К весне 1919 г. минимальный порог для Северного Кавказа, Урала и Оренбургской губернии составил 45% [5, Ф. 393. Оп. 89. Д. 336. Л. 11об., 12], а во второй половине 1919 – начале 1920 годов этот порог для Тульской, Тамбовской, Самарской, Симбирской, Астраханской, Оренбургской и Уфимской губерний был установлен в размере 60%. Максимальное значение регионального коэффициента с сентября 1919 г. составляло уже 150% [7, с. 4–6]. Согласно, Приказа № 87 от 12 апреля 1919 г. заведующий окружным транспортным отделом ЧК получал 2200 руб., следователь 1670, а курьер 770 руб. [5, Ф. 393. Оп. 89. Д. 336. Л. 11], а Приказа № 3 от 24 января 1920 г. члены коллегии и заведующий отделом 5 063, следователи от 3750 до 4125, курьеры от 2 500 до 2 700 рублей [7, с. 3].

Разница между региональными коэффициентами объясняется не только сложностью службы в отдельно взятом регионе, но и величиной прожиточного минимума. По мере перехода от районов с высокими ценами на продукты, к районам более дешевых цен наблюдается и разница в зарплатах, достигавшая величины в 2–2,5 раза [9, с. 19]. Цена ржаной муки за пуд в РСФСР составляла в январе 1918 г. 60, в январе 1919 г. 550, а в январе 1920 г. 9 000, а в декабре 1920 г. 34 000 руб. [9, с. 26]. Соответственно, на начало 1919 г. жалование следователя без учета регионального коэффициента, составляло 1670, а на начало

1920 г. –4125 руб., что позволяло купить ему 3 пуда и 0,5 пуда ржаной муки, соответственно. В результате, при быстрой натурализации зарплаты ее денежная составляющая не обеспечивала пищевой рацион [11, с. 12]. Более того, в связи с экономическим кризисом правительство сталкивается с нехваткой денег. Распространенным явлением было отсутствие выплат жалования сотрудникам на протяжении большого промежутка времени. Поэтому в доходах чекистов начинает играть все большую роль натуральные продукты и товары. Дошло до того, что летом 1921 г. для непосредственного товарообмена на вольном рынке чекистам выдавали шелк, пуговицы, мужские и женские шарфы, наперстки и т.п. [5, Ф. 4085. Оп. 11. Д. 696б. Л. 21–21об.].

Итогом такого материального положения стало письмо секретаря оргбюро Донецкого губкома В.Н. Манцева, написанное Ф.Э. Дзержинскому 15 июня 1922 г., в котором его автор отмечал: «Денежное вознаграждение, которое уплачивается сотруднику, мизерное – так же, как и продовольственный паек. Сотрудник, особенно семейный, может существовать, только продавая на рынке все, что имеет. А имеет он очень мало. И потому он находится в состоянии перманентного голодания. На этой почве происходит общее понижение работоспособности, настроение сотрудников озлобленное, дисциплина падает… Зарегистрирован ряд случаев самоубийства на почве голода и крайнего истощения» [6, Ф. 76. Оп. 3. Д. 245. Л. 4].

Особые расходы составляли важную часть всех расходов ВЧК. Анализ смет Особого отдела Брянской, Новгородской, Оренбургской и Орловской губЧК за январь 1920 г. показал, что в среднем расходы в месяц колебались в районе 400 – 500 тыс. руб. в месяц. Наблюдается превышение особых расходов над выплатами штатному гласному составу в 2 – 4 раза [5, Ф. 393. Оп. 25. Д. 11. Л. 10; Д. 42. Л. 27; Д. 45. Л. 11; Д. 46. Л. 2].

На содержание агентуры Особые отделы тратили от 39 600 до 132 000 руб. в зависимости от количества агентов и размера их месячного оклада. В среднем на губернский Особый отдел приходилось по 25 агентов. Только в Особом отделе Орловской губЧК числилось 45 агентов [5, Ф. 393. Оп. 25. Д. 46. Л. 2]. Месячные оклады агентуры в зависимости от разряда и местности колебались от 1980 руб. для Особого отдела Оренбургской губЧК [5, Ф. 393. Оп. 25. Д. 45. Л. 11] до 3 960 руб. для Особого отдела Новгородской губЧК [5, Ф. 393. Оп. 25. Д. 42. Л. 27]. Дополнительно выделялись деньги по наблюдению, командировкам агентуры и содержанию конспиративных квартир в размере от 45 000 до 80 000 руб. Кроме того, отдельной строкой расходов проходили суммы на содержание осведомителей и другие расходы по информации от 20 000 до 170 000 руб. Между тем, на особые расходы, связанные с тратами на подавление восстаний и волнений в сметах было заложено от 5 000 до 10 000 руб. [5, Ф. 393. Оп. 25. Д. 11. Л. 10; Д. 42. Л. 27; Д. 45. Л. 11; Д. 46. Л. 2]. Агентурные расходы включали в себя: «разъезды по городу»; командировки агентов; расходы по наблюдению не только в городе, но и в местах командировки (в театрах, кафе), получение различного рода справок; содержание «конспиративных квартир» [11, с. 15]. Особое внимание руководство Особых отделов в смысле продуктивности работы возлагало на покупку гардероба.

Для успеха в деле конспирации Особому отделу Брянской губЧК требовалось минимум 15 пальто, костюмов и пар ботинок [5, Ф. 393. Оп. 25. Д. 11. Л. 9].

Хозяйственное обеспечение имело, как и финансовое, немало трудностей. Особенно это сказывалось на обеспечении ЧК средствами передвижения, что создавало массу проблем с реализацией задач, возложенных на органы государственной безопасности. В августе 1919 г. начальник Особого отдела Е.Г. Евдокимов пишет Ф.Э. Дзержинскому рапорт о предоставлении средств передвижения в распоряжение отдела. В рапорте отмечается, что провалилась целая операция «за неимением машин» [6, Ф. 76. Оп. 3. Д. 71. Л. 1, 1об]. Имела место и простая бесхозяйственность, о чем говорит случай с «мерседесом» на ул. Краснопрудной в г. Москве. Автомобиль простоял больше двух недель в октябре 1919 г. на улице брошенным [5, Ф. 4390. Оп. 4. Д. 111. Л. 29]. В ходе проверки выяснилось, что «мерседес» был передан ВЧК 24 февраля 1918 г. 1–м авто-боевым отрядом им. Я.М. Свердлова в неисправном состоянии. У машины отсутствовали задние колеса и кардан. Согласно справке авто-отдела ВЧК, к моменту транспортировки (после года стоянки), у машины кроме упомянутых колес и кардана, были разбиты стекла, порвана обшивка салона и отсутствовали «двигатели». В ходе буксировки мерседеса на главный московский склад автоимущества у него рассыпались передние колеса. Рабочие просто бросили машину на ул. Краснопрудной, где она и простояла больше двух недель [5, Ф. 4390. Оп. 4. Д. 111. Л. 23–26].

На расходы по содержанию помещений, средств передвижения, услуги почты и телеграфа, канцелярские принадлежности выделяли определенные средства. Исходя из анализа смет Особого отдела Брянской, Новгородской, Оренбургской и Орловской губЧК за январь 1920 г. можно сказать, что в среднем в месяц на хозяйственные нужды было необходимо приблизительно 35000–90000 руб., т.е. от 7 – 20% бюджета [5, Ф. 393. Оп. 25. Д. 11. Л. 10; Д. 42. Л. 27; Д. 45. Л. 11; Д. 46. Л. 2]. Это сопоставимые расходы со сметой Управления ВЧК, если учесть стоимость обслуживания жилых помещений и что в центре использовали автомобильный транспорт, а не гужевой. В 1920 г. Петроградской губЧК содержание одного из 15 автомобилей с учетом заправки обходилось приблизительно в 27 000 руб. в месяц [11, с. 20]. Стоимость обслуживания всех лошадей Особого отдела Брянской, Новгородской, Оренбургской и Орловской губЧК колебалась от 5000 до 17000 руб. [5, Ф. 393. Оп. 25. Д. 11. Л. 10; Д. 42. Л. 27; Д. 45. Л. 11; Д. 46. Л. 2], с учетом того, что на каждую требовалось по 10 фунтов овса и 20 фунтов сена в сутки [5, Ф. 393. Оп. 25. Д. 45. Л. 12].

В зданиях, находившихся в распоряжении Петроградской губЧК в 1920 г., были учтены 2064 электрические лампочки. На освещение, «энергию и принадлежности» тратилось в месяц 27 700 руб., а для обслуживания 310 телефонов, в том числе 100 коммутаторных аппаратов, требовалось 40000 руб. в месяц. Канцелярские и типографские расходы обходились приблизительно в два раза дороже [11, с. 20]. Содержание помещений Особого отдела Оренбургской губЧК за январь 1920 г. обошлось в 36650 руб., с учетом ежемесячного расхода на 1 из 9 печей ¾ погонных сажени в месяц, при стоимости 800 руб. за сажень. На освещение 4 дежурных лампочек горящих всю ночь и 14

лампочек горящих по 5 часов в сутки платили по 20 и 10 руб., соответственно. Содержание 2 телефонов обходилось по 2500 руб. в год за аппарат. На канцелярские и фотографические принадлежности было заложено в смете 40000 руб. [5, Ф. 393. Оп. 25. Д. 45. Л. 11, 12].

ВЧК несмотря на проблемы пыталась использовать научно-технические достижения в своей работе. Весной 1920 г. были проведены испытания металлоискателей и научно-техническому отделу ВСНХ было заказано 50 аппаратов. Говорить о каком-то кардинальном прогрессе в хозяйственном обеспечении не приходится. Имеющиеся 2 металлоискателя применялись в работе ВЧК, но выдающихся результатов из-за проблем с чувствительностью не дали [5, Ф. 130. Оп. 3. Д. 171. Л. 9]. Сложностей с техническим обеспечением хватало. В 1921 г. автомобильному отделу ВЧК пришлось обращаться в частную мастерскую для вулканизации имеющихся покрышек, т.к. соответствующего оборудования в ведомственном хозяйстве не имелось [5, Ф. 4085. Оп. 11. Д. 695].

В Петрограде ВЧК занимало здание бывшего Управления Санкт-Петербургского градоначальства и столичной полиции по адресу ул. Гороховая, д. 2, которое было построено в конце XVIII в. архитектором Дж. Кварнеги. Здание было передано в феврале 1918 г. вместе с мебелью и обслуживающим персоналом (кучера, дворники, швейцары) в распоряжение ВЧК [6, Ф. 76. Оп. 3. Д. 8. Л. 1]. В марте 1918 г. ВЧК переезжает в Москву, где первоначально располагается в доме №11 на ул. Большая Лубянка, но уже в 1920 г. сотрудники центрального аппарата обосновались в здании, построенным страховым обществом «Россия» по адресу ул. Большая Лубянка д. 2 [1, с. 76]. Расположение зданий в центре города, показывало стремление советской власти подчеркнуть статус органов государственной безопасности. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в губернских городах. Здание Ярославской губЧК сначала располагалось в бывшем особняке Вахрамеева, а после событий июля 1918 г. в бывшем доме Сакина [12, с. 112 – 113, 336 – 337]. Необходимо отметить, что ВЧК не была всесильной в отношении занятия зданий. На это указывает случай с имением Зубалово, в котором располагалась лечебница. Часть имения было отдано для инженерного полигона ВЧК. Несмотря на определенное сопротивление ВЧК, имение было полностью передано здравотделу Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, а начальнику полигона т. Короставшевскому было предписано «в предельный срок выполнить постановление Президиума Московского Совета о передаче имения Зубалово» [6, Ф. 76. Оп. 3. Д. 123. Л. 9].

Таким образом, организация финансовой деятельности ВЧК на первых порах находилась в крайне неудовлетворительном состоянии. Отсутствие механизма бухгалтерской отчетности, в совокупности с практикой использования штрафных и конфискованных денег для своих нужд, создавали базу для негативных явлений в чекистской среде. И хотя ВЧК отчитывалась о сдаче внушительных сумм в пользу государства, а также предпринимала ряд мер по нормализации финансового механизма, проблемы в этой сфере имели место долгое время. С другой стороны, инфляция и экономический кризис свели на нет все

финансовое обеспечение органов ВЧК к 1921 г., повседневной обыденностью для которых становится нехватка средств.

В структуре расходов ВЧК самую большую часть занимала выплата жалования сотрудникам. Следующими по объему поступлений денежных средств были статьи на хозяйственные и особые расходы. В основу механизма начисления жалования сотрудникам ЧК были положены профессиональный и региональный критерий. Разница между минимальным и максимальным жалованием была небольшой, что было проявлением позиции руководства Советской России в отношении социальной справедливости. Между тем, инфляция и экономический кризис свели на нет денежное обеспечение чекистов, а попытки натурализации их жалования успеха не имели, что, в конечном итоге, способствовало кризисным явлениям в ВЧК.

Секретные расходы были одними из приоритетных, т.к. в структуре финансирования Особых отделов они значительно превосходили затраты на содержание штатного персонала сотрудников. С точки зрения уровня затрат основным методом работы для Особых отделов губернских ЧК являлся агентурный метод. Оплата услуг агентов напрямую зависела от их разряда и регионального коэффициента. Причем основным методом вербовки, судя по количеству средств, выделяемых на содержание агентов, являлось именно материальное вознаграждение.

Обеспечение хозяйственных нужд органов ВЧК было минимально допустимым. Объемы выделяемых средств зависели от значения города, где располагалась ЧК. Несмотря на наличие проблем в хозяйстве ВЧК, руководство страны стремилось внедрить в ее работу новейшие научно-технические разработки. Значение деятельности органов государственной безопасности подчеркивалось и их расположением в престижных зданиях в центре города. Хотя возможности ВЧК не были безграничными в этом вопросе.

Список литературы:

1. Архив ВЧК: Сборник документов / Отв. ред. В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров; Сост. В. Виноградов, Н. Перемышленникова . М.: Кучково поле, 2007.
2. Белоусов В.Д., Бирюков В.А. Попытка отмены денег в годы военного коммунизма // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2012. № 2. С. 25–35.
3. Бухарин Р.Р. Социально-экономическое положение сотрудников ВЧК – ГПУ – ОГПУ в 1920-х годах // Вестник Военного университета. 2011. № 3. С. 147 – 151.
4. ВЧК уполномочена сообщить… Жуковский; М.: Кучково поле, 2004.
5. ГАРФ.
6. РГАСПИ.
7. Сборник приказов и постановлений о работе ВЧК. Б.м. Б.г.
8. Скоркин К.В. На страже завоеваний Революции. История НКВД–ВЧК–ГПУ РСФСР. 1917–1923. М.: ВивидАрт, 2011.

9. Статистика труда в промышленных заведениях. Явки на работу, прогулы и заработная плата рабочих в 1920 году. Москва, 1922.

10. Труш С.Н. Материальное обеспечение и условия труда чекистов (На материалах харьковской губернской чрезвычайной комиссии, 1919–1922 гг.) // Universum: общественные науки. 2015. № 8-9(18) // www.7universum.com/ru/social/archive/item/2595 (дата обращения: 15.08.2017).

11. Ходяков М.В. «Приходиться тратить немало денег для сохранения конспиративности»: Петроградская губернская ЧК периода гражданской войны в материалах финансовых органов // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 7–23.

12. Ярославская губЧК: начало пути. Т. 1. 1917–1919 гг. Сб. док. и мат. по истории органов государственной безопасности Ярославской области. М.: Граница, 2010.

УДК 357.746.1:94

СУШКО А. В. (Омск)
Омский государственный технический университет,
Омский автобронетанковый инженерный институт

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПЕЦСЛУЖБ

Аннотация: В работе проведена оценка возможности использования цивилизационного подхода для изучения истории советских органов государственной безопасности. Автор приходит к выводу о правомерности его использования, в том числе и при проведении региональных исследований.

Ключевые слова: цивилизационный подход к истории, органы государственной безопасности, спецслужбы, Иван Грозный, Петр Великий, Сталин.

SUSHKO A. V. (Omsk)
Omsk State Technical University,
Omsk Auto Armored Engineering Institute

TO THE QUESTION OF INFORMATION POTENTIAL DOCUMENTS OF THE BODIES OF THE VCHKH-GPU-OGPU ON SPECIAL ACCOUNTING OF THE EX–WHITE

Annotation: The work assesses the possibility of using the civilizational approach to study the history of the Soviet state security agencies. The author comes to a conclusion about the legitimacy of its use, including in the conduct of regional studies.

Keywords: civilizational approach to history, state security bodies, special serves, Ivan the Terrible, Peter the Great, Stalin

Выбор темы данной работы обусловлен следующими обстоятельствами. В 2015 г. наш аспирант В.П. Василевский написал и успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Деятельность органов ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье (1922–1934 гг.)» [4]. В качестве методологической основы диссертации мы избрали цивилизационный подход к истории. Это вызвало критику со стороны ряда специалистов. Так официальный оппонент, известный пермский историк А.Б. Суслов, в своем отзыве указал, что «чрезвычайно спорным представляется определение "цивилизационного подхода" в качестве теоретической основы исследования». После конструктивной критики, где, в частности, отмечено, что «применение такого подхода уместно лишь для более масштабных в историческом времени и пространстве процессов», в заключение суждений о некорректности использования цивилизационного подхода, А.Б. Суслов иронично поставил В.П. Василевскому вопрос: «Не собирается ли автор поставить

вопрос о формировании в России чекистской цивилизации?». В отзыве на автореферат новосибирского историка М.С. Саламатовой использование цивилизационного подхода также вызвало «некоторое недоумение».

Когда в 2016 г. при подготовке заявки на грант РФФИ на проведение данной научной конференции, посвященной 100-летию создания органов ВЧК (не поддержанную фондом), анонимный эксперт на заявленную в качестве повода дату и предполагаемое название данного доклада дал следующий комментарий: «Название доклада организатора конференции – "К вопросу об использовании цивилизационного подхода для изучения истории отечественных спецслужб". Арнольд Тойнби, наверное, ворочается в гробу. Совершенной дичью – да простят меня заявители и экспертный совет фонда за неакадемическую лексику – является приурочивание конференции к 100-летию ВЧК. Есенинское "не расстреливал несчастных по темницам" именно об этой организации». Мы признательны эксперту за прямоту и честность оценки! Однако, мы принципиально не согласны с его суждениями.

В прозвучавшей критике можно выделить два аспекта: научный и мировоззренческий (идеологический). Научная критика связана с неуместностью, на взгляд ряда историков, применения цивилизационного подхода к истории советских органов государственной безопасности. Также очевидно, что мировоззренческое неприятие некоторыми отечественными историками сталинизма, где в системе органов государственной власти спецслужбы занимали особое место и были связаны с массовыми политическими репрессиями в отношении граждан, побуждает таких историков доказывать, что цивилизационный подход неприемлем для истории сталинизма как явления для истории России не типичного, обернувшегося для многих граждан трагедией.

Цель данной работы – обосновать возможность применения цивилизационного подхода к истории советских органов государственной безопасности в связи с отмеченными аспектами его критики.

На наш взгляд, именно цивилизационный подход, наряду с антропологическим, должен быть основным при освещении истории отечественных органов государственной безопасности (в том числе и советских). Как известно, сторонники цивилизационного подхода рассматривают цивилизацию как основную единицу исторического процесса, развивающуюся через «ответы» на «вызовы» истории. Так, один из основоположников цивилизационного подхода А. Тойнби основным «вызовом» для русской православной цивилизации считал непрерывное внешнее давление соседей. Оно началось с Востока, когда на русские земли пришла Орда во главе с Батыем. В ответ русская цивилизация, обновив общественное устройство, впервые за всю историю цивилизаций победила кочевников, «преобразовав кочевые пастбища в крестьянские поля». В XVII в. Запад в лице Польши попытался покончить с Россией. В ответ Россия при Петре I вышла на Балтику, создав флот и основав Петербург[12, с. 140–142]. Утвердившийся в XX в. в России коммунизм британский историк рассматривал как «контрудар», отбивающий назад то, что Запад навязал России в XVIII в. Экспансия коммунистических идей явилась для британского историка лишь

одним из неизбежных ответов на противоречие «между западной цивилизацией как агрессором и другими цивилизациями как жертвами». Важно, что британский историк рассматривал историю российской цивилизации как единство русской и советской историй. Из вышеозначенного очевидна особая значимость государства в русской истории. Оно организовывало «ответы» российской цивилизации на внешние «вызовы».

Говоря об актуальности исследования истории отечественных спецслужб, орловские историки А.Ю. Саран и А.Б. Гуларян справедливо подчеркивают, что «история спецслужб является частью истории госаппарата, а в более широком контексте – истории политических систем» [10, с. 6]. Органы безопасности – важнейший орган любого государства. Можно утверждать, что у народов с исключительно высокой значимостью государства в истории и культуре, соответственно, огромное значение имеют и органы государственной безопасности. Наиболее значительные модернизации российского общества, в ответ на внешние и внутренние вызовы проводившиеся руководителями государства, сопровождались созданием специальных органов, обеспечивавших безопасность режиму личной власти правителя и защищавших государство от реальных и мнимых угроз. Эти органы занимались политическим сыском и имели внесудебные полномочия.

Именно в подобном контексте правомерно рассматривать опричнину Ивана Грозного, проводившего централизацию русского государства при наличии в обществе сил активно противостоявших этому процессу и при отсутствии доставочных предпосылок для ненасильственного его проведения. Во время правления первого русского царя перед страной стояла дилемма: либо сильная самодержавная власть, опирающаяся на дворянство и обеспечивающая единство страны; либо произвол аристократии, претендовавшей на ограничение власти главы государства. Введя опричнину, Иван Грозный сделал выбор в пользу первого сценария. В этой связи символична атрибутика опричного воинства. Таубе и Крузе писали: «Опричники (или избранные) должны во время езды иметь известное и заметное отличие, именно следующее: собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это обозначает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают все лишнее из страны».[15, с. 67, 71]. Советский историк Д.Н. Альшиц убедительно доказал, что посредством опричнины царь установил самодержавие. Он считал, что опричные методы управления проявлялись на всем протяжении существования царской власти в России. Исследователь высказывал мысль, что «иначе и не могло быть. Социальное происхождение самодержавия неразрывно связано с опричниной. А происхождение, как известно, можно отрицать, но нельзя отменить» [1, с. 242]. Опричнина – это не вполне успешная попытка создания особого органа, представители которого несли ответственность только перед царем. Через опричнину (специальную службу государя), правитель, руководствовавшийся религиозными и политическими мотивами, пытался «очистить страну» от своих противников в соответствии с сознанием того времени являвшимися врагами царя, а значит и врагами государства. Как известно, несмотря на имевшие место существенные неудачи

и трудности, правление Ивана Грозного значительно расширило русское государство, царем было успешно проведено масштабное реформирование основных сфер общественной жизни.

В годы правления Петра I Россия должна была ответить на внешний вызов Запада. Для решения этой задачи царь выбрал путь насильственной модернизации общества. По отношению к Западу она являлась догоняющей. Как отмечают современные историки, «важнейшая особенность петровских преобразований состояла в том, что они в значительной степени означали разрыв со всем предшествующим культурно-цивилизационным развитием России, что не могло не вызвать сопротивления многочисленных приверженцев старых русских традиций из среды московского боярства и православного духовенства» [14, с. 84]. В этой связи одним из шагов Петра I по совершенствованию системы государственного управления стало создание системы политического сыска, адекватной условиям времени. Исследователь С.В. Карпенко отмечает, что «обострение борьбы группировок знати за самодержавный трон, массовое недовольство реформами и наличие двух столиц, старой и новой, заставили Петра I развернуть систему сдвоенного центра политического сыска: Преображенский приказ в Москве – Тайная канцелярия в С.-Петербурге (вдобавок они имели по отделению в другой столице). Направляя и подстегивая их, он превратил свои детища в беспощадное орудие изничтожения своих и самодержавия врагов всех мастей. В итоге в России впервые возникли центральные учреждения тайного политического сыска. Они соединили в себе функции следствия и суда по государственным преступлениям. В сфере своей компетенции обрели всю полноту административных полномочий как в отношении центральных учреждений (коллегий и «принадлежащих к оным канцелярий и контор»), так и в отношении всех местных – губернских и провинциальных. Приговоры выносили, совершенно игнорируя Правительствующий Сенат как высший орган надзора за администрацией и судом»[7, с. 61]. Созданные органы успешно обеспечивали безопасность правителя, путем насильственной модернизации превратившего страну в империю и за заслуги перед Отечеством получившего от Сената почетное звание Петра Великого, закрепившееся в исторической памяти потомков.

Советская модернизация России, проводившаяся посредством создания мощной спецслужбы, в том числе занимавшейся нехарактерными для большинства спецслужб мира задачами, в контексте истории российской цивилизации не представляется из ряда вон выходящим фактом. В этом отношении показательно, что либеральный историк А.Г. Тепляков, негативно оценивая сотрудников советских спецслужб и их деятельность, назвал их «опричниками Сталина» [11]. Действительно, подобная параллель напрашивается, однако вызывает возражения односторонне негативная оценка, данная в работах А.Г. Теплякова чекистам. Органы ОГПУ–НКВД занимались политическим сыском, выполняли контрразведывательные, разведывательные и другие функции, а также имели внесудебные полномочия, обеспечивая безопасность государства и режима личной власти И.В. Сталина. Историк Алтер Литвин дает более взвешенную

оценку специфике деятельности советских органов государственной безопасности: «ВЧК была вооруженной спецслужбой элиты большевистской партии. (…) Опыт выполнения преступных приказов, организации фальсифицированных процессов, провокаций и произвола сочетался в ее деятельности с успешными контрразведывательными и разведывательными операциями. Упразднение ВЧК и ее реорганизация в ГПУ и в ноябре 1923 г. в ОГПУ мало что меняло в направленности действий по борьбе с инакомыслием для сохранения и укрепления режима. Это чрезвычайное и совсем не временное учреждение активно функционировало в стране, где “чрезвычайщина” была обычным, а не исключительным явлением»[8, с. 323].

С точки зрения современной системы ценностей, историкам бессмысленно осуждать методы, которыми в 1920–1930-х гг. действовали сотрудники советских органов государственной безопасности. Задача ученых понять их деятельность в контексте эпохи, в том числе объясняя при этом и действительно имевшую место неоправданную жестокость. Уточним, что чрезвычайные методы активно использовались в СССР в эпоху сталинизма. В значительной степени это было связано с наличием внешней угрозы (вызова) со стороны цивилизации Запада, а также сложной внутриполитической обстановкой в стране, недавно вышедшей из Гражданской войны. В тех условиях для людей было привычным делить окружающих на «своих» и «врагов». Практика государственного террора рассматривалась значительной частью населения СССР как норма.

Русская революция имела всемирно-историческое значение. Важно отметить, что многие представители интеллектуальной элиты западных стран симпатизировали первому в мире социалистическому государству. Они не считали его режим преступным, приветствуя проводимую им политику. В этой связи приведем высказывание А. Тойнби, посвященное коммунистической России. Классик цивилизационного подхода, высоко оценивая результаты коммунистической модернизации нашей страны, писал: «С момента коммунистической революции, последовавшей за либеральной революцией 1917 г., Россия бросила Вызов Западу, какого он не знал со времен второй оттоманской осады Вены в 1683 г. Коммунистический российский вызов Западу был не только Вызовом господству Запада над всем остальным миром; это был также Вызов западному либерализму от имени западной идеологии, которая теперь стала действенной силой в великой незападной стране. Под предводительством России коммунизм вознамерился соревноваться с либерализмом за умы и сердца незападного большинства человечества, которые еще не предались не одному из двух этих соперничающих жизненных путей. Российский коммунизм также бросил вызов либерализму на его родной земле, в западных странах» [13, с. 220]. Очевидно, что такой результат власть не смогла бы достигнуть без создания эффективной спецслужбы, подконтрольной только высшему руководству государством. Органы безопасности не только успешно решили задачи по борьбе с внешними и внутренними врагами (их было множество), но и сыграли значимую роль в экономической модернизации страны. В частности, без такой спецслужбы в столь короткие сроки Советский Союз не смог бы создать атомной бомбы, а значит, с большой долей вероятности можно

утверждать, что российская цивилизация не существовала бы сегодня, очевидно подвергнувшись ядерному удару Запада.

Российский историк В.Э. Багдасарян в работе, посвященной современному историческому мифотворчеству, направленному против России, о преобладающих настроениях среди западной интеллектуальной элиты пишет: «Существует активная пропагандистская версия, что цивилизованный западный мир с самого начала отверг коммунистическую Россию и изгнал ее из международного сообщества. Выстраивается схема, в которой, с одной стороны, Запад – культура и высокий интеллект, а с другой стороны, Россия – коммунистическое вырождение. В действительности никакого идейно-культурного неприятия России не было. Западная общественность первоначально пребывала в неподдельном восторге от советского эксперимента»[3, с. 218]. Далее историк приводит многочисленные примеры, подтверждающие его точку зрения.

Описанная ситуация изменилась в годы Холодной войны, когда западные обществоведы создали теорию тоталитаризма – идеологическое оружие борьбы Запада против СССР и современной России. Одной из главных мишеней в информационном противоборстве стали отечественные спецслужбы. Западные исследователи в качестве признака тоталитаризма специально выделили решающую роль тайной полиции в формировании общественного и государственного строя. Основоположник теории тоталитаризма Ханна Арендт о роли спецслужб в тоталитарном обществе писала: «Агенты тайной полиции – единственно открыто правящий класс тоталитарных стран, их стандарты и шкала ценностей проникают всю ткань тоталитарного общества» [3, с. 559]. Сказанное не верно по отношению к советскому обществу, где сотрудники чекистского ведомства не были правящим классом. Как убедительно доказал М.С. Восленский, в СССР им являлась партийная номенклатура [5]. В нее входили руководящие работники органов безопасности, составлявшие лишь небольшой процент от общего числа ее членов. Однако для борцов с коммунистическим режимом истина не имела значения. В годы перестройки в СССР Западу и внутренним противникам советского государства удалось активизировать в СССР разоблачение сталинизма и, соответственно, деятельность чекистского ведомства. С тех пор на отечественные органы государственной безопасности по сей день обрушился шквал критики.

По поводу мировоззренческого неприятия сталинизма и коммунистического прошлого России, красной нитью проходящего во многих работах современных историков, есть лаконичное выражение выдающегося отечественного социолога и писателя А.А. Зиновьева: «Метили в коммунизм, а попали в Россию!». Исторической особенностью российской цивилизации является высокая, по сравнению с Западом, роль государства, а значит и его органов безопасности. Так было на всех значимых этапах истории России, когда государство проводило масштабную модернизацию основных сфер общественной жизни: в Московском царстве, в Российской империи и СССР.

К этой модели приходит и современная российская цивилизация, где значительную часть политической элиты составляют действующие «силовики» и

«силовики», официально находящиеся в отставке, но продолжающие работать в государственном аппарате. В этой связи западный исследователь Джули Федор, описывая ситуацию с позиции стороннего наблюдателя, небезосновательно утверждает: «Российский культ государственной безопасности сегодня как никогда актуален в силу своей связи с текущими событиями в России. В новой российской государственной идеологии фигура чекиста играет заметную роль. Непрерывные попытки определить ее роль в российском прошлом и настоящем – важная составляющая усилий, направленных на определение национальной идентичности и будущего развития страны» [6, с. 12].

Важно подчеркнуть, что использование цивилизационного подхода для изучения истории отечественных спецслужб приемлемо и по отношению к истории отдельных регионов в относительно небольшие хронологические отрезки времени. Это связано с современным развитием отечественной исторической науки. Характеризуя его, Л.П. Репина отмечает, что «текущий этап характеризуют интенсивные поиски интегральной, синтетической исследовательской модели, построенной на принципах взаимодополнительности микро- и макроисторического подходов как в теоретико-методологическом, так и в практическом плане»[9, с. 218]. В качестве макроисторического подхода применение цивилизационной теории в широком контексте объясняет роль отечественных органов безопасности в проведении модернизаций, позволявших нашей цивилизации давать ответы на внешние вызовы, решая при этом сложные внутренние проблемы.

Таким образом, выдающиеся правители России Иван Грозный, Петр Великий, И.В. Сталин в переломные моменты ее истории, проводя масштабные реформы, создавали подконтрольные себе органы безопасности с полномочиями внесудебной расправы над инакомыслящими и политическими противниками режима. Эти органы обеспечивали безопасность режима личной власти правителя и выполняли функции, которыми наделены современные спецслужбы. В настоящих условиях, сохраняя память обо всех «расстрелянных несчастных по темницам» (многие из которых, кстати, были сотрудниками спецслужб), необходимо на основе принципа историзма понять эпоху и в ее контексте всестороннее характеризовать деятельность отечественных органов государственной безопасности, активно привлекая для этого материалы из российских регионов.

Список литературы:

1. Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1988. 244 с.
2. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
3. Багдасарян В.Э. Антироссийские исторические мифы. СПб.: Питер, 2016. 384 с.
4. Василевский В.П. Деятельность органов ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье (1922–1934 гг.). Дисс. … канд. ист. наук. Омск, 2015. 293 с.
5. Восленский М. С. Номенклатура. М.: Захаров, 2005. 640 с.

6. Дж. Федор. Традиции чекистов от Ленина до Путина. Культ государственной безопасности. СПб.: Питер, 2012. 304 с.

7. Карпенко С.В. Михаил Хрущов, Степан Шешковский и «преображенье» Тайной канцелярии в Тайную экспедицию // Новый исторический вестник. 2010. № 2. С. 58–109.

8. Критический словарь Русской революции: 1914–1921 / сост. Э. Актон, У. Г. Розенберг, В.Ю. Черняев. СПб.: «Нестор-История», 2014. 798 с.

9. Репина Л.П. Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня: Теория методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2012 С. 5–13.

10. Саран А.Ю., Гуларян А.Б. Деятельность органов ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье и Орловском Поочье (1922-1934 гг.). Орел: Изд-во ФГБОУ ВО «Орловский ГАУ», 2015. 428 с.

11. Тепляков А.Г. Опричники Сталина. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 432 с.

12. Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991 736 с.

13. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис-пресс, 2003. 592 с.

14. Черкасов П.П. История императорской России: от Петра Великого до Николая II / П.П. Черкасов, Д.В. Чернышевский. М.: Междунар. отношения, 1994. 448 с.

15. Юрганов А.Л. Опричнина и страшный суд // Отечественная история. 1997. №3. С. 52–75.

УДК 93/94:359«1941–1945»

ТИХОНОВ Д. Н. (Пушкин)
Первый пограничный кадетский военный корпус ФСБ России

УЧАСТИЕ МОРСКИХ ЧАСТЕЙ ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСК СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Аннотация: В статье рассматривается деятельность морских частей пограничных войск в период Великой Отечественной войны. Подводятся боевые итоги участия морских частей пограничных войск в войне.
Ключевые слова: погранвойска, минное дело, военно-морской флот.

TIKHONOV D. N. (Pushkin)
The First Frontier Cadet Military Corps of the FSB of Russia

PARTICIPATION OF MARINE FRONTIER-GUARD OF SOVIET UNION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation: The article describes the activities of marine frontier-guard during the Great Patriotic War. Martial results of participation of marine frontier-guard during the War.
Key words: frontier troops, mine action, navy.

История человечества во многом связана с историей войн, которые тем или иным образом повлияли на судьбы народов и государств, а иногда и всего человечества. По масштабам, разрушительности и глобальным последствиям Второй Мировой войне нет равных. Одним из важнейших этапов Второй Мировой войны является Великая Отечественная война – особая страница в истории морских частей и соединений пограничных войск.

В 1934 г. в составе НКВД было создано Главное управление пограничной и внутренней охраны. В связи с этим войска ОГПУ переименовываются в пограничную и внутреннюю охрану НКВД. Одной из функций НКВД была охрана Государственной границы СССР. 1 ноября 1937 г. по решению НКВД в 10 погранотрядах были созданы дивизионы пограничных катеров, охранявшие границу, проходящую по морю и вдоль рек. А с началом мобилизации или военных действий охрана морских границ СССР возлагалась на ВМФ, в подчинение которому поступали морские части пограничных войск.

В годы Великой Отечественной войны на Северном и Балтийском направлении, Черноморском и Тихоокеанском театре военных действий, благодаря своему мужеству и смекалке, самоотверженности и профессиональной выучке, боевому товариществу и готовности к самопожертвованию во имя Победы, личный состав морских частей погранвойск героически противостоял захватчикам. Повествования о легендарных подвигах навсегда заняли достойное место в военной истории России, показав пример служения Отечеству всем по-

следующим поколениям моряков-пограничников. Морские части пограничных войск в составе военно-морского флота за время войны нанесли противнику значительный урон [1, с. 255]. К примеру, за 1941–1945 гг. на Черноморском театре противник потерял 402 военных корабля (общим водоизмещением 83113 т) и 108транспортных судов (общим водоизмещением 141587 т.) [7, л. 98].

Достигнутые боевые заслуги моряков-пограничников ниже в форме таблицы показаны на примере выполненных заданий СКА ОВРа Туапсинской военно-морской базы [9, л. 87].

отконвоировано транспортов	1400
вытралено и уничтожено мин	36
поиск подводных лодок противника	200
отражено атак самолетов противника	1545
поиск торпедных катеров	52
сбито самолетов противника	24
оказание помощи нашим кораблям и самолетам	67
количество атак подводных лодок противника	25
повреждено подводных лодок противника	3
повреждено торпедных катеров противника	2
поставлено дымовых завес для защиты наших кораблей	111
пройдено миль катерами при выполнении боевых задач	327871

Но основными итогами войны стали огромные необратимые человеческие потери и утрата большого количества единиц техники и корабельного состава, как со стороны СССР, так и со стороны противника. Анализ потерь корабельного состава показывает, что СССР за время Великой Отечественной войны потерял большее количество боевых наводных кораблей, чем противник.[2, с. 3-10]. Потери советских пограничных катеров на Северном театре военных действий за время Великой Отечественной войны представлены ниже в таблице [7, л. 156-173]:

№ п/п	**Класс катеров**	**период**				
		1941	**1942**	**1943**	**1944**	**1945**
1	торпедные катера	11	11	–	11	12
2	катера большие охотники	3	16	–	3	6
3	катера малые охотники	3	16	–	7	6

Опыт вооруженной борьбы в войне показал, что можно было многократно уменьшить потери личного и корабельно-катерного состава моряков-пограничников, если бы уделялось должное внимание таким вопросам как [3, с. 275-294]:

1. Гидрометеорологическая обстановка. Поскольку на вооружении пограничников во время Великой Отечественной войны в основном были суда

с небольшим водоизмещением, то внезапно изменившиеся погодные условия (сильный боковой ветер, сильное волнение моря и др.) порой ставили их в критическое положение, минимизировавшее результативность выполнения поставленной боевой задачи. Поэтому гидрометеорологический прогноз играет достаточно важную роль при планировании боевых операций с участием моряков-пограничников.

2. Профессиональная подготовка специалистов морских частей пограничных войск на должном высоком уровне. Во время Великой Отечественной войны среди моряков-пограничников не было достаточного количества подготовленных специалистов. Из-за ограниченных временных рамок и возможностей курс обучения был ускоренным, что естественным образом отразилось на профессиональной подготовке моряков-пограничников. Практиковать полученные теоретические знания, порой, приходилось сразу в боевых условиях, когда уже не было права на ошибку.

3. Своевременное ознакомление всего личного состава морских частей пограничных войск с новыми видами оружия противника. Во время войны морякам-пограничникам неоднократно приходилось разоружать незнакомые типы мин противника, порой, эти попытки имели трагический конец. Многие командиры пограничных катеров в течение Великой Отечественной войны, во время сражения с немецкими подводными лодками, зачастую вводились в заблуждение противником, который использовал торпеду, имитирующую гибель подлодки. И пограничные катера прекращали преследование вражеской подлодки. Для полноценной борьбы с врагом в морских частях погранвойск было необходимым проведение систематических занятий для ознакомления всего личного состава с тактико-техническими характеристиками и методами эксплуатации новых образцов оружия противника.

4. Полное взаимодействие моряков-пограничников с другими родами войск, что обеспечило бы более успешную координацию и слаженность действий Вооруженных Сил СССР. Вооруженная борьба во время Великой Отечественной войны как своеобразная деятельность в экстремальных условиях требовала от СССР максимальной мобилизации всех сил и средств. Поэтому для достижения оптимальной эффективности при решении поставленных задач особого внимания руководящего состава требуют всесторонний анализ и учет всех возможностей взаимодействия и обмена информацией морских частей пограничных войск не только с военно-морским флотом, но и авиацией, береговыми сухопутными подразделениями.

5. Своевременная отработка моряками-пограничниками маневров и тактических приемов борьбы с противником. Как уже говорилось, методика зигзагообразного уклонения пограничных катеров от снарядов вражеской авиации всем корабельно-катерным составом морских частей пограничных войск была отработана в боевых условиях во время Великой Отечественной войны. Для повышения эффективности боя все тактические приемы и действия моряков-пограничников должны быть разработаны, апробированы и закреплены всем личным составом морских частей пограничных войск во время тренировок в

мирное время с учетом различных возможных боевых ситуаций, погодных условий и количественного состава противника.

6. Проектирование, разработка тактико-технических характеристик пограничных катеров и их строительство должны происходить с учетом возможности участия катеров в долгосрочных крупномасштабных боевых сражениях, происходящих в различных погодных условиях, и с учетом наиболее удобного и максимально быстрого устранения последствий повреждений, нанесенных противником – пожар, затопление и др. Но в целом, анализируя оперативно-служебную и боевую деятельность моряков-пограничников во время войны, можно сказать, что их подготовка и характер повседневной деятельности в мирное время способствовали формированию уникальных подразделений, которые способны в военное время решать достаточно широкий круг боевых задач. Во время войны моряками-пограничниками решались самые разнообразные опасные и ответственные задачи. Они всегда находились на передовых позициях и в очагах боевых действий. Моряки-пограничники обеспечивали охрану фарватеров, выходов из портов и гаваней, несение службы ближних и отдаленных дозоров, поиск и уничтожении вражеских кораблей и подводных лодок, постановку минных заграждений, траление мин, сопровождение наших подводных лодок и транспортов при переходах, ведение разведки побережья, уничтожение береговых огневых точек противника [8, л. 225].

Высокие моральные и боевые качества моряков-пограничников в сочетании с умелой эксплуатацией материальной части и оружия, а также отличное знание районов боевых действий, позволили им в короткий срок освоить новые виды боевой деятельности, использовать корабли и катера с максимальной эффективностью в различных погодных и боевых условиях. Анализ архивных документов и материалов позволяет автору сделать определенный вывод о том, что во время боя на возможность повреждения наших катеров врагом влияли такие факторы как:

- боеготовность катера, как в части выучки личного состава, так и индивидуальная подготовка катера с учетом особенностей предстоящей операции, если все эти основные критерии выполнялись максимально;

- управление катером во время боя – грамотное маневрирование и рациональное использование средств и возможностей (скорость, применение оружия, маскировка и т.д.);

- уровень внимательности наблюдения за воздухом, морем, берегом. Степень оценки обстановки.

Успехи морских пограничных сил стали одним из составляющих Победы. Герой Советского Союза Н.И. Сипягин в «Наставлении по противокатерной обороне и взаимодействию катеров-охотников с торпедными катерами» написал: «Первый бой с вражескими кораблями около Малой Земли довелось вести катеру старшего лейтенанта Школы. Сигнальщик Шкодовский заметил несколько бурунов. Командир повел катер на сближение. Вскоре стали видны восемь торпедных катеров. Баковое орудие старшины Валеева открыло огонь. Гитлеровцы ответили. Они стали обходить морской охотник. Школа смело повел свой корабль в строй вражеских катеров и приказал открыть огонь из всех

пушек и пулеметов. Находясь во вражеском полукольце, советские моряки сбили торпедные катера с боевого курса и заставили их отойти. Они скрылись, не успев выпустить даже торпед. Через несколько дней Школа снова встретился с 20 катерами противника. Он повел корабль параллельным курсом. Завязалась ожесточенная перестрелка. На одном торпедном катере вспыхнуло пламя, и раздался страшный взрыв. Остальные катера скрылись. Позже было немало случаев, когда одному нашему охотнику приходилось действовать против групп вражеских катеров, и всегда наши охотники первыми нападали на врага, атаковали его, навязывали бой...» [4, с. 168].

Морские части погранвойск являлись одной из составляющих системы обеспечения безопасности СССР, как до Великой Отечественной войны, так и во время нее. Вся история их оперативно-служебной и боевой деятельности в этот период полна примерами моральной стойкости, мужества и отваги моряков-пограничников, а так же их преданности Родине. Многие из них отдали за Победу самое дорогое, что есть у человека – жизнь. Их имена навечно остались в памяти не только россиян, но и всех бывших соотечественников-граждан постсоветского пространства [3, с. 572]. Корабли, которым в послевоенные период были присвоены имена моряков-пограничников, проявивших в боях с противником выдающиеся мужество и героизм, представлены ниже в таблице[5, л. 398-406]:

Название корабля	**На основании какого документа присвоено название**
«Неон Антонов»	приказом КГБ при СМ СССР № 0585 от 17.10.1975
«Вячеслав Денисов»	постановлением ЦК КПСС от 31.07.1975
«Григорий Гнатенко»	постановлением СМ СССР № 788-187 от 14.07.1987
«Иван Евтеев»	приказом КГБ СССР № 0179 от 27.03.1980
«Иван Голубец»	постановлением СМ СССР № 314 от 18.01.1965
«Николай Каплунов»	приказом КГБ СССР № 0421 от 12.07.1980
«Григорий Куропятников»	приказом КГБ СССР № 755 от 10.12.1983
«Михаил Коновалов»	приказом КГБ СССР № 0179 от 27.03.1980
«Сергей Судейский»	приказом КГБ СССР № 0179 от 27.03.1980
«Николай Старшинов»	приказом КГБ СССР № 0179 от 27.03.1980
«Николай Сипягин»	приказом КГБ при СМ СССР № 0585 от 17.10.1975
«Иван Леднев»	приказом КГБ при СМ СССР № 0585 от 17.10.1975

24 моряка-пограничника за время Великой Отечественной войны были удостоены звания Героя Советского Союза, многие из них посмертно [12, л. 87-105]. Некоторые морские части пограничных войск были удостоены государственных наград и почетных наименований.

С началом Великой Отечественной войны моряки-пограничники приняли на себя удар многократно превосходящих немецко-фашистских войск. Не предназначенные к отражению массированного вооруженного вторжения

регулярной армии и флота противника, морские части погранвойск решительно встали на пути врага. Уже в первых неравных боях они начали срывать планы немецкого командования по молниеносному вторжению и захвату СССР. Находясь в составе подразделений ВМФ, они принимали на себя выполнение самых ответственных заданий, на себе испытали всю тяжесть борьбы с коварным врагом. Во время войны они не посрамили честь и достоинство нашей страны и преумножили славные боевые подвиги стражей морских рубежей Отчизны. На Севере и Балтике, Черном море и Тихом океане они самоотверженно защищали Родину, проявляя профессиональные навыки, боевое товарищество и готовность отдать жизнь во имя победы.

В 1943 г., накануне высадки 4-м ДСКА десанта в Станичку была написана клятва, которую первыми подписали майор Ц.Л. Куников, капитан-лейтенант Н.И. Сипягин и старший лейтенант Н.В. Старшинов, позже – весь личный состав отряда и катеров. Текст клятвы: «Мы получили приказ командования нанести удар по тылу врага, опрокинуть и разгромить его. Идя в бой, мы даем клятву Родине, что будем действовать стремительно и смело, не щадя своей жизни для победы над врагом. Волю свою, силы свои и кровь свою капля за каплей мы отдадим за жизнь и счастье нашего народа, за тебя, горячо любимая Родина! Нашим законом есть и будет движение только вперед. Мы победим! Да здравствует наша победа!» [4, с. 137].

Морским частям пограничных войск выпала непосильная задача по прикрытию морской границы, ведению боевых действий с регулярными войсками противника до прихода войск прикрытия и занятия ими намеченных для обороны позиций. При этом не учитывалось, что морские погранвойска НКВД СССР, в силу своей малочисленности, отсутствия тяжелого вооружения, а главное, специфики выполняемых ими в мирное время специальных обязанностей не могли в полной мере выполнить непосильные для них задачи.

Список литературы:

1. Андроников М.В., Буриков П.Д., Гуркин В.В., Кривошеев Г.Ф.. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010.
2. Голубев А.В. Потери корабельного состава Северного флота и гражданских ведомств на Северном морском театре в период Великой Отечественной войны. СПб., 1999.
3. Испытанные войной. Пограничные войска (1939-1945 гг.). – М., 2008;
4. Мошков Ф.А. Морпогранохрана России: от Петра I до наших дней. М., 2005.
5. 50 лет на страже границ Советского государства: Историко-мемуарный сб. Кн. 1. М.: Воениздат, 1968.
6. ЦВМА. Ф. 14. Оп. 8. Д. 36.
7. ЦВМА. Ф. 1087. Оп. 5. Д. 47.
8. ЦВМА. Ф. 2217. Оп. 21. Д. 3.
9. ЦВМА. Ф. 2217. Оп. 23. Д. 1.
10. ЦВМА. Ф. 2217. Оп. 23. Д. 15.

УДК 94(47).084.6:8

ТРУХАНОВИЧ Е. В. (Санкт-Петербург)
Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. профессора М.А. Бонч-Бруевича

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ СОВЕТСКОГО ВОЕННОГО РАЗВЕДЧИКА А. М. ГУРЕВИЧА (КЕНТА)

Аннотация: Статья посвящена очеркам детства и юности советского военного разведчика А.М. Гуревича (Кента).

Ключевые слова: Кент, А.М. Гуревич, Красная капелла, Харьков, Ленинград, СССР, военная разведка, спецслужбы.

TRUKHANOVICH E. V. (Saint-Petersburg)
St. Petersburg State University of Telecommunications
named after professor M.A. Bonch-Bruevich

THE ORIGINS OF PERSONALITY FORMATION OF THE SOVIET MILITARY INTELLIGENCE OFFICER A. M. GUREVICH (KENT)

Annotation: The article is dedicated to some facts of biography of soviet military agent A.M. Gurevich (Kent).

Keywords: Kent, A.M. Gurevich, the Red Chapel, Kharkov, Leningrad, USSR, military intelligence, special services.

А.М. Гуревич (Кент) родился 25 октября (7 ноября) 1913 г. [4, с.379] в Харькове [5, с. 188]. Анатолий был вторым ребенком в семье, Анна, его сестра, была старше его на 8 лет. Его отец, Марк Осипович, владел небольшой аптекой. Мать, Юлия Львовна, имея фармацевтическое образование, работала в аптеке лаборанткой. Семья жила весьма скромно, порой, даже бедно. Родители много работали, поэтому дети оставались с няней. Она была очень набожна, именно она научила маленького Толю правильно креститься, читать молитвы, много рассказывала о Боге и о православии. Сами родители не были религиозными, но они не противились тому, чтоб их мальчишка ходил в церковь и знал православные традиции. Тогда еще никто не подозревал, что воспитание набожной украинской старушки пригодится Анатолию Марковичу в его будущей работе разведчика, изображая истинного католика, Кент чувствовал себя свободно, находясь в соборах и храмах Западной Европы.

Часто родители задерживались на работе допоздна, несмотря на это, они находили время для познания чего-то нового «Отец и мать очень полюбили Харьков и его население, в свободное время они стремились лучше узнать историю города. Помимо того, что библиотека у нас дома постоянно пополнялась историческими книгами, отец пользовался томами городских библиотек. Едва начав читать, по рекомендации моих родителей я тоже с увлечением стал зна-

комиться с литературой, связанной с историей не только Харькова, но и всей России» [3, с. 5]. Возможно, что с этого момента появилась та любознательность и тяга к знаниям у маленького Толи, которая ему не раз сослужила добрую службу, как в изучении иностранных языков, так и в дальнейшей работе с большим объемом новой информации.

Любознательность, это не единственное положительное качество, которое характеризовало Гуревичей. «Единственным и самым большим богатством семьи была человеческая порядочность, истинная российская интеллигентность. Это качество очень ценили все, кто их знал – от соседей по дому до крестьян, приезжавших еще с дореволюционной поры к Марку Осиповичу за лекарствами и нехитрыми медицинскими рекомендациями. Во время военной разрухи и голода такие добрые отношения неожиданно обернулись важной практической стороной: украинские крестьяне нередко выручали семью бывшего аптекаря продуктами, что помогло им выжить в тех нечеловеческих условиях. Кода в Харькове были белогвардейцы, в городе нередко затеивались еврейские погромы. В такие моменты крестьяне или соседи прятали семью уважаемого аптекаря в своих домах» [7, с. 15].

В мемуарах А.М. Гуревич писал, что горожане и деревенские жители помогали не только с питанием. «В Харькове все знали, что мои родители, а, следовательно, и их дети по национальности евреи, что можно было легко узнать по вывеске, помещенной над аптекой. Многие понимали и то, что мои отец и мать были неверующими. Кроме того, они не знали иврита. Иногда, получая письма от своих родителей, отец был вынужден обращаться к кому-либо из знакомых, с тем, чтобы они помогли их прочесть. Больше того, ему приходилось просить их написать ответ. Конечно, эти просьбы они выполняли, но не скрывали своего удивления и даже враждебности» [3, с. 6]. Враждебность еврейских семей была связана с недовольством тем, что Осип и Юлия Гуревичи не отдавали должного внимания воспитанию детей в традициях своего народа.

Это не единственные трудности, с которыми пришлось столкнуться семье Гуревичей. В 1920-е гг. Харьков переживал тяжелейшие времена в своей истории: забастовки, восстания рабочих, смена власти и другие политические потрясения не могли не отразиться на жизнеустройстве горожан. В 1924 г. было принято решение переехать в Петроград, впоследствии в Ленинград. Вскоре после переезда отец устроился ведущим провизором в большой аптеке на ул. Пестеля, затем перешел на фабрику, которая производила некоторые фармацевтические препараты и различную парфюмерию на должность старшего мастера, мать устроилась помощником мастера на фабрике, выпускавшей бытовую химию ежедневного спроса [3, с. 7]. Впоследствии в письмах, которые Кент адресовал своим родителям из мест лишения свободы (Воркута), он не раз вспоминал, как встречал маму с работы, помогая нести авоськи с продуктами [6, л. 12].

В мемуарах А.М. Гуревич подробно описал школу № 13, куда пошел учиться (бывшая 3-я Санкт-Петербургская гимназия, ныне средняя школа № 181). Хотя была возможность пойти в школу, расположенную гораздо ближе, родители отдали мальчика именно туда. «Мои родители не ошиблись.

Школа действительно была очень хорошей. Ее оканчивали многие министры и государственные деятели царской России. Заниматься было очень интересно. Кроме того, учились в помещениях, равным которым почти ни в одной школе не было» [3, с. 7].

А.М. Гуревич освоился на новом месте очень быстро. С самого раннего возраста у него была необычная способность вливаться в коллектив, быть лидером. Толя был старостой класса, на этой должности он проявил такие качества своего характера как: трудолюбие, честность, чувство справедливости и ответственность. А.М. Гуревич был добросовестным учеником, его любимые предметы были весьма противоположенные по своему направлению, что свидетельствует о незаурядных интеллектуальных способностях юноши. Он любил физику, географию, обществоведение, русскую литературу и немецкий язык. Однажды, учительница обществоведения, уже в старшем классе предложила Анатолию «подготовить и прочесть лекцию с диапозитивами о революционной борьбе китайского народа в 1924-1927 гг., о вмешательстве во внутренние дела Китая империалистических государств, в том числе США, Англии, Франции, Японии и Италии, а также о том, как в 1927 г. военные корабли США, Англии, Японии и Франции подвергли бомбардировке территорию Китая»[3, с. 7]. Это была одной из первых лекций А.М. Гуревича, ее с интересом слушали не только школьники, но и учителя, которые приводили свои классы на уроки старшеклассников.

Одной учебой круг интересов А.М. Гуревича не ограничивался, особый успех его ожидал в театральном кружке. На поприще театра А.М. Гуревичу посчастливилось познакомиться со знаменитыми артистами того времени. Однажды, устраивая благотворительный школьный концерт, приглашая артистов в школьный актовый зал, Анатолий был гостем у актрисы Государственного академического театра драмы им. А.С. Пушкина Елизаветы Ивановны Тиме. Также А.М. Гуревич столкнулся с Владимиром Ивановичем Касторским – знаменитым басом Мариинского театра, с известным артистом Николаем Константиновичем Печковским, также А. М. Гуревич приглашал писателя-сатирика Михаила Михайловича Зощенко, который ему показался не очень приветливым[7, с.19]. «По иронии судьбы, его первой ролью на сцене была, как значилось в пьесе роль «шпиона в квадратной кепке»… Став военным разведчиком, Анатолий Маркович не раз иронизировал о себе, вспоминая своё мальчишеское представление и восприятие этой роли. Но искусство перевоплощения на сцене очень пригодилось потом и в жизни, которая была куда сложнее выступлений в школьном театре [7, с. 19].

В 16 лет, жизнерадостный юноша еще не подозревал, какая колоссальная ответственность ляжет на его плечи. То обстоятельство, что А.М. Гуревич почти за год до наступления вермахта на Сталинград и Северный Кавказ сумел сообщить в ГРУ о готовящихся противником боевых действиях, позволило советскому командованию не только заблаговременно организовать эффективную оборону, но и спасти многие тысячи жизней военнослужащих РККА и гражданского населения. Многочисленные заслуги отражены не только в русскоязычной литературе, но и в зарубежных изданиях. Стоит отметить, что

иностранные исследователи [1, p. 147], порой, восстанавливают более подробную картину событий периода II мировой войны, относительно операций «Красной капеллы»[2, p. 141-149]. К сожалению, деятельность А.М. Гуревича до сих пор не имеет должной оценки, как исследователей исторической науки, так и государственных структур.

Список литературы:

1. Sudholt G. Das Geheimnis der Roten Kapelle. Dillingen: Druffel-verlag, 1979. 376 p.
2. Zarew O., Costello J. Der Superagent. Der Mann, der Stalin erpreβte. Zsolnay, 1993. 592 p.
3. ГуревичА.М. «Разведка – этонеигра» СПб.: Нестор, 2007. 502 с.
4. Кочик В.Я., Лурье В.М. «ГРУ: дела и люди». СПб.: «Нева», М.: «Олма-Пресс», 2002. 639 с.
5. Левитас И.М. «Еврейская военная энциклопедия». Киев.: «Сталь», 2007. 704 с.
6. Архив А.М. Гуревича (Кента) // Личный архив С.Н. Полторака.
7. Полторак С.Н. Разведчик «Кент». СПб.: «Нева», 2003. 448 с.

УДК 93: 303.425.6

ХЛОБУСТОВ О. М. (Москва)
Общество изучения истории отечественных спецслужб

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ОБ ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (КОНЕЦ 1980-Х – 1990-Е ГГ.)

Аннотация: В статье в контексте политических трансформаций, произошедших в России с распадом СССР, представлен обзор изменения общественного мнения в отношении органов государственной безопасности.

Ключевые слова: спецслужбы, органы государственной безопасности, СССР, общественное мнение.

KHLOBUSTOV O. M. (Moscow)
Society for the Study of the History of Russian Special Services

PUBLIC OPINION OF POPULATION ABOUT STATE SECURITY BODIES (END OF 1980S–1990S)

Annotation: In the article, in the context of political transformations that occurred in Russia with the collapse of the USSR, an overview of the change in public opinion regarding state security bodies is presented.

Keywords: special services, state security bodies, the USSR, public opinion.

В отечественной истории XX века было несколько «кризисов доверия» в отношении органов государственной безопасности. Первые из них были связаны с падением, казалось, «всемогущих» их руководителей: Г.Г. Ягоды, Н.И. Ежова, В.С. Абакумова, причем широко освещались периодической печатью.

Арест министра внутренних дел Л.П. Берии, сообщение о котором в печати появилось только 10 июля 1953 г., привел к затяжному кризису доверия в отношении органов государственной безопасности: в записке Прокурора СССР Р.А. Руденко и министра внутренних дел С.Н. Круглова в Президиум ЦК КПСС сообщалось, что с августа 1953 г. по 1 марта 1954 г. в органы прокуратуры поступило 78 982 заявления граждан с ходатайствами о реабилитации или сообщениями о нарушении норм ведения следствия, применении незаконных методов получения признаний [12, с. 37-44].

Очередной этап этого кризиса «доверия органам безопасности» начался после XX съезда КПСС, после выступления Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева перед его делегатами 25 февраля 1956 г. с закрытым докладом «О культе личности И.В.Сталина и его последствиях». Следует сразу оговориться, что, несмотря на его закрытый характер – «не для печати», текст доклада Хрущева в начале марта был разослан во все партийные организации и зачитывался на собраниях партийно-советского актива. Таким образом, с его содержанием в СССР познакомились десятки миллионов советских граждан.

Доклад Н.С. Хрущева, отмечал современник, «произвел прямо-таки ошеломляющее впечатление. Сразу воспринять все сказанное было просто невозможно, настолько тяжелыми и неожиданными оказались впервые обнародованные факты столь масштабных нарушений законности и чудовищных репрессий... Нужно было как следует осмыслить все сказанное, понять, как такое могло произойти в социалистической стране... В стратегическом плане выбранный курс был единственно верным, без него невозможно было здоровое развитие общества. Тактически же мы совершили серьезную ошибку, пойдя на этот шаг без соответствующего пропагандистского обеспечения... Огромные же массы советских людей оказались в положении без вины виноватых, испытывая чувство горького разочарования и опустошенности» [7, с. 44].

Кризис доверия закономерно возник даже не смотря на предупреждение Н.С. Хрущева, прозвучавшее в отчетном докладе ЦК съезду: «Следует сказать, что в связи с пересмотром и отменой ряда дел у некоторых товарищей стало проявляться известное недоверие к работникам органов государственной безопасности. Это, конечно, неправильно и очень вредно. Мы знаем, что кадры наших чекистов в подавляющем своем большинстве состоят из честных, преданных нашему общему делу работников, и доверяем этим кадрам… Поэтому мы должны всемерно поднимать в советском народе революционную бдительность, укреплять органы государственной безопасности» [4, с. 94-95].

Следует также отметить, что уже в марте 1956 г. сокращенный вариант текста доклада Хрущева о культе личности Сталина из Варшавы попал в израильский ШАБАК («Службу общей безопасности» Израиля), который не преминул поделиться им с директором ЦРУ США Алленом Даллесом. 4 июня 1956 г. доклад был одновременно опубликован Госдепартаментом и газетой «Нью-Йорк таймс». И сразу же его содержание началось зачитываться в передачах на СССР и страны народной демократии, контролировавшимися ЦРУ радиостанциями «Свобода» и «Свободная Европа». Естественно, что ряд положений доклада или их интерпретации, стали активно использоваться в антисоветской и антикоммунистической пропаганде, как за рубежом, так и в самом СССР, других социалистических странах, что привело к серьезным политическим кризисам осени 1956 г. в Польше и Венгрии.

Позднее, в 1964 г., в книге «Искусство разведки» («The Craft of Intelligence») А. Даллес писал: «Я всегда рассматривал это дело как одну из самых крупных разведывательных операций за время моей службы в разведке. Поскольку доклад был полностью опубликован госдепартаментом, добывание его текста было также одним из тех немногих подвигов, о которых можно было сказать открыто, лишь бы источники и методы приобретения документа продолжали оставаться тайной» (При этом он скромно умолчал, что текст доклада Хрущева был добыт не ЦРУ) [3, с. 83].

По докладу Н.С. Хрущева съезд поручил вновь избранному ЦК КПСС «последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его по-

следствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы, строгое проведение норм партийной жизни и принципов коллективности руководства».

И для многих чекистов, пришедших на службу в органы НКВД в 1938–1941 гг., признания Н.С. Хрущева были трагическими, тяжелыми открытиями, которые не могло не вызывать смятения, тяжких и горестных размышлений. Увы, трагедия состояла еще и в том, что партийное руководство не продумало того, а что же должно последовать с его стороны за докладом о преступлениях предыдущей эпохи? Вследствие этого Президиум ЦК КПСС, Н.С. Хрущев утратили инициативу – Постановление ЦК о преодолении последствий культа личности Сталина было опубликовано в газете «Правда» только 5 июля 1956 г., через месяц после того, как сам «секретный» доклад начал зачитываться в передачах радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа».

Начатая первым председателем КГБ при СМ СССР И.А. Серовым и продолженная его преемниках А.Н. Шелепине и В.Е. Семичастном кампания «чисток» и сокращений личного состава органов госбезопасности далеко не лучшим образом сказывалась как на результатах оперативно-следственной работы, так и на морально-психологическом климате в чекистских коллективах, порождая у сотрудников горькие чувства, неудовлетворенность, недооценки важности, общественно-политической значимости и сложности их работы по обеспечению безопасности государства и его граждан.

Несмотря на известную подозрительность в отношении сотрудников госбезопасности, И.А. Серову удалось убедить Президиум ЦК КПСС в необходимости проведения ряда мероприятий, направленных на восстановление доверия граждан к органам госбезопасности. Некоторые из них были приурочены к сорокалетию образования ВЧК.

В виду назначения И.А. Серова начальником ГРУ, в канун 20 декабря 1957 г. выступить в печати было поручено первому заместителю председателя КГБ при СМ СССР П.И. Ивашутину. В опубликованной 21 декабря в газете «Известия» статье «На страже интересов Родины» он, в частности, отмечал: «Необходимо еще выше поднять бдительность всего советского народа, тем более, что сила органов госбезопасности Советского Союза состоит, прежде всего в неразрывной связи с народом, в его постоянной помощи и поддержке… Что касается широких масс трудящихся, то они активно поддерживают советскую разведку, оказывают ей большую помощь в борьбе с врагами социалистического государства, видят в ней верного стража интересов Родины.

Решающим условием силы и боеспособности органов госбезопасности СССР является постоянное руководство ими со стороны партии. Еще 8 февраля 1918 г. в Обращении ЦК партии к коммунистам-чекистам указывалось, что ЧК созданы и существуют как органы партии, работающие по ее директивам и под ее контролем. В настоящее время чекисты, как никогда, сплочены вокруг партии, ее Центрального Комитета, беспредельно преданы своему народу и зорко охраняют его безопасность».

Руководимые и направляемые КПСС, органы госбезопасности являются остро отточенным, карающим мечом диктатуры пролетариата. Строго соблюдая социалистическую законность, они твердо стоят на страже интересов советского народа, неустанно ведут непримиримую борьбу с подрывной деятельностью иностранных разведок, со всеми, кто пытается помешать советским людям уверенно идти вперед к полному торжеству коммунизма».

20 декабря 1958 г. на площади Дзержинского в Москве состоялось торжественное открытие памятника основателю ВЧК (впоследствии демонтированного 21 августа 1991 г.).

Следует отметить, что в 1950-е – начале 1980-х гг. каналами воздействия на формирование общественного мнения по интересующему нас вопросу являлись: официальные документы ЦК КПСС, а также заявления и сообщения КГБ при СМ СССР, публиковавшиеся в печать под рубриками «В КГБ при СМ СССР», «Заявление МИД СССР» или «ТАСС уполномочен заявить».

Помимо сообщений печати, также большое значение стало придаваться изданию книг, созданию документальных и художественных кинофильмов. [12, с. 100-110; 13, с. 64-93] В первом документальном фильме «По черной тропе» режиссера Л.В. Махнача, вышедшем на экраны в 1962 г., рассказывалось о деятельности чекистов после XX съезда КПСС. (В следующем году в прокат вышел его фильм «Снова по черной тропе», рассказывающий о суде над изменником Родине О. Пеньковском).

Первыми художественными фильмами о чекистах после XX съезда КПСС стали вышедшие на экраны страны в 1964 г. фильмы «Сотрудник ЧК» и «Государственный преступник», «Выстрел в тумане». Следует отметить, что история создания этих кинематографических произведений о деятельности органов безопасности СССР с тенденциозных позиций скрупулезно исследовались доктором философии Кембриджского университета Дж. Федор [10, с. 47-145, 168-197].

Коренной порок этого, и подобных ему исследований, – это отсутствие даже попытки проанализировать как реальную разведывательно-подрывную деятельность иностранных спецслужб против СССР [11, с. 281-291], так и социально-политическую обстановку в нашей стране, в частности, реформу советского законодательства.

18 мая 1967 г. новым председателем КГБ при СМ СССР был назначен Юрий Владимирович Андропов. На этом посту Ю.В. Андропов проявил себя не только как талантливый руководитель, но и как новатор, стремившийся внедрять в деятельность органов безопасности последние достижения научной и технической мысли, настоятельно требовавший постоянного повышения уровня профессиональной подготовки сотрудников.

При этом по его убеждению, «деятельность органов государственной безопасности должна строго соответствовать историческому процессу развития нашего общества и в первую очередь развитию и совершенствованию современной социалистической демократии... Поддержка и помощь органам госбез-

опасности со стороны масс являлась и является важнейшим условием эффективности всей чекистской деятельности» [2, с. 273, 275].

Уже в одном из своих первых выступлений в конце июля 1967 г. Ю.В. Андропов подчеркивал: «Нам надо беречь и укреплять доверие советских людей, всего советского народа к органам государственной безопасности, потому что это доверие – залог всех наших успехов» [1, с. 99-100].

Отслеживаемые иностранными спецслужбами социально-политические процессы в СССР в ходе «Перестройки», позволили ЦРУ в 1986 г. прийти к выводу, что ситуация благоприятна для того, чтобы перейти в активное пропагандистское наступление на территории «главного противника».

Основным содержанием начатой в мае 1986 г. информационно-пропагандистской атаки на органы КГБ стал девиз «Превратим год 70-летия Октябрьской революции в год пятидесятилетия большого террора 1937 года!». В развернувшейся кампании игнорировались все правовые нормы, регламентировавшие деятельность КГБ, грубо и целенаправленно искажались факты, возрождались и создавались новые пропагандистские мифы, призванные дискредитировать деятельность чекистов.

Этому способствовал как начатый процесс пересмотра ряда уголовных дел, приговоры по которым выносились в 1930-е – 1950-е гг., так и недостаточно объективное освещение и отражение этой работы в прессе, появление в сообщениях СМИ новых, далеко не всегда обоснованных подходов к освещению и трактовок пока еще отдельных периодов советской истории.

Это привело к появлению «ревизионистских» направлений в отечественной историографии, ориентированных на кардинальное переписывание всей отечественной истории с «выставлением» ей «соответствующих» оценок. Для этого активно использовались издававшиеся за рубежом на протяжении десятилетий материалы советских перебежчиков – Г. Агабекова, Н. Хохлова, О. Пеньковского, О. Гордиевского, В. Резуна и других. А также известного своими тесными связями с ФБР Джона Баррона, выпустившего в 1974 г. книгу «КГБ: секретная работа секретных советских агентов» (в России издана в начале 1990-х гг.). Следует сказать, что книга Баррона являлась «зеркальным отражением» работы известного историка из ГДР Юлиуса Мадера «Who is Who in CIA?» («Кто есть кто в ЦРУ?»), изданной более чем на десять лет ранее, хорошо известной на Западе, но не публиковавшейся в СССР.

Необходимо отметить, что, направляя удар в первую очередь против некоторых сторон деятельности исторических предшественников КГБ, все эти «разоблачители», в действительности наносили удар не только по государственной, но и по национальной безопасности страны, национальным интересам нашей страны.

Особенностями информационных потоков конца 1980-х гг. стали: расширение слушательской аудитории в СССР ввиду прекращения «глушения» зарубежных радиостанций, снижения ответственности СМИ за публикуемые статьи, что привело к появлению многочисленных фальсификаций и мифов, нача-

ло неподцензурного распространения зарубежных и «самиздатовских» изданий, публикация без элементарного анализа разножанровых книг зарубежных авторов, сенсационность и даже истеричность подачи материалов и необоснованные претензии на «историческую истину в последней инстанции».

В 1989 г. автору этих строк довелось принять участие в проведении контент-анализа ряда публикаций центральных и региональных изданий – всего анализировалось более 900 статей прессы, – по вопросам освещения деятельности органов госбезопасности на различных этапах их существования.

По принятой в такого рода исследованиях, классификации, около 70% анализировавшихся статей имели ярко выраженный негативный, «разоблачительный» характер в отношении деятельности органов госбезопасности, причем в основном они касались периода 1930-х – 1950-х гг. Но эти «выводы» экстраполировались также на современную деятельность органов КГБ СССР. 20% составляли «нейтральные» публикации и около 10% – «позитивные» материалы о современной деятельности органов КГБ. Последние, как правило, были подготовлены при участии подразделений общественных связей органов КГБ СССР. Естественно, что подобные диспропорции в информационном потоке, в сочетании с его интенсивностью и тиражами, не могли не сказываться на формировании у читателей искаженных и мифологизированных представлений о деятельности органов государственной безопасности. В качестве примера сошлемся на нашу статью «Операция Олег Калугин», посвященную анализу одной из дезинформационно-манипулятивных пропагандистских операций 1990-1991 гг. [14].

Таким образом, пресс-службы и центры по связям с общественностью органов КГБ явно проигрывали своим оппонентам по информационному противоборству. В этой связи и сегодня актуален вопрос о том, а что думали о КГБ его современники? Объективно ответить на него можно, только опираясь на реальные, конкретные факты.

Представление о сформировавшемся общественном мнении об органах государственной безопасности, его «фотографию» состояния на конкретный момент времени, точнее – фактографию, дают результаты социологического опроса на тему «Общественное мнения о службе государственной безопасности», проведенного Институтом социологии АН СССР по заказу Межреспубликанской службы безопасности в декабре 1991 – январе 1992 гг. (Всего в ходе него были опрошены 1530 респондентов, проживавших в 9 бывших союзных республиках СССР) [6]. По мнению большинства опрошенных, сотрудник КГБ – это, прежде всего, профессионал (64% ответов респондентов), умный (52%), сильный (46%) человек долга (45%).

В то же время около 30% респондентов считали, что они лично, либо их родственники пострадали в разные годы от действий органов НКВД-МГБ-КГБ. При этом 25% опрошенных полагали, что и они сами «находились под наблюдением КГБ». При всей очевидной абсурдности этой цифры, тем не менее, этот показатель является наглядной характеристикой состояния об-

щественного сознания того времени. Тем не менее, если 17,9% опрошенных считали, что деятельность органов госбезопасности с 1917 г. принесла стране в основном пользу, то противоположного мнения придерживались 33,6% респондентов. Примечателен и тот факт, что 22% тех, кто считал себя пострадавшим от действий КГБ**,** оценивали деятельность органов госбезопасности в целом положительно.

Однако, как нетрудно заметить, почти половина респондентов не имела собственного определенного мнения по этому вопросу, затруднившись с ответом на него. По мнению опрошенных, приоритетными для деятельности преемников КГБ должны были стать:

- борьба с мафией, наркобизнесом, терроризмом (82% ответов);
- охрана военных объектов и государственных секретов (75%);
- противодействие вооруженному захвату власти (73%).

В тоже время 40% опрошенных считали, новые органы госбезопасности должны бороться с идеологическими диверсиями спецслужб иностранных государств. 34% респондентов полагали, что деятельность иностранных спецслужб представляет большую угрозу для страны, и 33% из них были уверены, что «западные спецслужбы ставят подрывные задачи по отношению к странам СНГ». Еще 16% полагали, что «страна находится во враждебном окружении».

Руководитель цитируемого исследования профессор О.В. Крыштановская считала, что последние из приведенных суждений и оценок респондентов – это «проявление остатков «оборонного сознания», внушавшегося населению страны официальной пропагандой». На наш же взгляд, они скорее отражали реалии геополитических отношений в мире после прекращения «существования СССР как геополитической реальности и субъекта международного права».

Приведем еще одно весьма компетентное мнение. В связи с рассмотрением в Конституционном Суде РСФСР вопроса по иску «КПСС против президента России» («Дело КПСС»), специальной комиссией, представлявшей интересы ответчика, были отобраны и изучались документы КГБ – приказы, указания, отчеты и сообщения в ЦК КПСС. (Ныне, рассекреченные, они являются одним из фондов Российского государственного архива новейшей истории – «Документы, рассекреченные Специальной комиссией по архивам при Президенте РФ в 1992 – 1994 гг.»).

Как подчеркивал по этому поводу заместитель директора РГАНИ М.Ю. Прозуменщиков, «некоторые из этих документов, отбиравшихся для Конституционного Суда как подтверждение «преступной» деятельности КПСС и КГБ, после 15 лет «демократических» преобразований стали выглядеть сейчас скорее как забота о таких изрядно подзабытых понятиях, как интересы государства, борьба с преступлениями в сфере экономики и т.п.» [8, с. 338].

20 декабря 1995 г. Указом Президента России № 1280 был установлен День работников органов безопасности Российской Федерации. Как представляется, своеобразный итог дискуссии о роли органов госбезопасности в отечественной истории был подведен в радиообращении Президента России Б.Н.

Ельцина к населению в связи с 80-летием создания ВЧК 19 декабря 1997 г. В нем, в частности, отмечалось: «Но каким было государство – такими были и его службы безопасности. Оглядываясь назад, я вижу – в разоблачении преступлений органов безопасности мы чуть было не перегнули палку. Ведь в их истории не только черные периоды, но и славные страницы, которыми действительно можно гордиться.

В 1991 г. много спорили о том, нужно ли в новой России оставлять КГБ. Предлагали вообще ликвидировать эту структуру. Но было очевидно, что она жизненно необходима стране. Что большинство ее рядовых сотрудников поддержат демократические преобразования. Поэтому и был выбран трудный путь реформирования КГБ. Пожалуй, ни один государственный орган не прошел через такую жесткую реорганизацию.

Несмотря на позитивные перемены, которые произошли после окончания «холодной войны», в мире все еще идет жесткая борьба. Усиливается погоня за новыми технологиями, за ресурсами, за геополитическое влияние. По-прежнему не ослабевает деятельность иностранных разведок на территории России. Сегодня в рядах наших спецслужб – подлинные патриоты Отечества, преданные своему делу. Эти люди работают не за славу и награды, а за идею. За безопасность государства. За мир и покой наших граждан. И мы должны с уважением относиться к труду сотрудников спецслужб. К их нелегкой и зачастую – героической работе» [9].

В заключение, представляется необходимым отметить, что, по данным опроса, проводившегося Левада-центром 23-26 сентября 2016 г., органы ФСБ России пользовались наибольшим доверием у граждан по сравнению с другими правоохранительными институтами. Так, почти половина респондентов (46%) заявили, что вполне доверяют органам безопасности, тогда как относительно доверия органам прокуратуры и полиции так ответили только 24 % из них, и относительно судов – 22 % опрошенных [5].

Список литературы:

1. Андропов Ю.В. Каким должен быть чекист: выступление перед выпускниками ВКШ КГБ в июле 1967 г. // Андропов Ю.В. Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. М., 1984.

2. Андропов Ю.В. Преданность делу партии, социалистической Родине: речь на торжественном собрании, посвященном 60-летию советских органов безопасности 19 декабря 1977 г. // Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. М., 1979.

3. Даллес А. Искусство разведки. М., 1964.

4. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1956.

5. Институциональное доверие // URL: http://www.levada.ru/2016/10/13/institutsionalnoe-doverie-2/ (дата обращения 19.10.2016).

6. Крыштановская О.В. Сторонники и противники госбезопасности: Явного преимущества нет ни у тех, ни у других // Независимая газета, М., 10 июня 1993 г.

7. Крючков В.А. Личное дело. Т. 1. М., 1996.

8. Прозументщиков М.Ю. Документы КГБ в Конституционном суде // Труды общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. II. М., 2006.

9. Российские вести. 1997. 20 декабря.

10. Федор Дж. Традиции чекистов. От Ленина до Путина. Культ государственной безопасности. СПб, 2012.

11. Хлобустов О.М. Американская стратегия «холодной войны» против России: история и современность. // Исторические чтения на Лубянке. XX лет. М., 2017.

12. Хлобустов О.М. КГБ СССР 1954 – 1991 гг. Тайны гибели Великой державы. М., 2012.

13. Хлобустов О.М. Некоторые вопросы историографии КГБ СССР (конец 80-х – 2006 г.) // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. III. М., 2007.

14. Хлобустов О. Операция «Олег Калугин» // URL: http://www.chekist.ru/article/12.94/ (дата обращения 19.09.2017).

УДК 94(476)«1944»

ХОЛМОВ Д. В. (Могилев, Республика Беларусь)
МГУ им. А.А. Кулешова

ДЕЙСТВИЯ ПАРТИЗАН И ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ МОГИЛЕВСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация: Автором статьи на основе наработок историографии был произведен обзорный анализ действия партизан и органов госбезопасности накануне и в период проведения Могилевской наступательной операции.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, партизанское движение, спецслужбы, Белоруссия, Могилев.

KHOLMOV D. V. (Mogilev, Republic of Belarus)
Moscow State University. A.A. Kuleshova

ACTION OF PARTYZAN AND SECURITY BODIES ON THE EVE AND AFTER THE MOGILEVSK NARRATOR OPERATION

Annotation: The author of the article, based on the developments of historiography, carried out an overview analysis of the actions of partisans and state security agencies on the eve and during the Mogilev offensive operation.

Keywords: Great Patriotic War, partisan movement, special services, Belarus, Mogilev.

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война, затронувшая каждого жителя нашей когда-то большой Родины, кардинально изменившая жизнь не только в СССР, Европе, но и на всей планете. С началом боевых действий значительно возросла роль органов госбезопасности в стране. Начиная с 1941 г., они получили чрезвычайные полномочия, как на фронте, так и в тыловых районах, чему способствовало их объединение с органами НКВД (НКВД БССР был ликвидирован, а вместо него создана ОПГ НКВД СССР по БССР). Именно в то время органы госбезопасности находились в особо тяжелом положении. Начиная с 1943 г. ситуация изменилась, благоприятная обстановка на фронте позволила воссоздать НКГБ.

Основными формами деятельности органов госбезопасности за линией фронта стали совместная с партизанами и самостоятельная разведывательно-диверсионная и контрразведывательная; развитие партизанского движения в целом; разложение коллаборационистских, националистических и военных организаций противника. Главная нагрузка в свою очередь здесь легла на созданный 3 октября 1941 г. 2-й отдел НКВД СССР, 4-е управление под руководством П.А. Судоплатова. И стоит отметить, что если в начале вой-

ны координацию партизанского движения возлагали на партийное руководство (ЦК ВКП(б)), то потом она перешла к ЦШПД,4-му управлению Судоплатова, штабам при военных советах фронтов и армий.

Особое внимание взаимодействию госбезопасности и партизан отводилось накануне нашего наступления в 1944 году. Белорусская наступательная операция по своим масштабам, количеству участвовавших в ней сил стала одной из самых крупных не только в Великой Отечественной войне, но и во Второй мировой. Составной её частью была непосредственно Могилевская наступательная операция, проходившая в период с 23 по 28 июня 1944 г. Своей целью она имела разгром могилевской группировки противника и выход советских войск к реке Березина.

Могилевская группировка состояла из 114 тысяч чел., 2,3 тысяч орудий, 220 танков и штурмовых орудий [8]. Ей противостоял 2-й Белорусский фронт, который включал в себя 33, 49, 50 и 4-ю воздушную армии в составе 198 тысяч чел., 4822 орудий, 276 танков и самоходок, 528 самолетов [2, с. 366]. Кроме того, в операции было задействовано 7 партизанских полков, 3 бригады и 14 отдельных отрядов Белыничской, Кличевской, Круглянской, Могилевской, Шкловской ВОГ. Численность партизан составляла 12860 чел. [13, с. 518], по другим данным – 16137 чел. [11]. В том числе, переброшенные с освобожденных территорий 208-й партизанский отряд, бригада 8-ю С.Г. Жунина, отряды С.А. Яроцкого, В.П. Дрожникова, М.С. Михолапа [4]. Кроме того в операции принимали участие 115-й Горецкий отряд численностью 801 партизан [4]. В тылу фактически было собрано 3 стрелковые дивизии.

Одной из главных задач накануне советского наступления стало ведение разведки. Динамика деятельности органов госбезопасности в регионе (к лету 1944 г.) показывает: по состоянию на начало 1944 г. в тылу находились 66 оперативных групп, в составе 1341 чел., а по состоянию на 1 мая уже 120 опергрупп, в составе 1700 чел. [7, с. 85]. Рост очевиден. Кроме того, Прибалтийский фронт располагал 50-ю агентами, 3-й Белорусский – 40 разведгруппами, 2-й Белорусский – 28, 1-й Белорусский имел в своем распоряжении 9 резидентур и 50 групп [3, с. 289]. В прифронтовые районы чуть позже было дополнительно переброшено около 70 агентурных групп. Разведка велась на глубину 400 км [3, с. 290].

В регионе активно действовали разведгруппы под командованием С. Нарчука, С. Гришина, Н. Балана. В Могилевской области активно действовала группа под руководством П. Крылатых, передававшая добытые с партизанами сведения об укреплениях и переправах на Днепре, местонахождении противника в Орше, Горках и Могилеве. В начале июля в районе Могилева при взаимодействии с партизанами была вскрыта группировка противника на участке Горки юго-западнее Быхова [9, с. 106–107]. Группа 540-го отряда в составе Р. Нигматтулина, С. Воспанова, П. Пожеванного, Н. Космачева и Н. Москалева захватила начальника боепитания 60-й моторизированной дивизии 4-й армии. В итоге была вскрыта 10-тысячная группировка врага [15, с. 138].

Особое внимание уделялось оборонительным сооружениям на Днепре. Здесь велась как разведывательная, так и контрразведывательная деятельность

органов госбезопасности. Из «Докладной записки УКР «СМЕРШ» 2-го Белорусского фронта №2/1/2368ВГУКР «СМЕРШ» НКО СССР о контрразведывательной работе в тылу противника» от 24 июня 1944 г. мы видим, что за период с 1 мая 1944 г. по июнь месяц на могилевском направлении «СМЕРШ» пришлось контрразведывательную работу по тылу противника начинать дважды заново [11]. В итоге их работы были вскрыты разведывательный орган «Виддер» в Бобруйске (абвергруппа-107 при 9-й немецкой армии), в Могилеве (абвергруппа-108), Нейндорфская разведшкола, из которой агентура поступала в абверкоманду-103 «Сатурн» в Минске [11].

В регион было направлено 4 агента (18 мая перевербованного агента под кличкой «Феник», 21 мая «Радомский», 30 мая «Левасиг», 11 июня «Монаков» и «Рончинский») и спецгруппа «Витязь» в составе 4 человек. 1 июня была переброшена группа «Запорожцы», так же в составе 4 человек [11]. «СМЕРШ» только в начале лета 1944 г. в полосе будущего наступления советских войск выявил более 90 агентов, 22 из них в зоне наступления 2-го Белорусского фронта [14, с. 226].

Ценные данные приносила разведка партизан. Так, активную деятельность развернула разведка партизанской бригады «Чекист». За 1,5 месяца до начала наступления партизаны составили схему сооружений на оборонительном рубеже противника по западному берегу Днепра, перед Оршей и Могилевом. С бригадой «Чекист» в 1944 г. действовала и разведгруппа Вацлавского [12]. Разведка партизан в тот период установила местонахождение штаба группы армий «Центр», штабов 3-й и 4-й танковых, 2, 9 и 4-й общевойсковых армий и 290 воинских частей, 900 гарнизонах, сведения обо всех оборонительных сооружениях противника, 130 зенитных батареях, 54 аэродромах и 24 взлетно-посадочных площадках, 160 складах, 11 ложных аэродромов [10].

В полосе наступления 1-го Белорусского фронта в июне 1944 г. разведгруппы с помощью партизан захватили в плен 15711 вражеских солдат и офицеров [11]. Однако число пленных солдат вызывает сомнения.

23 июня 1944 г. началась операция «Багратион», составной частью которой стала Могилевская наступательная операция. Командующий 2-м Белорусским фронтом генерал-полковник Г.Ф. Захаров принял решение направить дивизии второго эшелона к реке, чтобы к исходу 26 июня главными силами они вышли на рубеж Требухи (Калиновая) – Луполово и сходу форсировали Днепр. 26 июня 1944 г. соединения 49-й армии при активной поддержке авиации форсировали Днепр. С утра 27 июня отсюда началось наступление на Могилёв. 28 июня 1944 г. бои в Могилёве закончились.

В боях за город противник потерял свыше 6 тысяч солдат и офицеров убитыми и около 3400 попали в плен [4]. Было уничтожено около 70 танков и штурмовых орудий, 200 орудий и миномётов, 316 пулемётов, 840 автомашин. Было захвачено 15 танков и штурмовых орудий, 160 орудий, 70 миномётов, 300 пулемётов, 6000 винтовок и автоматов, 1200 автомашин, 30000 снарядов, 2180 лошадей, 45 складов [1, с. 149]. За время оккупации фашисты уничтожили

в Могилёве более 10000 чел. местного населения и свыше 70 000 военнопленных, вывезли на работы в Германию 2000 могилевчан. От 112 000 жителей довоенного Могилёва на 2 июля 1944 г. в городе проживало только 10120 чел. [9, с. 96]. Партизаны же, в свою очередь, после освобождения региона направлялись на сборный пункт в совхозе «Буйничи» [5, с. 284]. Завершением освобождения могилевского края стал митинг 9 июля 1944 г. на стадионе «Динамо» [6].

Могилевская наступательная операция, будучи составной частью операции «Багратион», оказала большое влияние на разгром немецко-фашистских сил в регионе. Весомый вклад внесли в её успешное развитие партизаны и органы госбезопасности. Они вели самостоятельную и совместную с регулярными войсками разведывательно-подрывную деятельность, освобождали населенные пунктов, всячески содействовали частям РККА.

Список литературы:

1. Борисенко, Н.С. Освобождение: от Хотимска до Могилёва и Бобруйска (сентябрь 1943 года – июнь 1944 года). Могилев : Могилев. обл. укрупн. тип. им. Спиридона Соболя, 2009. 240 с.: ил.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944 год. – М. : Кучково поле, 2012. 864 с., 22 л. ил.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М. : Кучково поле, 2013. 864 с., 26 л. ил.
4. Взаимодействие партизан Могилевской области и частей Красной Армии в освобождении Беларуси // Могилевский областной исполнительный комитет официальный портал. [Электронный ресурс]. 2012. Режим доступа : http://mogilevregion.gov.by/page/gennadii_volchok_vzaimodeistvie_partizan_mogilevskoi_oblasti_i_chastei_krasnoi_armii_v_osvob. (дата обращения 10.09.2015).
5. Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зборнік навуковых прац удзельнікаў IX Міжнар. навук. канф., 25–26 чэрвеня 2015 г., г. Магілёў / уклад. А. М. ацюкоў, І. А. Пушкін. – Магілёў: МДУХ, 2015. –539 с.
6. Годун, А.Н. О митинге и параде в Могилеве 9 Июля 1944 г., посвященных освобождению города // Главное управление юстиции Могилевского областного исполнительного комитета [Электронный ресурс]. 2013. Режим доступа : http://www.mogjust.mogilev.by/interes/285--9-1944 (дата обращения 14.10.2015).
7. Исторические чтения на Лубянке. 2000 год. Отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941- 1945 гг. Москва: Б/и, 2001. 166, (1) с.
8. Коваленя, А.А Беларусь. Памятное лето 1944 Года. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков (Минск, 19–20 июня 2014 г.) [Электронный ресурс]. 2015. Режим доступа:

http://iknigi.net/avtor-kollektiv-avtorov/112787-belarus-pamyatnoe-leto-1944-goda-sbornik-kollektiv-avtorov/read/page-1.html (дата обращения 16.02.2017).

9. Лемяшонак, У. І. Вызваленне – без грыфа «сакрэтна!». Мн. Веды 1996. 150 с.

10. Литвин, А.М. Белорусские партизаны в битве за освобождение страны // Беларуская думка [Электронный ресурс]. 2014. № 6. Режим доступа: http://beldumka.belta.by/isfiles/000167_70230.pdf. (дата обращения 10.02.2017).

11. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Том 5. Книга первая // Мозохин.RU: архив органов государственной безопасности [Электронный ресурс]. 2010. Режим доступа : http://mozohin.ru/article/a-176.html. (дата обращения 18.03.2017).

12. Павел Агафонович Голицын. Записки начальника разведки // livejournal – живой журнал [Электронный ресурс]. 2008. Режим доступа : http://mil-history.livejournal.com/404034.html. – (дата обращения 01.12.2015).

13. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. 1941-1944. Минск, Беларусь, 1983. 789 с.

14. Смирнов Н.И. Секретный узел: Тайная война в Беларуси (1939-1944). – Минск: Літаратура і мастацтва, 2010. – 248 с. : іл.

15. Штеменко, С.М. Генеральный штаб в годы войны. 2-е изд. / Литературная запись Сомова Г.А. – М.: Воениздат, 1989. – 560 с. – (Военные мемуары). Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Том 5. Книга первая // Мозохин.RU: архив органов государственной безопасности [Электронный ресурс]. 2010. Режим доступа : http://mozohin.ru/article/a-176.html. (дата обращения 18.03.2017).

УДК 908

ШЕВЫРИН С. А. (Пермь)
Мемориальный комплекс политических репрессий

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРМСКОЙ ЧК

Аннотация: рассматривается история становления и развития пермского губернского ЧК, от первых его шагов к масштабным боевым действиям во время Гражданской войны и репрессиям по политическому принципу.
Ключевые слова: ЧК, Пермь, репрессии, террор, Гражданская война.

SHEVYRIN S. A. (Perm)
Memorial complex of political repressions

FROM THE HISTORY OF THE PERMK CHEKA

Annotation: the paper considers the history of formation and development of the Perm provincial Cheka, from the first steps to large-scale fighting during the Civil war and the repression of political principle.
Keywords: CHK, Perm, repression, terror, Civil war.

15 марта 1918 г. Пермским губернским Советом рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов был создан Пермский окружной Чрезвычайный комитет по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Первоначально комитет состоял из трех человек. Все они были направлены разными организациями: губернским Совдепом – Ф.Н. Лукоянов; штабом РККА – П.И. Малков; горисполкомом – Заговенко [1, Ф. Р-301. Оп. 1. Д. 11. Л. 73]. Одними из первых дел комитета стали разгон городской Думы, объявленной «контрреволюционным гнездом местных толстосумов-кулаков», и аресты лидеров оппозиционных партий и «других контрреволюционеров» [9, с. 110-111]. С 22 марта по 1 мая 1918 г. по распоряжению пермского ЧК было арестовано 73 человека, в основном за «агитацию против советской власти».

Председателем комитета был назначен Ф.Н. Лукоянов, его помощником – П.И. Малков. О полноте власти, данной этим людям, свидетельствует удостоверение Малкова, полученное в начале его работы: «Предъявитель сего удостоверения Павел Иванович Малков состоит членом Пермского окружного чрезвычайного комитета по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем и имеет право в любое время по собственной инициативе производить обыски, аресты лиц, реквизиции и конфискации товаров и имущества. Все организации обязаны оказывать ему содействие, предоставляя в его распоряжение нужные средства и технические силы. Все милиционеры и красноармейцы обязаны подчиняться всем распоряжениям товарища Малкова…» [6, с. 15]. Декрет «Социалистическое Отечество в опасности» (21 февраля 1918 г.) давал право со-

трудникам ЧК расстреливать на месте контрреволюционеров, шпионов и уголовников.

До апреля ЧК имел всего один отдел – бюро, специализировавшееся на арестах контрреволюционеров. В апреле 1918 г. штат ЧК был увеличен, появились новые отделы. 25 августа в «Известиях Пермского губисполкома» появилось сообщение о том, что Пермский окрЧК переименован в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности [3]. В состав ЧК был введен представитель от Главного дорожного комитета Пермской железной дороги. Вскоре на железнодорожных вокзалах Пермь I и Пермь II появились отделения дорожно-транспортной ЧК. В их задачу входила борьба со спекуляцией и выявление подозрительных приезжих.

Еще до постановления СНК «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г. пермские чекисты начали арестовывать политических и общественных деятелей Перми в качестве заложников. Так, в июле было арестовано 80 чел., в августе – 140 [2, с. 215]. Среди них: директор бактериологического института В.М. Здравомыслов, председатель общества «Светлая юность» и заведующая Фребелевскими педагогическими курсами О.М. Варфоломеева, начальница частной гимназии Л.В. Барбатенко, архитектор Е.А. Волошинов, владелец книжного магазина И.Ю. Пиотровский и др. Почти всех арестованных, продержав некоторое время под арестом, отпустили под подписку и поручительство.

В сентябре были опубликованы списки расстрелянных заложников. Первый список появился в газете «Известия Пермского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов» 11 сентября 1918 г. и включал 42 фамилии. Расстрелы выполняли устрашающую роль, поэтому списки расстрелянных по политическим мотивам публиковались в официальном органе «Известия Пермского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов».

В июле 1918 г. Ф.Н. Лукоянов был назначен председателем Уральской ЧК. Пермскую ЧК возглавил П.И. Малков – человек «с острым классовым чутьем» и двумя классами образования [7, с. 366].

Осенью 1918 г. в связи с объявлением красного террора и активным подавлением недовольства политикой советской власти сфера деятельности и ее объемы у ЧК значительно расширились. Новые отделы и сотрудники уже не вмещались в маленькое здание из четырех кабинетов и тюремного подвала на Петропавловской, 33. В октябре 1918 г. пермской ЧК выделили более просторное здание - бывшего Земельного банка (ныне угол Петропавловской и 25-го Октября).

Значительное ухудшение уровня жизни, нехватка продовольствия, грабительские действия продотрядов в деревне и мобилизация в РККА вызывали у людей вспышки недовольства, переходящие в восстания. Для подавления восстаний и проявлений недовольства летом 1918 г. были созданы войсковые части ВЧК. 23 сентября 1918 г. организован батальон и при пермской губЧК [2, с. 141]. Но, вероятно, воинские формирования при ЧК появились еще летом. Так,

крупное крестьянское восстание в Оханском уезде Пермской губернии в июне 1918 г. подавлялось воинскими отрядами, организованными ЧК. Из воспоминаний Г.Я. Комелькова – ветерана служб госбезопасности, можно узнать, что в июне–июле 1918 г. бойцы пермского батальона ЧК участвовали в реквизициях имущества и домов пермских купцов [6, с. 16-17]. Командиром батальона был назначен бывший начальник пермской городской милиции, комиссар по охране Перми и член коллегии губЧК М.Ф. Барандохин. Пермский батальон ЧК (позже ВОХР) имел в своем составе 631 чел. Батальон Пермской ЧК участвовал в составе 3-й армии в боях против армии Колчака на подступах к Перми, где понес большие потери. После занятия Перми частями 1-го Средне-Сибирского корпуса армии Колчака пермские священники провели обряд освящения в стенах ЧК.

Летом 1919 г. в Перми была восстановлена советская власть, и ЧК во главе с П.И. Малковым возобновила свою деятельность в том же здании бывшего Крестьянского поземельного банка. Штат служащих губернского ЧК к этому времени составлял уже 508 чел., работавших в особом, секретно-оперативном и юридическом отделах. Одним из первых дел губЧК стало создание сети осведомителей и тайных агентов для наблюдения за членами других партий и подозрительными людьми. За 2 полугодие 1919 г. губЧК было арестовано более тысячи человек, заведено дел на 2850 человек, расстреляно 135, заключено в концлагерь 658 человек [4, Ф.557. Оп.1. Д.10. Л. 119-124.].

Для борьбы с бандитами и дезертирами был создан специальный экспедиционный отряд, который в первые недели своей деятельности задержал 500 чел. без документов и дезертиров. Экспедиционный отряд столкнулся на севере губернии в районе Троицко-Печерска и села Якши с войсками генерала Е.К. Миллера или, как эти войска называли сами чекисты, «сильная банда, оперирующая на севере, вооруженная орудиями, пулеметами, хорошо снабженная продовольствием и обмундированием». Был организован Кай-Чердынский фронт, который возглавил чекист П.И. Малков. Большинство войск этого фронта составили силы ВЧК (Постановлением Совета обороны от 28 мая 1919 г. войска ВЧК стали называться – ВОХР) и части особого назначения (ЧОН). ЧОН в пермской губернии были созданы в октябре 1919 г. «для охраны Советской власти и борьбы с контрреволюционными элементами» [5, с. 60]. Боевые действия продолжались до весны 1920 г.

К 1920 г. обстановка в губернии постепенно нормализовалась, власть большевиков окрепла. В новых условиях такое большое здание для ЧК было излишним. В бывшем доме Тупицыных (Земельный банк) разместился Дом союзов, объединяющий различные профсоюзные организации, и радиоузел [8, с. 144]. Для ЧК была предоставлена часть здания на ул. Сибирской, 21 (современная нумерация – 23). В 1918 г. здание было реквизировано для Пермского военкомата. В 1920 г. в здании размещались, кроме ЧК, окружная милиция, окружной уголовный розыск. Эти силовые ведомства имели собственную тюрьму или камеры для временного содержания арестованных. В архивно-следственном деле В.И. Горбунова, арестованного в 1921 г. пермской губЧК за

«принадлежность в эсеровской подпольной организации», упоминается внутренняя тюрьма ВЧК [4, Ф.641/1. Оп. 1. Д. 10958. Л. 3.]

Весной 1920 г. Малков был переведен на Северный Кавказ. До 11 августа 1920 г. председателем ЧК был М.Д. Соловьев, его сменил И.П. Пакалнет[4, Ф. 557. Оп. 1. Д. 47. Л. 147.]. В марте 1921 г. председателем ЧК стал В.В. Винокуров. В августе 1921 г. Винокурова сменил А.Л. Борчанинов. 6 февраля 1922 г. Пермская губЧК была переименована в губотдел ГПУ.

Список литературы:

1. Государственный архив Пермского края.
2. Гражданская война на востоке России. Пермь, 2008.
3. Известия Пермского губисполкома. 1918, 25 авг.
4. ПГАСПИ.
1. Пермская областная организация КПСС: Хроника. Пермь, 1983.
5. Подвиг пермских чекистов. Пермь, 1982.
6. Революционеры Прикамья. Пермь, 1966.
7. Спешилова Е. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723–1917. Пермь, 1999.
8. Упрочение советской власти в Пермской губернии. Пермь, 1966.

УДК 94 (571)«1930-1934»

ШИНКЕВИЧ П. П. (Омск)
Омский автобронетанковый инженерный институт

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОГПУ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1930-1934 ГГ.)

Аннотация: В статье автор на основе ранее опубликованных и впервые введенных в оборот материалов рассматривает деятельность Объединенного государственно-политического управления по организации принудительных переселений 1930-х годов на территории Западной Сибири. Автор описывает принудительные переселения в контексте государственной политики, опирается на документы, регулирующие процесс переселения. Определяются категории людей, попадавших в категорию спецпереселенцев, процесс их перемещения и расселения на новых территориях.

Ключевые слова: крестьянство, Сибирь, принудительные миграции, переселения, спецслужбы.

SHINKEVICH P. P. (Omsk)
Omsk Auto Armored Engineering Institute

ACTIVITY OF OGPU FOR THE ORGANIZATION OF PRINCIPAL CHRISTIAN TRANSFER IN WESTERN SIBERIA (1930–1934)

Annotation: In the article the author reviews the activities of the United State Political Administration for the organization of forced relocations of the 1930s on the territory of Western Siberia on the basis of previously published and first introduced materials. The author describes forced resettlement in the context of public policy, relies on documents regulating the process of resettlement. The categories of people who fall into the category of special settlers, the process of their movement and resettlement in new territories are determined.

Keywords: peasantry, Siberia, forced migrations, resettlement, special services.

30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Как отмечает Н.А. Ивницкий, основной задачей раскулачивания было использование дешевой рабочей силы для освоения отдаленных северных и восточных районов страны [3, с. 151]. Кулаки делились на 3 категории: первая категория – контрреволюционный актив, организаторы террористических актов и восстаний, вторая категория – остальная часть контрреволюционного актива из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, третья кате-

гория – остальные кулаки. Кулаки первой и второй категории подлежали расселению в отдаленные районы СССР, третьей – расселялись в пределах районов на новых территориях за пределами земель колхозов.

Постановлением СНК СССР № 48 «О сосредоточении переселенческого дела и специальной колонизации в переселенческом управлении при Наркомземе СССР» от 6 августа 1930 г. закрепляло за Наркомземом СССР внутриреспубликанское переселение в РСФСР, а также специальную колонизацию в Северном крае [6, С. 70]. Однако, постановлением того же СНК СССР № 80 от 22 сентября 1930 г. «Об обеспечении дополнительно изымаемых кулацких хозяйств», на Объединенное государственно-политическое управление при СНК СССР (далее – ОГПУ) возлагалась задача по строительству мест временного содержания ссыльных и организации перевозки к местам расселения [6, с. 72].

В ориентировочной справке Особого отдела ОГПУ от 3 февраля 1931 г. указаны районы предположительного расселения спецпереселенцев с краткой их характеристикой: «Западная Сибирь. Мариинский, Минусинский, Абаканский районы. Золотопромышленность. Судьба основных приисковых управлений (Минусинского, Абаканского, Мариинского, Алтайского) тесно связана с вопросом дефицита в рабочей силе. Можно предоставить при условии выделения самостоятельных районов – 3 000 [семей]. Тоболо-Ишимский район. Дорожное строительство. Обеспечит работой на ближайшие 2–3 года. В районах Тобола, Ишима, Товды, Тобольска – ж/д строительство и водных подъездн[ых] путей, переходящее за пределы пятилетки – 3 000 [семей]. Район р. Оби. Малоосвоенный. В перспективе рост района в связи с колонизацией. Рыболовство. Огородничество. Сельское хозяйство с животноводческим уклоном – 1 500 [семей] [8, с. 602]».

В справке Особого отдела ОГПУ от 4 февраля 1931 г. поручается заблаговременно организовать пункты расселения: «Пункты расселения должны быть заранее обследованы специально посланными людьми и обеспечены не только строительством и продовольствием, но и чекистами-оперативниками, администраторами, медицинским персоналом и медицинским оборудованием. Кадры для этого должны быть мобилизованы заранее, проинструктированы (по возможности) в Москве и посланы на места поселений задолго до прибытия туда переселенцев. Это мероприятие [должно] значительно обеспечить благополучное завершение всей операции». В этой же справке говорится о возможной передаче всех спецпереселений в ведение ОГПУ: «Если участие ОГПУ в этой операции не завершится первоначальной организационной работой по созданию поселков (если они не будут переданы в ведение местных исполкомов), то спецпоселения могут стать своеобразным филиалом лагерей ОГПУ [6, с. 81]». И уже 3 июня 1931 г. все спецпереселенческое дело передается в ведение ОГПУ Приказом № 285/162 «О передаче в ведение ОГПУ обслуживания районов вселения кулаков»: «На органы ОГПУ возложено руководство расселением спецпереселенцев как подлежащих высылке, так и высланных раньше, их хозяйственное освоение, административное и культурно-бытовое устройство, охрана, оперативное обслуживание и целесообразное использование их как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. В связи

с этим все существующие хозяйственные и административные аппараты по спецпереселенцам (комендатуры и кулацкие поселки) со всеми материалами и денежными фондами передаются в ОГПУ [8, с. 689]».

Организация спецпоселений регламентировалась постановлением СНК СССР «О трудовом устройстве кулацких семей, выселенных в отдаленные местности и о порядке организации и управления специальными поселками [8, с. 690]» от 13 октября 1930 г. Все кулацкие семьи, отнесенные ко второй категории раскулаченных, подлежали выдворению в специальные поселки, организованные «в местностях, где ощущается недостаток в рабочей силе для лесозаготовительных работ, по разработке недр, для рыбных промыслов и т.п., а также для освоения неиспользованных земель». Поселки не могли организовываться ближе, чем за 200 км от государственной границы, вблизи городов, железных дорог, крупных рабочих поселков, других селений, фабрик, заводов, колхозов, совхозов и МТС. Места расположения специальных поселков, а также количество кулацких семей, водворяемых в эти поселки, определялись краевым (областным) земельным управлением и административным управлением по соглашению с заинтересованными в использовании труда спецпереселенцев, хозяйственными органами и утверждаются краевым (областным) исполнительным комитетом. Спецпереселенцам, закрепленным за хозяйственными предприятиями, выплачивалась заработная плата, с удержанием 25% на нужды управления поселками и на их культурное обслуживание. Хозяйственные организации, за которыми закреплялись спецпереселенцы, обязаны были обеспечить самих спецпереселенцев и их семьи пригодными для жилья помещениями, медицинской помощью, пожарной охраной и водоснабжением. Спецпереселенцы, утратившие трудоспособность и лишенные родственников, содержаться за счет поселков. Из фондов поселка выделяются средства на организацию дошкольного и школьного образования детей спецпереселенцев, а также на специальные мероприятия в области здравоохранения и питания.

Спецпоселенцы получали ряд льгот – возможность приобрести дома со скидкой от 20 до 50 % в рассрочку до 3-х лет, на год (в отдельных случаях – на 3 года) освобождались от налогов, сборов и обязательных поставок сельхозпродукции, зачастую ссуды спецпоселениям списывались. Государство проявляло озабоченность тем, чтобы создать для спецпоселенцев условия, способствующие их оседанию на территории вселения. Так, в письме ГУЛАГ местным органам «О проведении мероприятий по стимулированию оседлости спецпереселенцев в спецпоселках» от 10 июня 1934 г. предлагалась на местах разработать «комплекс мероприятий, чтобы создать интерес к постоянной оседлости в местах нынешнего расселения и создания прочной базы для их хозяйственного освоения. Эти мероприятия провести а) не вообще и б) не огульно, а подойти дифференцированно к каждой группе, расположенной в том или ином районе [6, с. 572-573].

Но спецпоселенцы, которые в 1934 г. были восстановлены в правах, не изъявляли желания оставаться в спецпоселках. Согласно справке ГУЛАГ «О численности трудпоселенцев, восстановленных в правах и оставшихся в

трудпоселках [6, С. 578]», из 11151 спецпоселенца Западной Сибири, восстановленного в правах, только 1617 осталось на поселениях.

Сам процесс переселения проходил схожим образом, отличаясь лишь по времени и способом транспортировки переселенцев. Движение к месту расселения регламентировалось справкой ОГПУ «О мероприятиях при перевозке спецпереселенцев [8, с. 603]»: «При формировании маршрутов строго следить за тем, чтобы не разлучались семьи (жены, мужья, отцы, дети). Соблюдение этого правила сократит до минимума побеги и будет способствовать прочному оседанию на новых местах.

1. В пути, по причинам транспортного порядка или иным, если придется переформировать маршруты, тоже соблюдать принцип не разлучения семейств.

2. Условия перевозки обставить таким образом, чтобы были созданы минимальные удобства, обеспечивающие наименьшее количество заболеваний в пути. Больные лягут тяжелым бременем на государство и чрезвычайно осложнят первичную (самую трудную) работу аппарата по организации поселений.

3. В пути должны быть организованы питание и медицинские пункты.

4. Маршруты от станций отправления до мест поселения должны сопровождаться, кроме конвоя, оперативными или административными работниками ОГПУ и медицинским персоналом. На первое время (2–3 месяца) эти работники должны остаться на местах для помощи в организационной работе.

5. Для этого необходима своевременная мобилизация чекистских сил и своевременная мобилизация медицинского персонала. Медицинский персонал, желательно, по-преимуществу, партийный (временно мобилизовать его можно из армии, с последних курсов Военно-медицинской академии, медицинских факультетов и фельдшерских школ).

При формировании маршрутов и посадке их на транспорт тщательно проверять – соблюдены ли местными организациями условия отправки поселенцев (нет ли раздетых, нет ли не имеющих продовольствия и т.п.). В зависимости от результатов проверки принимать соответствующие меры до отправки маршрута».

На начальных этапах организации кулацкой ссылки наблюдалась некая неорганизованность. В докладной записке «О внутриокружном расселении кулаков 3-ей категории» отмечается, что «более или менее плановое расселение кулаков 3-й категории было проведено в Барнаульском и Бийском и, частично, в Хакасском и Омском округах. Всего было выселено свыше 1000 семейств. В остальных округах кулаки остались на месте прежнего жительства. Но даже в указанных выше округах расселение кулаков 3-й категории прошло настолько беспорядочно, что Сибкрайадмуправление до сего времени не имеет точного учета количества расселенных и не имеет данных об их хозяйственном устройстве. Согласно поступающим от отдельных кулацких поселков сведениям, расселенные кулаки жилищами не обеспечены, живут в землянках, не обеспечены скотом и с/х инвентарем, посевы — весьма незначительны [8, с. 618-619]».

За 1930–1931 гг., по подсчетам В.Н. Земскова, в Западную Сибирь выслано из Украинской ССР – 6556 семей, Башкирии – 5305, Московской области – 4729, Ленинградской области – 1269, расселено из Западной Сибири – 52091. Всего – 69950 семей [2, с. 4]. Касаясь места выхода крестьян, обратимся к данным, опубликованным С.А. Красильниковым: 82% спецпоселенцев составляли выходцы из различных районов Западной Сибири, 8,5% были выходцами из Центрального района, 8% − из Центрально-Черноземного района [4, с. 49].

24 мая 1934 г. ЦИК СССР принял постановление «О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков», в соответствии с которым кулаки-спецпоселенцы, ранее лишенные ряда гражданских прав, восстанавливались в них в индивидуальном порядке. С этой даты количество спецпереселенцев (или «трудпоселенцев» − так они стали называться с 1934 г.) идет на убыль: в 1932 г. – 265 846, в 1933 – 227 684, в 1934 г. – 289 431, в 1938 г.– 242 684, в 1940 г. – 240 230 [1, с. 118]. Окончательную свободу спецпереселенцы получили 13 августа 1954 г.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в основе политики государства относительно принудительных переселений лежали прагматические соображения. При этом на ОГПУ при СНК СССР была возложена вся организация переселений, обеспечение транспортировки, расселения, трудоустройства переселенцев, организация школьного и дошкольного образования, обеспечения медицинской помощью.

Список литературы:

1. Гущин Н.Я. Раскулачивание в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. 160 с.

2. Земсков В.Н. Кулацкая ссылка в 30-е годы // СОЦИС. 1991. № 10. С. 3–22.

3. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М.: Собрание, 2004. 254 с.

4. Красильников С.А. Корни или щепки: Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. М.: РОССПЭН, 2010. 440 с.

5. Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1976. 383 с.

6. Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение, 1930-1940: В 2 кн. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 2006. 1120 с.

7. Скляров Л.Ф. Великая Октябрьская социалистическая революция и ликвидация аграрного перенаселения в СССР // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1958. № 152. С. 133-188.

8. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918 – 1939. Док. и мат. В 4-х т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2000. 864 с.

Научное издание

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПЕЦСЛУЖБ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ

Материалы
Международной научно-практической конференции
(Омск, 23 ноября 2017 г.)

Ответственность за содержание материалов несут авторы

Мнения авторов материалов могут не совпадать
с мнениями членов редколлегии издания

Компьютерная верстка *Л. Ю. Бутаковой*

Для дизайна обложки использованы фотографии
из фондов архива Управления ФСБ России по Омской области:
С. Г. Уралов (Кисляков) (1893–1969 гг.), в 1919–1920 гг. –
председатель Омской губЧК (1920-е гг.);
бывшее здание Контроля Омской железной дороги, где в начале 1920-х гг.
располагалась Омская губЧК (конец 1920-х гг.);
сотрудники Омского оперсектора ОГПУ (начало 1930-х гг.)

Подписано в печать 16.11.17. Формат $60\times84^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Отпечатано на дупликаторе. Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 16,0.
Тираж 100 экз. Заказ 697.

Издательство ОмГТУ. 644050, г. Омск, пр. Мира, 11; т. 23-02-12.
Типография ОмГТУ